РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. XIV, part 3

Editor-in-chief Evgeny V. Golovko

St. Petersburg
Institute for Linguistic Studies
Russian Academy of Sciences
2018

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том XIV, часть 3

Главный редактор Е. В. Головки

Санкт-Петербург
Институт лингвистических исследований РАН
2018

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Глав. ред. Е. В. Головко.

Т. XIV. Ч. 3. I. Языковое разнообразие города / Ред. В. В. Баранова, Ю. Б. Коряков, Ю. В. Мазурова; II. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. 432 с.

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Transactions of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences / Ed.-in-chief Evgeny V. Golovko.

Volume XIV. Part 3. I. Urban language diversity / Eds. V. V. Baranova, Yu. B. Koryakov, Yu. V. Mazurova; II. Varia. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. 432 p.

Редакторы тома:

Ю. Б. Коряков, Ю. В. Мазурова, В. В. Баранова (раздел I)

Ответственные за выпуск от редколлегии:

А. Ю. Кожевников, А. Н. Соболев, А. Ю. Урманчиева

Материалы выпуска доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН
<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>

ISSN 2306-5737
DOI 10.30842/alp23065737143

© Коллектив авторов, 2018
© ИЛИ РАН, 2018

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

член-корр. РАН, д. филол. н. Е. В. Головкин, главный редактор (ИЛИ РАН); д. истор. н., проф. А. К. Байбулин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); PhD, Assoc. Prof. А. Барентсен (Амстердамский университет); д. истор. н. Ю. Е. Березкин (Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. П. Е. Бухаркин (Санкт-Петербургский государственный университет); член-корр. РАН, д. филол. н., проф. Н. Б. Вахтин (Европейский университет в Санкт-Петербурге); д. филол. н. М. Д. Воейкова (ИЛИ РАН); PhD, Prof. Л. Гренобль (Чикагский университет); к. филол. н. С. Ю. Дмитренко (ИЛИ РАН); PhD, к. филол. н. Н. М. Заика (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. В. Б. Касевич (Санкт-Петербургский государственный университет); к. филол. н. А. Ю. Кожевников (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. Н. В. Корниенко (Институт мировой литературы РАН, Москва); д. филол. н. М. А. Кронгауз (НИУ «Высшая школа экономики», Москва); д. филол. н. В. М. Круглов (ИЛИ РАН); к. филол. н. Г. А. Мольков (ИЛИ РАН); член-корр. РАН, д. филол. н. С. А. Мызников (Институт славяноведения РАН, Москва); член-корр. РАН, д. филол. н. С. И. Николаев (Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом), Санкт-Петербург); д. филол. н., проф. В. И. Подлесская (РГГУ, Москва); д. филол. н., проф. К. И. Поздняков (Национальный институт восточных языков и цивилизаций, Париж); PhD, Prof. Дж. Рассел (Университет штата Калифорния в Фресно); д. филол. н. А. Ю. Русаков (ИЛИ РАН); к. филол. н. С. С. Сай (ИЛИ РАН); д. филол. н., проф. А. Н. Соболев, заместитель главного редактора (ИЛИ РАН); д. филол. н. С. Г. Татевосов (Московский государственный университет); к. филол. н. А. Ю. Урманчиева (ИЛИ РАН); д. истор. н., проф. Д. А. Функ (Московский государственный университет); д. филол. н., проф. В. С. Храковский (ИЛИ РАН); М. Е. Шляхтер, секретарь редколлегии (ИЛИ РАН); Dr. habil., Prof. Ю. А. Янхунен (Университет Хельсинки)

EDITORIAL BOARD:

Evgeny V. Golovko, editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Albert K. Baiburin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Adriaan Barentsen (University of Amsterdam); Yuri E. Berezkin (Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography, Russian Academy of Sciences); Petr E. Bukharin (St. Petersburg State University); Sergey Yu. Dmitrenko (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Dmitry A. Funk (Moscow State University); Lenore Grenoble (University of Chicago); Juha A. Janhunen (University of Helsinki); Vadim B. Kasevich (St. Petersburg State University); Viktor S. Khrakovsky (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia V. Kornienko (Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences); Aleksandr Yu. Kozhevnikov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Maksim A. Krongauz (Higher School of Economics, Moscow); Vasilii M. Kruglov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Georgy A. Molkov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei A. Myznikov (Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei I. Nikolaev (Institute of Russian Literature, Russian Academy of Sciences); Vera I. Podlesskaya (Russian State University for the Humanities); Konstantin I. Pozdniakov (INALCO, Paris); Aleksandr Yu. Rusakov (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); James Russell (California State University, Fresno); Sergey S. Say (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Andrey N. Sobolev, deputy editor-in-chief (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Mayya E. Shlyakhter, secretary of the editorial board (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Sergei G. Tatevosov (Moscow State University); Anna Yu. Urmanchieva (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Nikolai B. Vakhtin (European University at St. Petersburg); Maria D. Voeikova (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences); Natalia M. Zaika (Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences)

І. ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ГОРОДА

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Тематическая часть настоящего выпуска посвящена исследованию разных аспектов языковой ситуации в городах в рамках нового направления лингвистики — городской лингвистики, или урболингвистики (*urban linguistics*). Статьи выпуска написаны по материалам выступлений на международной конференции «Языковое разнообразие города»¹ («Urban linguistic diversity»), организованной исследовательской группой проекта «Языки Москвы»² в Институте языкознания РАН 9–10 апреля 2018 года. Организаторы конференции постарались собрать на одной площадке специалистов в области городской социолингвистики, лингвистической географии, языкового ландшафта, мультиязычного образования, изучения этноязыковых сообществ и миграционных процессов. Насыщенная программа конференции проиллюстрировала современные направления и тенденции в урбанистических исследованиях, позволила специалистам из разных стран обмениваться мнениями и опытом. Статьи, представленные в настоящем выпуске, раскрывают актуальные вопросы городской лингвистики, при этом особое внимание уделяется языковой ситуации в российском мегаполисе — Москве.

Языковое и этнокультурное разнообразие современных городов является следствием быстро нарастающей урбанизации нашего мира: городской тип расселения становится преобладающим и, согласно данным Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, с недавнего времени больше людей на планете живёт в городах (55% в 2018 году³), чем в сельской местности. При этом тип расселения принципиально иной: если в традиционной модели язык чаще всего привязан к какой-то местности (с лингвистической точки зрения можно, например, сказать, что диалекты двух деревень

---

¹ Программу и материалы конференции можно найти на сайте мероприятия [http://iling-ran.ru/main/news/180401_diversity].

² Проект поддержан грантом РФФИ (ОГОН) № 16–04–00474. Подробнее о проекте можно узнать на сайте [<http://languages.msk.ru>].

³ World Urbanization Prospects: The 2018 Revision [<https://esa.un.org/unpd/wup/Publications/Files/WUP2018-KeyFacts.pdf>].

различаются определенным набором признаков), то создать языковую карту города гораздо труднее, а в некоторых случаях вообще невозможно: носители языков могут проживать относительно компактно (как это исторически сложилось в некоторых городах Европы и Америки [Zwiers et al. 2018]), а могут раствориться в мегаполисе, перемешавшись друг с другом, и стать невидимыми для потенциальных исследователей (как это происходит, например, в Москве). Постоянные миграционные потоки и отдельные волны миграции, связанные с различными экономическими и политическими событиями, создают в каждом городе уникальные языковые сочетания, которые не могли возникнуть в местах исконного распространения этих языков.

Такие «встречи» могут взаимно обогащать носителей разных культур, но могут также создавать сложности и конфликты. В городской среде у недавних мигрантов, особенно если миграция сопровождается сменой языковой среды, неизбежно возникает противоречие между необходимостью интегрироваться в принимающее сообщество и потребностью сохранить свою языковую и культурную идентичность. Перед разными поколениями тех мигрантов, которые нацелены на длительное или постоянное проживание в городе, встают разные задачи: если для вновь прибывших взрослых наиболее актуальной задачей является адаптация и закрепление в новом социуме, то для их детей (так называемого полуторного поколения), а также детей, рождённых уже на новом месте (второго поколения) достаточно типичная ситуация — создание новой идентичности, зачастую сопровождаемое утратой этнического языка. Совсем иные задачи появляются у временных мигрантов, которые приезжают в город сезонно или на небольшой срок на заработки, недостаточно владея языком принимающего сообщества: им необходима такая среда, где требуется лишь минимальное знание языка, что приводит к появлению в городе закрытых сообществ, организованных по языковому принципу.

В последние годы в западной литературе предложено несколько терминов для описания изменения языкового репертуара говорящих в многоязычном мегаполисе, например, *metrolingualism* [Otsuji, Pennycook 2010; Pennycook, Otsuji 2015], *lingoing* [Pennycook, Otsuji 2016], *translanguaging* [Creese, Blackledge 2010; Blackledge, Creese 2010]. Новые языковые контакты и частичное знание языков многих групп приводит к усеченному владению несколькими языками (*truncated multilingual repertoire*) [Blommaert 2010].

Из новейших фундаментальных трудов, претендующих на теоретические обобщения в области городских исследований, можно назвать серию «Hamburg Studies on Linguistic Diversity», в которую входят выпуски, посвященные лингвистике города, особенно [Siemund et al. 2013; Duarte, Gogolin 2013]. На примере разных стран и разных ситуаций (этническая идентичность, школьное и дошкольное образование, языковая норма, усвоение языка, языковые контакты и изменения, языковой ландшафт) исследуется суперразнообразие (*superdiversity*, термин из [Vertovec 2007; Blommaert, Rampton 2011]) — новая реальность, отличная от привычного стереотипа «одна территория — один или несколько определенных языков».

Ещё одна серия, затрагивающая языковые аспекты глобализации, — это «Language and Globalization», в которой вышло уже более 30 книг. Языковые последствия глобализации касаются множества людей, и редакторы серии считают необходимым предложить новые теоретические рамки для описания этих явлений. Наиболее интересный с точки зрения лингвистики города том описывает повседневные практики жителей Берлина [Stevenson 2017].

Описание языковой ситуации в отдельных городах и географических регионах — это ещё одно популярное направление урболингвистики. В сборнике [Smakman, Heinrich 2018] описано 12 городских пространств: огромные агломерации «Глобального Юга» и города «Глобального Севера»: каждая глава посвящена одному городу, обязательно дается описание истории возникновения, социально-экономическая, демографическая и общая языковая справка. Редакторы предлагают использовать свои новые теоретические подходы, которые способствуют переосмыслению основ общей социолингвистики: для этого привлекается географически обширный и лингвистически разнородный материал, призванный обогатить теорию, созданную преимущественно на «западных» образцах.

В российской лингвистике наиболее разработанной и популярной темой является изучение особенностей и вариантов русского языка в городе — вопрос, поставленный ещё в работах Б. А. Ларина [Ларин 1928], был в дальнейшем исследован В. И. Беликовым, Б. М. Гаспаровым, М. Я. Гловинской, Е. А. Земской, Л. П. Крысиным, А. А. Юнаковской и многими другими (см., например, [Беликов 2010; Гаспаров, Купина 2014; Китайгородская, Розанова 2010; Крысин 2008; Юнаковская 2007]).

Сохранение и функционирование миноритарных языков в городской среде зависит от экономических, политических, географических, демографических, социолингвистических и даже психологических факторов. В зависимости от ситуации эти факторы могут способствовать укреплению национально-культурной идентичности или, наоборот, слиянию прибывших с принимающим сообществом. Существенный вклад в языковую экологию города вносит деятельность активной части этнического сообщества: организаций и людей, заинтересованных в сохранении и продвижении своей культуры. Кроме того, психологические качества индивидуумов могут оказать серьезное влияние на языковую ситуацию в целом: в зависимости от ценностных установок каждый человек выбирает свой путь между противоположными стратегиями, ни одна из которых не может быть реализована мигрантом-инофоном в городской среде в полной мере — интеграцией в принимающее сообщество и сохранением своей этнической культуры и языка.

Как жизнь города складывается из множества факторов, так и городская лингвистика неизбежно находится на пересечении многих наук — сюда входят социолингвистика, лингвогеография, ареальная лингвистика, типология, антропология, визуальные исследования. Спектр тем, которые затрагиваются в огромном количестве российских и зарубежных публикаций, очень широк и разнообразен, а вот целостная картина пока не сложилась. Статьи настоящего выпуска журнала стали отражением той мозаики методов и подходов, которая существует в настоящее время: городское многоязычие изучается и описывается в разных теоретических рамках и с точки зрения разных дисциплин.

В настоящем выпуске собраны статьи по нескольким направлениям. Общетеоретическая статья принадлежит пленарному спикеру конференции Дику Смакману. В ней обсуждаются традиционные и современные подходы к исследованию многоязычной коммуникации в городском пространстве, предлагаются практические методы сбора и анализа материала. Автор акцентирует внимание на том, что в современном городском пространстве характеристики участников и их роли чрезвычайно подвижны и изменчивы, а это требует соответствующих методов сбора материала, таких как включенное наблюдение и изучение повседневного поведения жителей города, их языкового выбора в разных ситуациях. Своим исследованием он показывает, что описание языковой ситуации в городе

не может быть сведено только к групповым социально-языковым характеристикам его жителей.

Статья В. В. Барановой и К. С. Федоровой посвящена отношению к языкам мигрантов в Санкт-Петербурге, а также в Москве на трех уровнях: языковой политики государства, дискурса в обществе и практики использования языков на рабочем месте. В статье демонстрируется, каким образом языковая политика, направленная на одноязычие, и общие установки государства по отношению к языкам трудовых мигрантов формируют негативное отношение определенной части населения к нерусской речи или к акценту в русском.

Другой аспект изучения языковых особенностей сообщества трудовых мигрантов поднимается в статье Ю. В. Егоровой, посвященной анализу стилистики дискурса самих мигрантов, прибывших в столицу из стран постсоветского пространства. Показано, что основным механизмом усвоения стилистики речи для мигрантов, уже владеющих русским языком, является копирование речи носителей русского языка. Однако специфический круг общения трудовых мигрантов в Москве (с одной стороны, чиновники и государственные служащие — носители официально-делового стиля, с другой — низкоквалифицированные работники — носители просторечных форм русского языка) создают в речи мигрантов смешение стилей даже при хорошем уровне владения русским языком.

Статья О. А. Леонтович, написанная в рамках медиаурбанистики, рассматривает частный аспект ландшафта современного города: видеонаблюдение за жителями городов с помощью видеокамер и систему знаков, сопровождающих индивидуума как объект наблюдения.

Так как описание языкового разнообразия Москвы было одной из главных тем конференции, значительная часть статей посвящена описанию различных аспектов, связанных с языковой ситуацией в Москве и Московской области: изучению этноязыковых сообществ, бытованию их языков в мегаполисе и исследованию социолингвистической ситуации. Это статьи З. К. Айбазовой (карачаево-балкарцы), А. Н. Биткеевой (калмыки), Л. Р. Додыхудоевой (памирцы), М. Я. Каплуновой (китайцы и вьетнамцы), К. А. Кожанова (цыгане), М. В. Куцаевой (чуваши), Н. Мартинович (сербы), С. А. Москвичевой и Л. М. Сафиной (татары). Результаты исследований показывают, насколько богата и уникальна языковая ситуация

Москвы, и как много важных данных её изучение может внести в общую картину языкового разнообразия городов мира.

Ряд статей расширяет географию изучения языкового разнообразия за пределы России, на Европу и Азию — это статьи Я. Матраса о Манчестере, А. Б. Лихачевой о Вильнюсе, А. А. Смирнитской о Ченнаи и А. В. Громовой об использовании миноритарных языков Ларестана в персоязычном интернет-пространстве. Каждый город или регион имеет свою историю, свою специфику, каждый в чём-то уникален, и в то же время все они объединены городским пространством, которое имеет общие черты вне зависимости от географического положения. Авторы упомянутых статей рассматривают уже не отдельные сообщества, а языковую ситуацию в городе или регионе в целом. Так, статья Я. Матраса, пленарного докладчика конференции, посвящена большому проекту — «Multilingual Manchester» («Многоязычный Манчестер»), который уже более десяти лет разрабатывается в Университете Манчестера. В статье обсуждаются актуальные вопросы и методология исследования языкового разнообразия города на примере чрезвычайно пестрого в языковом отношении Манчестера. Методы исследования, применяемые в этом проекте, призваны комплексно охватить картину многоязычия в глобализованном городе. Подробно описаны современная языковая ситуация в Манчестере, особенности миграции в этот регион, а также изложены несколько частных исследований на материале, собранном в ходе проекта. В фокусе внимания автора находится не только собственно научное исследование, но и взаимодействие академического сообщества с объектом изучения — этническими сообществами, а также государственными институтами и службами.

Статья А. Б. Лихачевой о Вильнюсе затрагивает общественные дискуссии в литовском обществе по отношению к исторически сформировавшемуся в столице Литвы литовско-польско-русскому многоязычию. Отмечается современная тенденция к укреплению репутации Вильнюса как современного толерантного мультикультурного и многоязычного столичного города.

В статье А. В. Громовой описывается лари — малоизученный урбанолект административного центра шахрестана (района), который можно рассматривать как основу диалектного континуума Ларестана. Этот идиом прежде бытовал преимущественно в устной форме, однако в настоящее время диалектные и фольклорные

материалы стали доступны в интернете и послужили основой для исследования.

В статье А. А. Смирнитской дана характеристика языкового ландшафта Ченнаи, крупного административного центра штата Тамилнад, расположенного на юго-востоке Индии. Описаны варианты тамильского языка, используемые в городе, а также собраны данные по сленгу, характерному именно для Ченнаи.

Настоящий сборник вносит вклад в социолингвистическое изучение городов, и особенно в описание языковой ситуации в Москве и Московской области. В статье приводится обширный материал по этноязыковым сообществам российской столицы и других городов.

Библиография

- Беликов 2010 — В. И. Беликов. Лексическая специфика города и региональная идентичность: к постановке проблемы // Проблемы компьютерной лингвистики: Сборник научных трудов / Под ред. А. А. Кретьова. Вып. 4. Воронеж, 2010. [V. I. Belikov. Leksicheskaia spetsifika goroda i regional'naia identichnost': k postanovke problemy [Lexical specifics of urban territory and regional identity] // Problemy komp'iuternoï lingvistiki: Sbornik nauchnykh trudov / Ed. by A. A. Kretov. Vyp. 4. Voronezh, 2010].
- Гаспаров, Купина 2014 — Русский язык в многоречном социокультурном пространстве / Отв. ред. Б. М. Гаспаров, Н. А. Купина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. [Russkii iazyk v mnogorechnom sotsiokul'turnom prostranstve [The Russian language in a multilingual social and cultural space]. / Eds.-in-chief B. M. Gasparov, N. A. Kupina. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2014].
- Китайгородская, Розанова 2010 — М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Языковое существование современного горожанина: На материале языка Москвы. М.: Языки славянской культуры, 2010. [M. V. Kitaigorodskaja, N. N. Rozanova. Iazykovoe sushchestvovanie sovremennogo gorozhanina: Na materiale iazyka Moskvyy. [Language practices of a modern citizen: The case of Moscow]. Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury, 2010].
- Крысин 2008 — Л. П. Крысин (ред.). Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX — XXI веков. М.: Языки славянской культуры, 2008. [L. P. Krysin (ed.). Sovremennyi russkii iazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX — XXI vekov. [Modern Russian: Active processes at the turn of the 20th — 21st centuries]. Moscow: Iazyki slavianskoï kul'tury, 2008].
- Ларин 1928 — Б. А. Ларин. О лингвистическом изучении города // Л. В. Щерба (ред.). Русская речь: сборник статей. Вып. 3. Л.: ACADEMIA, 1928.

- C. 61–75. [B. A. Larin. O lingvisticheskom izuchenii goroda [About the linguistic study of a city] // L. V. Shcherba (ed.). Russkaia rech': sbornik statei. Vyp. 3. Leningrad: ACADEMIA, 1928. P. 61–75].
- Юнаковская 2007 — А. А. Юнаковская. Разговорная речь носителей массовой городской культуры (на материале г. Омска): хрестоматия. М.: Языки славянских культур, 2007. [A. A. Iunakovskaia. Razgovornaia rech' nositelei massovoi gorodskoi kul'tury (na materiale g. Omska): khrestomatia. [Oral speech of urban residents (based on Omsk data): a reader]. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2007].
- Blackledge, Creese 2010 — A. Blackledge, A. Creese. Multilingualism: A critical perspective. London, 2010.
- Blommaert, Rampton 2011 — J. Blommaert, B. Rampton. Language and Superdiversity // *Diversities*. 2011. No. 13. P. 1–20.
- Creese, Blackledge 2010 — A. Creese, A. Blackledge. Translanguaging in the Bilingual Classroom. A Pedagogy for Learning and Teaching // *The Modern Language Journal*. 2010. No. 94. P. 103–115.
- Duarte, Gogolin 2013 — Linguistic Superdiversity in Urban Areas. Research approaches / Ed. by J. Duarte, I. Gogolin // *Hamburg Studies on Linguistic Diversity*. 2013. No. 2.
- Otsuji, Pennycook, A. 2010 — E. Otsuji, A. Pennycook. Metrolingualism: Fixity, fluidity and language in flux // *International Journal of Multilingualism*. 2010. Vol. 7. Issue 3. P. 240–254.
- Pennycook, Otsuji 2015 — A. Pennycook, E. Otsuji. Metrolingualism: Language in the city. London: Routledge, 2015.
- Pennycook, Otsuji 2016 — A. Pennycook, E. Otsuji. Lingoing, language labels and metrolingual practices // *Applied Linguistics Review* 2016. Vol. 7. Issue 3. P. 259–277.
- Siemund et al. 2013 — Multilingualism and Language Diversity in Urban Areas. Acquisition, identities, space, education / Ed. by P. Siemund, I. Gogolin, M. E. Schulz, J. Davydova // *Hamburg Studies on Linguistic Diversity*. 2014. No. 1.
- Smakman, Heinrich 2018 — D. Smakman, P. Heinrich (eds.). Urban sociolinguistics: The city as a linguistic process and experience. London: Routledge, 2018.
- Stevenson 2017 — P. Stevenson. Language and migration in a multilingual metropolis: Berlin lives // *Language and Globalization*. New York: Springer, 2017.
- Zwiers, van Ham, Manley 2018 — M. Zwiers, M. van Ham, D. Manley. Trajectories of ethnic neighbourhood change: Spatial patterns of increasing ethnic diversity // *Population, Space and Place*. 2018. Vol. 24. Issue 2.

З. К. Айбазова

ИЯз РАН, Москва

**ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЯЗЫКА
В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА
(НА ПРИМЕРЕ МОСКВЫ)**

Москва — многонациональный и самый густонаселенный город России. Объединяющим фактором для миллионов людей, проживающих в столице, является русский язык — язык межнационального общения. Он доминирует во всех без исключениях сферах: экономической, административной, образовательной. Однако наряду с этим Москва — это город десятков, возможно, сотен этнокультурных сообществ и объединений, которые могут использовать национальные языки для различных целей. Ниже мы попытались дать картину о представителях карачаево-балкарского этноса, проживающих в столице на постоянной или временной основе, описать сферы, в которых употребляется карачаево-балкарский язык, указать на причины предпочтительности его использования в отдельных случаях, а также предположительно определить дальнейшие перспективы его функционирования в интернациональной среде.

1. Социолингвистические данные о КБЯ

Карачаево-балкарский язык является государственным языком в двух субъектах РФ: Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Имеет две литературные нормы. В научной литературе язык традиционно именуется карачаево-балкарским, но на уровне административной номенклатуры названия могут различаться. Так, карачаевская литературная норма и название «карачаевский язык» распространены в Карачаево-Черкесии, балкарская норма и название «балкарский язык» — в Кабардино-Балкарии. Однако при этом в Кабардино-Балкарском институте гуманитарных исследований

и в Кабардино-Балкарском госуниверситете соответствующие секторы и кафедра включают в название термин «карачаево-балкарский», но в Карачаево-Черкесском госуниверситете — это кафедра карачаевской и ногайской филологии.

Главные различия двух литературных норм КБЯ наблюдаются в области орфографических правил.

Выделяются два основных диалекта и говоры:

- ц/з диалект (цокающий) с малкарским и хуламо-безенгиевским говорами;
- ч/дж диалект (джокающий) с карачаевским и баксано-чегемским говорами [Гузеев и др. 2016: 11].

Малкарский, хуламо-безенгиевский и баксано-чегемский говоры распространены в Кабардино-Балкарии, карачаевский говор — в Карачаево-Черкесии.

В основе литературного КБЯ лежит ч/дж (ж) диалект.

На карачаево-балкарском языке выпускаются две газеты («Заман», «Къарачай»), два детских журнала («Нур», «Илячин»), литературно-художественный журнал «Минги Тау», выходят радиопередачи (10 часов в неделю), передачи по местному телевидению (11 часов в неделю).

С середины 1990-х до середины 2000-х годов в Кабардино-Балкарии имелись школы, где обучение проводилось на карачаево-

Таблица 1.

Динамика уменьшения количества школ
с обучением на балкарском языке (КБР)

балкарском языке (балкарской литературной норме) [Федеральная служба 2003]. Однако уже к 2003 году их количество резко сократилось.

Позднее, уже в начале 2010-х гг., в КБР в качестве эксперимента вновь было организовано преподавание предметов на карачаево-балкарском языке в начальных классах в селах Кашхатау и Яникой, но эксперимент был приостановлен. В КЧР, по инициативе заведующего филиалом кафедры ЮНЕСКО при КЧГУ Т. К. Алиевой, было подготовлено 45 наименований учебников, а также учебно-методических пособий для младших классов на карачаево-балкарском языке. Однако из-за дефицита финансирования в свет вышел только один учебник — «Харифле» (Букварь). Позднее и этот эксперимент был закрыт из-за недостатка средств.

На данный момент КБЯ преподается только в качестве предмета в школах и на кафедрах национальных языков государственных университетов Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. В КЧР язык в качестве предмета изучается в 111 образовательных учреждениях, в КБР — в 89. Отводится на него от 3 до 5 часов в неделю [Айбазова 2013].

Несмотря на государственный статус сразу в двух субъектах России, сфера функционирования карачаево-балкарского языка в этих регионах достаточно узка. Он не является языком образования, не представлен в административном управлении, делопроизводстве, судопроизводстве и пр. Слабо представлен в книгопечатании, периодике, в радио- и телевещании. Все необходимые для жизни и деятельности функции возложены на русский язык, который является также основным языком общения в многонациональных Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии.

Как показывают статистические данные, большинство карачаево-балкарцев являются билингвами: 96 % владеют русским языком [ВПН 2010б], 92 % — родным [ВПН 2010а]. Однако в случае с родным языком стоит учитывать тот факт, что используется он преимущественно в бытовой сфере общения и гораздо реже — для чтения художественной или профессиональной литературы, периодики, просмотра передач. Другим немаловажным фактом, говорящим об ослабевании полноценной языковой преемственности, является то, что при общении на родном языке носители нередко используют русские слова и выражения. Именно так указали 80,1 % (165 человек) участников социологического опроса, проведенного молодежным карачаево-балкарским сообществом «Аланы» в социальной сети

«ВКонтакте» (общая численность группы — более 12 000 человек) [Социологический опрос 2017]. Несмотря на это, 95,1 % (196 чел.) респондентов данного опроса подтвердили свое намерение в будущем обучать своих детей родному языку; 60,2 % (124 чел.) сочли 3 часа в качестве школьного предмета недостаточным для изучения языка. Подавляющее большинство — 87,9 % (181 чел.) — согласились с мнением, что национальный язык — необходимое условие для существования народа; больше половины считают, что карачаево-балкарский язык находится на грани исчезновения (51 % — 105 чел.).

Мнение о необходимости изучать родной язык в качестве обязательного предмета также было выявлено по результатам республиканского референдума, проведенного Избирательной комиссией КЧР среди учащихся 10–11 классов в 2017 году [Шереметьев 2017]. Так считают 73,89 % школьников.

2. Карачаево-балкарский язык и его носители в Москве

2.1. Общие сведения об истории появления и численности КБ в Москве

Непрерывная история русско-карачаево-балкарских отношений берет начало с 1827–28 гг., когда Балкария и Карачай после-

Таблица 2. [ВПН 1926, ВПН 1939, ВПН 1959, ВПН 1979, ВПН 1989, ВПН 2002, Итоги ВПН 2010]

довательно вошли в состав Российской империи. Однако карачаево-балкарская общность в Москве и Московской области возникает только в конце 80-х гг. XX века. Это подтверждает и официальная статистика. Динамика роста численности карачаево-балкарцев в Москве с 20-х годов XX века по настоящее время представлена выше.

Появление карачаево-балкарских мигрантов еще на заре становления советской власти было связано в первую очередь с образовательными целями. И по сей день обучение в столичных вузах является одной из ключевых причин миграции молодого населения из разных субъектов РФ в столицу. Второй, не менее важной причиной является экономическая составляющая: более широкие возможности для профессионального роста и достойного заработка. Часть из обучающихся, как правило, впоследствии трудоустраивается в столице. Основная возрастная группа представленных в Москве карачаево-балкарцев — от 18 до 45 лет. В большинстве своем это первое поколение мигрантов.

В Москве представлены все этнические субгруппы карачаево-балкарцев, равно как и все диалекты с говорами. По итогам переписи 2010 года карачаевцев на территории столицы и области проживает — 1734 человека, балкарцев — 912. Данное соотношение примерно соответствует соотношению общей численности карачаевцев и балкарцев — 218 403 и 112 924 человека. Можно предположить, что большее число носителей языка приходится именно на наиболее многочисленные говоры: карачаевский (КЧР) и баксано-чегемский (КБР).

2.2. Основные сферы занятости

Социальный состав данной этнической группы, как показало анкетирование и дополнительные опросы, достаточно разнообразен. Нами отмечены такие группы занятости, как индивидуальные предприниматели (в основном малый бизнес), люди, занятые в сфере оптовой и розничной торговли на крупных рынках Москвы, бизнесмены (владельцы крупного бизнеса), студенты/магистранты/аспиранты, работники профессиональных сфер (юристы, экономисты, преподаватели, врачи, научные сотрудники и др.), госслужащие. В сфере торговли занято около 300–350 человек, госслужащих — более 70. Из 23 проанкетированных участников 22 имеют высшее профессиональное образование или обучаются в вузах, 1 — среднее

профессиональное. По оценке Фонда содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид» ежегодно в вузы Москвы поступает до 200 и выпускается до 100 карачаево-балкарцев. Наиболее популярные среди карачаево-балкарских абитуриентов вузы (по мере убывания популярности): РУДН и РАНХиГС; 1 МГМУ им. И. М. Сеченова, МГМСУ, РНИМУ им. Н. И. Пирогова, РЭУ им. Г. В. Плеханова, НИУ МГСУ, ГУУ, МГЮА, Финансовый университет при Правительстве РФ, РГУП.

В каждом из названных вузов обучается от 10 и более представителей данного этноса.

2.3. Места расселения в Москве

В качестве относительно компактных мест расселения карачаевцев и балкарцев в пределах Москвы и Московской области в анкетах неоднократно указаны Юго-Восточный, Юго-Западный и Восточный административные округа и г. Одинцово в Подмосковье. Упомянут также Северо-Восточный округ.

На выбор округа или района Москвы для поселения (временного или постоянного) влияет много факторов: экономический в первую очередь, а также инфраструктурный, близость или удаленность от места работы и учебы. Но наличие других карачаево-балкарцев является, со слов участников устных опросов, дополнительным положительным фактором в пользу выбора того или иного района.

2.4. Межнациональные отношения и интеграция в столичный социум

Межнациональные браки в среде карачаево-балкарцев встречались на протяжении практически всей обозримой истории народа. Имеют место они и сегодня. Однако стоит отметить, что даже в этнически смешанных районах Карачаево-Черкесии карачаевцы большей частью предпочитают моноэтнические браки (88,3 %). Соответственно, доля смешанных браков составляет 11,7 %. Из них: 3,9 % — с русскими, 1,28 % — с абазинами, 1,22 % — с черкесами. Оставшиеся 5,3 % приходятся на браки с представителями иных этносов. Уровень метисации карачаевцев по данным показателям является средним [Ельчинова и др. 2015: 941–945].

Высокая доля русско-карачаевских браков, возможно, объясняется тем, что это два наиболее многочисленных народа в КЧР

(40 % карачаевцев, 31 % русских от общего количества населения республики).

К сожалению, мы не располагаем аналогичным исследованием по балкарцам, но отмечается, что в Кабардино-Балкарии, по данным местного отдела ЗАГС, традиционно высока доля смешанных браков — до трети из всех заключаемых [Аккиева 2016]. Среди балкарцев, опрошенных в Москве, также имеются состоящие в межнациональных браках.

Частично причины различных предпочтений по бракам были выявлены в дополнительном опросе, проведенном в двух карачаево-балкарских группах в мессенджере «WhatsApp» с общим количеством участников 78 и общим количеством проголосовавших 35 человек. Однозначно положительно к межнациональным бракам отнеслись 4 человека (11,43 % от общего числа проголосовавших). Однозначно отрицательно — 13 человек (37,14 %). Примечательно, что в данной группе из 13 человек 10 являются женатыми (замужними), 9 имеют детей. Основные причины, высказанные в пользу недопустимости таких браков, — угроза ассимиляции, высокая вероятность несовместимости ввиду различия культурных и религиозных традиций и пр. Допускает межнациональные браки при различных условиях и с оговорками большинство — 18 человек (51,43 %). Среди оговорок присутствуют:

- допустимость таких браков только в отдельных случаях (исключается массовый характер);
- допустимость до 15 % от числа заключаемых браков исключительно для обновления генофонда;
- допустимость таких браков при заключении их в пределах этнической родины, но не в крупных городах, вдалеке от основной массы соплеменников;
- допустимость при схожей культуре, традициях, единой вере;
- допустимость для мужчин.

В целом со стороны исследуемого этноса не замечено особых языковых, психологических и иных барьеров, препятствующих жизни, работе или учебе в инородной среде. В пользу этого говорит и обучение в вузах, и занятость в самых разных профессиональных и экономических сферах. На бытовом уровне существуют некоторые затруднения, вызванные в первую очередь отличающимися культурными и религиозными традициями. Так, в ходе

устных опросов отдельными респондентками было отмечено, что они предпочитают не посещать корпоративные праздники или посещать только на очень короткое время ввиду неупотребления алкоголя. В одном из случаев речь шла о госучреждении, во втором — о частной компании. Для сравнения, со стороны мужчин не отмечались неудобства подобного рода независимо от того, употребляют они алкоголь или нет.

Существует также отдельная категория затруднений, характерная для большинства выходцев с Северного Кавказа и связанная с общим негативным имиджем как самого региона в целом, так и его представителей. Этот имидж популяризировался через федеральные каналы и другие СМИ с 90-х годов (с начала первой чеченской кампании) и вплоть до начала событий на Украине (2013–2014 гг.). На данный момент акценты новостных передач и многочисленных популярных ток-шоу сместились, но кавказофобские и, шире, исламофобские настроения все еще характерны в той или иной степени для населения Москвы и других крупных городов России. Со слов респондентов, чаще всего трудности возникают при съеме жилья, в отдельных случаях — при трудоустройстве или работе с клиентами. Зафиксирован случай, когда клиент отказался от предварительно согласованного по всем пунктам сотрудничества с бизнес-аналитиком из частной компании при прочтении имени (женское имя арабского происхождения, распространенное на Кавказе и в Средней Азии).

Описанные случаи и причины, их влекущие, в данный момент не являются критическим препятствием для интеграции этнической группы в столичный социум, однако на отдельных этапах могут ее затруднять.

2.5. Функционирование КБЯ в Москве

Среди участников анкетирования нами не выявлено ни одного карачаево-балкарца, который не владеет родным языком, хотя в целом таковые, по результатам официальной статистики, имеются. Сферы его употребления достаточно резко ограничены общением с родственниками, людьми более старшего поколения и с земляками на общих национальных праздниках или других мероприятиях, иногда при общении в социальных сетях.

Пассивное использование языка выражается в чтении интернет-версий газет на национальном языке, материалов на сайте

elbrusoid.org, просмотрах дублированных фильмов и мультфильмов. Самым популярным пунктом является прослушивание песен на национальном языке.

Типичной для карачаево-балкарцев можно назвать ситуацию, когда родной язык осваивается ребенком с раннего детства в кругу семьи, но по мере его взросления функционально на первый план выходит русский язык. Встречаются также случаи, когда уровень владения родным языком уступает даже второму и третьему иностранным языкам. Среди указанных респондентами иностранных языков встречаются английский (самый распространенный из них), турецкий, испанский, идиш, грузинский.

5 респондентов из 23 указали, что свободно владеют и родным, и русским языками. Но, учитывая факты, приведенные выше, можно предположить, что и в данном случае речь идет о достаточно свободном владении на бытовом уровне, редко — о свободном владении литературным языком.

Другим вполне ожидаемым результатом анкетирования стало то, что со старшими родственниками большинство респондентов общается на национальном языке, а с детьми — на обоих языках либо только на русском. Дети чаще обращаются к родителям на русском, иногда только на нем.

В карачаево-балкарских семьях, где муж и жена — носители разных диалектов, каждый разговаривает на своем диалекте.

Достаточно часто родной язык используется при внутренней речи. И если напевать песни, задаваться внутренними вопросами, думать респонденты могут на обоих языках, то при молитвах, в состоянии эмоционального возбуждения, при обращении к животным гораздо предпочтительнее оказался родной язык. Также подавляющее большинство указало, что им периодически приходят на ум пословицы, поговорки или устойчивые выражения на карачаево-балкарском языке даже в момент речи на русском.

Единственными пунктами, в которых ни у одного из участников анкетирования не фигурирует родной язык — это пересчет денег и записи для личных нужд. Это оказалось актуальным даже для тех респондентов, кто указал свободное владение родным языком. Подобное положение в первую очередь объясняется тем, что основным языком обучения является русский и, даже при умении считать и писать по-карачаево-балкарски, делать это привычнее и удобнее так, как обучали на протяжении многих лет.

2.6. Особенности этнолекта русского языка

На сегодняшний день у карачаево-балкарцев наблюдается разная степень акцента в речи на русском языке. Степень его интенсивности и выраженности заметно убавляется от более старшего поколения к более молодому. Русские неологизмы в карачаево-балкарском большей частью уже не обрабатываются носителями в соответствии с фонетическими законами родного языка, а произносятся на русский манер. К примеру, в словаре зафиксирована устаревшая форма слова «правление» — праўлен. Сегодня же употребляется русская форма. Все единицы фонетического инвентаря русского языка при отсутствии дефектов речи выговариваются достаточно свободно. Однако до сих пор могут вызывать затруднения нетипичные для тюркских языков сочетания согласных, в том числе в начале слова, с гласными переднего ряда: *пре/при, тре/три* и др. В таких случаях сонорный Р остается твердым, а гласный переднего ряда преобразуется в гласный заднего ряда: [прывэцтвуйу]. Такие примеры зафиксированы нами неоднократно и в речи молодых людей до 30 лет.

Алла Бойченко, руководитель творческой студии «Уитни», ведущая авторских курсов сценической речи и ораторского искусства, среди особенностей произношения карачаево-балкарцев выделила также более интенсивную заднеязычную Х по отношению к русской Х. Помимо этого было отмечено, что карачаево-балкарцы достаточно быстро перенимают акценты, характерные для других языков. Так, у одного из слушателей курса родом из Карачаево-Черкесии после некоторого пребывания на этнической родине в речи стали отмечаться особенности черкесского акцента. Схожая манера произношения присуща балкарцам, проживающим в Нальчике. Также сотрудником карачаево-балкарского молодежного Фонда «Эльбрусоид» был приведен пример балкарца, который приобрел достаточно выраженный вайнахский акцент после года сотрудничества с чеченцами и ингушами. Причем приобретенное произношение выражается именно в русской речи, но не прослеживается в родном языке.

У старшего поколения, в основном у пожилых людей, также наблюдается неразличение или путаница в употреблении слов в мужском и женском роде. По-видимому, это объясняется отсутствием грамматической категории рода в тюркских языках. Однако данное явление практически неактуально для молодого поколения.

3. Национальная языковая среда

В большинстве своем языки народов России находятся в достаточно уязвимом положении. Сохранность их под вопросом даже в регионах, где они имеют статус государственных или официальных. В крупном же мегаполисе в интернациональной среде с очень динамичным ритмом жизни дело обстоит еще сложнее. И в данном случае карачаево-балкарский язык не является исключением: создание полноценной языковой среды для его носителей в условиях мегаполиса становится практически невозможным.

3.1. Государственные учреждения

В Москве имеются постоянные представительства Карачаево-Черкесской и Кабардино-Балкарской республик при Президенте Российской Федерации. Выполняют постпредства, в первую очередь, представительские функции. Обе республики являются многонациональными: в КБР живут представители трех национальностей, в КЧР — пяти. Поэтому иницилируемые постпредствами мероприятия носят в основном общереспубликанский, а не моноэтнический характер. Соответственно, языком общения на них часто выступает русский.

3.2. Некоммерческие организации

В разное время культурно-просветительскую деятельность в Москве осуществляли Региональная общественная организация-община карачаевцев «Горский дом» (2002–2017 гг.), Общество балкарской культуры «Бештауэль — Столица» (2007–2014 гг.)¹. Деятельность включала в себя организацию землячеств и мероприятий, связанных с культурной жизнью карачаевцев и балкарцев: юбилейно-концерты деятелей искусства, политиков. На данный момент обе организации прекратили свое существование.

Фонд содействия развитию карачаево-балкарской молодежи «Эльбрусоид» является единственной активной по настоящее время общественной организацией, которая официально объединила в рамках своей деятельности карачаевцев и балкарцев.

---

¹ В скобках указаны даты основания и закрытия организаций по юридическим документам. По факту пик активности приходится: для «Горского дома» на 2002–2004 гг., для «Бештауэль — Столица» на 2007–2009 гг.

Дата основания: 19 мая 2003 года. Головной офис Фонда располагается в Москве, имеются филиалы в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии. Был создан с целью объединения карачаево-балкарской молодежи в столице, но с течением времени деятельность «Эльбрусоида» разрослась, и в настоящее время им осуществляются проекты по сохранению языка, традиций, культуры, популяризации спорта и здорового образа жизни, а также социальные и благотворительные акции.

Благодаря деятельности «Эльбрусоида», в том числе и в медийном пространстве национально-культурных и общественно-политических объединений в Москве, термины «карачаево-балкарский», «карачаево-балкарцы» из узкоспециальных научных источников стали распространяться и в общие массы. Способствует распространению этой тенденции возросшая популярность социальных сетей, благодаря которым взаимный информационный и культурный обмен стал возможен даже между людьми, разделенными географически. В 10 из 23 собранных анкет родной язык был обозначен именно как карачаево-балкарский, также зафиксирован термин «карачаево-балкарец» в графе «национальность», несмотря на то, что данные обозначения совершенно не включены в административные номенклатуры ни в КБР, ни в КЧР.

На базе «Эльбрусоида», в том числе и в Москве, на постоянной основе проводятся интеллектуально-развлекательные игры, музыкальные, творческие, кулинарные конкурсы, круглые столы и тематические вечера, курсы национальных танцев для детей и взрослых, образовательные тренинги и курсы для студентов и работающей молодежи, организуются экскурсии.

Из праздников и памятных дат карачаево-балкарцы традиционно отмечают 2 ноября и 8 марта (дни депортации карачаевцев и балкарцев соответственно), 28 марта и 3 мая (дни возрождения балкарцев и карачаевцев, приуроченные к возвращению народа из ссылки на этническую родину), День Победы, религиозные праздники Ураза-байрам и Курбан-байрам. Также в священный для мусульман месяц Рамадан устраиваются несколько праздничных ифтаров для карачаево-балкарцев Москвы. Из участников анкетирования только 3 указали, что иногда посещают мечети и религиозные учреждения в праздничные дни. В самом же «Эльбрусоиде» по таким поводам собирается до 300 человек разных возрастных категорий.

Конец года в Фонде традиционно завершается детским новогодним утренником в этническом стиле с включением в программу мероприятия героев народных сказок и нартского эпоса.

Самыми крупными мероприятиями Фонда являются вечера первокурсников и выпускников, проводимые в рамках популяризации образования и посвященные чествованию молодых специалистов. Проходят они в виде праздничных концертов с этническим уклоном, где частыми гостями бывают представители карачаево-балкарской эстрады. Чаше всего праздник заканчивается национальными танцами. Вечера чествований собирают около ста и более выпускников и первокурсников, а концертные площадки традиционно принимают от 1000 гостей.

Основным языком всех мероприятий остается по-прежнему русский. Карачаево-балкарский также применяется, но в меньшей степени. «Первая причина, по которой мы не проводим мероприятия исключительно на родном языке, — это присутствие гостей других национальностей. И мы всегда обозначали этот момент, что они не поймут сказанного, и это будет неэтично с нашей стороны по отношению к приглашенным нами же гостям. Второй момент заключается в том, что до половины наших зрителей не владеет в достаточной мере родным языком, чтобы полноценно понять все сказанное на мероприятии. Что касается детского утренника, то тут подавляющая часть детей просто ничего не поймет», — прокомментировала это положение руководитель проектов Фонда Хафиза Чотчаева.

Для сохранения и популяризации национальной культуры и языка «Эльбрусойдом» осуществляются другие проекты. Это, к примеру, издательская деятельность. Фондом выпускается карачаево-балкарская художественная и научная литература на обоих языках и дайджест www.elbrusoid.org, материалы которого используются, в том числе в качестве учебной литературы, в образовательных учреждениях республик. Выпускаются аудиокнижки, сейчас их число превысило 50 наименований. Среди них детские стихи, сказки, нартские легенды, рассказы, Коран на карачаево-балкарском языке. Тексты озвучиваются актерами национальных театров и дикторами радио. Дублирование фильмов и мультфильмов проводятся не только при участии актеров театра, но и активистов Фонда. Часть фильмов была дублирована в Москве при помощи сотрудников «Эльбрусойда» и студентов

московских вузов. В видеотеке «Эльбрусоида» также имеются документальные фильмы (короткие и полнометражные), основной тематикой которых является история, культура, литература народа. На карачаево-балкарском языке была создана демоверсия популярной игры «Кто хочет стать миллионером?» с вопросами, составленными по 30 различным рубрикам.

Также Фондом разрабатываются различные приложения для детей и взрослых. Это колыбельные, сказки, загадки, считалки и скороговорки, пазлы, окружающий мир, алфавит, счет, одноименное приложение «Эльбрусويد» с программой мероприятий Фонда, карачаево-балкарский словарь, Коран на родном языке. В пятерку наиболее популярных приложений вошли в порядке убывания количества скачиваний: «Словарь», «Колыбельные», «Сказки», «Эльбрусويد», «Скороговорки». Количество скачиваний словаря превысило 35 000, что составляет более 11 % от общей численности карачаево-балкарцев. Также в рамках укрепления межнациональных отношений Фондом были выпущены приложения на ногайском и ингушском языках.

В интернете «Эльбрусويد» представлен порталом www.elbrusoid.org и официальными аккаунтами в сетях «ВКонтакте», «Фейсбук», «Инстаграм», каналом в «Телеграм». Портал состоит из нескольких рубрик. Это статьи и новостная лента с материалами на русском и карачаево-балкарском языках. Аудиораздел с 5000 файлов, среди которых архивы радио КЧР и КБР, радиопередачи и спектакли на родном языке, эстрадная и народная музыка. Насчитывает более 870 000 скачиваний. Видеораздел содержит более 600 видео. Это фильмы и мультфильмы, документальные фильмы, исторические ролики, концерты, новостные передачи, юмор. Фотогалерея состоит из 10 тематических рубрик с 533 альбомами. В совокупности более 45 000 фотографий, из них около 4000 исторических фото и фамильных альбомов (по состоянию на июнь 2018 года).

На сайте «Эльбрусоида» также имеется электронная библиотека, которая является самым крупным оцифрованным карачаево-балкарским ресурсом. Сегодня она насчитывает около 2500 книг и более 300 000 скачиваний. Включает 16 тематических рубрик, в том числе историю, этнографию, археологию, языкознание, литературу, фольклор, детскую литературу, словари, учебную и методическую литературу и пр. Представлены книги в основном

на русском и карачаево-балкарском языках. Наибольшей популярностью, согласно статистике сайта, пользуются разговорники и словари карачаево-балкарского языка, книги по истории и этнографии, чуть менее популярна художественная литература.

«Эльбрусоид» продолжает оставаться на данный момент самым крупным центром карачаево-балкарской культурной общности в Москве. Именно его указало большинство респондентов как место посещения в дни национальных праздников и других мероприятий, на которых есть возможность погружаться в национальную культурную и языковую среду. Помимо этого указаны редкие посещения мероприятий Московского дома национальностей и Российского конгресса народов Кавказа, а также различных городских праздников. Из респондентов, которые периодически представляют карачаево-балкарцев на крупных общетюркских, общекавказских или других межрегиональных мероприятиях, 4 отметили, что помимо русского языка могут общаться на своем родном языке с представителями крымско-татарского, кумыкского, реже — ногайского народов. 3 подчеркнули, что понимать крымских татар, пусть и незначительно, но легче, чем кумыков. Один из участников среди взаимопонимаемых языков назвал казахский.

3.3. Социальные сети

Как было отмечено выше, в связи с возросшей популярностью социальных сетей общности по этническому признаку активно формируются и в интернет-пространстве. В этот процесс также полноценно включена часть карачаево-балкарцев, проживающих в столице. Более того, один из таких пабликов, набирающий популярность, открыт и ведется творческим объединением карачаево-балкарских студентов, обучающихся в московских вузах. Тематика групп и сообществ самая разная: язык, культура, литература, история, этнография, исторические фото, национальные танцы, музыка и фольклор, свадьбы, спорт, юмор, политика, популяционная генетика, коневодство. Язык публикаций и комментариев чаще всего русский, но нередко можно встретить общение на национальном языке. Есть отдельные группы, посвященные языку и литературе, которые ведутся преимущественно на карачаево-балкарском. Большинство из перечисленных сообществ объединяют в своих названиях и публикуемых материалах карачаевцев и балкарцев.

Количество подписчиков в группах варьируется от нескольких тысяч до 82 000 — наиболее многочисленный паблик из зафиксированных нами.

4. Заключение

Карачаево-балкарский язык, являясь языком немногочисленного народа, административно разделенного и проживающего в многонациональных республиках, не имеет сегодня достаточной поддержки для сохранения и стабильного развития. Уровень владения языком в регионах чаще всего подразумевает разные степени владения бытовой речью, гораздо реже — свободное владение литературным языком.

Ситуация в крупных городах, где карачаево-балкарцы учатся и работают зачастую в полностью инофонной среде, представляет собой отражение положения языка в республиках в более гипертрофированном варианте. Особенно это актуально для второго поколения мигрантов. Даже наличие достаточно крупных и хорошо развитых культурных объединений не является гарантом полноценной языковой преемственности от родителей к детям.

Несмотря на это, карачаево-балкарский язык продолжает оставаться одним из языков, функционирующих даже в условиях мегаполиса. Он звучит как со сцен крупных концертных площадок, так и на менее масштабных мероприятиях. Он употребляется соплеменниками для общения друг с другом, при внутренней речи, при выражении соболезнований или поздравлений, при реализации культурно-просветительских проектов, таких как дублирование фильмов и мультфильмов, создание аудиокниг и приложений. Более того, он иногда выступает языком общения с представителями иных тюркоязычных народов: крымских татар, кумыков, реже ногайцев и казахов.

Основным местом и поводом для встречи с земляками, где карачаево-балкарцы могут хотя бы частично погружаться в национальную культурную и языковую среду, является Фонд «Эльбрусоид» и мероприятия, которые им проводятся. Реже могут встречаться на городских фестивалях, мероприятиях Московского дома национальностей и Российского конгресса народов Кавказа.

В целом большая часть карачаево-балкарцев ценит знание родного языка, даже несмотря на то, что национальные языки теряют свою актуальность с каждым днем. Частично это связано с тем,

что этническая идентичность не представляется им полноценной без родного языка. С другой стороны, достаточно обоснованная угроза языковой ассимиляции и осознание этой угрозы усиливают интерес к собственной культуре, языку, литературе. В пользу этого говорят приложения и электронные книги, связанные именно с карачаево-балкарским языком и историей, которые по сумме количества скачиваний значительно опережают всю остальную литературу, а также популярность национальных песен и танцев даже за пределами этнической родины.

Интерес к аутентичной культуре активно проявляется у молодого поколения. Так, администраторы многих популярных карачаево-балкарских сообществ в интернете — молодые люди до 30–35 лет обоих полов. Изучение истории карачаево-балкарцев по данным российских архивов, тестирование Y-хромосомы на определение гаплогрупп, восстановление традиционных музыкальных инструментов по описаниям в ранних этнографических работах, сбор и оцифровка исторических и современных фото карачаево-балкарцев и другие проекты, к примеру, инициированы и осуществляются молодыми людьми на добровольной основе без какой-либо поддержки со стороны государственных научных учреждений.

Но, несмотря на положительные тенденции в молодежной среде, в целом можно сказать, что сферы употребления национального языка все-таки продолжают сужаться как в пределах этнической родины карачаево-балкарцев, так и вне ее.

Литература

- Айбазова 2013 — З. К. Айбазова. Современное положение тюркских языков Северного Кавказа. Москва, 2013 (электронный документ). URL: www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar-lang/412408. [Z. K. Aibazova. Sovremennoe polozhenie tiurkskikh iazykov Severnogo Kavkaza [Current status of the Turkic languages of the North Caucasus]. Moscow, 2013] (online document). URL: www.elbrusoid.org/articles/karachay-balkar-lang/412408.
- Айбазова 2015 — З. К. Айбазова. Карачаево-балкарский язык в работах отечественных и зарубежных востоковедов. Стамбул: Motif Halk Oyunları Eğitim ve Öğretim Vakfı, 2015. [Z. K. Aibazova. Karachaevo-balkarskii iazyk v rabotakh otechestvennykh i zarubezhnykh vostokovedov [Karachay-Balkar language in works of Russian and foreign orientologists]. Istanbul, 2015].

- Аккиева 2016 — С. И. Аккиева. Этнокультурные проблемы демографического развития и миграционного поведения народов Кабардино-Балкарии (электронный документ). URL: http://ogon.rfbr.ru/sys/a/?colfilter=0&context=_anonymous~&pgoffset=0&ro_filter=_main.enrfh_tasks.syrecordidw%20%3D%200Ve1G00KVDqG1-bGR-2gc_y0~&table=main.enrfh_tasks&target=show_template&template=prg_card.htm. [S. I. Akkieva. Etnokul'turnye problemy demograficheskogo razvitiia i migratsionnogo povedeniia narodov Kabardino-Balkarii [Ethno-cultural problems of demographic development and migratory behavior of the peoples of Kabardino-Balkaria] (online document). URL: http://ogon.rfbr.ru/sys/a/?colfilter=0&context=_anonymous~&pgoffset=0&ro_filter=_main.enrfh_tasks.syrecordidw%20%3D%200Ve1G00KVDqG1-bGR-2gc_y0~&table=main.enrfh_tasks&target=show_template&template=prg_card.htm].
- ВПН 2002 — Всероссийская перепись населения 2002 г. Т. 4. Население по национальности и владению русским языком по субъектам РФ (электронный документ). URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>. [Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2002 g. T. 4. Naselenie po natsional'nosti i vladeniiu russkim iazykom po sub'ektam RF [All-Russian population census 2002. Vol. 4. Population by nationality and proficiency in Russian in the constituents of the Russian Federation] (online document). URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>].
- ВПН 2010а — Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Владение языками населением Российской Федерации (электронный документ). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. [Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 g. T. 4. Vladenie iazykami naseleniem Rossiiskoi Federatsii [All-Russian population census 2010. Vol. 4. Language skills of the population of the Russian Federation] (online document). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm].
- ВПН 2010б — Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Население по национальности и владению русским языком (электронный документ). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. [Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 g. T. 4. Naselenie po natsional'nosti i vladeniiu russkim iazykom [All-Russian population census 2010. Vol. 4. Population by nationality and proficiency in Russian] (online document). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm].
- ВПН 2010в — Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав населения (электронный документ). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm. [Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 g. T. 4. Natsional'nyi sostav naseleniia [All-Russian population census 2010. Vol. 4. Ethnic composition of the

- population] (online document). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm].
- ВПН 1926 — Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР (электронный документ). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=209. [Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1926 goda. Natsional'nyi sostav naseleniia po regionam RSFSR [All-Union census of the population of 1926. Ethnic composition of the population by regions of the RSFSR] (online document). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=209].
- ВПН 1939 — Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по регионам России (электронный документ). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=39. [Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1939 goda. Natsional'nyi sostav naseleniia po regionam Rossii [All-Union census of the population of 1939. Ethnic composition of the population by regions of Russia] (online document). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39.php?reg=39].
- ВПН 1959 — Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам России (электронный документ). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=45. [Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1959 goda. Natsional'nyi sostav naseleniia po regionam Rossii [All-Union census of the population of 1959. Ethnic composition of the population by regions of Russia] (online document). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=45].
- ВПН 1979 — Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по регионам России (электронный документ). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=19. [Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1979 goda. Natsional'nyi sostav naseleniia po regionam Rossii [All-Union census of the population of 1979. Ethnic composition of the population by regions of Russia] (online document). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_79.php?reg=19].
- ВПН 1989 — Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по регионам России (электронный документ). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=18. [Vsesoiuznaia perepis' naseleniia 1979 goda. Natsional'nyi sostav naseleniia po regionam Rossii [All-Union census of the population of 1979. Ethnic composition of the population by regions of Russia] (online document). URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_89.php?reg=18].
- Гузеев 2016 — Ж. М. Гузеев и др. Современный карачаево-балкарский язык / В 2 ч. Ч. 1. Нальчик: Печатный двор, 2016 [Zh. M. Guzeev. Sovemennyi karachaevo-balkarskii iazyk. V 2 ch. Ch.1 [Modern Karachay-Balkar language. Volume 1]. Nalchik: Pechatnyi dvor, 2016].

- Ельчинова и др. 2015 — Г. И. Ельчинова, М. М. Шакманов, Ю. А. Ревазова, А. В. Иванов, А. В. Русакова, Р. А. Зинченко. Брачно-миграционная характеристика карачаевцев / Генетика. 2015. Т. 51. № 8. С. 941–945 (электронный документ). URL: <http://naukarus.com/brachno-migratsionnaya-harakteristika-karachaevtsev>. [G. I. Iel'chino-va, M. M. Shakmanov, Yu. A. Revazova, A. V. Ivanov, A. V. Rusakova, R. A. Zinchenko. Brachno-migratsionnaia kharakteristika karachaevtsev [Marriage and migration characteristics of the Karachay people]. Genetika. 2015. Vol. 15. No. 8. P. 941–945 (online document). URL: <http://naukarus.com/brachno-migratsionnaya-harakteristika-karachaevtsev>].
- Итоги ВПН 2010 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года в отношении демографических и социально-экономических характеристик отдельных национальностей (электронный документ). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html. [Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 goda v otnoshenii demograficheskikh i sotsial'no-ekonomicheskikh kharakteristik otdel'nykh natsional'nostei [Results of the 2010 all-Russian population census on demographic and socio-economic characteristics of the nationalities] (online document). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/results2.html].
- Социологический опрос 2017 — Социологический опрос о положении карачаево-балкарского языка в среде современной молодежи, 2017 (электронный документ). URL: <http://www.elbrusoid.org/events/digest/493598/>. [Sotsiologicheskii opros o polozhenii karachaevo-balkarskogo iazyka v srede sovremennoi molodezhi [Opinion poll on the situation of the Karachai-Balkar language among modern youth, 2017] (online document). URL: <http://www.elbrusoid.org/events/digest/493598/>].
- Федеральная служба 2003 — Федеральная служба государственной статистики. 4.17. Число общеобразовательных учреждений с обучением на языках народов и народностей России, 2003 г. (электронный документ). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_33/IssWWW.exe/Stg/d010/i010620r.htm. [Federal'naia sluzhba gosudarstvennoi statistiki. 4.17. Chislo obshcheobrazovatel'nykh uchrezhdenii s obucheniem na iazykakh narodov i narodnostei Rossii [Federal state statistics service. 4.17. Number of general educational institutions with education in the languages of nationalities of Russia] (online document). URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b03_33/IssWWW.exe/Stg/d010/i010620r.htm].
- Шереметьев 2017 — Р. Шереметьев. Большинство школьников КЧР свободно владеют родным языком — результаты референдума. Kavtoday.ru, 28.11.2017 (электронный документ). URL: <https://kavtoday.ru/46875>. [R. Sheremetiev. Bol'shinstvo shkol'nikov KCHR svobodno vladeiut rodnym iazykom — rezul'taty referenduma. [Most of the high schoolers of the KCHR are fluent in their native language — the results

of the referendum]. Kavtoday.ru, 28.11.2017] (online document). URL: <https://kavtoday.ru/46875>].

Источники

Проект «Языки Москвы». Институт языкознания РАН. Анкета-интервью (10 чел.). [The Languages of Moscow project. Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences. An interview questionnaire (10 participants)].

Проект «Языки Москвы». Институт языкознания РАН. Мини-анкета (13 чел.). [The Languages of Moscow project. Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences. A mini questionnaire (3 participants)].

В. В. Баранова, К. С. Федорова

*НИУ ВШЭ — ИЛИ РАН, Санкт-Петербург,
Университет иностранных языков Хангук, Сеул — ЕУ СПб*

МНОГОЯЗЫЧИЕ В ГОРОДЕ: ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, ДИСКУРСЫ И ПРАКТИКА

1. Введение

Несмотря на длительную историю многоэтничности и многоязычия на территории Российской империи, СССР, а затем РФ и постсоветских государств, в современном российском обществе относительно слабо развиты представления о взаимодействии разных языков, условиях многоязычной коммуникации и знания о контактных языках. В последние десятилетия, в условиях постоянного притока в крупные города новых жителей с отличными от русского языками, вопросы многоязычия, казалось бы, должны были получить осознание, однако в целом они относительно мало артикулированы в публичном пространстве. Как отмечалось в [Fedorova, Baranova 2018; Baranova, Fedorova forthcoming; Kliuchnikova 2018], для российских городов характерен «монолингвальный фасад», проявляющийся как на уровне языкового ландшафта и практик употребления других, помимо русского, языков в публичном пространстве, так и на уровне представлений о нормах собственно русского языка, которые рассматриваются как крайне жесткие и обязательные, в том числе и для не-носителей. Как на этом фоне воспринимается увеличивающееся языковое разнообразие? Современный российский город де-факто многоязычен и состоит как из носителей региональных вариантов русского языка, так и людей, в разной степени владеющих русским как вторым, и эти группы коммуницируют между собой.

В статье анализируются практики языкового поведения и стоящие за ними идеологические конструкты в отношении языков мигрантов в российских городах. Следует оговорить, что эта категория —

«мигранты» — сконструирована в общественном дискурсе для отделения «традиционных» этнических групп от «недавних» приезжих, однако в процессе обсуждения трансформировалась таким образом, что в бытовом языке может включать практически любые «видимые меньшинства», например, разные этнические группы из Дагестана и других регионов РФ. Ниже мы будем использовать обозначение «мигранты» как некий внешний условный ярлык, объединяющий группы с разным социальным опытом и биографиями. Это выделение связано, в частности с языковой политикой, направленной на жителей других государств, работающих в РФ. Языки других, или «нерусские языки» (далее — НРЯ), будут рассматриваться преимущественно на примере языков мигрантов из Средней Азии (в основном, узбекского и киргизского), однако при анализе общественного дискурса зачастую трудно определить, к каким конкретно языкам апеллирует говорящий, не говоря уже о том, что значительная часть носителей русского языка не делает различий между представителями разных этнических групп, объединяя всех их одним, нередко негативно окрашенным, понятием — «мигранты», «понаехавшие», «нерусские».

Статья рассматривает отношение к языкам этнических меньшинств в современном российском мегаполисе на трех уровнях: языковой политики, отношения к другим языкам на дискурсивном уровне и их отражения в практиках коммуникации с мигрантами, складывающихся в современном городе. В фокусе будут, прежде всего, представления **о выборе языка**, т. е. о том, на каком языке должны говорить люди, приехавшие на работу в крупный российский город, в публичном месте, однако отчасти будет рассмотрено и **отношение к русскому языку, на котором говорят приезжие**.

Статья организована следующим образом. В разделе 2 представлена теоретическая рамка исследования и описан используемый материал. В разделе 3 рассматривается языковая политика на материале закона о языке и языковых экзаменов для мигрантов. В разделе 4 обсуждаются инициативы ряда политиков и общественных деятелей, а также рассматриваются онлайн-дискуссии русскоязычных жителей о многоязычии и языковом выборе трудовых мигрантов. Раздел 5 посвящен анализу интервью, описывающих, как на практике устроена многоязычная коммуникация в российских городах. В заключительном разделе обсуждаются основные результаты исследования.

2. Теории языкового планирования и методология

Для данного исследования важно понятие языкового менеджмента, используемое в работах Б. Спольски [Spolsky 2003], рассматривающее модели выбора языка на разных уровнях: в семье, в религиозных группах, на рабочем месте, в медицинских и юридических организациях, в школе, в армии и правительстве. Если учитывать не только государственную языковую политику, но и все многообразие подобных ситуаций, оказывается, что языковое планирование не монолитно. На разных уровнях идиомами или стилями одного языка оперируют разные акторы, и хотя они, разумеется, обладают разной властью, все они вносят свой вклад в доминирующую в данном обществе систему отношений между языками или вариантами языка.

В данной статье будут рассмотрены два уровня языкового менеджмента: 1) традиционный для исследований языковой политики уровень законодательства, формирующий зонтичный подход к многоязычию и оказывающий существенное влияние на дискурс о языковых меньшинствах; 2) языковой менеджмент на рабочем месте, являющийся результатом взаимодействия работодателей и сотрудников с разным уровнем владения русским языком. В данном случае мы будем рассматривать, как коммуникация организована «сверху» работодателем (разумеется, если есть сформулированные правила), а не вопрос о том, как на низовом уровне складываются правила многоязычного общения между сотрудниками. Другие важные сферы языкового планирования, такие как религиозные институты или образование, рассматриваться не будут.

Современные теории языкового планирования неслучайно обращаются к микроуровню. Важно понимать, что факторами, оказывающими влияние на коммуникацию в многоязычном окружении, часто служат индивидуальные решения вовлеченных акторов [Liddicoat, Taylor-Leech 2014; Baldauf 2006]. Частные решения о выборе языка на рабочем месте определяются, в частности, индивидуальными обстоятельствами работодателей, однако совокупность событий на микроуровне на практике образует мозаичную картину языковой политики и отношения к языкам в обществе.

Многоязычное общение в современном мегаполисе современные исследования нередко описывают через понятие *translanguaging*,

предполагающее использование в разговоре нескольких языков, каждым из которых в разной степени владеют собеседники. Использование подобных стратегий типично для многих мультиэтнических городов мира [см., например: Arnautetal 2015; Pennycook, Otsuji 2015; Canagarajah 2017], однако на основе имеющихся данных пока сложно судить, насколько это характерно для российского мегаполиса.

В статье представлен также анализ дискурса о языках мигрантов. Обсуждение того, как должны быть устроены правила многоязычного взаимодействия в обществе, отражает представления о русском языке в целом — высокую степень кодификации, недоверие к вариантам и пр. В то же время эти дискуссии коррелируют с ксенофобией и отрицательным отношением к миграции (см., например: [Дубровский, Карпенко 2003]), что делает их отражением настроений специфической части российского общества. Для Рунета в целом характерен весьма категоричный метод ведения дискуссий [Зверева 2016], даже если не затрагиваются болезненные темы, а в данном случае сама заданная тема предполагает, что высказутся преимущественно те, кто испытывает недовольство. Однако мы не стремились выделить те или иные голоса. Для анализа были использованы типичные, часто встречающиеся высказывания, описывающие отношение индивида к многоязычию и изменению звукового фона российских городов. Очевидно, что такой подход отчасти нивелирует существующие в обществе различия, но позволяет описать доминирующий дискурс.

Исследования звукового ландшафта (soundscape) обращают внимание на этническую музыку, допустимый и привычный уровень громкости звуков, однако фоновое звучание других языков также может быть осмыслено как часть городской повседневности [Scarvaglieri et al. 2013]. В связи с этим возникает вопрос о различении миноритарных языков. Насколько средний горожанин опознает тот или иной идиом, даже если не может понять, что именно говорят? Считают ли жители это умение важным? Как при трансформации этнического состава города меняется состав идиомов, которые распознает горожанин?

Данные в этом исследовании подразумевают несколько разных методов сбора и анализа данных.

Во-первых, для анализа языковой политики использованы официальные документы, а также материалы в СМИ о реализации

языковой политики в регионах. Для их анализа применялись упомянутые выше теоретические подходы к языковому планированию.

Во-вторых, для описания дискурса о многоязычии привлекались материалы интернет-форумов, социальных сетей и интернет-комментариев к публикациям СМИ по теме миграций. В данном случае не ставилась задача репрезентативной для российского общества выборки разных по идеологии платформ или представлению различных возрастных и социальных групп. Целью описания являлись именно общие фоновые установки, которые часто выносятся в пресуппозицию высказывания. Конкретным кейсом является отношение к звучащей на улицах и в других публичных местах нерусской и / или русской речи с акцентом и грамматическими отклонениями от стандартной.

Третья часть, описание практик коммуникации жителей мегаполисов с трудовыми мигрантами, основана на материалах интервью преимущественно с приезжими из постсоветских государств в Санкт-Петербург и Москву, в которых для анализа были выделены коды «коммуникация на рабочем месте» и «разговор в публичном месте». Следует оговорить, что для целей данной работы интервью как метод сбора данных имеет определенные ограничения, которые в дальнейшем можно было бы снизить, используя наблюдения. Важным преимуществом этой работы является попытка проследить изменения, произошедшие за последние 10 лет. Интервью, собранные в 2017–2018 гг. в рамках проектной группы «Биографии трудовых мигрантов» (20 интервью), сопоставляются со значительным массивом данных, полученных в нескольких исследовательских проектах НУЛ СОН НИУ ВШЭ в 2009–2010 гг.¹ Кроме того, использованы некоторые интервью с русскими, работающими с трудовыми мигрантами.

---

¹ Благодарим респондентов и участников студенческой проектной группы «Биографии мигрантов» (2017–2018 гг.) и проектов Лаборатории социологии образования и науки НИУ ВШЭ разных лет, а также коллег, обсуждавших доклады с предварительными соображениями на конференции «Urban Diversities» (Москва, 9–10 апреля 2018 г.) и ежегодной конференции BASEES (Кембридж, 13–15 апреля 2018 г.). Исследование частично выполнено в рамках проекта «Языки Москвы» при поддержке ОГОН РФФИ № 16-04-00474.

3. Языковая политика в сфере миграции

Государственное регулирование в сфере языкового употребления в отношении мигрантов началось в России относительно недавно. В 2014 году были приняты и с 1 января 2015 года вступили в силу поправки в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Согласно этим изменениям, иностранцы, претендующие на получение разрешения на временное проживание, вида на жительство, разрешения на работу либо патента, должны подтверждать свое владение русским языком, знание истории России и основ законодательства РФ. Исключение было сделано для высококвалифицированных специалистов и членов их семей, а также детей, студентов, пожилых людей и официально недееспособных, а также юридически признанных «носителей русского языка». Все прочие, включая трудовых мигрантов из Средней Азии (кроме граждан Казахстана и Кыргызстана, входящих в Таможенный союз), занятых на низкоквалифицированных работах, столкнулись с необходимостью сдавать экзамены либо каким-то другим образом обзаводиться документами, подтверждающими знание языка.

Сдавать экзамен можно в специализированных центрах тестирования или на базе ограниченного числа вузов, при них же организуются курсы подготовки к сдаче экзаменов. Уровень сложности экзамена зависит от цели — наиболее высокую степень владения русским языком должны продемонстрировать претенденты на получение российского гражданства, минимальные языковые требования предъявляются заявителям на трудовой патент. По результатам успешного тестирования выдается «Сертификат о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации» сроком действия на пять лет. И тестирование, и подготовка к нему, и пересдача экзамена или его частей являются платными услугами, добавляя к стоимости оформления патента как минимум 5 тысяч рублей. Впрочем, регионы РФ могут разрабатывать собственные региональные сертификаты сроком действия 1 год, они, как правило, обходятся намного дешевле, а зачастую являются формальным прикрытием для коррупционных схем. Насколько можно судить по публикациям СМИ (см., например, расследование корреспондентки «Новой газеты» Дианы Хачатрян, опубликованное 5 сентября 2015 года) и данным интервью, для многих мигрантов и / или их работодателей оказывается проще

прибегнуть к услугам фирм-посредниц, предлагающих оформление сертификатов без реальной сдачи экзамена, чем тратить время и деньги на учебу и тестирование. Соответственно, языковые курсы, которые могли бы выполнять функцию механизма интеграции, оказываются мало востребованными.

Сама по себе попытка законодательного регулирования языковой сферы и, в частности, юридически формализованного определения того, что такое «владение языком» и кто может признаваться «носителем языка», представляет собой интересный случай проекции языковой идеологии, характерной для данного общества. Однако ее подробный анализ выходит за рамки данной статьи, отметим лишь явно и декларативно выраженное представление о том, что владение русским языком (а не каким-либо еще из языков, распространенных в отдельных регионах России) является нормативным и ожидаемым для мигрантов, а игнорирование этого ожидания влечет за собой юридические последствия — невозможность официально работать, нарушение миграционного режима, штрафы и депортации. Еще более характерной в этом отношении является инициатива представителей Либерально-демократической партии России по введению правового регулирования языкового поведения: в декабре 2013 года они внесли в Государственную думу проект поправок в Закон «О государственном языке Российской Федерации», запрещающих в рабочее время и на рабочем месте «общаться на зарубежном языке». Депутаты ссылались на то, что коренное население испытывает негодование, когда слышит, как мигранты разговаривают между собой на непонятном языке. Поправки подверглись закономерной критике как нереалистичные и приняты не были, но сама по себе идея того, что возможно регулировать коммуникацию на рабочем месте, а также использованная мотивировка свидетельствует о том, что жесткая монолингвальная установка и неприятие иных языков для части российского общества выглядят естественными. Это подтверждает и анализ высказываний о мигрантах и их языках в интернете.

4. Представления о языках мигрантов

Характерно, что значительное число весьма ярких примеров высказываний о языках мигрантов можно обнаружить среди комментариев под новостями о языковом тестировании и законодательной инициативе ЛДПР, где многие делают весьма резкие заявления

в адрес слабо владеющих русским языком мигрантов, подтверждая, в известном смысле, приводимые депутатами аргументы. Любая публикация, затрагивающая проблемы мигрантов и их языковой интеграции, вызывает шквал комментариев разной степени агрессивности по отношению к приезжим. Как правило, в таких высказываниях языки мигрантов, с одной стороны, никак не дифференцируются между собой, выступая как некий единый непонятный и противопоставленный русскому код. С другой стороны, вербальное поведение мигрантов расценивается как потенциально агрессивное и нередко злонамеренное. Рассмотрим некоторые примеры выражения этих стереотипов:

- (1) *приехали в Москву трудовые мигранты, будьте добры знать русский язык, а то аж противно когда идешь по центру столицы а за спиной на своем языке лапочут и явно довольны что их никто не понимает...*²
- (2) *Когда я слышу не русскую речь на улицах, мне хочется подойти и дать им по голове учебником русского языка. Мы живём в России. И если уж вы сунулись сюда, сделайте одолжение, научитесь говорить по-русски. Я живу в городе Пермь. У нас есть рынок, там очень много трудовых мигрантов. Иду по переходу — слышу только нерусскую речь. Мне кажется, это ненормально. Создаётся ощущение, будто ты находишься далеко от Родины. В чужих местах.*
- (3) *«Трудовые мигранты должны знать И РАЗГОВАРИВАТЬ на русском языке»!!! Не скажу что этот разговор должен быть везде, трудовые мигранты среди своих могут и им не кто не запрещает общаться на своем родном языке, но в организациях и местах с русскоязычным населением, уж будьте добры! Это в конце концов просто не этично когда трудовые мигранты общаются на своем языке! МЫ их не можем понять и на этой почве возникает масса конфликтов и неразберих!*
- (4) *Если ты Россиянин, то обязан знать язык, если ты гражданин другой страны, найми переводчика. Не совсем приятно, когда на рынке или другом месте, где основная масса русскоязычные,*

---

² Во всех примерах, взятых из интернет-коммуникации, сохраняется орфография и пунктуация оригинала.

отдельные кадры лепечут что-то, можно подумать, что смеются над тобой. Говорите между собой, но в общественных местах лучше слышать родное.

Во всех подобных высказываниях акцентируются негативные эмоции, которые испытывает носитель русского языка не только от невозможности установить коммуникацию с приезжими, но и от ситуации, когда вокруг него звучит незнакомая речь, смысла которой он не понимает. Несмотря на то что он не является адресатом этой речи, она не может оставаться незначимым фоновым шумом, в ней слышится угроза и намеренное игнорирование «правил приличия» — действиям иноязычных говорящих приписывается злой умысел, предполагается, что они могут говорить по-русски, но просто не хотят и используют свои родные языки как тайный код, позволяющий безнаказанно выражать неприятное для русскоязычного слушателя содержание:

- (5) *у нас в Пензе шаурмой торгуют приезжие. когда делают заказ — обязательно на своём усиленно лопочут. откуда я знаю, может он мне желает, чтоб я подавилась этой шаурмой. на замечания говорить по-русски реагируют агрессивно. значит точно проклинают. или песни на своём языке распевают во время работы. особый шик для них — это по сотовому на всю Ивановскую лопотать по-ненашенски.*

Обращает на себя внимание широкое использование в подобных высказываниях различных пейоративных номинаций для иноязычной речи. Такие слова как «лопотать», «бормотать», «тарабарщина» актуализируют значение непонятности, невнятности, это недифференцируемая речь, смысл которой скрыт или вовсе отсутствует. Другие выбираемые лексические средства — такие слова, как «горланить», «орать» — подчеркивают неприличное, с точки зрения носителей русского языка, вербальное поведение: повышение громкости, в том числе и громкий разговор между собеседниками, находящимися на большой дистанции, а также, вероятно, использование непривычных фонем и их сочетаний.

Интересно также, что языки трудовых мигрантов противопоставляются «настоящим» иностранным языкам, как в данном примере:

- (6) *а меня вот раздражает их тарабарщина, особенно когда как дикари орут на своем на всю улицу/магазин/метро и тд при*

всем при этом, очень нравится слушать китайский, японский, английский, чуть меньше немецкий с французским, другие языки как-то не встречал особо, или не помню просто)

Если «настоящие» иностранные языки оцениваются как престижные и эстетически привлекательные, то узбекский, таджикский или азербайджанский, на которых говорят мигранты, не рассматриваются как имеющие какую-то ценность. Это напоминает ситуацию с различным отношением к «престижному» и «непрестижному» билингвизму, когда владение выученным в школе европейским языком оценивается как желательное и престижное, а реальное дву- или многоязычие меньшинств, говорящих, помимо стандартного, на своих языках, представляется нежелательным и свидетельствующим о возможных проблемах с образованием (см. [Deprez 1994]).

Наряду с эксплицитно выраженным персональным неприятием чужих языков и их носителей встречаются в комментариях и попытки более абстрагированного описания ситуации и своеобразной рационализации негативного языкового стереотипа:

- (7) *я считаю в принципе правильно, а то иногда в магазине не могут объяснить что им нужно и из за этого все ждуют, а в время деньги, а особенно в Москве в городе в котором все куда то спешат. Да и самим мигрантом будет проще и удобней, ориентироваться в чужом городе и в чужой стране.*
- (8) *мигранты нередко позволяют себе громко кричать на улицах. Или идёт по улице и почти кричит в телефон непонятные слова. Так уж устроен мозг человека, что громкие фразы, произнесенные на чужом языке, воспринимаются отрицательно. Особенно, если язык не столь мелодичен, как итальянский или французский, а его носитель не похож на английского джентельмена.*

В последнем случае также подчеркивается разница между «настоящими и культурными» языками и их носителями и сомнительными в этом отношении языками мигрантов.

Таким образом, в дискурсе носителей русского языка вербализуется императивное требование к приезжим говорить по-русски и отказываться от привычных способов коммуникации. В то же время неспособность мигрантов в полной мере овладеть стандартным русским языком также ставит их в уязвимую позицию,

поскольку жесткая установка на нормативность и языковой пуризм маркирует их как «неполноценных» говорящих. Проблема отношения к этнически окрашенной русской речи чрезвычайно сложна, отметим лишь, что мигранты оказываются в ситуации, когда им транслируется своего рода «двойное послание»: с одной стороны, «нам не нравится, когда ты говоришь на родном языке, необходимо говорить по-русски», а с другой — «нам не нравится, как ты говоришь по-русски». Возникает закономерный вопрос: в какой степени метаязыковой дискурс отражает существующую речевую практику?

5. Практика коммуникации

В данном разделе будет кратко рассмотрено, как на практике складывается коммуникация между трудовыми мигрантами и русскоязычным большинством в мегаполисе в отношении многоязычия и выбора языка. Из-за ограничений объема публикации будут выбраны только два аспекта ситуации, часто упоминаемые в интервью с мигрантами: языковой менеджмент на рабочем месте и контроль за языком в публичном пространстве, в частности в транспорте. Эти два момента показательны также с точки зрения властных отношений: на рабочем месте право работодателя устанавливать собственные правила практически не подвергается сомнению, тогда как вмешательство в приватное общение в публичном месте гораздо в меньшей степени оправдано. Здесь не рассматриваются промежуточные случаи, в частности примеры контроля за языком учащихся со стороны учителей или администрации школы [Александров и др. 2011]³, а также врача и др. «институциональных» участников [Баранова 2012].

Следует учитывать, что влияние на языковой менеджмент на рабочем месте оказывают также факторы, не ориентированные изначально собственно на язык или, по крайней мере, на уровне деклараций направленные на решение других задач. Например,

---

³ Показательно, что сами учителя обозначают ситуацию как **просьбу**, см. интервью с директором одной из петербургских школ: *«Мы нацеливаем родителей, просим говорить дома по-русски, чтобы детям было легче. Но сами понимаете, что это невозможно. Но мы делаем все возможное»*. [Александров и др. 2012: 187].

согласно одному из интервью с русскоязычным менеджером сети кофеен в аэропорте (ж., ок. 20 лет, СПб), курировавшим работу службы клининга, в Пулково после терактов весной 2017 г. были изменены правила найма уборщиков: в двух зонах из трех (международной и русской) теперь необходима постоянная регистрация для работников клининговой службы, и наем осуществляется только по договору, что автоматически привело к заметному для других сотрудников изменению звукового ландшафта, тогда как в общей зоне остались уборщики, которые говорят между собой и по телефону на узбекском. На возможность разговаривать на своем языке вслух, как и на другие признаки «видимости», также оказывает влияние мигрантофобия и уровень страхов в обществе, которые достаточно высоки (см., например, [Деминцева 2013; Bessudnov 2016]). Здесь будут рассмотрены только осознанные и отрефлектированные респондентами в интервью принципы выбора языка на рабочем месте и в транспорте (или другом публичном пространстве).

Рабочее пространство важно для поддержки многоязычия по нескольким причинам: во-первых, для многих недавно приехавших сотрудников это часто едва ли не единственный ресурс для изучения русского; во-вторых, трудовые мигранты проводят на работе значительную часть своего времени, нормами являются рабочие смены по 10–12 часов; в-третьих, рабочая коммуникация направлена на решение совместных задач, то есть людям в любом случае надо договориться, даже если они используют разные коды.

В интервью часто подчеркиваются усилия, которые тратились на овладение русским языком в первые годы после переезда. Рабочая коммуникация позволяет выучить русский или повысить уровень владения языком естественным образом. Как отмечают респонденты, русскоязычные участники коммуникации обычно **исправляют** ошибки в русском языке собеседников:

- (9) [как выучил русский?] *Ну, вот с русскими работал здесь, они вот изучают* (здесь: «слушают, стараются понять». — В. Б., К. Ф.), *если неправильно говорим, вот поправит* (Д., м., 32 года, Узбекистан, СПб., 2018).

Знание русского языка часто подчеркивается как важный элемент, способствующий устройству на работу, наряду, впрочем, с другими факторами:

- (10) *Мы просто приехали в Москву. Тогда уже наши ребята работали таксистами. Среди них оказался наш земляк. И он нас забрал к себе. Потом по знакомству он взял нас. Он видел, что мы хорошо разговариваем по-русски, цивилизованные люди, и он забрал нас в телецентр Москвы.* (Ф., ж., 1975 г. р., Таджикистан, СПб., 2018).

Если есть сформулированные принципы выбора языка на рабочем месте, то они принадлежат руководителю или владельцу. В разных интервью упоминается о том, что коммуникация на рабочем месте должна осуществляться на русском языке, причем — парадоксальным образом — даже между сотрудниками с одним родным языком и плохо владеющими русским. Обращает на себя внимание, что многие респонденты признают справедливость такого подхода:

- (11) *Потому что нашему хозяину, владельцу этого магазина, ему не нравится, когда разговаривают на своем родном языке. Я тоже с этим согласна. Я приехала в Россию, пожалуйста — на русском. В Киргизии, пожалуйста — на киргизском* (ж., 1978 г. р., киргизка из Узбекистана, Московская область, 2010).

Даже в тех случаях, когда нет эксплицитно сформулированного запрета, мигранты часто придерживаются стратегии избегания и стремятся стать «невидимыми» и «неслышимыми». Например, респондентка рассказывала, что между собой уборщицы разговаривают только на узбекском, при остальных работниках (русскоязычные охранники, слесари и т. д.) «могут на узбекском общаться, обычно никто ничего не говорит», но при начальстве «стараятся не говорить вообще». (Д., ж., 32 г., Узбекистан, работает уборщицей в студенческом общежитии, 2018).

Вполне вероятно, однако, что в этой сфере постепенно происходят изменения. В последнее время в интервью респонденты чаще говорят о том, что на работе общаются на других языках, кроме русского, и этот выбор выглядит как «вариант по умолчанию».

- (12) *И.: Здесь, на работе вы общаетесь с коллегами на узбекском или на русском?*

Р.: На узбекском, не все понимают по-русски (Д., м., 32 года, Узбекистан, работает поваром в грузинском ресторане, СПб., 2018).

Кроме того, в интервью последних лет иногда звучит критика контроля за использованием родного языка, правда, в тех случаях, когда он исходит не от работодателя, а от клиентов.

(13) *И.: Замечания делают?*

Р.: Я, например, сижу на кассе, раньше было такое, а сейчас рот закроют, никто даже замечания не делает — если что-то не так, сразу: «Понаехали». Зачем это слово? (Ф., ж, 1975 г. р., Таджикистан, СПб., 2018, работает кассиром в крупном супермаркете).

Обратная сторона требования использовать на работе русский язык — акцент и ошибки в русском языке, однако акцент также оценивается отрицательно. Работник, не являющийся носителем русского языка, оказывается перед двойным запретом: «Не говори на своем, не говори на плохом русском». Негативное отношение к акценту со стороны русскоязычного большинства упоминалось в предыдущем разделе, однако здесь важно подчеркнуть, что его часто разделяют и сами мигранты, особенно те, кто подчеркивает собственное хорошее знание языка и вытекающее отсюда более высокое положение:

(14) *А кто русский язык знает — это единицы, наверное (среди киргизов в Москве. — В. Б., К. Ф.). Ну, если говорят на русском языке, то только с акцентом, сильным акцентом, меня это сильно раздражает, если честно. Говорят неправильно, все вот это диалекты... (А., 1970 г. р., Киргизия, Московская обл., 2010).*

Акцент в русском языке оценивается как препятствие в работе и признак недостаточного профессионализма. Респондент рассказывала, что в тот момент, когда их школу с грузинским этнокомпонентом объединили с обычной школой, она хотела уволиться с работы. Прежде она вела занятия на русском (хотя могла поговорить на грузинском с детьми, которые хуже знали русский), и ее владения языком было вполне достаточно для объяснения материала в рамках школьной программы; с точки зрения лингвиста, ее русский вполне свободный, однако в произношении сохраняются некоторые акцентные черты.

(15) *Предложено было мне перейти [из грузинской школы в русскую], но сразу я отказалась, потому что русский язык у меня*

не на высшем уровне, сейчас как я уроки буду вести? Еще с грузинами хорошо с акцентом, а русские дети — как меня воспринимать будут? (Д., ж., 56 лет, грузинка из Абхазии, в СПб. с 1993 г., 2017).

Показательно, что информантка не сомневается в своих возможностях объяснить материал или понять детей, но предполагает, что то, что «сошло» для грузин, будет казаться русскоязычным детям смешным или еще по каким-то причинам несовместимым со статусом учителя.

Рассмотрим другую часто упоминаемую в интервью ситуацию — разговор на родном языке на улице или в транспорте, который вызывает неодобрительные взгляды или замечания со стороны окружающих.

- (16) *Ну, у нас недавно. Мы только в автобус сели, вчера после вечера. Ну, у нас, когда старший заходит на автобус, сразу младший встанет и место надо освобождают. Мы ходили, я поздно вышла из работы, на автобус зайду, уже места не осталось. Там один узбек парень сидел, ну, знакомый. Он сразу встал: «Присядьте сюда». По нашему языку. А потом одна женщина говорит: «Вы почему на своем языке говорите?» (...) Если мы говорим по-русски, то никто ничего не скажет. А если по-своему говорим, сразу все смотрят: «Вы почему вы так говорите? По-русски разговаривайте и все» (З., ж., 42 г., Кыргызстан, СПб., 2018).*

Однако, в отличие от коммуникации на рабочем месте, подобные требования оцениваются как необоснованные:

- (17) *У нас до сих пор, Боже мой, Аллах мой, живут русский народ. Не буду даже врать, 45% живет русский народ в этом маленьком Согдиане. И все даже наши национальные платя носят. Хотя они по-русски разговаривают, им никто замечания не делает, а здесь в автобус зашла, не дай Бог, рот открыла, все так смотрят. Я даже иногда удивляюсь, думаю: «Боже мой, когда ты приедешь к нам на экскурсию, отдыхать приедете, в санаторий, например, ты же все равно по-нашему не будешь говорить, по-своему будешь. Тебе кто-нибудь замечания делает? Нет» (Ф., ж., 1975 г. р., Таджикистан, СПб., 2018).*

При этом информанты иногда замечают противоречивость исходящих от носителей русского языка установок, вскрывая «двойное послание», о котором шла речь выше:

- (18) [нам говорят] *«Вы не в своем доме, вам надо сказать по-русски, вам надо общаться».* А если мы по-русски общаемся, то это вам не нравится (З., ж., 42 г., Кыргызстан, СПб., 2018).

Суммируя результаты анализа коммуникации на рабочем месте и в публичных местах по данным интервью с мигрантами, хотелось бы обратить внимание на несколько моментов. Мигранты подвергаются «двойному контролю», поскольку русскоязычному большинству не нравится ни звучание другого языка, ни русский с акцентом. В то же время, некоторые наши респонденты не признают права контролировать их коммуникацию между собой и, как кажется, подобные настроения чаще встречаются в современных интервью, чем 8–9 лет назад. Обсуждение прав трудовых мигрантов, в том числе права говорить на родном языке, по-видимому, стало одним из допустимых дискурсов. Кроме того, увеличилось количество заведений, где весь младший персонал лучше говорит на узбекском или киргизском языках, что делает эти идиомы языком по умолчанию для быстрого решения прикладных задач.

6. Выводы

Три рассмотренных уровня — реальные практики коммуникации, принципы, постулируемые в дискурсе, и языковая политика на макроуровне — предсказуемо отличаются между собой, однако разделяют ряд общих черт, в том числе негативное отношение к языкам мигрантов. Выше представлена попытка показать, как эти установки реализуются на каждом из уровней и можно ли проследить те моменты, в которых возможны изменения.

Языковая политика на макроуровне не выглядит монолитной сама по себе. Тем не менее, с 2015 г. реализуется ряд федеральных законопроектов, направленных на регулирование знания и использования русского языка трудовыми мигрантами. Общественный дискурс более однороден в том, что касается неприятия многоязычия или ненормативного русского. Особенно важно, что эти представления воспринимаются как норма и часто русскоязычное большинство даже не рассматривает всерьез ситуацию, когда собеседник

может не владеть русским, что широко проявляется в речевой практике, когда вся значимая информация не только в государственных учреждениях, но и в частных заведениях, ориентированных в том числе на иностранцев, дается только по-русски.⁴

Языковой менеджмент, складывающийся на рабочем месте или в публичных местах, в целом демонстрирует более широкий набор вариантов отношения к языку и реакций на многоязычие или слабое владение русским языком. С одной стороны, эти практики в значительной степени отражают молингвальные установки, в целом свойственные носителям русского языка, что приводит к попыткам контроля за языковым поведением в общественных местах. С другой стороны, в ситуации заинтересованности в успехе при решении повседневных рабочих задач поведение русскоязычных жителей больших городов в качестве коллег или клиентов трансформируется. Вероятно, количество постепенно переходит в качество, а накопление опыта совместной деятельности и увеличение групп, видимых и слышимых на улицах и репрезентируемых в публичном дискурсе, приводит к постепенному осознанию реально существующего в городе многоязычия. Можно предположить, что практики коммуникации в этом отношении оказываются более гибкими, чем дискурс. Другое осторожное предположение связано с рождающимся осознанием собственной «субъектности» среди самих мигрантов. Авторам хотелось бы думать, что разнородность практик позволяет надеяться на возможность постепенного изменения отношения к многоязычию.

Литература

Александров и др. 2012 — Д. А. Александров, В. В. Баранова, В. А. Иванюшина. Дети и родители — мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199. [D. A. Aleksandrov, V. V. Baranova, V. A. Ivaniushina. *Deti i roditeli — migranty vo vzaimodeistvii s rossiiskoi shkoloi* [Migrant children and parents in interaction with Russian school]. *Voprosy obrazovaniia*. 2012. No. 1. P. 176–199].

---

⁴ Так, например, в пунктах денежных переводов иностранные языки иногда используются в вывесках и рекламных листовках, но в основном на уровне заголовков. Вся практически важная информация, такая как курсы обмена валют и комиссия за перевод денег за границу, доступна только на русском языке, так же как и заполнение любых квитанций и документов.

- Баранова 2012 — В. В. Баранова. Языковая социализация детей мигрантов // Антропологический форум. 2012. № 17. С. 157–172. V. V. Baranova. [Iazykovaia sotsializatsiia detei-migrantov [Linguistic Socialisation of Migrant Children]. Antropologicheskii forum. 2012. No. 17. P. 157–172].
- Дубровский, Карпенко 2003 — Д. В. Дубровский, О. В. Карпенко. Язык вражды в русскоязычном интернете. СПб.: Издательство Европейского университета, 2003. [D. V. Dubrovskii, O. V. Karpenko. Iazyk vrazhdy v russkoiazychnom internete [Hate speech in Russian Internet]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta, 2003].
- Зверева 2016 — В. В. Зверева. Дискурсивное конструирование социальной иерархии в Рунете // Е. Г. Лапина-Кратасюк, О. В. Мороз, Е. Г. Ним (ред.). Настройка языка: управление коммуникациями на постсоветском пространстве. М.: Новое литературное обозрение, 2016. С. 197–223. [V. V. Zvereva. Diskursivnoe konstruirovanie sotsial'noi ierarkhii v Runete [Discourse construction of social hierarchy in Runet]. E. G. Lapina-Kratasiuk, O. V. Moroz, E. G. Nim (eds.). Nastroiika iazyka: upravlenie kommunikatsiiami na postsovetском prostranstve. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016. P. 197–223].
- Деминцева 2013 — Расизм, ксенофобия, дискриминация. Какими мы их увидели... // Под ред. Е. Б. Деминцевой. М.: Новое литературное обозрение, 2013. [Rasizm, ksenofobiia, diskriminatsiia. Kakimi my ikh uvideli... [Racism, xenophobia, discrimination. How we saw them...]] // Ed. E. B. Deminceva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013].
- Arnaut et al. 2015 — K. Arnaut, J. Blommaert, B. Rampton, M. Spotti. Language and superdiversity. New York: Routledge, 2015.
- Baldauf 2006 — R. Baldauf. Rearticulating the case for Micro Language Planning in a Language ecology context // Language Planning. 2006. Vol. 7. Issue 2–3. P. 147–170.
- Baranova, Fedorova forthcoming — V. Baranova, K. Fedorova. “Invisible minorities” and “hidden diversity” in St. Petersburg’s linguistic landscape // Language and Communication (forthcoming).
- Bessudnov 2016 — A. Bessudnov. Ethnic hierarchy and public attitudes towards immigrants in Russia, *European Sociological Review*. 2016. Vol. 32. Issue 5. Published online. DOI: 10.1093/esr/jcw002.
- Canagarajah 2017 — S. Canagarajah. Translingual practices and neoliberal policies. Attitudes and strategies of African skilled migrants in Anglophone workplaces. Cham, Switzerland: Springer, 2017.
- Deprez 1994 — C. Deprez. Les enfants bilingues: langues et familles. Paris: Didier, 1994.
- Fedorova, Baranova 2018 — K. Fedorova, V. Baranova. Moscow: diversity in disguise // P. Heinrich, D. Smakman (eds.). Urban sociolinguistics: the city as a linguistic process and experience. London: Routledge, 2018. P. 221–237.

- Kliuchnikova 2018 — P. Kliuchnikova. FSU migrants on their ‘audibility’ in Russian urban environments: Self-reflection, communication patterns and performing migrant ‘voices’, presented at Urban linguistic diversity, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, April 9–10, 2018, Moscow.
- Liddicoat, Taylor-Leech 2014 — A. Liddicoat, K. Taylor-Leech. Micro language planning for multilingual education: agency in local contexts // Current issues in language planning. 2014. Vol. 15. Issue 3. P. 237–244.
- Pennycook, Otsuji 2015 — A. Pennycook, E. Otsuji. Metrolingualism: language in the city. Routledge, 2015.
- Scarvaglieri et al. 2013 — C. Scarvaglieri, A. Redder, R. Pappenhagen, B. Brehmer. Capturing diversity. Linguistic land- and soundscaping in urban areas // I. Gogolin and J. Duarte (eds). Linguistic superdiversity in urban areas. Research approaches. Amsterdam: Benjamins, 2013. P. 45–74.
- Spolsky 2003 — B. Spolsky. Language policy. Cambridge University Press, 2003.

А. Н. Биткеева

ИЯз РАН, Москва

ЯЗЫКОВАЯ АДАПТАЦИЯ ДИАСПОРЫ: СТРАТЕГИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

1. Понятие диаспоры

В статье рассматривается понятие *диаспора*, специфика формирования, существования и развития диаспоры в современном мировом сообществе. В качестве примера анализируется развитие языковых общностей ойрат-калмыков¹, проживающих диаспорами в разных регионах мира.

Диаспора является динамичным феноменом, это особенно заметно в последние годы в связи с активными миграционными потоками в странах Европы, появлением новых форм диаспор в политическом, конфессиональном, социально-бытовом, языковом планах, актуализацией исследований данных этнических групп, поиска механизмов их адаптации и т. д.

По оценке исследователей, за последние десятилетия численность международных мигрантов увеличилась в три раза. Так,

---

¹ В статье используется термин «ойрат-калмыки» в значении языковой общности калмыков и ойратов, имеющих общность генезиса и исторических судеб: ойраты являются предками калмыков. На северо-западе Китая была расположена историческая родина ойрат-калмыков Джунгария (ныне провинция Синьцзян). В начале XVII в., в период столкновений двух династий Минь и Цинь, в союзе «дорвн ойрат» появились разногласия. По экономическим и политическим причинам из-за межплеменных разногласий ойраты под предводительством Хо-Урлюка ушли на Нижнюю Волгу, где положили начало формированию калмыцкой народности. В 1771 г. под предводительством Убаши-хана большая часть волжских калмыков вернулась в кочевья своих предков, Джунгарию. Таким образом, в Китай данная этническая группа вернулась уже после формирования калмыцкой народности и калмыцкого языка, соответственно, термин «ойрат-калмыки» относительно ойратов Китая имеет право на существование. В научной литературе в отношении ойратов Китая используется термин «синьцзянские калмыки».

в 1960 г. в мире насчитывалось 75,5 млн человек, проживающих вне страны своего рождения, в 2000 г. число таких людей составило 172,6 млн, в 2010 г. их число составило 220 млн, в 2017 г. — 257,7 млн. По оценкам экспертов ООН, сегодня каждый 35-й житель Земли является международным мигрантом, а в развитых странах — каждый десятый [Кондратьева 2011; IMS 2017].

Термин «диаспора» стал широко использоваться в научном дискурсе относительно недавно — с конца 1970-х г., а после 1990-х в связи с актуализацией политического, территориального, социально-экономического раздела во многих странах мира тема диаспор зазвучала чаще, появились научные исследования социально-политических, исторических, культурологических, этнографических и других аспектов темы диаспоризации.

Несмотря на относительную теоретическую разработанность вопроса, термин «диаспора» в научном контексте используется в нескольких значениях. Во-первых, диаспора означает совокупность лиц определенной этнической принадлежности, проживающих за пределами основного традиционного места расселения этого народа, объединенная общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющая свой этнический язык в качестве одного из средств общения. Диаспора может быть представлена различными по демографическим параметрам этническими (национальными) группами, оказавшимися вне своей метрополии в силу различных исторических причин. Члены диаспоры, как правило, испытывают сильное языковое воздействие иноязычного окружения, в результате чего в их речи в большей или меньшей степени наблюдаются просодические сдвиги, окказиональные заимствования, макаронизм. В результате длительного контактирования явления интерференции становятся системными, и со временем формируется местный вариант данного языка (этнолект). Различные диаспоры могут существовать также и в рамках многонационального государства — за пределами основного места компактного проживания этноса, например, чеченская диаспора, мордовская диаспора на территории РФ. В данном случае, как правило, этот тип диаспоры называют «внутренней диаспорой». Во-вторых, в последние десятилетия термин «диаспора» стал применяться также по отношению к разнородной в этническом отношении, но объединенной по языковому и социальному принципу части населения СССР, оказавшейся в результате распада страны за пределами

Российской Федерации — «русскоязычная диаспора», состоящая не только из этнических русских, но и лиц иных национальностей [ССТ 2006: 57–58]. Существуют и другие интерпретации термина.

История формирования и развития каждого народа и его диаспор специфична, но существуют общие схожие механизмы развития диаспор, характерные для многих этнических групп. Нас будет интересовать языковой аспект развития диаспоры.

На развитие идиома влияют объективные и субъективные факторы, которые в свою очередь зависят от ситуативного фактора. Ситуативный фактор подразумевает внезапные, неожиданные условия (военные действия, социально-политические, экономические изменения и т. д.), его сложно определить, но возможно спрогнозировать с помощью, например, дискурсивного анализа. Именно ситуативный фактор играет решающую роль в создании условий для формирования диаспоры.

Основные параметры, влияющие на степень витальности языка, в том числе диаспоры, следующие: 1) численность диаспоры (демографическая мощьность); 2) тип расселения, степень компактности проживания членов этнической группы и длительность проживания вне исконной территории (от нескольких веков до нескольких десятилетий); 3) уровень функционального и внутриструктурного развития языка, наличие письменности; 4) количество коммуникативных сфер, в которых используется язык диаспоры (коммуникативная мощьность языка диаспоры); 5) степень этнической самоидентификации (символическая мощьность языка); 6) конфессиональные характеристики диаспоры. Для языкового развития ойрат-калмыцких общностей актуальны все указанные параметры.

При оценке жизнеспособности языков, которая измеряется широтой и интенсивностью их применения в социально значимых сферах общения, исследователи считают важным показателем *демографическую мощьность* языка, соотношение числа владеющих этим языком с числом членов соответствующей этнической группы [Виноградов 1990: 616].

В условиях, когда доля представителей диаспоры в населении региона невелика, функциональное развитие языка сталкивается с известными трудностями. Такие языки с трудом могут расширить свои функции, поскольку население использует прежде всего язык доминирующей культуры и социальная потребность в использовании языков малочисленных этнических групп ограничена.

Значимым параметром успешного функционирования языка является *способ расселения* языкового сообщества. Если для этнической группы характерно дисперсное расселение и малочисленность, то она обычно быстро ассимилируется и растворяется в социальной среде, хотя возможно, что ее представители все еще образуют небольшую этническую общность, национальное самосознание не исчезло, многие знают родной язык, историю, этнографию, фольклор своего народа. Первым, что подвергается процессу аккультурации, является родной язык. Осваивая язык принимающего общества, человек принимает также нормы поведения и культуру. В этом случае этнические языки становятся функционально неравнозначными доминирующему языку, менее престижными. Крупные этнические группы, для которых характерен компактный тип проживания, как правило, менее подвержены влиянию социальной среды, у такой языковой общности медленнее проходит адаптация, дольше сохраняется этноязыковое своеобразие группы. Это касается и молодого поколения, наиболее активной и динамичной части этнической группы. К компактному типу расселения склонны этносы, у которых сохранились традиции проживания большой семьей, немаловажную роль играют и конфессиональные характеристики этнической группы.

Фактор этнической самоидентификации и *символическая мощност языка* являются основополагающими в развитии диаспоры. Как правило, развитие диаспоры направлено на сокращение культурной дистанции, но аккультурация, утрата своего этнокультурного своеобразия различна, зависит от условий существования диаспоры. Проживая в иноэтнической среде малыми диаспорами, этнические группы, как правило, начинают забывать свой язык уже в третьем поколении, не признают родным языком «свой» язык, а пользуются в повседневной жизни «чужим» языком, меняется их этническая идентичность. Диаспора является диаспорой до тех пор, пока в ее ментальности сохраняется этнокультурная специфика и ее представители сознают свою инаковость в окружающем социуме. Существует мнение, что этнос, меняя язык, может сохранить свою идентичность, если остается неизменной основа культуры, представление о единстве с предками, говорившими на языке.

Коммуникативная мощност предполагает количество социальных функций языка. Формы применения языка (письменный, устный язык), сферы его использования (обиходно-разговорный

язык, язык литературы, науки и т. д.) влияют на функциональное развитие языка.

Перспективы развития языка зависят и от *конфессионального фактора*. Замечено, что у мусульманских народов, для которых характерны традиции большой семьи, компактное расселение, часто отмечается более высокий уровень знания родного языка, более высокий уровень этнической мобилизации.

Комплексный анализ указанных параметров представляет перспективы развития языковых общностей, которые могут складываться по-разному, как с отрицательной, так и с положительной динамикой. На примере языковых общностей калмыков рассмотрим механизмы формирования и развития диаспор.

В настоящее время в силу сложившихся социально-исторических причин языковые общности калмыков проживают в разных регионах мира. Основная часть калмыков (историческое название «ойраты») проживает в России (в Республике Калмыкия — 162 тыс. чел.), относительно компактно — за пределами России: в Китае (Синьцзян-Уйгурском автономном районе КНР — 166 тыс. чел.), Кыргызстане (у озера Иссык-Куль — около 5 тыс. чел.), небольшими группами калмыки проживают в Западной Европе и Америке (около 3 тыс. чел.). Калмыцкий язык относится к западной ветви монгольской группы языков.

Существуют научные работы российских и зарубежных ученых, посвященные исследованию калмыцких диаспор Западной Европы и Америки [Биткеева 2006; Жуковская 1990; Гучинова 2004; Aberle 1953; Adelman 1960; Rubel 1967 и др.]. Однако развитие калмыцкого языка в условиях диаспоры, анализ процессов и причин изменения языковой идентичности калмыков недостаточно изучены.

2. Языковая общность калмыков в Российской Федерации (внутренняя диаспора)

Основная часть калмыков проживает в России в Республике Калмыкия, а в условиях активных внутренних миграционных процессов в стране сформировались внутренние калмыцкие диаспоры в Москве, Санкт-Петербурге, северных регионах РФ и др. По данным переписи населения 2010 г., калмыков в Российской Федерации насчитывалось 183 тыс. чел., в Республике Калмыкия проживало 162 тыс. чел. [Итоги 2012].

Решающее значение при миграции имеет материальный уровень жизни. Показательны в этом смысле миграционные процессы последних лет в мире, в том числе в РФ. На сегодня миграция в России носит в основном трудовой и экономический характер: поиски более выгодной работы, высокой оплаты труда вынуждают многих выезжать за пределы постоянного места проживания — сначала временно, а в случае успешной адаптации эти переселенцы обосновываются на новом месте на постоянное место жительства. Такая ситуация характерна и для части волжских калмыков. Следует отметить, что в ситуации внутренней миграции складывается иная, более мягкая, адаптационная модель, нежели в условиях внешней миграции за рубеж. Отсутствует языковой дискомфорт, так как нет необходимости овладевать новым языком принимающей доминантной языковой общности, языковое поведение сохраняется и т. д.

Для понимания языковой ситуации во внутренних диаспорах калмыков, проживающих в РФ, следует кратко описать языковую ситуацию в Республике Калмыкия, месте предыдущего проживания переселенцев.

Среди факторов, влияющих на уровень знания языка, первым, если не по значимости, то по времени воздействия, выступает этноязыковая среда, в которой проходит детство человека. У волжских калмыков складывалась специфическая языковая ситуация. Уже в довоенный период 1940-х гг. определенная часть калмыцких семей перешла к двуязычному общению с детьми, а в некоторых семьях такое общение шло исключительно по-русски. Эта тенденция по своему размаху не была столь сильна, как в 1960-е и в 1970-е годы, но она все же существовала. Драматические изменения в языковой ситуации произошли в годы, проведенные калмыцким народом в восточных русскоговорящих районах СССР, куда народ был насильно депортирован и дисперсно расселен. Это нарушило традиционное развитие национального языка и культуры калмыков. Однако и после восстановления Калмыцкой автономии в 1956 г. отмеченная тенденция продолжала развиваться в том же направлении. Таким образом, ослабление роли калмыцкого языка в общении родителей с детьми имело место начиная, по крайней мере, с 1920-х годов.

Для языковой ситуации в Калмыкии на современном этапе характерно калмыцко-русское двуязычие. По данным переписи населения 1979 г., 84,1 % калмыков свободно владели русским языком,

что оказалось самым высоким процентом владеющих русским языком среди всех народностей СССР [Население СССР 1980: 23], а в 1989 г. русским языком свободно владели 89,7 % калмыков [Национальный состав 1991]. По данным переписи населения 2010 г., владели русским языком 94 % калмыков [Итоги 2012]. По данным полевых исследований, владение русским языком среди калмыков почти тотальное, кроме того, для них он является функционально первым языком.

Сегодня калмыцкий язык формально наделен статусом одного из государственных языков Республики Калмыкия, хотя фактически он функционально уступает русскому языку, который используется во всех сферах коммуникации. Произошло сужение общественных функций калмыцкого литературного языка, что привело к вытеснению калмыцкого литературного языка из сферы общественно-политической жизни, из делопроизводства, к свертыванию образования и научной деятельности на калмыцком языке, к снижению культуры родной речи калмыков. Как правило, в ситуации билингвизма, когда наблюдается функциональный языковой дисбаланс, один язык уступает другому функционально, у некоторых членов этнической группы или у всей этнической группы возникает сопротивление «слабому звену» двуязычия. Калмыцко-русское двуязычие встречается в основном у старшего и среднего поколений калмыков, реже — у младшего. Часто можно слышать смешанную речь, что происходит из-за того, что говорящий не в полной мере владеет родным языком.

В большинстве случаев для калмыков в РФ функционально первым является русский язык: он используется в семейном общении, в общественных местах, при чтении периодических изданий и переписке. Несмотря на это, калмыцкий язык в качестве родного в этническом самосознании калмыков занимает прочную позицию, хотя назвавшие язык своей национальности родным могут и не владеть им.

Социолингвистические обследования показывают, что общение калмыков в подавляющем большинстве случаев происходит на русском языке, причем это касается не только молодежи, но и лиц среднего и даже пожилого возраста. Хотя оба языка сосуществуют во многих сферах (пресса, радио, телевидение, художественная литература и т. д.), по объему выполняемых функций русский язык намного превосходит калмыцкий, и уровень знания русского языка стал намного превышать уровень знания родного языка.

В 1998–1999 г. было проведено социологическое исследование этнополитических процессов и их влияния на условия жизни и настроения жителей Калмыкии. Опрос показал, что сокращение общей численности населения происходит за счёт отъезда людей за пределы республики. Основными причинами миграции населения являются: поиск работы, неблагоприятные социальные условия жизни, личные и семейные причины, возврат к прежнему месту жительства, необходимость дать образование детям. Так, пожелали уехать из республики 40 % жителей г. Элисты и 45 % жителей районов; респонденты, желающие жить в своей национальной среде составили 2,6 % из числа опрошенных, из-за характера межнациональных отношений — 1,8 % опрошенных [Катушов и др. 1999: 2].

Опрос показал, что калмыки идентифицируют себя в первую очередь со своей национальностью, республикой, а затем с Россией. Среди информантов титульной национальности по менталитету, семейным традициям ощущают себя прежде всего калмыками 67,6 %, гражданами Калмыкии 39,7 %, россиянами — 31,3 %. Интересно, что в процессе опроса определились информанты, которые свою национальную принадлежность определяют по культурному фактору, а не по происхождению. Так, 10,6 % опрошенных калмыков относят себя к русским, среди русских 10,5 % относят себя к калмыкам. Социологи считают, что это представители межнациональных браков, число которых составляют около 10 % всех браков в республике [Катушов и др. 1999: 2].

В 1997 г. Институтом востоковедения РАН было проведено социологическое исследование среди калмыцкой молодежи в возрасте от 15 до 28 лет. В ходе исследования выяснилось, что 90 % опрошенных калмыков беспокоит будущее их этноса, основными факторами этого беспокойства являются утрата калмыцкого языка, традиций, культуры, истории, процессы ассимиляции. Этноконсолидирующими составляющими для калмыков являются проблемы языка, культуры, традиции, демографическая и этническая ситуация [Муханова 2000: 3].

Переезжая в другие города РФ на постоянное место жительства, калмыки не изменяют свое языковое поведение, так как функционально первым языком остается русский, родной калмыцкий несет символическую функцию, при этом, как правило, наблюдается высокий уровень этнического самосознания. Желание сохранять родной язык и культуру у представителей калмыцкой диаспоры вне

республики сохраняется, в Москве и Санкт-Петербурге при постоянных представительствах Республики Калмыкия организованы курсы изучения калмыцкого языка, национального этикета, курсы калмыцких танцев, кухни, функционируют буддийские моленные дома, храмы и т. д. Калмыцкая молодежь демонстрирует высокий уровень национального самосознания, молодые люди самостоятельно изучают язык, историю калмыцкого народа, создают интернет-форумы, где общение ведется на калмыцком языке.

3. Языковая общность ойратов Китая

На северо-западе КНР расположена историческая родина ойратов Джунгария (территория современного Синьцзян-Уйгурского автономного района). Ойраты по сей день компактно проживают в Синьцзяне, а также в аймаке Алашань Автономного района Внутренней Монголии, уезде Субэй провинции Ганьсу, в уездах Улан, Дулаан Монголо-Тибетского автономного округа провинции Циньхай (Куку-нур). Всего в Китае проживает около 300 тыс. ойратов.

Язык ойратов Китая был мало изучен вплоть до второй половины XX в. В изучение языка ойратов Синьцзяна внесли вклад такие ученые, как Б. Х. Тодаева [1946; 1960; 1964; 2001], Б. Ринчен [1961], Х. Лувсанбалдан [1975], Н. Содмон [2004] и др. В 1955–1959 г. было проведено исследование языков малочисленных народов Китая, в число которых входили и ойраты Китая. В ходе исследований возник вопрос, является ли язык ойратов Синьцзяна самостоятельным языком или же это один из диалектов монгольского языка. Опираясь на исследования собранного языкового материала, монголовед Б. Х. Тодаева считает, что язык ойратов Синьцзяна можно рассматривать как самостоятельный, поскольку в их языке наблюдаются заметные отличия в фонетике, грамматике, лексике; кроме того, ойраты Синьцзяна используют собственную зая-пандитскую письменность «Тодо-бичиг» («Ясное письмо»), в отличие от других монгольских народов [Тодаева 1964: 231]. В начале XX в. зая-пандитская письменность «Тодо-бичиг» вышла из употребления у волжских калмыков, западных монголов, но по сей день функционирует у ойратов Синьцзяна. В 1950-е г. «Ясное письмо» стало официальной национальной письменностью ойратов Синьцзяна.

Ойратский язык в Китае не имеет официального статуса, являясь одним из языков национальных меньшинств Китая, однако

фактически он является доминирующим, функционально первым языком в языковой общности ойратов Китая, для некоторых даже единственным языком общения. Среди ойратов КНР наблюдается многоязычие, как правило, синьцзянские ойраты владеют тремя-четырьмя языками соседствующих этносов.

Следует сказать о специфической языковой ситуации, сложившейся в регионах проживания ойратов, в частности в Синьцзяне. Там проживает большое количество народностей, в основном тюркского происхождения — уйгуры, казахи, киргизы, поэтому большая часть ойратов Синьцзяна владеет этими языками. При этом многие ойраты не владеют или слабо владеют китайским языком. 82 % информантов-ойратов ответили, что в детстве говорили только на ойратском, 16 % — говорили на ойратском и китайском, 2 % — говорили только на китайском, 17 % — также на казахском, уйгурском и других языках народностей, проживающих на данной территории. В семейном общении из опрошенных информантов 49 % ойратов Синьцзяна говорят только на родном языке, 40 % — говорят на ойратском и на китайском, 2 % — только на китайском, 9 % помимо этих языков говорят на уйгурском, казахском и киргизском [ЛА БАН 2006]. Следует отметить, что у большинства ойратов, проживающих в Китае, языком внутрисемейного общения является тот или иной диалект ойратского языка, которым они овладевают с детских лет. Это разделение функций между диалектом и литературным языком зависит от коммуникативных ситуаций. Одновременно хорошее владение литературным языком и диалектом наблюдается у представителей интеллигенции.

Среди ойратов Внутренней Монголии несколько иная этнолингвистическая ситуация: основным языком Внутренней Монголии является монгольский язык, в семейной сфере ойраты в основном говорят на ойратском языке, китайским языком отлично владеет не очень большое количество ойратов, для них он не настолько востребован в ежедневной деятельности. Как показал опрос, монгольский и китайский языки являются для ойратов функционально вторыми языками после ойратского. Так, 85 % информантов Внутренней Монголии начали изучать китайский язык как второй в возрасте от 5 до 15 лет, 15 % в возрасте от 15 до 25 лет. Что касается сфер, в которых впервые происходит овладение ими китайским языком, то 90 % информантов начали изучать китайский в школе, 5 % — в семье и 5 % — в общении с населением и во время службы

в армии [ЛА БАН 2006]. Очевидно, компактное проживание на протяжении длительного времени и многочисленность ойратов Китая объясняет сохранность ойратского языка.

В крупной диаспоре компактного проживания язык сохраняется относительно долго, особенно когда этот язык является языком семейного общения, на этом языке ведется школьное образование, язык функционирует в средствах массовой коммуникации. Такая ситуация характерна для синьцзянских ойратов. В сфере образования после Синьцзянской революции 1934 г. старокалмыцкое письмо «Тодо-бичиг» начали преподавать ойратам Синьцзяна в школе. Исследователи отмечают, что китайская революция позитивно повлияла на развитие «Ясного письма». В Синьцзяне стали открываться народные школы, где изучали «Тодо-бичиг», старомонгольское письмо «Худм-бичиг», маньчжурскую, китайскую письменности.

В связи с провозглашением новой государственной политики Китая, в конце 70-х — начале 80-х гг. XX в. ойраты Китая, как и другие народности, получили возможность развивать свою культуру и язык. Стал повышаться образовательный уровень синьцзянских ойратов. Так, появилась возможность обучаться в университетах Пекина, Хух-Хото, но здесь возникла сложность, так как ойраты не владели старомонгольской письменностью, на которой в основном была построена система обучения в тех вузах. В связи с этим в 1976 г. был созван съезд и принято постановление по выработке мер изучения и использования монгольского письма среди ойратов Синьцзяна. Таким образом был взят ориентир на приближение ойратского разговорного языка к нормам монгольского литературного языка. В настоящее время ойратский язык преподается в начальных и средних школах Синьцзян-Уйгурского автономного района, на филологическом факультете Педагогического университета г. Урумчи (КНР), где имеется отделение ойратского языка и литературы. Ежегодно сюда поступают учиться 25 человек. В Синьцзяне функционирует педагогический колледж, в Баянголе имеются медицинское училище, профтехучилище, партийное училище. Ойратская молодежь ежегодно поступает также в вузы Внутренней Монголии (г. Хух-Хото), Северо-Западный педагогический университет г. Ланьчжоу, медицинский институт и педагогический университет г. Пекина. При университете Внутренней Монголии в Хух-Хото есть Институт монгольского языка, где ведутся исследования монгольских языков и диалектов.

Что касается учебной литературы, по которой идет обучение ойратских школьников, то здесь сложилась специфическая ситуация. Обучение ойратских детей ведется на ойратском языке, но учебники написаны на старомонгольском письме. По словам самих носителей языка, синьцзянских ойратов, это, вероятно, связано с тем, что все-таки зая-пандитское письмо «Тодо-бичиг» постепенно вытесняется из сферы образования, приоритет остается за старомонгольской письменностью. По нашему мнению, это продиктовано также политикой обобщения: поскольку в государственном масштабе отдельно ойраты не выделяются, а входят в число монголов, и они достаточно малочисленны, то с финансовой точки зрения невыгодно издавать учебники на «Тодо-бичиг» специально для ойратов, целесообразнее издавать учебники для монголоязычных этносов на старомонгольском письме «Худм-бичиг», хотя обучение ведется на родных языках этих народностей. Поэтому все больше становится представителей молодого поколения ойратов, плохо владеющих национальным письмом и использующих вместо него китайский язык, старомонгольское письмо. Но все-таки у детей синьцзянских ойратов нет трудностей с развитием речи на ойратском языке, что является одной из проблем в обучении детей в школах Республики Калмыкия.

В 1930-е гг. зая-пандитская письменность «Тодо-бичиг» стала впервые использоваться в сфере массовой коммуникации. В то время на «Тодо-бичиг» в г. Урумчи типографским способом выходила газета «Shinjiagiin ödörin sonin» («Синьцзянские новости»), в г. Тарбагатай также издавалась газета на «Ясном письме» литографским способом. На сегодня в ст. 38 Закона КНР «О национальной районной автономии» в отношении национальных языков Китая сказано: «Органы самоуправления на территории национальной автономии самостоятельно развивают национальную культуру, а именно: литературу, искусство, информацию, издательство, радиовещание, кино, телевидение и т. д., — с учетом национальной специфики» [Закон 1984: ст. 38]. В настоящее время в соответствии с этим законом в Синьцзяне на «Тодо-бичиг» с разной периодичностью издаются три газеты (в том числе «Синьцзянские новости», «Бортальские новости»), около десяти журналов по разным отраслям знаний: образованию, науке, сельскому хозяйству, медицине и т. д. Например, «Örin tsolmon» («Утренняя звезда») выходит один раз в два месяца на «Тодо-бичиг», «Ördin sudlal» («Ойратоведение») — один раз в три месяца. Язык, литература, история, жизнь,

быт, традиция — основные темы этого журнала, который издается на «Тодо-бичиг» и китайском. Журнал «Keln boln orchulhn» («Языкознание и перевод») издается Комитетом по проблемам национального языка и письменности четыре раза в год; он также выходит на старокалмыцком и китайском языках.

Очень активно функционирует ойратский язык в Синьцзяне в сфере радио и телевидения. В г. Урумчи можно ежедневно слышать по радио передачи на ойратском языке (новости, реклама, художественные передачи и т. п.). В Баинголе, Бортале, Кобок-Сари также транслируются телепередачи на ойратском языке. Ежегодно издается несколько тысяч книг на «Тодо-бичиг» по разным областям знания в издательствах г. Урумчи. Обследование показало, что в Синьцзян-Уйгурском районе 68 % ойратов предпочитают читать периодику на ойратском и китайском, 25 % — только на ойратском, 7 % — только на китайском. В этом районе очень активно функционируют в данной сфере уйгурский, казахский, киргизский — языки доминирующих численно народностей. Поэтому слушать радиопередачи 60 % ойратов Синьцзяна предпочитают на ойратском и китайском, 40 % — на уйгурском, казахском и киргизском, 38 % — только на ойратском и 2 % — только на китайском [ИА БАН 2006].

Во Внутренней Монголии Китая сложилась иная ситуация, поскольку функционирование ойратского языка здесь ограничено. Так, выходит несколько периодических изданий на ойратском языке, на телевидении и радио изредка можно услышать передачи на ойратском. По данным опроса, 70 % ойратской молодежи во Внутренней Монголии предпочитают смотреть телепередачи все-таки на китайском и монгольском языках, 20 % — на китайском и английском и только 10 % — на ойратском и китайском. Это говорит о том, что ойратский во Внутренней Монголии в сфере радио и телевидения почти не задействован, доминирующая роль — у монгольского и китайского языков.

В Синьцзяне ойратский язык функционирует во многих сферах общественной деятельности ойратов, например, в сфере политической деятельности и сфере судопроизводства. Законы, законодательные акты, постановления, указы в пределах района издаются помимо китайского языка на языках народностей, проживающих на данной территории. Во Внутренней Монголии вся законодательная документация издается на монгольском и китайском языках, здесь функционирование ойратского языка ограничено, это,

вероятно, связано с малочисленностью ойратов в данном регионе. Судебные иски, прошения оформляются синьцзянскими ойратами на «Тодо-бичиг». Во Внутренней Монголии в сфере судопроизводства, делопроизводства используется монгольский язык на внутри-региональном уровне, на межрегиональном — китайский язык.

Для ойратов Китая характерна особая приверженность к национальной культуре, языку, ойратский язык функционирует в семейной сфере, сфере массовой коммуникации, на производстве, то есть во многих сферах местной общественной жизни. Ойраты Китая, благодаря компактному проживанию, способствующему сохранению общины, все еще находятся в относительной самоизоляции в китайском обществе. Они говорят, пишут, читают на ойратском языке, обладают высоким уровнем национального самосознания. Они сохранили национальные обычаи, духовные ценности, браки обычно заключаются внутри общины, но все-таки у молодежи языковые предпочтения отличаются, они более нацелены на знание китайского, японского, английского языков.

4. Языковая общность иссык-кульских калмыков в Кыргызстане

В Кыргызстане у озера Иссык-Куль в четырех аулах к западу от г. Бишкек (Чельпек, Таш-Кия, Бурма-Суу, Бюрю-Баш) проживают иссык-кульские калмыки (известны также как сарт-калмыки, каркольские калмыки). По переписи населения 1989 г., в Иссык-Кульской области Киргизской ССР калмыки составили 4628 человек, из них считали родным языком калмыцкий язык — 387 человек, свободно владели калмыцким языком 111 человек, киргизским — 167 человек, русским — 2603 человека [Национальный состав 1991, 128–129]. О причинах и времени поселения калмыков у озера Иссык-Куль есть несколько версий. Согласно одному преданию, до распада Джунгарского ханства предки иссык-кульских калмыков — элюты кочевали в районе г. Токмак в Киргизии. В 1864–1882 г. эта часть калмыков поселилась у озера Иссык-Куль и приняла российское подданство. Языком сарт-калмыков интересовались многие ученые-языковеды [Тенишев 1976; Павлов 1984 и др.]. По мнению большинства лингвистов, язык иссык-кульских калмыков является изолированным говором калмыцкого языка. Длительное проживание среди тюркоязычных народностей и взаимодействие этносов

повлияли на язык и культуру сарт-калмыков. Так, в период войн с кокандскими ханами они приняли ислам.

Установлено, что фонетически язык сарт-калмыков близок к ойратским. В языке иссык-кульских калмыков сохранился смычный «к», который в других монгольских языках из-за ослабления смычки перешел в щелевой «х». Сохранилось употребление переднерядных «ö», «ü», которым в других монгольских языках соответствуют среднерядные «ó», «ú», что подтверждает фонетическую близость языка иссык-кульских калмыков к ойратским диалектам [Есенова 1989: 29–30]. Хотя в лексике присутствует значительное количество заимствований из киргизского языка, в морфологии и фонетике языка сарт-калмыков киргизское влияние не отмечается.

Сарт-калмыки владеют языками народностей, проживающих на данной территории — уйгурским, татарским, узбекским. Поселившись в районе озера Иссык-Куль, первоначально иссык-кульские калмыки пользовались старокалмыцким письмом «Тодо-бичиг», употреблялось также арабское письмо. В 1940-х гг. произошел переход с кириллицы на латинскую графику, на современном этапе используется калмыцкая письменность на основе кириллицы.

Функционирование калмыцкого языка среди сарт-калмыков ограничивается сферой семейного бытового общения преимущественно у старшего поколения, остальные общественные функции обслуживаются киргизским и русским языками. В образовательных целях калмыцкий язык не используется, отсутствуют письменные источники. Язык существует только в разговорной форме, и на нем говорят преимущественно представители старшего поколения. Ограниченность сфер употребления языка, невысокая «языковая лояльность» данного языкового коллектива, малочисленность этноса ведут к постепенной утрате родного языка.

5. Языковая общность калмыков в Западной Европе и Америке

Небольшими диаспорами калмыки проживают в США, Франции, Канаде, Чехии и т. д., в этих странах калмыки поселились в начале XX в. Причины эмиграции калмыков, среди которых было много представителей интеллигенции, были разные, но большинство из них, живя вдали от родины, старались сохранить родной язык и свою культуру. В книге «Очерки истории калмыцкой

эмиграции» читаем об этом периоде: «Время 1917–1930-е годы ... мы можем говорить о политическом, социальном, культурном феномене калмыцкой эмиграции. После Второй мировой войны первая волна эмиграции уже заканчивала свой жизненный путь, а новая формировалась в совершенно иных исторических условиях, носила иной духовно-политический колорит» [Борисенко, Горяев 1998].

Существует мнение, что в странах, где распространена социально-коммуникативная система, включающая местный язык и язык-макропосредник, являющийся средством межнационального общения, обычно доминирует язык господствующего этнолингвистического коллектива, что ведет к постепенному вытеснению языков этнических меньшинств. Такова судьба языков иммигрантов в США, которые в третьем поколении, как правило, забывают родной язык. Подобная ситуация наблюдается в калмыцких диаспорах Западной Европы и Америки. Ассимилятивные процессы в языке происходят под влиянием социальных факторов, что закономерно, поскольку язык бытует в иной этнической и социоисторической среде. Кроме того, значимым является демографический фактор, роль данного народа среди других этносов ареала.

Калмыки, проживающие небольшими этническими группами на территории Западной Европы и Америки, не раз становились объектом исследований зарубежных этнологов, социологов, историков. Так, в 1960-е годы французской исследовательницей Ф. Обэн было проведено этносоциологическое исследование калмыцкой диаспоры во Франции [Aubin 1968]. В 1950–60-х гг. американские антропологи Д. Эберле, Ф. Эдельман, П. Рубел в разное время изучали американских калмыков [Aberle 1953; Adelman 1960; Rubel 1967], существуют и российские исследования.

Калмыцкая диаспора в Чехии. Одной из первых стран поселения части калмыков в странах Западной Европы в начале 1920-х гг. была Чехия. Среди калмыцких эмигрантов были представители калмыцкой интеллигенции — наиболее общественно активная часть сообщества, зачастую владеющая несколькими языками. В 1923 г. в Праге была организована Калмыцкая комиссия культурных работников, в задачи которой входило сохранение памятников культуры калмыков, а также ознакомление калмыков в условиях эмиграции с национальной и европейской литературой на родном языке. Чешское правительство материально содействовало деятельности комиссии, предоставляя возможность публиковать отдельные издания. Так,

например, была издана книга «Хонхо», сборник калмыцких народных легенд, сказок, песен, пословиц, опубликованная на старокалмыцком письме «Тодо-бичиг», а также калмыцкая хрестоматия для чтения в аймачных и улусных школах. В Пражской русской гимназии, где учились калмыцкие дети, преподавались калмыцкий язык и основы буддизма. В период 1927–1930 гг. были выпущены три номера журнала «Улан Залата», первые номера были изданы на калмыцком языке, третий номер не содержал калмыцких текстов. В последующие годы в Чехии было опубликовано несколько номеров журнала «Информации», во Франции — журнала «Ковыльные волны».

Комиссия культурных работников считала необходимым издавать литературу на зая-пандитской письменности, считая, что только эта письменность культурно свяжет калмыков со всеми их единомышленниками и единоверцами в Европе и Азии, настоящее калмыцкого народа — с его прошлым, калмыцкую интеллигенцию — с ее народом. Представители комиссии высказывались против введения вместо зая-пандитского письма «транскрипции из чужого письма». Кроме того, при письме соблюдались принципы гармонии гласных, знаки долготы и т. п. Калмыцкая комиссия культурных работников прекратила существование в 1930 г.

На сегодня калмыков-иммигрантов первой и второй волн эмиграции в Чехии не осталось, поскольку в основном они переехали в другие страны, на данный момент здесь сформировалась немногочисленная община «новых калмыков», иммигрантов конца XX — начала XXI вв., которые приехали в страну в поисках работы, либо с целью постоянного проживания.

Калмыцкая диаспора во Франции. Во Францию калмыки были между 1921–1926 гг. большими группами, благодаря коллективным контрактам. Это время стабилизации среди калмыцких эмигрантов первой волны. Географически колонии калмыков располагались в юго-восточном пригороде Парижа (Валь-де-Марн), в Сент-Мор-де-Фоссе, Сент-Морис, Жонвиль-де-Понт, Мэзон-Альфонт. Калмыцкая община Франции в основном представлена выходцами из этнической группы калмыков — бузавами, калмыками — донскими казаками.

В 1960-е годы французская исследовательница Ф. Обэн провела этносоциологическое исследование французских калмыков. По мнению исследовательницы, схема внедрения калмыцкой группы во французское общество схожа с общей линией — это тяга

к образованию. В то же время сильный консерватизм первого поколения эмиграции, сопротивление культурному давлению окружающей среды контрастирует с тенденцией к психологической и социальной ассимиляции у калмыцкой молодежи. Старики были отрезаны от жизни Франции из-за плохого владения французским языком, дети уже имели французское гражданство и отличались только внешним видом. Русско-французское влияние постепенно стирало у калмыков основу собственной культуры.

Жизнь французской диаспоры калмыков Ф. Обэн делит на периоды: до 1925–1926 гг. — устройство, 1926–1945 — приспособление первого поколения к новой ситуации, с 1945 г. — защита традиций вторым поколением [Aubin 1968: 64]. Все эмигранты-калмыки попали в слой городского рабочего класса. Вначале они были заняты в металлургии, затем из-за кризиса в отрасли перешли в шелковую индустрию. Калмыки первого поколения были убеждены, что их пребывание временное, поэтому не пытались внедриться во французское общество.

Характер менталитета диаспоры, как правило, определяет второе поколение, перед которым не стоит проблема выживания, родители уже дают ребенку определенный социальный статус, в процессе адаптации складываются свои нормы поведения и общения в иммигрантской среде. Благодаря детям родители постепенно воспринимали французскую одежду, пищу. В семейной сфере французский язык долго не употреблялся, говорили по-калмыцки, придерживались традиционных методов воспитания. Только в третьем поколении французский стал употребляться в семейной сфере, и то ограниченно: если внуки говорили по-французски, то деды отвечали по-калмыцки. В первой и второй стране пребывания, например, в Чехии и Франции, калмыки могли учиться в национальных школах, но здесь они учили больше язык и религию, чем историю народа. Калмыцкая национальная школа в Лионе просуществовала до 1929 г. Во Франции калмыки не проживали компактно, поэтому такие школы функционировали недолго. При адаптации к новой среде жизни у калмыков наблюдалось как покорное вращение во французскую среду, так и борьба с русским и французским влиянием при стойком сохранении традиционных черт.

Калмыцкое сообщество мигрантов первоначально пыталось защитить остатки наследия предков, которые считались неотъемлемой частью национальной самобытности, и отвергало французскую

культуру. Монгольская внешность играла большую роль в чувстве специфичности этнической группы. Однако постепенно ограничения, накладываемые национальным наследием, отходили на второй план.

Сегодня среди представителей старшего поколения французских калмыков ещё сохраняется консервативный стиль, они чтят традиции предков, часто их поддерживают в этом супруги-французы. Современная калмыцкая молодежь Франции более или менее равнодушно относится к своей этнической принадлежности, родному языку. Таким образом, калмыки Франции дважды за свою историю подверглись влиянию других культур.

Калмыцкая диаспора Америки. В начале 50-х гг. XX в. калмыки появились в США, где по сей день проживают относительно компактно в штате Нью-Джерси (г. Хауэлл), Филадельфии, Вашингтоне.

Исследователи характеризуют Америку как нацию иммигрантов, в связи с этим бытует несколько концепций формирования американской нации. Одни ученые считают, что американское общество формируется в процессах ассимиляции, действуя по принципу «плавильного котла», то есть происходит культурное взаимодействие этносов, составляющих американское общество, в результате образуя синтезированную культуру Америки. Другие ученые придерживаются концепции культурного плюрализма, то есть считается, что поликультурное американское общество в США сложилось посредством интеграции диаспор в американскую нацию. По мнению З. И. Левина, иммигранты, прибывшие в США в период, когда сформировалось зрелое общество, интегрировались в социокультурное пространство как этнокультурные группы, отчасти ассимилировались, сохраняя этническое, ментальное своеобразие [Левин 2001: 70–71]. Все эти факторы характерны и для процессов интеграции калмыков в американское сообщество. Сегодня старшее поколение американских калмыков пытается привить родной язык молодым, но не вся молодежь говорит на калмыцком языке. В повседневном общении используется английский язык. Ранее делались попытки организовать курсы калмыцкого языка. Так, в 1970-е г. в г. Хауэлл построили хурул (буддийский молельный дом), где собирались изучать калмыцкий язык. Роль педагогов выполняли ламы, но впоследствии занятия были отменены.

В речи стариков наблюдаются интерферентные явления на лексическом, морфологическом, синтаксическом и других уровнях. Часто наблюдаются такие ситуации, когда информант говорит

на калмыцком, употребляя отдельные слова из английского языка, облекая эти заимствования калмыцкими грамматическими формами. Подобные грамматические интерферентные явления вызваны спецификой родного языка, в котором отдельные грамматические категории значительно расходятся с их эквивалентом в английском языке (падеж, залог). К примеру, заимствования из английского языка при вхождении в морфологическую систему калмыцкого языка принимают на себя развитую систему флексий. При обратном процессе калмыцкие существительные, используемые в речи американских калмыков, получают, например, артикль. В одном предложении может быть использована лексика нескольких языков, освоенных в странах предыдущего поселения.

Старшее поколение калмыков хорошо владеет русским языком, но их речь отличается архаичностью. Поскольку они считали, что русский язык им понадобится при возвращении на родину, детей старались отдать в русскую школу, русский язык считался вторым по значению после родного языка. В 1960-е годы для детей калмыцкий язык еще был первым языком, это был язык общения в семье. Пойдя в школу, они становились двуязычными, общались с родителями на калмыцком, со сверстниками на английском. Если говорить о языковом самосознании калмыцкой диаспоры США, то родным языком представители диаспоры называют калмыцкий язык, самоидентифицируют себя как калмыки-монголы, стараются использовать русский язык как разговорный с русскими эмигрантами, как язык чтения, но повседневным языком общения, языком СМИ для них является английский язык. Калмыки постепенно отказываются от многоязычия и переходят на английский язык, при этом они не готовы поменять свою идентичность.

Современная калмыцкая молодежь Америки предпочитает английский язык, в основном общается между собой на английском языке, на калмыцком языке говорит та часть молодежи, у которой есть бабушки и дедушки.

У американских калмыков более сильны традиции, вера. По мнению исследователей, американская диаспора калмыков живет в закрытой среде вопреки относительной интеграции, они создали культурную ассоциацию в Филадельфии («Общество содействия калмыцкой культуре»), калмыки же Франции опасались, что за это преимущество придется платить потерей политической независимости [Aubin 1968: 66–67]. Сплоченность американских

калмыков, в отличие, например, от французских, возможно, объясняется не только относительной многочисленностью, а вероятно, и более сложными условиями интеграции в стране поселения, что способствовало более сильной сплоченности. Известно, что чем благоприятнее среда для диаспоры, тем меньше потребность в объединении, тем слабее диаспора, а чем труднее процесс интеграции мигрантов, тем сильнее взаимная поддержка в их среде, община более сплоченная, жизнеспособная.

То, что американские калмыки очень ревностно стараются сохранить национальные традиции, заметно по обрядам: многие обычаи, сохраняемые ими, давно вышли из употребления у волжских калмыков, во многих случаях даже непонятны им. Например, сохранился обычай использования табуированной лексики при обращении к старшим родственникам мужа мужского пола, в современной Калмыкии этот обычай почти не соблюдается, для молодого поколения волжских калмыков он уже непонятен. Старшее поколение хорошо знает свои родословные.

Таким образом, у большинства американских калмыков всех поколений наблюдается устойчивое этническое самосознание, солидарность, симпатия к людям своей национальности, ощущение общности происхождения, старшие представители диаспор стараются сохранить, укрепить этническую идентичность молодых калмыков, но при этом они чувствуют себя частью американской нации, у них доминируют американские социокультурные привязанности. Подтверждается мнение, что изменение национального самосознания происходит, как правило, на протяжении двух-трех поколений в результате появления поколений с неустойчивым и затем с новым самосознанием. Следовательно, можно сказать, что калмыки западных диаспор обладают двойственным этническим самосознанием.

Калмыцкий язык в странах Западной Европы и Америки в последние десятилетия XX в. находится в состоянии забвения. На родном языке говорят в основном в бытовой сфере преимущественно представители старшего поколения. Этнические общности калмыков западных стран, особенно молодое поколение, переходят от двуязычия, многоязычия к моноязычию, то есть языку доминантной культуры.

Рассмотренные особенности функционального развития калмыцкого языка в разных языковых общностях калмыков, проживающих в разных регионах мира, позволили сделать некоторые общие и частные выводы: 1) функционирование языка в условиях диаспоры

требует разработки теоретических основ его изучения в единстве социолингвистических, чисто лингвистических, психологических, социологических и других аспектов; 2) литературный язык, функционирующий в иноязычной среде, представляет собой территориально обособленный от ареала распространения национального литературного языка вариант национального языка с определенной функционально-коммуникативной широтой и приобретенными системно-структурными особенностями интерферентного характера; 3) социальные условия, численность, компактность/некомпактность расселения влияют на менталитет этноса, а затем и на степень сохранности языка, его функциональное развитие в той или иной этнической группе, поскольку язык — это главный инструмент трансформации менталитета диаспоры; 4) существование диаспоры, ее языка возможно до тех пор, пока поддерживается этническое самосознание, являющееся организующим, важной для этнической группы составляющей, определяющей дальнейшее существование и развитие диаспоры. Как показал наш анализ, этническое и, в частности, этноязыковое самосознание как его основополагающий компонент может сохраняться продолжительное время у многочисленной этнической группы, проживающей компактно; 5) у калмыков наблюдается тенденция к интеграции, то есть, оказавшись в новой среде, они признали культурные различия своей и новой, например, американской общности, целенаправленно овладели ее культурой.

Таково состояние калмыцких диаспор в разных регионах мира на современном этапе. Социолингвистическое изучение калмыцкого языка в разных этнолингвистических ситуациях позволило вскрыть не только особенности его функционального развития, но и закономерности его эволюции.

Литература

- Биткеева 2006 — А. Н. Биткеева. Калмыцкий в современном мире (социолингвистический аспект). М.: Наука, 2006. [A. N. Bitkeeva. Kalmytskii v sovremennom mire (sotsiolingvisticheskii aspekt). [Kalmyk in the modern world (the socio-linguistic aspect)]. Moscow: Nauka, 2006].
- Борисенко, Горяев — И. В. Борисенко, А. Т. Горяев. [I. V. Borisenko, A. T. Goriaev. Ocherki istorii kalmytskoi emigratsii. [An outline of the history of Kalmyk emigration]. Elista: Dzhangar, 1998].
- Виноградов 1990 — В. А. Виноградов. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия,

1990. С. 616–617. [V. A. Vinogradov. Iazykovaia situatsiia [Language situation] // *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'*. Moscow: Sovetskaya entsiklopediia, 1990. P. 616–617].
- Гучинова 2004 — Э.-Б. Гучинова. Улица «Kalmuk Road». СПб.: Алетейя, 2004. [E.-B. Guchinova. Ulitsa "Kalmuk Road" [The Kalmuk Road street]. St. Petersburg: Aleteia, 2004].
- Есенова 1989 — Т. С. Есенова. Язык калмыков Иссык-Куля. Говор калмыцкого? // История и культура монголоязычных народов. Улан-Удэ, 1989. [T. S. Esenova. Iazyk kalmykov Issyk-Kulia. Govor kalmytskogo? [The language of the Issyk-Kul Kalmyks. A Kalmyk dialect?] // *Istoriia i kul'tura mongoloiazychnykh narodov*. Ulan-Ude, 1989].
- Жуковская 1990 — Н. Л. Жуковская. Американские калмыки (К проблеме сохранения этнической специфики) // Всесоюзная научная сессия по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1988–1990 гг. Ч. 1. Алма-Ата, 1990. N. L. [Zhukovskaya. Amerikanskii kalmyki (K probleme sokhraneniia etnicheskoi spetsifiki). [American Kalmyks. Some thoughts on the issue of preservation of ethnic particularity] // *Vsesoiuznaia nauchnaia sessiia po itogam polevykh etnograficheskikh i antropologicheskikh issledovaniy 1988–1990 gg*. P. 1. Alma-Ata, 1990].
- Закон 1984 — Закон Китайской Народной Республики о национально-территориальной автономии, 1984 (中华人民共和国民族区域自治法) (электронный ресурс). URL: http://www.gov.cn/test/2005-07/29/content_18338.htm. [Zakon Kitaiskoi Narodnoi Respubliki o natsional'no-territorial'noi avtonomii, 1984 [The law of the People's Republic of China on national and territorial autonomy, 1984] (online resource). URL: http://www.gov.cn/test/2005-07/29/content_18338.htm].
- Итоги 2012 — Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. Т. 4. Кн. 1–3. М., 2012. [Itogi Vserossiiskoi perepisi naseleniia 2010 g. [The results of the Russian State Census, 2010]. Vol. 4. Books 1–3. Moscow, 2012].
- Катушов и др. 1999 — К. П. Катушов, Б. М. Мунянова, С. Э. Лиджи-Горяева. Межнациональные отношения в Калмыкии — фактор стабильности // Известия Калмыкии. 1999. 15 декабря. [K. P. Katushov, B. M. Munianova., S. E. Lidzhi-Goriaeva. Mezhnatsional'nye otnosheniia v Kalmykii — faktor stabil'nosti [The inter-ethnic relationships in Kalmykia as a factor of stability]. // *Izvestiia Kalmykii*. 1999. 15 Dec.].
- Кондратьева 2011 — Т. С. Кондратьева. Диаспоры в современном мире: эволюция явления и понятия // (электронный ресурс) URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2020.shtml. [T. S. Kondratieva. Diaspory v sovremennom mire: evoliutsiia iavleniia i poniatii [Diasporas in the modern world: the evolution of the phenomenon and the concept] (online resource). URL: http://world.lib.ru/k/kim_german_nikolaewich/2020.shtml].

- ЛА БАН — Личный архив А. Н. Биткеевой, 2006. [Lichnyi arkhiv A. N. Bitkeevoi [Private archive of A. N. Bitkeeva], 2006].
- Левин 2001 — З. И. Левин. Менталитет диаспоры. М.: Крафт+, 2001. [Z. I. Levin. Mentalitet diaspory. [The diaspora mentality]. Moscow: Kraft+, 2001].
- Лувсанбалдан 1975 — Х. Лувсанбалдан. Тод үсэг, түүний дурсахалууд. Улаанбаатар, 1975. Х. 62. [Kh. Luvsanbaldan. Tod үсэг, түүний дурсахалууд [The clear script and its monuments]. Ulaanbaatar, 1975].
- Муханова 2000 — М. Н. Муханова. «Иные, другие» в контексте межнациональных отношений // Хальмгүнн. 1.11.2000. [M. N. Mukhanova. “Inye, drugie” v kontekste mezhnatsional’nykh otnoshenii [The different ones, the other ones in the context of inter-ethnic relations] // Khal’mgynn. 1.11.2000].
- Население СССР 1980 — Население СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1979 года. М., 1980. [Naselenie SSSR. Po dannym Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1979 goda [The population of the USSR according to the data of the State census of 1979]. Moscow, 1980].
- Национальный состав 1991 — Национальный состав населения СССР по данным всесоюзной переписи населения 1989 г. М., 1991. [Natsional’nyi sostav naseleniia SSSR po dannym vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1989 g. [The ethnic composition of the USSR population according to the data of the State census of 1989]. Moscow, 1991].
- Павлов 1984 — Д. А. Павлов. Хар холын хальмгуд болон теднэ келн // Хальмг Үнн. 13, 14, 17, 18. 07. 1984. [D. A. Pavlov. Khar holyn khal’mgud boln tednэ keln [The Kalmyks of Karagol and their language] // Khal’mg Ynn. 13, 14, 17, 18. 07. 1984].
- Ринчен 1961 — Ринчен. Ойратские переводы с китайского. Rocznik Orientalistyczny — XXX—1. Warszawa, 1961. С. 59–73. [Rinchen. Oiratskie perevody s kitaiskogo. [Oirat translations from Chinese] Rocznik Orientalistyczny — XXX—1. Warszawa, 1961. P. 59–73].
- Содмон 2004 — Н. Содмон. «Ясное письмо» ойратов Синьцзяна КНР. Дисс. ... канд. филол. наук. Элиста, 2004. [N. Sodmon. “Iasnoe pis’mo” oiratov Sin’tsziana KNR. Diss. ... kand. filol. nauk. [The “clear script” of Xinjiang Oirats. A PhD thesis in philology]. Elista, 2004].
- ССТ 2006 — Словарь социолингвистических терминов / Сост. В. Ю. Михальченко, Т. Б. Крючкова, Е. А. Кондрашкина, А. Н. Биткеева и др. М.: Институт языкознания, 2006. [Slovar’ sotsiolingvisticheskikh terminov. [A dictionary of sociolinguistic terms] / Eds. V. Iu. Mikhal’chenko, T. B. Kriuchkova, E. A. Kondrashkina, A. N. Bitkeeva et al. Moscow: Institut iazykoznaniiа, 2006].
- Тенишев 1976 — Э. Р. Тенишев. О языке калмыков Иссык-Куля // Вопросы языкознания. 1976. № 1. С. 82–87. [E. R. Tenishev. O iazyke kalmykov Issyk-Kulia [On the language of Issyk-Kul Kalmyks] // Voprosy iazykoznaniiа. 1976. No 1. P. 82–87.].

- Тодаева 1964 — Б. Х. Тодаева. Материалы по фольклору синьцзянских монголов // Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика. М.: Наука, 1964. С. 228–264. [B. Kh. Todaeva. Materialy po fol'kloru sin'tszianskikh mongolov [Materials on the folklore of Xinjiang Mongols]. // Tiurko-mongol'skoe iazykoznanie i fol'kloristika. Moscow: Nauka, 1964. P. 228–264].
- Тодаева 1960 — Б. Х. Тодаева. Монгольские языки и диалекты Китая. М.: Наука, 1960. [B. Kh. Todaeva. Mongol'skie iazyki i dialekty Kitaia. [The Mongol languages and dialects of China]. Moscow: Nauka, 1960].
- Тодаева 1946 — Б. Х. Тодаева. Семантика и синтаксические функции падежей в монголо-ойратских наречиях. Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 1946. [B. Kh. Todaeva. Semantika i sintaksicheskie funktsii padezhei v mongolo-oiratskikh narechiakh. Avtoref. dis. kand. filolog. nauk. [Semantics and syntactic functions of cases in Mongol and Oirat dialects. Summary of a PhD thesis in philology] Moscow, 1946].
- Тодаева 2001 — Б. Х. Тодаева. Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Джангар, 2001. [B. Kh. Todaeva. Slovar' iazyka oiratov Sin'tsziana. [A dictionary of the language of Xinjiang Oirats] Elista: Dzhangar, 2001].
- Aberle 1953 — D. F. Aberle. The Kinship system of the Kalmuck Mongols // University of New Mexico Publications in Anthropology. № 8. The University of New Mexico Press. Albuquerque, 1953.
- Adelman 1960 — F. Adelman. Kalmyk Cultural Renewal. Dissertation in Anthropology. University of Pennsylvania. 1960.
- Aubin 1968 — F. Aubin. Une societe d'emigrés: la colonie des Kalmouks de France // L'année sociologique. 1968 / Перевод фрагмента исследования на русский язык сделан К. У. Манджиевой. [The fragment of the paper used for this article was translated by K. U. Mandzhieva].
- IMS 2017 — International migrant stock: The 2017 revision // <http://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates17.shtml>
- Rubel 1967 — P. G. Rubel. The Kalmyk Mongols. A study in continuity and change. Indiana University publications. Uralic & Altaic Series. Vol. 64. 1967.

А. В. Громова

МГУ, Москва

**LARI ONLINE: ДИАЛЕКТАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
В ПЕРСОЯЗЫЧНОМ ИНТЕРНЕТЕ
(на примере языковых разновидностей Ларестана)**

1. Введение

За последнее столетие Ларестан (Иран) неоднократно привлекал внимание диалектологов, филологов, лингвистов. Ряд вопросов, однако, еще требует дальнейшей разработки, часто из-за неравномерной или недостаточной задокументированности представленных здесь языковых разновидностей.

Лари, урбанолект административного центра шахрестана, который можно рассматривать как основу диалектного континуума Ларестана, до последних лет имел по преимуществу устную форму функционирования и был ограничен ситуациями неформального общения. В настоящее время диалектные и фольклорные материалы все чаще получают письменную фиксацию в интернете. Там же можно найти множество статей, описывающих различные случаи использования местных языков и диалектов и отношение общества к ним. В этих дискуссиях и публикациях участвуют как жители самого Ларестана, так и представители многочисленных эмигрантских сообществ — выходцев из Ларестана в крупных городах Ирана (Тегеран, Шираз), в других шахрестанах остана Фарс, в соседнем остане Хормозган, в ОАЭ, Катаре, Бахрейне.

Целью данной работы является описание и анализ возможностей использования персоязычного и диалектного медиаконтента в интернете для реконструкции отдельных аспектов современной языковой ситуации в Ларестане.

Миграционные процессы, урбанизация, моноязычное образование и все возрастающая роль СМИ в жизни стремительно модернизирующегося иранского общества ведут к постепенному нивелированию лингвистического многообразия страны [Samar et al.

2010: 24–26]. С 2011 до 2016 г. уровень урбанизации вырос с 71,4 % до 74 %, согласно последней национальной переписи при общей численности населения 79 926 270 человек в городах проживают 59 146 847 [Gozine 2017: 18, 46]. По данным Центра статистики Ирана на 2016 г., среди городского и сельского населения старше 6 лет уровень грамотности составил соответственно 90,8 % и 78,5 % [Gozine 2017: 24–25]. В соответствии со статьей 15 Конституции Исламской Республики Иран, документация, деловая переписка и школьные учебники должны создаваться на персидском — государственном языке страны [Qānun-e asāsi 1979]. Следовательно, подразумевается, что все грамотные люди владеют персидским, даже если он не является их родным языком.

С каждым днем увеличивается поток медиапродукции. В Государственном реестре СМИ Ирана¹ сейчас значится 9341 новостная организация, включая 6499 печатных изданий, 2393 электронных онлайн-изданий (из которых 2351 — информационные сайты) и 449 еженедельных, ежемесячных и квартальных электронных журналов. Соответственно, пополняется массив персоязычных материалов, отражающих отношение иранского общества к использованию родного языка/диалекта и его значимости как культурного достояния отдельной социальной группы и общества в целом. Кроме того, в базе данных СМИ, опубликованной на сайте Министерства культуры², можно найти 342 издания на азербайджанском (из них 280 печатные, 61 онлайн, 1 электронное), 126 — на курдском [Fehrest 2018]. Объем текстовых материалов на диалектах также постепенно возрастает, прежде всего в региональных СМИ, а также в блогах.

Лингвистический ландшафт страны быстро изменяется под воздействием новых средств связи и нового формата общения. Счет персоязычных блогов идет на сотни тысяч [Montazerqā'em, Nezākati 2011: 72]. По официальной статистике Верховного совета культурной революции, число интернет-пользователей в Иране с 250 тыс. в 2000 г. возросло к 2017 г. до 56 миллионов 700 тыс., что составляет 70 % от общей численности населения страны³.

¹ http://www.e-rasaneh.ir/Report_Temp_Show.aspx?RID=1. Дата обращения: 19.08.2018.

² <http://press.farhang.gov.ir/fa/kb/96/>. Дата обращения 20.08.2018.

³ <http://www.sccr.ir/Pages/?current=news&gid=3&Sel=1381429>. Дата обращения 20.08.2018.

Интернет-персидский, со всей свойственной ему креативностью, спонтанностью и неофициальностью, может рассматриваться как отдельный идиом персидского языка (в дополнение в эталонному литературному и общепринятому разговорному койнэ, основанному на тегеранском диалекте) [Hedāyat Mofidi et al. 2018: 67–82]).

Нередко считается, что расширение сферы использования стандартного разговорного персидского языка — из-за все большего присутствия СМИ в жизни современного общества — ставит под угрозу миноритарные языки и диалекты [Rāhnamā 2012: 1; Mahmudi-Baxtiyārī 2010: 91]. «С появлением телевидения в иранском обществе различным иранским диалектам был нанесен значительный вред, общество стало двигаться в сторону унификации языкового пространства»⁴. В то же время, электронные СМИ и блогосфера обладают неограниченным потенциалом как доступный и эффективный инструмент для документирования оказавшегося под угрозой лингвистического многообразия страны, для возрождения и поднятия социального престижа местных языков и диалектов, а также для комментирования сложившейся языковой ситуации. Наша задача — показать, как это происходит на практике, на примере Ларестана.

Изучение миноритарных идиомов в сложной социолингвистической панораме страны и их взаимодействие с персидским, официальным языком Исламской Республики Иран, является еще молодым направлением в национальных диалектологических и социолингвистических исследованиях [Mirzāpur et al. 2016: 104; Baširnežād 2007: 121–123], и вполне естественно, в центре внимания оказываются прежде всего более крупные идиомы, распространенные в Иране, на которых говорят миллионы человек: азербайджанский [Mirhosseini, Abazari 2016: 375–385; Mivāhedī 2016: 1–16; Qoli Fāmiyān 2017: 21–44; Rezaei et al. 2017: P. 931–941], мазандарани [Mirhosseini 2015: 154–170], гиляки [Rezāyati Kišexāle, Šerāyi 2008: 95–110], бахтиярский [Zolfaqārī Anāraki 2002: 147–177], талышский [Mirzāpur et al. 2016: 99–129], курдский и лурский [Aliakbaria, Khosravian 2014: 190–199; Modirkhamene 2014: 41–59].

Рассматривается использование родного языка в различных функциональных доменах (общение в семье, с родственниками,

---

⁴ «Развитие культуры чтения книг — эффективная мера для сохранения местных диалектов» от 25.06.2017, <http://www.ima.ir/fa/News/82576878>.

в религиозной сфере, в образовании, в СМИ) [Mirhosseini, Abazari 2016: 375–385], отношение к развитию СМИ на миноритарных идиомах и к продвижению родного диалекта в системе образования [Mirzāpur et al. 2016: 124–125], оценка актуальности использования диалектального медиаконтента в эфире иранского Гостелерадио [Ahmadzāde, Soltāni 2015: 58].

Подобных исследований по шахрестану Ларестан, насколько нам известно, не проводилось, хотя библиография по языкам и диалектам этой полиэтничной области на юго-западе Ирана насчитывает десятки работ. Многие распространенные в Ларестане диалекты относятся к юго-западным иранским языкам и сохранили архаичные черты среднеперсидского языка, включая эргативную стратегию кодирования глагольных актантов, что часто вызывало интерес исследователей [Dabir-Moqhaddam 2013: 383–463; Mirdehqan, Ourang 2013; Sadighi, Rostampour 2013; Al Akhbari, Ourang 2017; Zāre'ifard, Kārkon 2017].

В последние годы среди направлений изучения лари можно выделить: фонетику [Diyānat 2017; Monsef et al. 2017], морфологию [Al Akhbari, Ourang 2017; Moridi, Ourang 2015; Mirdehqan, Ourang 2013; Sadighi, Rostampour 2013; Tahekhani, Ourang 2013], типологию [Zāre'ifard, Kārkon 2017; Dabir-Moqhaddam 2013], лингводидактику [Mirdehqan, Moridi, Ourang 2013], комплексное описание грамматики идиомов Ларестана [Xonji 2010], документирование местных языковых разновидностей [Salāmi 2007, Salāmi 2009, Salāmi 2011].

Фиксация лингвистического материала обладает особой важностью, поскольку лари считается одним из языков, находящихся под угрозой исчезновения, то есть дети не осваивают его в домашних условиях как родной язык. Согласно «Атласу языков мира, находящихся под угрозой исчезновения»⁵, число носителей лари достигает 80 тыс., хотя можно найти и более оптимистичные для сохранности идиома цифры, вплоть до 600 тыс. [Al Akhbari, Ourang 2017].

Точно установить численность носителей лари крайне сложно, так как ответ на этот вопрос сопряжен с определением статуса этой языковой разновидности и точного ареала ее распространения

---

⁵ <http://www.unesco.org/languages-atlas/en/atlasmap/language-id-1765.html>. Дата обращения 20.08.2018.

(город Лар или шахрестан Ларестан) [Diyānat 2017: 54–55; Zāre'ifard, Kārkon 2017: 56; Dabir-Moqhaddam 2013: 383–384; Moridi 2009: 336].

В нашем исследовании при переводе персоязычных материалов сохранены использованные в оригинале термины: *zabān* ‘язык’, *guyeš* ‘диалект’, *lahje* ‘акцент’, *gune* ‘языковая разновидность’, а также *lāri* ‘лари’, *lārestāni* ‘ларестани’ (букв. ‘ларестанский’), поскольку эти определения являются маркерами восприятия носителями и исследователями собственного родного языка и его статуса.

Лари и родственные ему идиомы, названные по малым городским и сельским центрам, ставшим очагами их распространения, используются в шахрестане Ларестан, на юге остана Фарс, в остане Хормозган, то есть на исторической территории Большого Ларестана [Salāmi 2009: 13–14]. В заметке «Ареал распространения языка ларестани» за подписью Э. Намвара, С. Мостафави и С. Камджу — исследователей языкового многообразия Ларестана, активно работающих над повышением социокультурного статуса местных диалектов, — приводится список 343 топонимов (214 в Ларестане, 90 и 49 в соседних шахрестанах Хормозган и Ламерд), с оговоркой, что возможно, некоторые населенные пункты, где живут говорящие на ларестани, остались неупомянутыми⁶.

Из этого множества в трех томах «Диалектологической сокровищницы Фарса» [Salāmi 2007, Salāmi 2009, Salāmi 2011] описан 21 диалект. Многие локализуются за пределами Ларестана: например, асири распространен в городе Асир, центре одноименного округа в шахрестане Мохр, ахели — в городе Ахель, который находится в шахрестане Ламерд, хонджи представлен в городе Хондж, который является центром одноименного округа и одноименного шахрестана, ареалом распространения гераши считается город Гераш, центр одноименного шахрестана.

Информация о численности населения очага распространения диалекта в середине XX в. (по данным «Географического словаря Ирана» [Razmārā 1951]) и на современном этапе (по результатам Национальной переписи населения 2016 г., опубликованным на портале Центра статистики Ирана) представлена в Таб. 1. Интересно отметить, что у 16 описанных в [Razmārā 1951] населенных пунктах стоит помета *fārsi-ye mahalli* ‘местный вариант персидского’.

⁶ <http://asrelarestan.ir/post.php?id=625>. Дата обращения 07.08.2018.

Таблица 1. Административный статус (АдмСт)
и численность населения (ЧислН) очага распространения
отдельных разновидностей лари (Центр)
по данным Географического словаря Ирана (ГСИ) издания 1951 г.
и по результатам национальной переписи 2016 г. (Ценз 2016).

Идиом	Центр	ГСИ 1951		Ценз 2016	
		АдмСт	ЧислН	АдмСт	ЧислН
асири	Асир	деревня	600	город	5818
ахели	Ахель	деревня	937	город	3179
ашкянани	Ашкяннан	поселение	2068	город	4138
		район	6900	округ	21508
балучи	Балучи	—		селение	142
банаруйеи	Банаруйе	поселение	248	город	3339
		район	5800	округ	16723
баштуйеи	Баштуйе (Захедмахмуд)	—		селение	433
Бихеи	Бейрам	деревня	2675	город	7300
		район	7000	округ	13732
	Баладех	деревня	314	селение	2166
		—		район	6162
	Керишки	деревня	91	селение	392
	Чахварз	деревня (čāhvārd)	583	селение	2391
		—		район	4181
		—		округ	7010
галедари	Гяледар	—		город	13448
		—		округ	22554
гераши	Гераш	поселение	4832	город	34469
		—		шахрестан	53907
дашти (даштени)	Дашти	деревня	566	селение	1522
дорзи	Дорз	деревня	34	селение	1277
	Дорз-о- Сайебан	район	1000	район	6081
карийани	Карийан	деревня	450	поселение	2919
курдехи	Курдех	деревня (kur-deh-lār)	885	селение	5395
кялати	Кялат	деревня	476	селение	872

Идиом	Центр	ГСИ 1951		Ценз 2016	
		АдмСт	ЧислН	АдмСт	ЧислН
лари	Лар	город	11 656	город	62 045
	Маркязи	округ	50 000	округ	104 146
	Ларестан	шахрестан	160 000	шахрестан	213 920
пакялати	Пакаялат	деревня	213	селение	1 071
федаги	Федаг	деревня	919	селение	6 533
		район	2 200	район	8 689
фишвари	Фишвар	деревня	1 530	район	5 883
хонджи	Хондж	поселение	3 332	город	19 217
		район	10 000	район	31 732
		—		шахрестан	41 359
эвази	Эваз	поселение	4 662	город	19 987
		—		округ	40 731
эхвейи	Эве	—		селение	221

В настоящее время ареал распространения некоторых из языковых разновидностей лари ограничен небольшими деревнями, население которых не превышает 1000 человек: кялати, балучи, баштуйеи, эхвейи, керишки, пакялати.

Некоторые диалекты вышли за пределы одного селения и связаны с районом или группой деревень: бихеи, баладехи, федаги, фишвари, дорзи.

Урбанолекты: асири, ахели, ашкянани, бейрами, гераши, гяледари, лари хонджи, эвази, — имеют по несколько тысяч носителей. Поскольку многие города обладают статусом центра шахрестана (Гераш, Лар, Хондж), округа (Ашкянани, Банарйе, Бейрам, Гяледар, Чахварз, Эваз) и района (Баладех, Федаг, Фишвар), естественно ожидать, что эти языковые разновидности будут иметь большой престиж и более высокий статус в социальной иерархии идиомов, а также будут пользоваться большим вниманием в интернет-пространстве.

2. Источники материала.

Все новые виртуальные горизонты

Для ответа на вопрос, какие связанные с диалектами сюжеты попадают на сайты национальных СМИ, выбраны наиболее авторитетные новостные организации: Информационное агентство

Исламской Республики (<http://www.irna.ir>), информационное агентство «Голос Исламской республики Иран» (<http://www.iribnews.ir>), «Farsnews» — первое независимое информагентство Ирана, созданное в 2003 г., а также их региональные сайты⁷.

В Национальном реестре СМИ можно найти 21 печатное издание, базирующееся в Ларестане, среди которых только в электронном виде представлены следующие новостные и информационно-аналитические издания социально-культурной направленности⁸:

- Aftāb-e Lārestān (Солнце Ларестана) <http://aftablarestan.ir>
- Asrnāme-ye Larestan (Вечерняя газета Ларестана) <http://asrnameeh.ir>, <http://asrelarestan.ir>
- Evaz-e emruz (Эваз сегодня) <http://awazemrooz.ir>
- Milād-e Lārestān-e bozorg (Рождение великого Ларестана) <http://miladlarestanbozorg.ir>
- Olumsarā (Дом наук) <http://olomsara.ir>
- Payām-e dāneš (Научный вестник) <http://payamedanesh.ir>
- Pišvar (Пишвар) <http://peshvar.ir>
- Sohbat (Беседа) <http://sohbatnews.ir>.

По техническим причинам исключаются из рассмотрения сайты <http://payamedanesh.ir> и <http://miladlarestanbozorg.ir> (по состоянию на 04.08.2018 они не открываются). Не информативен в плане анализа диалектологической проблематики образовательный сайт <http://olomsara.ir>, запросы «диалект», «язык лари», «язык ларестани» не дают результатов. Оставшиеся сайты по административно-территориальному принципу можно разделить на две группы: провинциальные (<http://sohbatnews.ir>, <http://aftablarestan.ir>, <http://asrelarestan.ir>) и городские (<http://awazemrooz.ir>, <http://peshvar.ir>).

В целом, несмотря на известные трудности, связанные с финансированием, локальная пресса Ларестана обладает большим потенциалом⁹ и стремительно развивается¹⁰, используя новые технологии и учитывая специфику местной аудитории, как можно видеть на примере двух следующих сайтов:

— <http://www.fedaghnews.com> — регулярно обновляется; более 28 миллионов запросов за шесть лет работы с апреля 2011 г.;

⁷ <http://www.irna.ir/fars>, <http://fars.iribnews.ir>, <http://fars.farsnews.com>.

⁸ <http://press.farhang.gov.ir/fa/kb/96>. Дата обращения 20.06.2018.

⁹ <http://aftablarestan.ir/13931020>. Дата обращения 18.08.2018.

¹⁰ <http://aftablarestan.ir/13930902>. Дата обращения 18.08.2018.

представлены рубрики: новости Ирана и мира, новости Бандар-Аббаса, события в Федаге, клипы, срочные новости;

— <http://mldl.ir/> — активно обновляемый сайт журнала социокультурной направленности «Milād-e Lārestān», который уже четверть века ратует за укрепление культурной общности исторической области Ларестан: «На юге страны по соседству друг с другом живут многие народы, которые говорят на одном языке и диалекте: это Ларестан, Бендер-Аббас, Бендер-Ленге, острова Киш, Кешм. При обсуждении разных вопросов, касающихся национальной идентичности, солидарности и интеграции, Milād-e Lārestān всегда исходит из границ этого культурного ареала»¹¹.

Запрос *lārestān* ‘Ларестан’ на блог-сервисе <https://www.blogfa.com/> выдает 200 результатов, однако очень многие страницы, созданные по большей части 7–8 лет назад, очень быстро перестали обновляться.

Одним из самых посещаемых и активно обновляемых является <http://gapolar.blogfa.com/>, посвященный языку ларестани и литературе на нем. С момента создания в 2009 году здесь было опубликовано более 600 постов, к августу 2018 г. число посещений превышало 269 тысяч, сайт продолжает регулярно обновляться.

Для анализа контента национальных иранских СМИ и локальных онлайн-изданий и блогов Ларестана на предмет отражения в них диалектальной проблематики и выявления наиболее популярных сюжетов, связанных с использованием и функционированием диалектов в полифоничном языковом пространстве Ирана, в поисковик вводились ключевые слова, например, *giueš* ‘диалект’ или *zabān-e mahalli* ‘местный язык’. Обнаруженные в результате статьи можно разбить на две основные группы — это новости и репортажи о событиях в мире науки и культуры (на персидском языке) и собственно материалы на диалектах.

3. Просто, по-персидски.

Научно-популярные сетевые материалы о диалектах

Языковое и диалектное многообразие различных областей Ирана отмечается в заметках о традициях священного месяца

---

¹¹ <http://www.irna.ir/fars/fa/News/82643255>. Дата обращения 01.08.2018.

Рамазан¹², об иранском новом годе Ноуруз¹³, о других народных праздниках¹⁴, в статьях о туристическом потенциале разных областей Ирана¹⁵, в репортажах о фестивалях¹⁶, выставках¹⁷, презентациях¹⁸, музыкальных и театральных событиях.

Нередко местные диалекты звучат с театральных подмостков. Приведем в качестве примера репортаж Гостелерадио, который открывается так: «Язык лари и его многочисленные варианты, которые распространены в селах и городах Ларестана, постепенно начинают забываться, и сегодня молодое поколение все меньше говорит на этом сладкозвучном местном языке или диалекте. За дело возрождения местного языка или диалекта, который исторически является базовым элементом идентичности этой области, взялись актеры Свободного театра Ларестана». «Этим спектаклем мы хотим вдохнуть новую жизнь в язык ларестани», «чтобы наши дети в школе и дома говорили на языке лари», «нашей целью является возрождение богатой культуры, языка, обычаев и традиций старого Ларестана», — подчеркивают интервьюируемые, в репликах которых (как и в аннотации к видеорепортажу) название языка лари и ларестани чередуются как синонимы¹⁹.

Речь о диалектах неизменно заходит при описании фольклорных фестивалей, конкурсов и других мероприятий, посвященных разным аспектам народной культуры. Подчеркивается, что

¹² <http://www.iribnews.ir/fa/news/1654941/>, <http://www.irna.ir/fa/News/82932383>, <http://www.irna.ir/fa/News/82926066/>, <http://www.irna.ir/fa/News/82930234/>, <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1394/03/30/77555>. Дата обращения 12.08.2018.

¹³ <http://www.irna.ir/fa/Photo/3604847>, <http://www.irna.ir/fa/News/82868126>, <http://www.irna.ir/fa/News/82864742>. Дата обращения 12.08.2018.

¹⁴ <http://www.irna.ir/fa/News/82979913>, <http://www.irna.ir/fars/fa/News/82906176>, <http://www.irna.ir/fa/News/82847972>. Дата обращения 12.08.2018.

¹⁵ <http://www.irna.ir/fa/News/82945302>, <http://www.irna.ir/fa/News/82894970>, <http://www.irna.ir/fa/News/82875408>. Дата обращения 12.08.2018.

¹⁶ <http://www.irna.ir/fa/News/82909955>, <http://www.irna.ir/fa/News/82850731>. Дата обращения 12.08.2018.

¹⁷ <http://www.irna.ir/fa/News/82841975>. Дата обращения 12.08.2018.

¹⁸ <http://www.irna.ir/fa/News/82970667>. Дата обращения 12.08.2018.

¹⁹ «Использование театрального искусства для продвижения языка лари» от 04.02.2017, <http://www.iribnews.ir/fa/news/1496242/>. Дата обращения 20.08.2018.

«сохранение исконной иранской цивилизации и культуры, созданной различными племенами и народами, невозможно без внимания к родному языку и к местным языкам»²⁰.

В остане Чахармахаль и Бахтиярия ежегодно проходит фестиваль народных мелодий *тамадар-бейт*, то есть песен на диалекте, которые поют за работой ткачихи²¹. Целью мероприятия, организуемого под эгидой Министерства культуры и исламской ориентации, является сохранение и развитие местных литератур и диалектальной словесности²². В 2017 г. на этом фестивале было представлено 450 произведений 120 поэтов из восьми останов, включая Фарс²³. Секция фольклора на местных языках и диалектах традиционно представлена в программе международного фестиваля исполнителей сказок для детей²⁴; для возрождения диалектов и развития интереса к ним у молодого поколения аналогичные мероприятия проводятся и на местном уровне²⁵.

Информация о диалектах и ареале их распространения, культурной и исторической значимости, о проводимых лингвистических симпозиумах часто появляется в новостях и репортажах Гостелерадио и национального новостного агентства ИРНА:

— «Язык и идентичность» (январь 2017 г.) — о влиянии общественного развития на состояние языка и о таких проблемах социолингвистики, как особенности функционирования языка в обществе, социокультурные параметры и связь языка и идентичности на уровне микрокультур и в системе глобальной культуры, язык и уровни идентичности (глобальный, региональный, национальный и локальный), функционирование языков и диалектов Ирана и их роль в укреплении национальной идентичности²⁶;

---

²⁰ «Бережь образ жизни, язык, наследие» от 21.02.2017, <http://www.irna.ir/fa/News/82438676>.

²¹ <http://www.tamdarardal.blogfa.com/>; <http://www.iribnews.ir/fa/news/1299544>. Дата обращения 10.08.2018.

²² <http://www.iribnews.ir/fa/news/2177645>. Дата обращения 10.08.2018.

²³ <http://www.irna.ir/fa/News/82633890>. Дата обращения 10.08.2018.

²⁴ Информация об отборочных турах XX фестиваля, <http://www.irna.ir/fa/News/82757712>, репортаж о закрытии 25.01.2018 — <http://www.iribnews.ir/fa/news/2009424>.

²⁵ О X фестивале в Баванате (остан Фарс) — <http://www.dana.ir/news/1262833.html>.

²⁶ <http://www.irna.ir/fars/fa/News/82383939>; <http://www.irna.ir/fars/fa/News/82381698>. Дата обращения 01.08.2018.

— «Диалекты остана Исфahan» (сентябрь 2017 г.) — о проблемах структурного анализа, этимологии, документации диалектов, а также стратегиях сохранения диалектов и их роли в развитии туризма²⁷;

— XIII международный конгресс Ассоциации продвижения персидского языка и литературы (октябрь 2018 г.) — об изучении поэтического наследия Хафиза, а также о диалектах, местной литературе, народной культуре остана Фарс²⁸.

Многие конференции имеют междисциплинарный характер, охватывают самый широкий спектр тем — от этнографии и погребальных обрядов до исторической фонетики и вопросов развития письменности — и неизменно привлекают сотни иностранных участников²⁹.

Часто научные события используются в качестве площадки для кампании в поддержку миноритарных языков. В марте 2016 г. в Музее этнографии в Эвазе отмечался День сохранения и защиты родного языка. Среди приветственных речей можно было услышать: «Язык — это гордость и идентичность каждого человека, мой язык — это источник моей гордости, будь я из Лара, из Гераша, из Хонджа, из Бастака, из Эваза, разницы нет, поскольку мы говорим на одном языке»³⁰.

Большое внимание было уделено творческим успехам поэтов, слагающих стихи на диалектах; в деле продвижения ларестанской литературы особо был отмечен вклад ларестанского поэта Энята Намвара, родом из Эваза, основателя и ведущего блога «Пространство языка ларестани и литературы на нем» <http://gapolap.blogfa.com>³¹.

В сообщениях «Представление двух докладов ларестанских исследователей на Иранской конференции по диалектологии и лингвистике»³², «Доклад М. Оуранга и Б. Мориди о языке лари на международной конференции в Дубае» легко уловить гордость, с которой подается информация об исследовательских проектах,

²⁷ <http://www.iribnews.ir/fa/news/1676198>. Дата обращения 21.06.2018.

²⁸ <http://www.irna.ir/fars/fa/News/82915178>. Дата обращения 07.08.2018.

²⁹ <http://www.mehrnews.com/news/838245>. Дата обращения 07.08.2018.
<https://www.farsnews.com/news/8712260194>. Дата обращения 06.08.2018.

³⁰ <http://aftablarestan.ir/13941228>. Дата обращения 07.08.2018.

³¹ <http://aftablarestan.ir/13950204>. Дата обращения 07.08.2018.

³² Речь идет о II международной конференции «Языки и диалекты Ирана. Настоящее и будущее» в Тегеране (январь 2013 г.), <http://www.sohbateno.ir/13931016>. Дата обращения 07.08.2018.

посвященных языку лари, и о представлении их на международных конференциях: «Участие доктора Ахмада Эктедари, выдающегося ученого из Ларестана, было важнейшим моментом этой конференции... Одна из представленных на конференции статей, написанная двумя гражданами Ларестана, может сыграть большую роль в продвижении языка ларестани»³³.

Той же цели служат репосты научных статей или отрывков из них, в изобилии представленные на местных сайтах и блогах: «Очерк фонетической, лексической и грамматической систем диалектов Ларестана»³⁴, «Исследования, проведенные по языку лари»³⁵, «Диалект бастаки — потомок среднеперсидского»³⁶.

Среди этих публикаций можно найти:

- обзоры исследований по диалектам Ларестана³⁷,
- аннотации и рецензии монографий³⁸,
- биографии диалектологов³⁹,
- описание студенческих квалификационных работ⁴⁰,
- интервью с филологами, диалектологами, лингвистами и этнографами⁴¹,
- репортажи о выходе книг, посвященных диалектам⁴².

---

³³ <http://sohbatnews.ir/post.php?id=11697>; <http://aftablarestan.ir/13931107>. Дата обращения 07.08.2018.

³⁴ <http://gapolap.blogfa.com/post-587.aspx>. Дата обращения 01.08.2018.

³⁵ <http://gapolap.blogfa.com/post-579.aspx>. Дата обращения 01.08.2018.

³⁶ <http://bastakiehmag.ir/?p=195>. Дата обращения 01.08.2018.

³⁷ <http://gapolap.blogfa.com/cat-24.aspx>; <http://gapolap.blogfa.com/post-26.aspx>; <http://sohbatnews.ir/post.php?id=12937>. Дата обращения 14.08.2018.

³⁸ Например, Хонджи А.-Н. Guyeš-e Lārestāni на <http://gapolap.blogfa.com/post-576.aspx>, рецензия на Хонджи Л. Dastur-e zabān-e Lārestāni на <http://gapolap.blogfa.com/post-436.aspx>. Дата обращения 14.08.2018.

³⁹ Об Ахмаде Эктедари <http://achomestan.blogfa.com/post/9>.

⁴⁰ <http://gapolap.blogfa.com/9601.aspx>, <http://gapolap.blogfa.com/post-583.aspx>. Дата обращения 14.08.2018.

⁴¹ Отрывок из интервью Бехзада Мориди сайту <http://www.larestanebozorg.com> «О языке дарестани» <http://gapolap.blogfa.com/post-428.aspx>; интервью Абдоннаби Салами блогу Sohbat-e nov-e Lārestān «С помощью 2600 слов я представил 21 диалект Ларестана» <http://gapolap.blogfa.com/post-566.aspx>. Дата обращения 14.08.2018.

⁴² Материал о презентации словаря диалекта народа Эваза — <http://awazemrooz.ir/13960508>; <http://mldl.ir/?p=45190>; <http://www.asriran.com/fa/news/551618/>; о презентации книги «Исследование лексики диалекта

4. Язык предков

Анализ диалектной проблематики, представленной в медийных материалах, позволяет выявить основные направления аргументации, с помощью которой представители экспертного сообщества (поэты, журналисты, активисты в деле продвижения различных языковых разновидностей Ларестана) стремятся убедить соотечественников в необходимости сохранять и использовать родной язык.

1) «Язык лари и ларестани — это важная часть нашей, ларестанцев, национальной и культурной идентичности, и можно смело сказать, что он является одним из факторов сохранения самобытности этой земли несмотря на все превратности судьбы»⁴³. «Язык лари и его многочисленные диалекты распространены на обширной территории южной части остана Фарс, Хормозган и частично в Оммане. Это важнейший фактор этнической сплоченности и единства народов Великого Ларестана»⁴⁴.

2) «В исторической области Ларестан, что, согласно документам и эпическим преданиям, имеет такую же древнюю историю, как и племя ариев, распространён язык, старинные и чистые слова которого сопровождают жизнь народа и по сей день, при его помощи народ выражает свои мысли и чувства»⁴⁵. «Язык лари относится к числу немногих языков, которые сохранили свою самобытность и древние особенности»⁴⁶. «Язык ларестани — это язык, древностью которого мы должны гордиться, и не говорить на персидском языке со своими детьми вместо того, чтобы использовать наш родной язык»⁴⁷.

фишвари в сопоставлении с языком ларестани и стандартным персидским», <http://peshvar.ir/post.php?id=53>. Дата обращения 07.08.2018.

⁴³ Заметка Эняят-аллы Намвара, Сейеда Али Мостафави, Самада Камджу «Ареал распространения языка ларестани», <http://asrelarestan.ir/post.php?id=625>. Дата обращения 10.08.2018.

⁴⁴ Заметка Нику Сейфаифард «Краткий очерк о языке ларестани», <http://asrelarestan.ir/post.php?id=1115>. Дата обращения 10.08.2018.

⁴⁵ Заметка Эняят-аллы Намвара, Сейеда Али Мостафави, Самада Камджу «Ареал распространения языка ларестани», <http://asrelarestan.ir/post.php?id=625>. Дата обращения 10.08.2018.

⁴⁶ Заметка Самада Камджу «Язык лари», <http://larestankohan.ir/print.php?id=9891>. Дата обращения 10.08.2018.

⁴⁷ Заметка Нику Сейфаифард «Краткий очерк о языке ларестани», <http://asrelarestan.ir/post.php?id=1115>. Дата обращения 10.08.2018.

3) «Из-за распространения новой системы образования язык лари с каждым днем всё больше выходит из употребления, настолько, что многие люди сейчас, особенно в новом городе, принуждают своих детей говорить на персидском»⁴⁸. «Мы все должны считать своей обязанностью научить наших детей своему диалекту, чтобы они могли освоить его наряду с персидским в школе. Необходимо, чтобы каждая семья, будучи обладателем этого культурного наследия, сохраняла язык своих предков»⁴⁹. «Такие факторы, как сложность письменной фиксации диалекта, невнимание властей к местным языкам и попытки заменить их на персидский в школах, а также развитие технологий и стремление молодёжи изучать такие иностранные языки, как английский, французский и немецкий, постепенно привели к закату языка лари, так что возможно, что через несколько десятков лет от нашего красивого языка не останется и следа»⁵⁰.

Подобные алармистские ноты звучат в СМИ и при описании иранской языковой ситуации на макроуровне⁵¹. В эфире radiogoftogoo.ir в передаче, посвященной необходимости сохранения языкового многообразия Ирана, профессор Маджид Таме, исследователь Отдела иранских языков и диалектов в Академии Фархангестан, подчеркнул: «Когда умирает какой-либо язык, умирает не только сам язык, но исчезают и микрокультуры, с ним связанные, что является настоящей катастрофой». К сожалению, в современном обществе прежде всего думают о материальных ценностях, но духовное наследие, частью которого являются диалекты, обладает большей культурной значимостью и важностью, ведь речь идет о явлении, с которым мы сталкиваемся каждый день»⁵².

---

⁴⁸ Заметка Самада Камджу «Язык лари», <http://larestankohan.ir/print.php?id=9891>. Дата обращения 10.08.2018.

⁴⁹ Абдоннаби Салами в интервью Aftāb-e Lārestān «Язык ларестани называют диалект, чтобы не ослаблять государственный язык», <http://aftablarestan.ir/13931023>; репост на <http://gapolap.blogfa.com/post-566.aspx>. Дата обращения 20.08.2018.

⁵⁰ Заметка Нику Сейфаифард «Краткий очерк о языке ларестани», <http://asrelarestan.ir/post.php?id=1115>. Дата обращения 17.08.2018.

⁵¹ «Диалекты и местные языки под угрозой исчезновения» от 31.05.2015, <http://www.irna.ir/esfahan/fa/News/81629522>; «История забвения одного диалекта» от 08.04.2018 <http://www.iribnews.ir/fa/news/2097118/>.

⁵² «Языки и диалекты — ресурс и культурное наследие страны», <http://radiogoftogoo.ir/NewsDetails/?m=175103&n=122362>. Дата обращения 17.08.2018.

Обсуждение вопроса об изучении родного языка в школе, с одной стороны, логично встраивается в контекст дискуссии о мерах по поддержке диалектов: преподавание лари в школах, открытие специализации «Языкознание» в одном из университетов Ларестана, изучение языка лари и поддержка работы лингвистов и исследователей Ларестана⁵³. Подчеркивается, что «изучение родной культуры и сладкозвучных местных говоров в детских садах, школах и университетах играет важную роль в сохранении материального и духовного наследия»⁵⁴.

Теоретически для этого существуют все возможности. Одним из направлений политики Министерства образования и воспитания по вопросам начальной школы является преподавание родного языка в разных регионах страны. В школьных учебниках предусмотрено несколько свободных уроков, тема которых определяется учителем, в том числе один из уроков — это знакомство с народной культурой, то есть с местными обычаями и традициями, стихами и сказками⁵⁵.

С другой стороны, распространена точка зрения, что «если дети и молодежь говорят на персидском, то они относятся к культурному слою общества», а если говорят на лари, — это свидетельство их необразованности⁵⁶.

Помимо существующих сомнений в целесообразности изучения местных языков, введение преподавания родного языка сопряжено с рядом организационных трудностей, в том числе — с подготовкой компетентных кадров, учебников и прочих необходимых условий для преподавания языка лари или ларестани. «Какой из действующих университетов исторического Ларестана (Лар, Эваз, Хондж, Гераш, Бастак, Бандар-Аббас, Бандар-Ленге) может взять на себя это тяжкое бремя?»⁵⁷

Поэтому ряд экспертов часто делает акцент на актуальности освоения родного языка в семье и корректировке отношения к нему

⁵³ Нику Сейфаифард, <http://asrelarestan.ir/post.php?id=1115>.

⁵⁴ «Развитие культуры чтения книг — эффективная мера для сохранения местных диалектов» от 25.06.2017, <http://www.irna.ir/fa/News/82576878>.

⁵⁵ <http://www.irna.ir/fa/News/82526969>.

⁵⁶ Нику Сейфаифард, <http://asrelarestan.ir/post.php?id=1115>.

⁵⁷ <http://aftablarestan.ir/13951003>; <http://sohbatnews.ir/post.php?id=16472>. Дата обращения 20.08.2018.

в обществе. «Во многих районах Ирана так и происходит, и это очень хорошо. Когда ребенок пойдет в школу, он волей-неволей выучит персидский, ведь это официальный язык образования. Необходимо сохранить разумный баланс: и хорошее освоение родного языка, который является ценным компонентом их социокультурной идентичности, и хорошее освоение персидского, чтобы извлечь максимум из учебы и из возможностей, которые предлагает общество. В первую очередь должно уйти это чрезмерно положительное отношение к официальному языку в ущерб остальным языкам»⁵⁸.

Обзор новостных материалов о культурных событиях, связанных с диалектами, как на макроуровне, то есть в национальном, общеиранском масштабе, так и на уровне остана и шахрестана, показывает, что лингвистическое многообразие Ирана в целом и Ларестана в частности интерпретируется: 1) как важная часть культурного наследия, которая может быть использована как инструмент продвижения творческого, туристического, культурного потенциала шахрестана (в формате выставок, спектаклей, презентаций), 2) как перспективный предмет исследования, богатый материал которого выходит за рамки академической науки и привлекает интерес широких кругов общественности. Отсюда — большое внимание СМИ к описанию конференций и обилие на локальных сайтах и блогах материалов, посвященных изучению местных языковых разновидностей.

Первое должно служить повышению статуса языковой разновидности в восприятии общества и расширять сферу его использования. Популяризация изучения родного языка связана с составлением диалектологического корпуса (понимаемого как совокупность материалов на рассматриваемом диалекте или языке), то есть с фиксацией уже существующего материала, а также с созданием новых текстов (например, литературных или журналистских). И здесь особое место традиционно отводится поэтическому творчеству. Литературные мероприятия всегда занимают особое место в культурной панораме жизни Ларестана, и их освещение примечательно и с точки зрения использования текстов на диалектах.

---

⁵⁸ Сепиде Абдалькаркими, профессор лингвистики в Университете имени шахида Бехешти, в эфире «Radio Goftogu». Программа «Диалекты Ирана и опасности, которые им угрожают» от 24 июня 2018 г., <http://radio-goftegoo.ir/SR/?term=گویش&chid=14>.

5. Тысяча и одна ночь с поэтами Солнца

Это сказочное название было выбрано для сообщения о литературном вечере в традиционном ресторане «Тысяча и одна ночь»⁵⁹ в марте 2018 г. Ассоциации поэтов города Лар «Āftāb» (Солнце)⁶⁰. Чтение стихов, выступления и сатирические рассказы на персидском, на языке лари, на диалектах дехкуйеи и эвази вошли в программу празднования Дня Ларестана⁶¹. В репортаже об этом вечере без перевода даются обширные цитаты на лари и дехкуйеи⁶². Также без перевода поэтические отрывки приводятся в статье «Блистательное выступление Абд-оль-Резы Мафтухи со стихами на лари» о победе ларестанского поэта на литературном фестивале, посвященном имаму Резе⁶³.

Помимо публикаций диалектной поэзии на сайте <http://aftablarestan.ir/>⁶⁴, стихи на языке лари⁶⁵ и языке ларестани⁶⁶ (что часто используется синонимично⁶⁷) предлагаются вниманию интересующихся на сайте «Рождение Ларестана». Также без перевода и пояснений в блоге «Пространство языка ларестани и литературы на нем» можно найти тексты песен и стихи на хонджи⁶⁸,

⁵⁹ <http://aftablarestan.ir/13970109>. Дата обращения 18.08.2018.

⁶⁰ <http://aftablarestan.ir/13960519> и др. по тэгам <http://aftablarestan.ir/category/aftab> и [http://aftablarestan.ir/tag/anjomane sheere aftabe lar/](http://aftablarestan.ir/tag/anjomane_sheere_aftabe_lar/). Дата обращения 18.08.2018.

⁶¹ <http://aftablarestan.ir/13970218>, <http://aftablarestan.ir/13970219>, <http://mldl.ir/?p=59512>. Дата обращения 18.08.2018.

⁶² <http://mldl.ir/?p=59512>. Дата обращения 18.08.2018.

⁶³ <http://aftablarestan.ir/13970502>, Дата обращения 18.08.2018.

⁶⁴ <http://aftablarestan.ir/13960519>, <http://aftablarestan.ir/13961008> (текст и аудио), <http://aftablarestan.ir/13960430>. Дата обращения 18.08.2018.

⁶⁵ <http://mldl.ir/?p=26382>, <http://mldl.ir/?p=19007>, <http://mldl.ir/?p=24543>, <http://mldl.ir/?p=13197>, <http://mldl.ir/?p=13595>. Дата обращения 18.08.2018.

⁶⁶ <http://mldl.ir/?p=30840>, <http://mldl.ir/?p=11919>, <http://mldl.ir/?p=15404>, <http://mldl.ir/?p=45033>. Дата обращения 18.08.2018.

⁶⁷ <http://mldl.ir/?p=24543>. Дата обращения 18.08.2018. Интересно сочетание заголовка «Стихотворение на лари под названием “*Страна доброты*”» и определения «стихотворение на языке ларестани» в аннотации к нему.

⁶⁸ <http://gapolap.blogfa.com/post/514>, <http://gapolap.blogfa.com/post/431>, <http://gapolap.blogfa.com/post/423/> Дата обращения 18.08.2018.

гераши⁶⁹, аудиозаписи стихов и песен современных поэтов на карьяни⁷⁰, лари⁷¹, бастаки⁷², федаги⁷³. Иногда при публикации предлагается латинская транскрипция, например, на эвази и седехи (хонджи)⁷⁴. На некоторых страницах дается перевод, например, с лари⁷⁵ или с хонджи⁷⁶ на персидский. Порой на персидском приводятся только комментарии, пояснения отдельных слов на федаги⁷⁷.

«Язык ларестани, — отмечают эксперты, — не только служит средством живого общения, он обладает также литературой, богатой устной культурой, фольклором». В настоящее время литературная жизнь и создание стихов на ларестани сосредоточены в городах Лар, Эваз, Хондж. «Мы, ларестанцы, всегда использовали стихотворную форму для описания самых разных событий: будь то весна, землетрясение, засуха, но пока литература на ларестани сводится лишь к поэзии, до настоящего момента этому языку ещё не удалось освоить другие жанры: рассказы, романы или театральные пьесы»⁷⁸.

«Документирование языка под угрозой исчезновения и его использование в таких сферах, как литература и наука, с тем, чтобы он использовался всё больше и больше, — это очень полезная работа, естественно. Но прежде всего, — подчеркивает диалектолог М. Оуранг, — следует создать лингвистический корпус языка лари, чтобы иметь нужные данные, а затем уже заниматься литературными формами»⁷⁹.

Создание лингвистического корпуса представляется программой максимум, как и подготовка большого диалектологического словаря («Было бы хорошо, если бы был подготовлен словарь лари,

---

⁶⁹ <http://gapolap.blogfa.com/post/603>. Дата обращения 18.08.2018.

⁷⁰ <http://gapolap.blogfa.com/post-372.aspx>. Дата обращения 18.08.2018.

⁷¹ <http://gapolap.blogfa.com/post-354.aspx>. Дата обращения 18.08.2018.

⁷² <http://gapolap.blogfa.com/post-510.aspx>; <http://gapolap.blogfa.com/post-426.aspx>. Дата обращения 18.08.2018.

⁷³ <http://gapolap.blogfa.com/post-525.aspx>. Дата обращения 18.08.2018.

⁷⁴ <http://achomestan.blogfa.com/tag/delneveshteha> Дата обращения 18.08.2018.

⁷⁵ <http://gapolap.blogfa.com/post-593.aspx>. Дата обращения 18.08.2018.

⁷⁶ <http://gapolap.blogfa.com/post-485.aspx>. Дата обращения 18.08.2018.

⁷⁷ <http://baran-poem.blogfa.com/>. Дата обращения 20.06.2018.

⁷⁸ <http://aftablarestan.ir/13930108>. Дата обращения 18.08.2018.

⁷⁹ <http://aftablarestan.ir/13940402>. Дата обращения 18.08.2018.

подобно словарям Амида или Дехходы»⁸⁰), поскольку это требует солидной финансовой поддержки и серьезной работы лингвистов. Пока же как программа-минимум в сети публикуются:

— небольшие тематические подборки слов, например, лексика, связанная с пшеницей, финиками, зимой, дождем на эвази, бастаки⁸¹, фишвари⁸², ларестани⁸³, эмаддехи⁸⁴, лари⁸⁵, ларестани⁸⁶, федаги⁸⁷;

— поговорки, например, на лари (без перевода)⁸⁸, на ларестани⁸⁹ и на федаги (с переводом и пояснениями)⁹⁰; идиоматические обороты, устойчивые выражения, пословицы и поговорки Ларестана (с переводом и объяснениями) можно увидеть в специальной рубрике сайта «Milād-e Lārestān»⁹¹ и в разделе «Pažuheškade» Исследовательский центр на сайте «Asr-e Lārestān»⁹²;

— тексты и фольклорные материалы: «Для сохранения в памяти языка ларестани мы стараемся каждую неделю предлагать

⁸⁰ В своей заметке о языке лари на <http://larestankohan.ir/print.php?id=9891> Самад Каджу говорит о самых авторитетных словарях персидского языка, доступных сейчас на электронной платформе <https://vajehyab.com/>.

⁸¹ <http://gapolap.blogfa.com/cat-28.aspx>.

⁸² <http://gapolap.blogfa.com/post-27.aspx>.

⁸³ <http://mldl.ir/?p=29115>, <http://mldl.ir/?p=23627>, <http://mldl.ir/?p=22334>, <http://mldl.ir/?p=22018>, <http://mldl.ir/?p=21651>, <http://mldl.ir/?p=20936>.

⁸⁴ <http://asrelarestan.ir/post.php?id=556>. Дата обращения 17.08.2018.

⁸⁵ <http://asrelarestan.ir/post.php?id=340>; о детском языке <http://sohbatnews.ir/post.php?id=6684>; о ветре и дожде <http://sohbatnews.ir/post.php?id=6971>. Дата обращения 17.08.2018.

⁸⁶ <http://asrelarestan.ir/post.php?id=1115>, <http://asrelarestan.ir/post.php?id=2134>, <http://achomestan.blogfa.com/post/8>; на <https://larestaniencyclopedia.blogspot.com/> можно найти фрагменты словаря ларестани с переводом на персидский и английский. Дата обращения 17.08.2018.

⁸⁷ <http://www.fedaghaccent.blogfa.com/category/2>; <http://www.fedaghaccent.blogfa.com/post/23>. Дата обращения 17.08.2018.

⁸⁸ <http://gapolap.blogfa.com/post-590.aspx>. Дата обращения 17.08.2018.

⁸⁹ <https://achomestan.blogspot.com/proverbs>. Дата обращения 17.08.2018.

⁹⁰ <http://www.fedaghaccent.blogfa.com/category/5>. Дата обращения 17.08.2018.

⁹¹ <http://mldl.ir/?cat=14>. Дата обращения 18.08.2018.

⁹² <http://asrelarestan.ir/subject.php?kind=0&table=Sub&id=13> Дата обращения 18.08.2018.

вниманию читателей один рассказ на чистом языке ларестани» (с пояснениями)⁹³, на хонджи (без перевода)⁹⁴, фишвари (с переводом)⁹⁵.

Материалы диалектной словесности быстро находят своих читателей. 12 постов на сайте сообщества для укрепления солидарности говорящих на ачоми (ларестани) и поддержания традиций использования местных наречий (<http://achomestan.blogfa.com/>) собрали более 1800 обращений. Блог <http://www.fedaghaccent.blogfa.com>, созданный с целью популяризации диалекта федаги, с публикацией 59 материалов о местной кухне, достопримечательностях, народных традициях и диалекте собрал около 10 тысяч обращений. В блоге интернет-сообщества любителей поэзии на федаги «Поэзия дождя»⁹⁶ с апреля 2008 по декабрь 2011 г. было выложено полсотни постов со стихами местных поэтов. С этого времени число обращений превысило 12 тыс. Эти цифры говорят о популярности поэзии на местном варианте языка, а множество публикаций без перевода свидетельствует о том, что достаточно широкая аудитория в состоянии понять стихи на диалекте и оценить их красоту.

6. Заключение

Описанные новостные материалы позволяют собрать актуальную информацию о центрах распространения диалектов, об их развитии и о событиях культурной жизни, затрагивающих проблематику функционирования диалектов и местных языковых разновидностей: фестивали, конференции, спектакли, литературные вечера.

Интернет часто становится площадкой для дискуссий по животрепещущим вопросам, связанным с необходимостью изучения и сохранения лингвистического многообразия страны, прежде всего, как культурного наследия. Часто здесь можно наблюдать сходные тенденции в отношении к местным языковым разновидностям на национальном уровне и на уровне Ларестана.

---

⁹³ <http://asrelarestan.ir/post.php?id=1416>. Дата обращения 17.08.2018.

⁹⁴ <https://achomestan.blogspot.com/2013/04/>, <http://gapolap.blogfa.com/post-460.aspx>. Дата обращения 20.08.2018.

⁹⁵ https://achomestan.blogspot.com/2012/04/blog-post_22.html (с переводом). Дата обращения 20.08.2018.

⁹⁶ <http://baran-poem.blogfa.com/>. Дата обращения 20.06.2018.

Среди мер по поддержке языковых разновидностей, находящихся под угрозой исчезновения, можно выделить классические направления:

— пропаганда использования лари в семье с целью роста числа людей, знающих лари;

— поддержка идеи создания диалектного медиаконтента, большое внимание к литературному творчеству с целью создания новых текстов в письменной или устной форме, фиксации уже имеющегося фольклорного материала и увеличения объема диалектных данных в целом;

— популяризация научных проектов с целью документирования и увеличения объема имеющихся диалектных данных, а также с целью привлечь внимание к проблематике исчезающих языков, с одной стороны, и подъему престижа местных идиомов как потомков древних языков, с другой.

Последнее иногда может принимать весьма курьезные формы, когда для статьи об изучении лари и о включении его в число языков, находящихся под угрозой исчезновения, выбирается заголовок «Язык лари признан на международном уровне»⁹⁷.

По отзывам и комментариям в СМИ можно судить о неоднозначном отношении к использованию диалектов как в системе образования, так и в самих СМИ, что сопряжено с организационными и финансовыми трудностями. Однако интернет все больше используется как перспективная платформа для развития диалектной словесности и для продвижения местных языковых разновидностей с целью повышения их престижа и, главное, — в качестве доступного инструмента для фиксации диалектного материала, объем которого возрастает с каждым днем.

Литература

Ahmadzāde, Soltāni 2015 — R. Ahmadzāde, A. Soltāni. Farhang-e bumi dar šabake-ye ostāni-ye Seda-vo simā-ye markaz-e Kermān [Local culture in the programs of Kerman Provincial Channel] // Motāle'āt-e resāne'i 10 (29), 1394 (2015). P. 53–62.

Al Akhbari, Ourang 2017 — K. Al Akhbari, M. Ourang. Description of Number, Person and Tense Features in the Verbal Morphologies of Jibbāli and Lari // Journal of Arts and Social Sciences. 2017. Vol. 8. Issue 2. P. 5–12.

⁹⁷ <http://aftablarestan.ir/13940402>. Дата обращения 20.08.2018.

- Aliakbaria, Khosravian 2014 — M. Aliakbaria, F. Khosravian. Linguistic Capital in Iran: Using Official Language or Mother Tongue // *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2014. Vol. 98. P. 190–199.
- Baširnežād 2007 — H. Baširnežād. Zabānhā-ye mahalli-ye Irān va durnemā-ye āyande [The Local Languages of Iran and Future Perspective] // *Zabān-o zabānšenāsi* 3 (1), 1386 (2007). P. 115–126.
- Dabir-Moqhaddam 2013 — M. Dabir-Moqhaddam. Radešenāsi-ye zabānhā-ye irāni [Typology of Iranian Languages]. Tehrān, 1392 (2013).
- Diyānat 2017 — L. Diyānat. Farāyand-e hameguni dar zabān-e lāri [Assimilation Process in the Lari Language] // *Faslnāme-ye zabānšenāsi-ye guyeshā-ye irāni* 1, 1395 (2016). P. 53–72.
- Hedāyat Mofidi et al. 2018 — M. Hedāyat Mofidi, A. Kāmyabi Gol, A. Alizāde. Fazā-ye majāzi va zabān-e fārsi: qeyr-e me'yārhā-ye neveštāri dar šabake-ye ejtemā'i-ye telegram [Cyberspaces and Persian language: Non-Standard Linguistics Patterns in Telegram Social Network] // *Motāle'āt-e resāne'i* 12 (3), 1396 (2018). P. 65–82.
- Mahmudi-Baxtiyāri 2010 — B. Mahmudi-Baxtiyāri. Mostanadsāzi-o barresi-ye guyeshā-ye irāni be 'onvān-e mirās-e farhangi [The Documentation of Iranian Dialects as Cultural Heritage] // *Majalle-ye zabānšenāsi va guyeshā-ye Xorāsan* 2 (2), 1389 (2010). P. 85–103.
- Mirdehqān et al. 2013 — M. Mirdehqān, B. Moridi, M. Ourang. Āmuzeš-e zabāne fārsi be lārizabānān bar mabnā-ye tahlil-e moqābele'i va raveš-e taklifmehvar [Teaching Persian to Lari Speakers through Contrastive Analysis and Task-based Approach] // *Pāzuhešnāme-ye āmuzeš-e zabān-e fārsi be qeyr-e fārsizabānān*, 2 (2), 1392 (2013). P. 139–164.
- Mirdehqān, Ourang 2013 — M. Mirdehqān, M. Ourang. An Analytic Study of the Grammatical Tenses in Lari Language // *International Review of Social Sciences and Humanities*. 2013. Vol. 6. Issue 1. P. 124–134
- Mirhosseini 2015 — S.-A. Mirhosseini. Loving but not living the venicular: A glimpse of Mazandarani-Farsi linguistic culture in northern Iran // *Language Problems and Language Planning*. 2015. Vol. 39. Issue 2. P. 154–170.
- Mirhosseini, Abazari 2016 — S.-A. Mirhosseini, P. Abazari. “My Language is Like My Mother”: Aspects of Language Attitudes in a Bilingual Farsi-Azerbaijani Context in Iran // *Open Linguistics*. 2016. No. 2. P. 373–385.
- Mirzāpur et al. 2016 — F. Mirzāpur, M. Rezāyati Kišexāle, S. H. Mosavi. Barresi-ye negarešhā-ye zabāni dar guyesh-e tāleši [Talysh and language attitudes] // *Zabān-o zabānšenāni* 12 (23), 1395 (2016). P. 99–129.
- Mivāhedī 2016 — S. H. Mivāhedī. Naqš-e xānevāde dar hefz-e zabānhā: motāle-e-ye mowredi-ye zabān-e āzarbāyjāni dar Tabriz [The role of families in language maintenance (The case of Azerbaijani in Tabriz)] // *Zabān-o zabānšenāni* 12 (23), 1395 (2016). P. 1–16.

- Modirkhamene 2014 — S. Modirkhamene. Attitudes toward bilingualism evidence from different iranian ethno-linguistic cohorts // Darnioji daug-iakalbystė. Sustainable Multilingualism. 2014. No. 2. Pp. 41–59.
- Monsef et al. 2017 — M. Monsef, A. K. Z. Kambuziyā, A. Golfām. Barresi-ye moqāyese'i-ye farāyand-e hameguni dar gunehā-ye zabāni-ye ostān-e Fārs [Comparative Study of Assimilation Process in various Language of Fars Province] // Faslnāme-ye adabiyat-o zabānhā-ye mahalli-ye Irān-zamin 7 (3), 1396 (2017). P. 115–135.
- Montazerqā'em, Nezākati 2011 — M. Montazerqā'em, F. Nezākati. Naqš-e vebbelāgnevisi dar towse'e-ye farhangi-ye Irān [The route of blogging in the cultural development of Iran]// Motāle'āt-e resāne'i 4 (11), 1389 (2011). P. 61–83.
- Moridi 2009 — B. Moridi. The Dialects of Lar (The State of Research) // Iran and the Caucasus. 2009. Vol. 13. Issue 2. P. 335–340.
- Moridi, Ourang 2015 — B. Moridi, M. Ourang. An Analytical Study of Morphological Features and Considerations of Iranian Endangered Language (Case Study of Nominal System in Lari) // International Conference on Humanities, Literature and Management. ICHLM-15. P. 188–191.
- Qoli Fāmiyān 2017 — A. Qoli Fāmiyān. Negareš-e šahrvandān-e Tabriz be tana-vo'āt-e guyeši dar ostān-e Tabriz-e šarqi bā ta'kid bar se šāxes (tafāvot-e zabāni, sahih budan-o xošāyandi) [Attitudes of Tabrizi Citizens towards Dialectal Variation across East Azerbaijan Province with Focus on Linguistic Difference, correctness and Pleasantness] // Zabān-o zabānšenāsi 12 (24), 1395 (2017). P. 21–44.
- Rezaei et al. 2017 — S. Rezaei, A. Latifi, A. Nematzadeh. Attitude towards Azeri language in Iran: a large-scale survey research // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 2017. Vol. 38. Issue 10. P. 931–941.
- Rezāyati Kišexāle, Čerāyi 2008 — M. Rezāyati Kišexāle, R. Čerāyi. Vāžešenāsi-ye ejtemā'i-ye zabān-e gilaki (Motāle'e-ye mowredi-ye vāzehā va estelāhāt-e kišāvandi va jensiyyat [Social Morphology of Gilaki Dialect (Case study: Family and gender expressions)] // Majalle-ye taxassosi-ye zabān-eo adabiyāt-e dāneškade-ye adabiyāt-o 'olum-e ensāni-ye Mašhad 41 (10), 1387 (2008). P. 95–110.
- Sadighi, Rostampour 2013 — F. Sadighi, M. Rostampour. A Contrastive Analysis of Inflectional Markings of English and Lari Dialect Verbs: Morpho-syntactic Properties vs. Phonological Clitics // Journal of Basic and Applied Scientific Research. 2013. Vol. 3. Issue 4. P. 793–800.
- Salāmi 2007 — A. Salāmi. Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs. [A Treasury of the Dialectology of Fārs]. Vol. 4. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1386 (2007).
- Salāmi 2009 — A. Salāmi. Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs. [A Treasury of the Dialectology of Fārs]. Vol. 5. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1388 (2009).

- Salāmi 2011 — A. Salāmi. *Ganjine-ye guyeššenāsi-ye Fārs*. [A Treasury of the Dialectology of Fārs]. Vol. 6. Tehrān: Farhangestān-e zabān-o adab-e fārsi, Našr-e āsār, 1390 (2011).
- Samar et al. 2010 — R.-Gh. Samar, H. Navidinia, M. Mehrani. Globalization, Standardization, and Dialect Leveling in Iran // *Iranian Journal of Applied Language Studies*. 2010. Vol. 2. Issue 1. P. 17–30.
- Tahekhani, Ourang 2013 — N. Tahekhani, M. Ourang. A study of derivational morphemes in Lari and Tati as two endangered Iranian languages: An Analytical—Contrastive Examination with Persian // *Journal of American Science*. 2013. Vol. 9. Issue 11. P. 38–45.
- Xonji 2010 — L. Xonji. *Negareš-e tafsili be zabān-e lārestāni va guyeš-e xonji*. Širāz, 1388 (2010).
- Zāreʾifard, Kārkon 2017 — R. Zāreʾifard, A. Kārkon. Barresi-ye sāxtvāzi-ye afʾāl-e guyeš-e kurdeʾi (lāri) az didgāh-e radešenāsi [The morphological investigation of verbs in kurdeʾi dialect (Lar) in typological perspective] // *Faslnāme-ye adabiyat-o zabānhā-ye mahalli-ye Irānzamin*. 2007. Vol. 7. Issue 3. P. 55–86.
- Zolfaqāri Anāraki 2002 — S. Zolfaqāri Anāraki. *Guyeš-e baxtiyāri: baqā yā zavāl?* [Bakhtiari Dialect: survival or decline?] // *Nāme-ye ensānšenāsi*. 1 (1), 1381 (2002) P. 147–177.

Источники

- Fehrest 2018 — Fehrest-e rasānehā-ye dārā-ye mojevvez dar sāmāne-ye jāmeʾ-ye rasāne-hā (be ruz šode 13 mordād-e 1397) [List of the mass-media outlets licensed in the National media management system (updated August, 4th 2018)].
- Gozine 2017 — Gozine-ye natāyej-e saršomāri-ye nofus-o maskan-e 1395 [Selected results of the 2015 National Population and Housing Census] // Tehrān: Markaz-e āmār-e Irān, [Statistical Centre of Iran] 1396 (2017).
- Natāyaj 2016 — Natāyaj-e tarh-e āmārgiri-ye estefāde-ye xānevādehā va afrād az fannāvare-ye ettelāʾāt-o erdebātāt — 1394 [Results of the Survey on ICT Access and Use by Households and Individuals. 2016. No. 1394]. Tehrān: Markaz-e āmār-e Irān, [Statistical Centre of Iran].
- Qānun-e asāsi 1979 — Qānun-e asāsi-ye Jomhuri-ye Eslāmi—ye Irān [Constitution of the Islamic Republic of Iran]. 1979. No. 1358.
- Rāhnamā 2012 — Rāhnamā-ye gerdʾāvari-ye guyešhā [A Methodical Handbook of Compiling and Describing Dialects]. Tehrān: Farhangestān-e zabān va adab-e fārsi. 2012. No. 1391.
- Razmārā 1951 — H. Razmārā. *Farhang-e joyrāfiyāʾi-ye Irān*. Jeld-e 7. Ostān-e haftom: Tehrān; Dāyere-ye joyrāfiyāʾi-ye setād-e arteš, Čāpxāne-ye arteš. 1951. No. 1130.

Sāmāne 2018 — Sāmāne-ye jāme'-e resānehā-ye kešvar [National Media Management System].

Использованные сайты

<http://achomestan.blogfa.com/>
<http://aftablarestan.ir/>
<http://asrelarestan.ir/>
<http://awazemrooz.ir/>
<http://baran-poem.blogfa.com/>
<http://bastakiehmag.ir/>
<http://fars.farsnews.com/>
<http://gapolap.blogfa.com/>
<http://larestanfarhang.ir/>
<https://larestaniencyclopedia.blogspot.com/>
<http://larestankohan.ir/>
<http://mis.ito.gov.ir>
<http://mldl.ir/>
<http://peshvar.ir/>
<http://press.farhang.gov.ir/>
<http://radiogoftogoo.ir/>
<http://sohbatnews.ir/>
<http://www.dana.ir/>
<http://www.e-rasaneh.ir/>
<http://www.fedaghaccent.blogfa.com/>
<http://www.iribnews.ir/>
<http://www.irna.ir/>
<http://www.mehrnews.com/>
<http://www.sccr.ir/>
<http://www.shiraznovinnews.ir/>
<http://www.sohbateno.ir/>
<http://www.tamdarardal.blogfa.com/>
<https://vajehyab.com/>
<https://www.farsnews.com/>
<https://www.tasnimnews.com/>

Л. Р. Додыхудоева

ИЯз РАН, Москва

ВЛИЯНИЕ ГОРОДСКОЙ СРЕДЫ НА НОСИТЕЛЕЙ ПАМИРСКИХ ЯЗЫКОВ

В статье рассматриваются языковые особенности языка мигрантов — носителей памирских идиомов, выходцев из Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Республики Таджикистан. Носители памирских языков проживают в Центральной Азии, в ГБАО в Таджикистане, в провинции Бадахшан в Афганистане, в округах Читрал и Гилгит-Балтистан Исламской Республики Пакистан и в Ташкурган-Таджикском автономном уезде округа Кашгар и нескольких поселениях вблизи городов Йаркенд и Хотан Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. В основном они исмаилиты¹; исключением являются носители язгулямского языка, которые приблизительно в XVII в. приняли суннизм. По оценкам региональной организации «Нур», в Москве и Московской области проживает в настоящее время приблизительно 20 тысяч памирцев².

В данной статье исследуются жизненные стратегии в сфере языка, которым следуют носители памирских языков, проживающие в Москве и ее окрестностях. Несмотря на то, что количество

---

¹ Исмаилитское движение, зародившись в VIII в. после смерти имама Джафара ас-Садики на территории Аравии, распространилось в южном Ираке и Иране, а позднее в Северной Африке и Египте, анклавах Сирии, Центральной Азии, Йемене и Индии. В советский период связь памирских исмаилитов с всемирной исмаилитской общиной отсутствовала, но в девяностые годы XX века она была восстановлена.

² Численность населения ГБАО приблизительно 214 тыс. чел. (Численность населения РТ на 1 января 2015 г. Агентство по статистике при президенте РТ. Электронный ресурс: http://www.stat.tj/ru/img/65a709121baf8a64bfb15d33f398aafde_1435736807.pdf) (дата обращения 15.05.2018).

Имеются и иные оценки численности представителей памирских этнических групп в Москве и Московской области, см. об этом, например: [Этнические группы Таджикистана... 2017: 10].

респондентов невелико (84 человека), однако выборка достаточно репрезентативна: представлены все группы памироязычного (и таджикоязычного) населения ГБАО. Методика работы по выявлению жизненных стратегий и языковых предпочтений респондентов в основном опирается на качественные методы наблюдения с дополнительными беседами (в свободной форме без аудиозаписи, но с последующим фиксированием на письме) и в некоторых случаях интервью (в частности экспертными, поскольку некоторые респонденты являются профессиональными лингвистами или педагогами; эти интервью сопровождаются аудиозаписью также с последующей графической фиксацией). Для сведений, приведенных в таблице 1, эти методы дополняются опросами большего числа респондентов и анализом литературы по данному вопросу. Целью настоящей статьи является выявление языковых стратегий, практикуемых носителями памирских языков в Москве и области на уровне семьи, общины и общества в целом. Предмет исследования — практики и приемы воплощения языковых навыков в жизнь. При этом в центре нашего внимания находятся конкретные практики и реакции респондентов, связанные с имеющими место в мегаполисе установками на интеграцию мигрантов в РФ, или тенденции к мультикультурализму³.

1. Стратегии миграции носителей памирских языков

В 1992 г. в Таджикистане началась гражданская война, в которой за власть боролись несколько клановых группировок. Многие памирцы, проживавшие в центральных частях страны — Душанбе, Курган-Тюбинской области (Куйбышевском, Кумсангирском районах), Орджоникидзебадском и др. районах — из-за этнических чисток и преследований были вынуждены уехать в ГБАО, где население увеличилось в несколько раз. В это же время началась массовая миграция памирцев за рубеж, в том числе в Россию, в частности, в крупные города, такие как Москва, Санкт-Петербург,

---

³ Отдельные аспекты потенциальных жизненных и языковых стратегий памирцев рассматриваются в иных теоретических рамках (транснационализм, космополитизм и глобализация), что связано с активным внедрением этих понятий среди членов общины посредством работы Фонда Ага Хана, социальных сетей и др.

Екатеринбург, Самара, Тюмень. С тех пор миграционные потоки не прекращались, что связано с положением памирцев и общей ситуацией в Республике Таджикистан. Подробнее об истории миграции памирцев-исмаилитов в Россию см. [Каландаров 2005: 8–13].

Уже к середине 90-х годов XX века в Москве и Московской области находилось несколько тысяч памирцев. В то время была образована памирская община, позднее сложившаяся сначала в научно-просветительскую, а затем в региональную общественную организацию, содействующую сохранению самобытности, языка и обрядов народов Таджикистана, «Таджикская диаспора “Нур”»⁴. Эта община была создана по принципу землячества, при этом значимую роль в ее функционировании сыграла принадлежность ее членов к исмаилизму⁵.

Эта община представляет собой транснациональное сообщество, в котором сохраняются навыки общения на родном языке и культурные традиции. Это характерно как для памирцев, проживающих в Москве, так и для тех, кто регулярно приезжает из ГБАО. Отношения между представителями сообщества устанавливаются достаточно легко, поскольку его члены разделяют не только религиозную принадлежность, но также язык(и), культуру, обычаи и ритуалы, пристрастия в области музыки, кулинарии и пр.

---

⁴ Ее руководителями в разное время были Давлат Худоназаров, Б. Б. Лашкарбеков, А. М. Боймамадов.

⁵ В силу этого в сообщество не вошли язгулямцы, придерживающиеся суннитского ислама.

Более чем два десятилетия члены общины регулярно проводят встречи, общие собрания и занятия воскресной школы для детей по программе «Этика и просвещение» («Ахлоқ ва маърифат»), кроме того, организуются летние детские и юношеские лагеря, а также совместные праздники. Со временем стали проводиться курсы русского и английского языков, страноведения, программы профессионального непрерывного обучения для молодежи и взрослых. В рамках этих занятий ведется просвещение в области таджикской истории, культуры, классической литературы и фольклора, а также обсуждаются темы, связанные с жизнью молодежи в России (например, «Миграционная политика Российской Федерации», «Поликультурное общество и этническая толерантность», «Основы межкультурной коммуникации» и т. д.) [Каландаров 2007]. В рамках общины созданы комитеты, ведущие работу с женщинами, родителями и др. группами; для младших ее членов созданы спортивные и художественные секции.

Жизнь трансмигрантов (ряды которых постоянно пополняются) одновременно в нескольких местах и включение в несколько сообществ и социальных сетей, поддержание множественных семейных, социально-экономических, религиозных и политических отношений ведет, с одной стороны, к поддержанию традиционных навыков, в том числе языковых, а с другой, к овладению новыми опытом и умениями. Это, в свою очередь, приводит к стиранию границ между сельским и городским образом жизни и к новым установкам, способствуя изменению родного языка, в частности объема активного и пассивного словаря, произносительных навыков и даже синтаксиса.

Рассмотрим в этой связи таблицу 1, в которой представлен репертуар жизненных стратегий мигрантов из ГБАО в целом⁶.

Таблица 1. Типы миграции:
социоэкономический и социокультурный факторы

№	Тип миграции	Состав семьи	Происхождение супругов	Язык супругов	Гражданство супругов
1	Сезонная	одинокий	—	—	РТ/РВП
2	Временная	семья (с детьми)	одно место рождения	общий ПЯ	РТ/РВП
3	Постоянная	семья с детьми	один регион рождения	общий ПЯ (РЯ)	РТ/ВНЖ
4	Постоянная	семья с детьми	один регион рождения	разные ПЯ (РЯ)	РТ/ВНЖ/РФ
5	Постоянная, натурализация	семья с детьми	разные регионы рождения	разные ПЯ / РЯ	РФ

⁶ О характеристиках и количестве информантов см. Приложение. Для таблицы 1, кроме указанных в Приложении, привлекаются данные как респондентов, находящихся в РФ и РТ (временных мигрантов), из числа расширенных семей, представленных в Москве малыми семьями, так и респондентов, периодически опрашиваемых в общественных организациях, миграционных центрах, на рабочих местах (в целом было опрошено не менее 300 человек). Помимо этого в наших выводах мы опираемся на сведения из публикаций по данному вопросу (см., например, [Каландаров 2010], где приведена также и литература).

Во-первых, среди мигрантов выделяется поток так называемых сезонных мигрантов, работающих вахтовым методом («маятниковая миграция»), настроенных на сезонную, кратковременную трудовую деятельность. Эта группа представлена в основном молодежью, не имеющей семьи. Такие мигранты получают в России РВП, в отдельных случаях это нелегальные мигранты. Они проживают группами по гендерному или земляческому-родственному признаку в общежитиях, временных вагончиках на территории строительных компаний, совместно снимая жилье в городских коммунальных квартирах. Атмосферу этих временных жилищ очень ярко передал один из поэтов-мигрантов:

Хорошие памирцы приехали в Москву...
Нет мест в квартире,
Пять человек спят на диване,
Пятнадцать — на полу,
Вместо подушки
Брюки под голову я подложу...
(Абдуматад Бекмамадов)⁷

Как правило, эти группы объединены по принципу происхождения из одного места в ГБАО и их представители говорят на одном памирском языке/наречии. Нередко эти люди не имеют специального образования и объединены в профессиональные бригады или группы, выполняющие рабочие задания. Девушки заняты обычно на клининговых или домашних работах, а также в общепите. В девяностые годы XX века это могли быть мигранты по политическим причинам, люди, бегущие от голода и неустроенности или преследуемые на родине. В настоящее время первая группа — это в основном молодежь, трудовые мигранты, желающие заработать на конкретные цели, такие как постройка дома, вступление в брак и проведение свадьбы, покупка машины, а также учеба в родной стране, или ставящие задачу завершения учебы и повышения профессиональной квалификации в России. Они находятся в Российской Федерации один-два сезона, а затем возвращаются на родину. При этом, втягиваясь в городскую жизнь и обретая финансовую независимость, молодые люди отвыкают от сельскохозяйственной работы и деревенского повседневного быта, а также строгих сельских

---

⁷ Перевод Т. Каландарова, прив. по: [Каландаров 2017: 105].

нравов. В результате на родине им не хватает работы и городского уклада, в России же они испытывают тоску по дому и семье.

Вторую категорию составляют мигранты, осуществляющие временную трудовую деятельность и получившие в России РВП. Это, как правило, молодые пары с детьми или без детей, проживающие в составе больших неразделенных семей, родственных групп, которые состоят из выходцев из одного места, говорящих на одном наречии. К этой же группе можно отнести трудовых мигрантов-одиночек, имеющих семьи на родине и выполняющих конкретные экономические задачи, а также тех, кто получает в России образование с намерением вернуться потом в Таджикистан. Однако нередко, приняв такое решение, представители данной группы откладывают свое возвращение. При этом они регулярно отсылают часть денег домой, выделяя часть своего дохода для поддержания семьи, что дает родным возможность сохранять традиционный образ жизни в селении [Remtilla 2012: 117]. Кроме того, подобная схема предполагает заключение для мужчин браков с односельчанками, обычно по предварительному сговору, что предусматривает возвращение на родину на короткое время. Впоследствии семья при финансовой поддержке мужа проживает в Таджикистане.

В следующую группу входят постоянные мигранты, получившие или стремящиеся получить ВНЖ⁸. Как правило, это семьи с детьми. Они проживают уже ядерными, иногда расширенными семьями, но даже внутри них ведут самостоятельное хозяйство. Это выходцы из одного региона, говорящие на одном из памирских языков. При этом они могут являться носителями разных говоров или наречий, поскольку на родине проживали в разных местах (например, в ГБАО и центральных районах республики). Это мигранты по экономическим причинам, их задача — повысить уровень жизни или образования, обучить детей. Они имеют установку на отсроченное возвращение на родину, поскольку они «чувствуют себя чужими», находясь «вдали от своей родины». Эти люди, как правило, нацелены на адаптацию и интеграцию на время своего пребывания в России, но не планируют постоянно жить в РФ.

Представители четвертой группы выделены на основании таких показателей, как язык и установка на место проживания «в старости». Сюда входят семьи, где супруги — выходцы из одного

---

⁸ При этом до 30 % таджикских мигрантов вступают в брак в России с гражданами РФ (прив. по: [Каландаров 2009]).

региона, но говорят на разных памирских языках, что оказывается весьма существенным и для типа расселения и для более скорого перехода семьи на русский язык. В целом, это люди, желающие повысить уровень качества жизни, с установкой на отсроченное возвращение на родину, в разной степени настроенные на адаптацию и интеграцию. Представители этой и предыдущей групп (3, 4) нередко получают только разрешение на постоянное проживание в Российской Федерации, но не гражданство, так как существует мнение, что Таджикистан не разрешает двойное гражданство⁹ и что в такой ситуации лишь добавляются новые проблемы.

Последнюю группу составляют постоянные мигранты с установкой на натурализацию, стремящиеся получить гражданство РФ или уже получившие его. В большинстве своем это супруги россиян или граждан других стран. Это семьи с детьми, проживающие отдельно или со старшим поколением и имеющие постоянное место жительства в РФ. В этом случае основным языком коммуникации в семье нередко становится русский.

В данной группе можно выделить отдельно подгруппу мигрантов по политическим или экономическим соображениям, приехавших в Российскую Федерацию в 90-е годы XX века и проживающих здесь вместе с семьей и детьми. Многие из этих детей родились в ГБАО и приехали, уже освоив один из памирских языков. Часть детей, прибывших в младенческом возрасте или родившихся в РФ, становятся двуязычными или владеет родным языком пассивно, нередко их родным языком становится русский.

3. Языки семьи: владение, переключение кода

В настоящем разделе мы опираемся на данные, полученные в ходе изучения жизни нескольких памирских семей, проживающих

---

⁹ Согласно действующему Закону «О гражданстве Республики Таджикистан», граждане этой страны не могут выступать подданными других государств, за исключением случаев, предусмотренных межгосударственными договорами.

Именно на основании последних с 2014 г. (!) для граждан Таджикистана стало возможным получение второго гражданства в России.

Источник: <http://zagrandok.ru/emigraciya/dvojnoe/grazhdanstvo-v-tadzhikistane-s-rossiej.html>.

в Москве или Московской области (см. Приложение 1). На протяжении нескольких десятков лет мы осуществляли наблюдение за повседневной жизнью каждой семьи и особенностями ее коммуникации. Мы проводили беседы с членами этих семей по вопросам общения внутри семьи и за ее пределами. Кроме того, мы провели интервью с экспертами-памироведами, активистами общины, а также собрали особые мнения отдельных членов общины, не совпадающие с мнением большинства.

Старшие члены этих семей прибыли в Россию, Москву, в 90-е годы XX в., то есть прожили в Москве или области более двух десятилетий. В разное время они перевезли и свои семьи, в частности детей. Их дети, приехавшие школьниками 7–9 лет или после окончания школы, прожили в РФ в среднем 10–15 лет: это представители полуторного поколения мигрантов. Младшие дети родились уже в России и представляют второе поколение. Их дети являются третьим поколением мигрантов из ГБАО.

В нескольких семьях инициатором переезда явилось среднее поколение, при этом в Россию переехала вся семья, как младшие, так и старшие. Один из младших детей, представляющий полуторное поколение, прибыл в Москву в 8 лет, уже имея опыт школьного обучения в посылающем обществе. Остальные дети этого возраста родились в Московской области и обучались уже здесь. Большая часть респондентов имеет российское гражданство, остальные находятся в процессе его получения.

Семьи либо полностью моноэтничны и представляют одну из памирских этнических групп: шугнанцев, ишкашимцев или ваханцев, либо представляют смешанные памирско-памирские или памирско-русские семьи. Большинство представителей старшего поколения получили образование в Таджикистане на таджикском языке. В дополнение к русскому и родным памирским языкам — шугнанскому, рушанскому, ишкашимскому или ваханскому — они хорошо владеют таджикским языком. Младшие члены семьи посещают русскоязычные школы и говорят (с разной степенью владения) на родном языке дома.

Участие в повседневной жизни семей позволило наблюдать за общением, использованием различных языков в естественной обстановке и переключением кода. Мы интересовались, какие языки применяются в разных ситуациях, изучали ценностное отношение к языкам, взгляды на то, что такое родной язык, каков родной язык

отдельных членов семьи¹⁰, а также каковы этнокультурные установки и ценности семьи в целом (в частности, связанные с языком). Мы рассмотрели каждую семью с точки зрения языковых навыков ее членов и места различных языков в их повседневной жизни. Кроме того, на основе рассказов о жизни, воспоминаний и разговоров о планах на жизнь каждого, было намечено несколько типичных установок разных семей и их отдельных членов с учетом языковых навыков и их приложения.

На основе этой информации мы зафиксировали, в какой степени носители владеют конкретными языками, в каких сферах применяют их, а также когда, в каких ситуациях требуется переключение кода в социуме или внутри семьи, как эти языковые навыки взаимосвязаны с повседневной и профессиональной жизнью. В целом для памирцев, проживающих в любой стране мира, характерно многоязычие, ставшее естественной необходимостью. Вот как характеризует применение родного и других языков одна из сотрудниц международной организации Таджикистана, представительница одного из памирских этносов: *«Мы, наверное, какие-то гении: в школу идем со знанием только родного языка, учимся на таджикском, как на иностранном, потом русский изучаем, английский... Вообще странно: ученики памирцы, учителя памирцы, а в школе друг с другом говорим по-таджикски, потому что все предметы на таджикском»* [Этнические группы Таджикистана... 2017].

Одна из целей проведения таких бесед и опросов — учесть, как степень владения языками и этнолингвистические особенности влияют на повседневную и профессиональную жизнь носителей памирских языков в семье и вне ее. В таблице 2 нами приведены обобщенные данные по сферам использования памирских языков в рамках российского социума.

Так, в одноязычной семье оба родителя могут общаться на одном из памирских языков. При общении в рамках общины или в трудовом коллективе старшие члены семьи могут употреблять помимо русского таджикский или один из памирских языков, как

---

¹⁰ Родным языком, как правило, считается один из памирских, так как дети начинают говорить именно на нем. В смешанных памирско-русских семьях дети, как правило, переходят на русский язык, который и становится для них родным, иногда сохраняя пассивное знание родного памирского языка.

Таблица 2. Язык в семье и социуме

Тип семьи	Родители			Дети		
	Дом	Работа	Община	Дом	Школа ¹¹	Воскресная школа
Одноязычная	ПЯ	РЯ(+ТЯ/ПЯ)	ПЯ	ПЯ(РЯ)	РЯ	РЯ (+ШЯ/ВЯ) ¹²
Двухязычная	ПЯ(+РЯ)	РЯ(+ТЯ/ПЯ)	ПЯ/ТЯ	РЯ(ПЯ)	РЯ	РЯ (+ШЯ/ВЯ)
Двухязычная	РЯ(+ПЯ)	РЯ+(ТЯ/ПЯ)	ПЯ/РЯ	РЯ	РЯ	РЯ (+ШЯ/ВЯ)

правило шугнанский или ваханский (как наиболее распространенные). В свою очередь, дети в детском саду или школе говорят по-русски. В воскресной школе¹³, в кружках или в лагере при РОО «Нур», где встречаются дети памирцев, занятия также ведутся на русском языке, наряду с этим учащиеся имеют возможность делать сообщения, проводить презентации и обсуждения, говорить между собой на одном из памирских языков. При этом могут использоваться языки шугнано-рушанской группы или ваханский, но не ишкашимский, так как в Москве им владеют единицы.

В двуязычной памирско-памирской семье, где родители представляют разные памирские языки (языки шугнано-рушанской группы и ваханский или ваханский и ишкашимский) в зависимости от целей и жизненных установок семьи памирские языки используются в разном объеме. При установке семьи на скорое возвращение на родину памирские языки используются достаточно интенсивно. Но в семьях, нацеленных на длительное пребывание, адаптацию

¹¹ Еженедельно по выходным дням школу посещает более 100 учеников от 8 до 17 лет.

¹² В школе ведется еще и преподавание иностранного языка, как правило, английского.

¹³ Основным языком преподавания в воскресной школе является русский, в отдельных случаях учителями привлекается шугнанский (наиболее широко распространенный среди памирских) либо ваханский язык. В данном случае существенно то, что в школе уже не употребляются рушанский, ишкашимский и др.

и интеграцию в Российской Федерации, объем использования памирских языков в семье уже не столь велик. В таком случае на язык социума — русский — могут переходить уже родители (в зависимости от времени начала мигрантской истории). Нередко это происходит, когда родители представляют полуторное поколение мигрантов. Это те, кого прозвали «парниковыми» памирцами (термин Т. Иматшоева). В таких семьях памирские языки или таджикский могут использоваться, например, как «секретные». В подобных ситуациях на русский язык естественным образом переходит уже вся семья, однако степень владения им остается разной, особенно для первого поколения мигрантов старших возрастов. В случаях, когда один из родителей русскоязычен, дети, как правило, не владеют памирскими языками вовсе.

Целью бесед и опросов было выявление того, как этноязыковая самоидентификация влияет на носителей памирских языков, их представления о «родном языке». Особенно существенным было установить, какое именно воздействие оказывает жизнь в городских условиях в другой стране на язык общения в семье, на родной язык; как при этом модифицируются функции отдельных языков, влияя на изменения в языковых навыках носителей.

Мы показали модели общения внутри семьи между поколениями от старших к младшим и от младших к старшим, внутри одного поколения между детьми и сферы применения отдельных языков в семье в таблице 3.

Можно отметить, что старшие поколения более активно применяют в разговоре с младшими памирские языки. Это наглядно отражено в первой части таблицы, где представлены типы общения между поколениями от старших к младшим и то, как распределяются сферы применения отдельных памирских языков в семье. При этом, если родители говорят на разных памирских языках, например, шугнанском и ваханском или ваханском и ишкашимском, то вся семья переходит на русский язык значительно быстрее, так как язык, принятый внутри семьи (один из памирских языков или русский), не является родным для одного или обоих родителей. В такой ситуации даже старшие поколения (дед, бабушка), которые проживают вместе с детьми или навещают их и владеют одним из памирских языков, переходят в общении с одним из родителей и внуками на русский или таджикский языки, иногда на шугнанский (если один из родителей шугнанец), который более широко

Таблица 3. Язык семьи

Язык семьи	Общение родителей и старшего поколения с детьми		Общение детей с родителями и старшими членами семьи		
	Родители	Дед–бабушка	Родители	Дед–бабушка	Дети–дети
Одноязычная	ПЯ	ПЯ	ПЯ(+РЯ)	ПЯ	РЯ (+ПЯ)
Двуязычная	ПЯ Род _{1,2} ¹⁴ (+РЯ)	ПЯ Род ₁ ¹⁵	ПЯ Род ₁ + РЯ	ПЯ Род ₁ (+РЯ)	РЯ (+ПЯ Род ₁)
Двуязычная	ПЯ+РЯ	ПЯ	РЯ(+ПЯ)	РЯ(+ПЯ)	РЯ

распространен. Во второй части таблицы представлены модели общения внутри семьи между поколениями от младших¹⁶ к старшим и внутри одного поколения (братья, сестры). Здесь играют роль такие факторы, как: проживает ли нуклеарная семья отдельно, сколько детей в семье, родились ли дети в РФ и насколько они адаптированы в социум (посещали ли детский сад или подготовительные группы при школе), а также насколько родители заинтересованы в их скорейшей адаптации, от уровня образования самих родителей и выбора языка внутри семьи. В любом случае при обучении информационным технологиям и компьютерной грамотности, при формировании навыков пользования смартфоном, планшетом и т. п. разговор ведется на русском языке.

Таким образом, из данных таблицы следует, что дети интенсивнее родителей пользуются русским языком, становясь билингвами. Следующие поколения (третье–четвертое — внуки и правнуки) уже практически полностью переходят на русский язык, сохраняя при этом ограниченное знание родного языка и осознавая свою

¹⁴ Каждый из родителей в этом случае говорит с детьми на своем памирском языке.

¹⁵ Старшее поколение (дед, бабушка) говорит с детьми и памироязычным родителем (1-м и/или 2-м) на родном языке.

¹⁶ В данной таблице обозначение «дети» включает как представителей полуторного, так и второго поколений.

этническую принадлежность. В смешанных семьях этот процесс идет быстрее, на русский переходит уже второе поколение. Во многих случаях дети уже в детском саду или на детской площадке переходят с родителями на русский язык при сверстниках или называют себя русскими именами.

4. Этноязыковая идентичность и родной язык

Одна из целей настоящего исследования — проследить изменения в подходах к языковой, этнической, культурной и религиозной идентичности у представителей народов Западного Памира, проживающих в диаспоре (мигранты и «бывшие соотечественники»).

О многоуровневой этнической принадлежности народов, населяющих Западный Памир, написано достаточно много, см., например, [Каландаров 2005: 3, 9; Назархудоева 2015]. Определение этноязыковой принадлежности у этих народов традиционно происходило по месту жительства, которое, как правило, было связано с проживанием предков по линии отца. Кроме того, их объединял единый язык/диалект. Наиболее крупные наименования регионов — Шугнан, Рушан, Бартанг, Хуф, Вахан или Ишкашим — были положены в основу названий языков и этнических групп¹⁷. Это, скорее, региональные самоназвания этнических групп, закрепленные в исследовательской традиции, образованные по принципу «место проживания», которые со временем стали служить этнонимами: ш. *Хиҷнип* ‘Шугнан’, *хиҷнипи* ‘шугнанец; шугнанский’, а также *хиҷнип зив* ‘шугнанский язык, то есть язык Шугнана’. Кроме того, имеются обозначения, образованные на основе понятия «принадлежащий некоему месту, из некоего места»: *bajuwej* ‘из Баджу’. О том, что в разговоре между собой памирцы обычно называют

---

¹⁷ «В. И. Бушков и Л. Ф. Моногарова [2001], описывая этнические процессы на Памире, говорят о существовании отдельных “субэтносов” (шугнанцы, рушанцы, ваханцы, ишкашимцы и др.). При этом авторы считают, что эти региональные идентичности стали терять позиции после начала консолидации памирских народов в новую этническую общность — “помири” [Ibid.]. Другие ученые продолжают говорить о том, что памирские группы являются субэтническими группами таджикской нации [Давыдов 2005], эта точка зрения является сегодня господствующей в Таджикистане» (прив. по: [Алексеева 2015: 7]).

свой этноним, упоминает, например, Т. С. Каландаров [2005: 3]. В новых условиях ребенок может определять свою этническую принадлежность по традиции (то есть по месту проживания отца, этнической группы) или по тому же принципу, то есть месту проживания, но уже — по новому месту жительства ребенка, то есть Россия, Москва.

Л. Ф. Моногарова показала, что памирские народы в советский период стали осознаваться окружающими (в частности таджиками) как единая этнокультурная общность, что со временем стало означать не территориальную, а прежде всего этническую, этноязыковую, этнокультурную и этноконфессиональную принадлежность представителей памирских народностей [Моногарова 1980; Лашкарбеков 2016: 61]¹⁸. Этот экзоэтноним (т. *помирӣ* ‘памирец, памирский’) стал широко применяться и в среде самих памирцев. Отголоски такой практики наблюдаются у самих носителей и в настоящее время. Из-за потребности в консолидации и, одновременно, из-за недостатка информации у молодежи стало популярно обобщенное самоопределение — «памирец» (ш. *pomeri*). Более того, в настоящее время иногда молодые поколения называют свой памирский язык, как правило, шугнанский, — «памирским» (т. *забони помирӣ*, ш. *pomeri ziv* ‘памирский язык’), в чем можно усмотреть особую роль шугнанского языка в ГБАО как *lingua franca*. Б. Б. Лашкарбеков отмечает, что такое обобщенное обозначение (ш.-руш. *potēri*) этнического происхождения особенно характерно для всех представителей шугнано-рушанской группы языков, при этом ваханцы и ишкашимцы также могут называть себя «памирцами», но указывают наряду с этим и свою непосредственную этническую группу «ваханец» или «ишкашимец». При опросе представителей шугнано-рушанской группы языков 65% «подменили исконные названия родных языков обобщающим термином “памирский язык”» [Лашкарбеков 2016: 60, 59–63]¹⁹.

¹⁸ В эту общность в советское время включались и язгулямцы. Лишь позднее, когда религиозный фактор выдвинулся на передний план, язгулямцы выделились из общности в силу различий в религиозных убеждениях.

¹⁹ Этнолог В. В. Степанов отмечает, что «региональные самоназвания языков, сообщаемые населением, могут вообще не означать какого-либо специфического варианта языка», так «в ряду условных наименований

При определении понятия «родной язык» традиционные выражения, такие как «язык матери»: т. *забони модарӣ*, ш. *nān ziv*; «язык отца»: т. *забони падар(ӯ)*, ш. *tāt/dod ziv*; «язык деда, предков»: т. *га-ноу бобигӣ*, ш. *bob ziv*; ш. «(язык) предков» (букв. «дедовский»): *bobigi*, сменяются новым определением. Это — «наш/свой/мой язык»: *māš/xu/mi ziv*. При этом под последним нередко имеются в виду не только различные памирские языки, но и русский, который становится для детей родным. Интересен пример из интервью Т. С. Каландарова со студенткой РУДН Майгуной Муборакшоевой из ГБАО. На вопрос о том, видит ли она сны и на каком языке, девушка ответила: «В Душанбе я видела на таджикском в основном, а иногда на шугнанском языке. В России только на русском» [Каландаров 2009].

Дети, живущие в России в иноязычной среде, начинают ощущать себя русскоязычными, в ряде случаев определять себя как «русские» (особенно в смешанных памирско-русских семьях). В детском саду или школе дети могут присваивать себе новую идентичность, называя родным языком русский, а себя «русскими» (что служит синонимом понятия «гражданин России»). Ускорению процесса смены идентичности способствует и то, что в России в памирских семьях детям нередко дают русские имена.

Заключение

Можно констатировать, что тенденции к видоизменению идентичности являются результатом глобализации и урбанизации, и, в свою очередь, влияют на мировоззрение, культурные, религиозные и другие ценности памирских народов. При этом во второй половине XX в. эмблемой этнической идентичности для памирских народов выступали территориальный (происхождение из одного места) и языковой (употребление единого языка в ситуации общения между членами одного языкового коллектива) признаки. Переход же к жизни в городской инокультурной среде и трансмиграционные процессы послужили появлению новой социолингвистической ситуации, при которой на первый план для членов общины было

языков... значатся... «памирский»); тот же автор замечает, что в инструментарий Всероссийской переписи 2010 г. входили «собираательные названия» языков, например, «памирский» [Степанов 2018: 93–94, 95].

выдвинуто социокультурное и конфессиональное единство с упором на культурное разнообразие и многоязычие: один из памирских языков — таджикский (в некоторых случаях) — русский²⁰, а также английский в школе²¹, что стало влиять на степень владения родным (памирским) языком, а также на приоритеты в его использовании.

Перед памирской молодежью стоит двойная задача — социализации в принимающем обществе наряду с этнической социализацией, то есть овладением характерными для памирцев социокультурными традициями, что ведет к множественной идентичности. Однако благодаря транснациональным социальным пространствам разрушаются традиционные формы миграции, снимается “дилемма мигранта” — *интеграция vs. новые этнические меньшинства* [Кайзер, Бредникова 2004], в результате чего преодолевается замкнутость сложившихся традиций, языковых и ценностных установок и возникают новые культурные и ценностные установки на поликультурную и полилингвальную модели с расширением набора языков от необходимых родного (одного из памирских языков, а также других памирских языков) и государственного до нескольких дополнительных языков. Все это в целом подтверждает общий тренд влияния городской среды на носителей миноритарных языков.

Наряду с этим примененный в статье подход «изнутри» общины дал возможность проанализировать предпочтения и установки ее представителей с точки зрения самих ее членов, при этом оставаясь в рамках интеграционно-адаптационных подходов, заданных превалирующим на настоящий момент в РФ дискурсом в сфере теоретических подходов к миграции.

Список условных сокращений

ВНЖ — «вид на жительство», документ, который дает право мигранту на длительное проживание в РФ; ВЯ, вах. — ваханский язык; ИЯ, ишк. — ишкашимский язык; ПМЖ — аббревиатура, обозначающая «постоянное место жительства»; ПЯ — памирские языки; РВП — «разрешение на временное проживание» в РФ; Род_{1,2} — 1-й, 2-й родители; РТ — Республика Таджикистан; РФ — Российская Федерация; РЯ — русский язык;

---

²⁰ В Таджикистане вместо русского таджикский язык.

²¹ Знание английского языка как мирового в последние годы выдвигается для членов общины на передний план ее духовным лидером Ага Ханом IV.

РушЯ — рушанский язык; ТЯ, т. — таджикский язык; ш.-руш. — шугнано-рушанская группа языков; ШЯ, ш. — шугнанский язык; ЯЯ — язгулямский язык

Литература

- Алексеева 2015 — А. В. Алексеева. Жизненные планы таджиков-памирцев в России. Дис. ... магистра. СПб, 2015. [A. V. Alekseeva. Zhiznennyye plany tadjikov-pamirtsev v Rossii / Diss. ... magistra [Life Plans of the Pamir Tajiks in Russia]. St. Petersburg, 2015].
- Бредникова и др. 2010 — О. Е. Бредникова, О. А. Ткач. Дом для Номады. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/219/506> (дата обращения 25.04.2018). // Laboratorium. 2010. № 3. С. 72–95. [O. E. Brednikova, O. A. Tkach. Dom dlia Nomady [Home for Nomads] // Laboratorium. 2010. № 3. P. 72–95]. [Online resource]. URL: <http://www.soclabo.org/index.php/laboratorium/article/view/219/506> (access date 25.04.2018).
- Кайзер, Бредникова 2004 — М. Кайзер, О. Е. Бредникова. Транснационализм и транслочальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство / Под ред. Т. Бараулиной, О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ, 2004. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cisr.ru/migration.html>. (дата обращения 25.04.2018). [M. Kaiser, O. E. Brednikova. Transnatsionalizm i translokal'nost' (kommentarii k terminologii) [Transnationalism and translocality (commentary on terminology)] // Migratsiia i natsional'noe gosudarstvo / Eds. T. Baraulina, O. Karpenko. St. Petersburg.: TSNSI, 2004]. [Online resource]. URL: <http://www.cisr.ru/migration.html> (access date 25.04.2018).
- Каландаров 2005 — Т. С. Каландаров. Памирские мигранты-исмаилиты в России (Исследования по прикладной и неотложной этнологии. № 178). М., 2005. [T. S. Kalandarov. Pamirskie migranty-ismaility v Rossii (Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii) [Pamir Ismaili migrants in Russia (Studies on Applied and Urgent Ethnology)]. № 178). Moscow, 2005].
- Каландаров 2007 — Т. С. Каландаров. Единство мегаполиса в его многообразии // Сайт «Фергана.ру». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5008> (дата обращения 05.03.2018). 28.03.2007. [T. S. Kalandarov. Edinstvo megapolisa v ego mnogoobrazii [Unity of a megacity in its variety] // Fergana.ru. [Online resource]. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5008> (access date 05.03.2018).
- Каландаров 2009 — Т. С. Каландаров. Таджикское молодежное сообщество в Москве // Молодежные субкультуры Москвы / Сост. Д. В. Громов, отв. ред. М. Ю. Мартынова. М.: ИЭА РАН, 2009. [T. S. Kalandarov. Tadjzhikskoe molodezhnoe soobshchestvo v Moskve [Tajik Youth

- Community in Moscow] // *Molodezhnye subkul'tury Moskvy* / Compiled by D. V. Gromov, ed.-in-chief M. Yu. Martynova. M.: IEA RAN, 2009].
- Каландаров 2010 — Т. С. Каландаров. Таджикские трудовые мигранты в Москве // *Этнополитическая ситуация в России и сопредельных государствах. Ежегодный доклад Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов*. М.: ИАЭ РАН, 2010. С. 200–209. [T. S. Kalandarov. Tadjihskie trudovye migranty v Moskve [Tajik labor migrants in Moscow] // *Etnopoliticheskaia situatsiia v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh. Yezhegodnyi doklad Seti etnologicheskogo monitoringa i rannego preduprezhdeniia konfliktov*. Moscow: IAE RAN, 2010. P. 200–209].
- Каландаров 2017 — Тохир Каландаров. Косточка сладкая, на чужбине я...: поэзия таджикских трудовых мигрантов в России // *Acta Slavica Iaponica*. 2017. Tomus 38. С. 91–119. [Tokhir Kalandarov. Kostochka sladkaia, na chuzhbine ia ...: poeziia tadjihskikh trudovykh migrantov v Rossii [Oh sweet stone, I am in a foreign land ...: Poetry of Tajik labor migrants in Russia] // *Acta Slavica Iaponica*. 2017. Tomus 38. P. 91–119].
- Лашкарбеков 2016 — Б. Б. Лашкарбеков. Сдвиги в этническом самосознании детей мигрантов, представителей малых народов Памира, живущих в РФ // К 100-летию юбилею Веры Сергеевны Расторгуевой: Иранский сборник. М.: Языки народов мира, 2016. С. 57–65. [B. B. Lashkarbekov. Sdvigi v etnicheskom samosoznanii detei migrantov, predstavitelei malykh narodov Pamira, zhivushchikh v RF [Shifts in the ethnic self-consciousness of the children of migrants, representing Pamir minorities living in the Russian Federation] // К 100-letnemu iubileiu Very Sergeevny Rastorguevoi: Iranskii sbornik. Moscow: Iazyki narodov mira, 2016. P. 57–65].
- Моногарова 1980 — Моногарова Л. Ф. Эволюция национального самосознания припамирских народностей // *Этнические процессы у национальных групп Средней Азии и Казахстана*. М., 1980. С. 125–135. [Monogarova L. F. Evolyutsiia natsional'nogo samosoznaniia pripamirskikh narodnostei [The evolution of national identity pripamirskogo ethnic groups] // *Etnicheskie protsessy u natsional'nykh grupp Srednei Azii i Kazakhstana*. Moscow, 1980. P. 125–135].
- Мукомель 2013 — В. И. Мукомель. Особенности адаптации и интеграции детей мигрантов — представителей «полоторного поколения» // *Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение»*. 2013. № 2 (11). Ч. 2. С. 192–209. Онлайн-доступ к журналу: <http://isu.ru/izvestia>. (дата обращения 05.03.2018). [V. I. Mukomel'. Osobennosti adaptatsii i integratsii detei migrantov — predstavitelei «polutornogo pokoleniia» [Peculiarities of adaptation and integration of migrant children — representatives of the “one and a half generation”] // *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya*

- «Politologiya. Religiovedenie». 2013. № 2 (11). Ch. 2. P. 192–209]. URL: <http://isu.ru/izvestia> (access date 05.03.2018).
- Назархудоева 2015 — Д. Ш. Назархудоева. Этническая идентификация и межэтнические отношения народов Памира на современном этапе развития // Вестник МГУКИ (Московского государственного института культуры). 2015. 1 (63) январь–февраль. С. 101–105 [D. Sh. Nazarkhudoeva. Etnicheskaya identifikatsiya i mezhetnicheskie otnosheniya narodov Pamira na sovremennom etape razvitiia [The current stage of development of ethnic identity and ethnic relations of the people of the Pamir] // Vestnik MGUKI (Moskovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury). 2015. 1 (63) yanvar'–fevral'. P. 101–105].
- «Памир-Москва» 2017 — Фестиваль таджикской и российской культур «Памир-Москва». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fergananews.com/news/26453> (дата обращения 20.03.2018). [Festival' tadjzhikskoi i rossiiskoi kul'tur «Pamir-Moskva» [Festival of Tajik and Russian cultures “Pamir-Moscow”]] // Fergana.ru. 2017. [Online resource]. URL: <http://www.fergananews.com/news/26453> (access date 20.03.2018).
- Прошина 2017 — З. Г. Прошина. Транслингвизм и его прикладное значение // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. 2017. Vol. 14. Issue 2. С. 155–170. [Z. G. Proshina. Translingvizm i ego prikladnoe znachenie [Translinguism and its applied value] // Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniia: yazyki i spetsial'nost'. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices. 2017. Vol. 14. Issue 2. P. 155–170].
- Степанов 2018 — В. В. Степанов. Языковая ситуация в России // Этническое и религиозное многообразие России / под ред. В. А. Тишкова, В. В. Степанова. Издание 2-е, исправленное и дополненное. М.: ИЭА РАН, 2018. [V. V. Stepanov. Yazykovaia situatsiya v Rossii [The Language Situation in Russia] // Etnicheskoe i religioznoe mnogoobrazie Rossii / pod red. V. A. Tishkova, V. V. Stepanova. Izdanie 2-ye, ispravlennoe i dopolnennoe. Moscow: IEA RAN, 2018].
- Этнические группы Таджикистана... 2017 — Этнические группы Таджикистана, не обладающие своей государственностью (памирцы, джуги, ягнобцы): от непризнания к дискриминации. Для 93-й сессии КЛРД ООН, 31 июля — 11 августа 2017 года. Альтернативный отчет о выполнении Таджикистаном Конвенции ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации в связи с рассмотрением 9–11 периодических докладов РТ за 2012–2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://adcmemorial.org/wp-content/uploads/TajCERDru3.pdf>; <http://akhbor-rus.com/-p370-161.htm> (дата обращения 05.03.2018). [Etnicheskie gruppy Tadjhikistana, ne obladayushchie

- svoei gosudarstvennost'iu (pamirtsy, dzhugi, yagnobtsi): ot nepriznaniia k diskriminatsii. Dlia 93-y sessii KLRD OON, 31 iulia–11 avgusta 2017 goda. Al'ternativnyi otchet o vypolnenii Tadzhiestanom Konventsii OON o likvidatsii vseh form rasovoi diskriminatsii v sviazi s rassmotreniem 9–11 periodicheskikh dokladov RT za 2012–2015 gg. [Ethnic groups of Tajikistan that do not have their own statehood (Pamiri, Jugi, Yagnobi): from non-recognition to discrimination. For the 93rd session of the UN CERD, July 31–August 11, 2017. Alternative report on the implementation by Tajikistan of the UN Convention on the Elimination of All Forms of Racial Discrimination in connection with the consideration of 9–11 periodic reports of the RT for 2012–2015]. [Online resource]. URL: <https://adcmemorial.org/wp-content/uploads/TajCERDru3.pdf>; <http://akhbor-rus.com/-p370–161.htm> (access date 05.03.2018).
- Glick Schiller et al. 1992 — N. Glick Schiller, L. Basch, C. Blanc-Szanton (Eds.). Towards a Transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity, and Nationalism Reconsidered. New York, N. Y.: New York Academy of Sciences. (Annals of the New York Academy of Sciences. Vol. 645).
- Remtilla 2012 — A. Remtilla. Re-producing Social Relations; Political and Economic Change and Islam in Post-Soviet Tajik Ishkashim, University of Manchester. 2012. [Электронный ресурс]. URL: <http://islamoved.ru/2016/postsotsializm-i-islam-v-tadzhikistane-obzor-dissertatsii/>. (дата обращения 25.04.2018). [Online resource]. URL: <http://islamoved.ru/2016/postsotsializm-i-islam-v-tadzhikistane-obzor-dissertatsii/> (access date 25.04.2018).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1.

Данные об информантах

Сбор информации проводился методом включенного наблюдения на протяжении нескольких десятилетий. Основными участниками стали семьи общим числом 84 человека (их данные приведены ниже). За основу наших наблюдений в данной работе взяты шугнанские (а также шугнано-рушанские и шугнано-русские) семьи

мегаполиса (51 человек). Они связаны родством внутри большой памирской семьи, восходящей к единому предку и насчитывающей до 200 человек (основная часть семьи проживает в ГБАО, РТ). Параллельно наблюдение велось в ваханских (9 человек), ишкашимской (11 человек) и язгулямской семьях (9 человек) Москвы, а также в таджикоязычной семье (4 человека), переехавшей в Московскую область из Ишкашимского района. Эти семьи поддерживают тесные связи с родными, постоянно проживающими в ГБАО, Республика Таджикистан, и приезжающими на заработки в РФ.

Нуклеарные семьи, живущие в РФ более или менее автономно, тесно общаются и навещают друг друга, нередко совместно проводят досуг. В состав таких семей могут входить три поколения: родители, дети и их дети (часть детей на данный момент уже имеет свои семьи), иногда совместно с ними проживают братья и сестры старших членов семей. Старшее и среднее поколения, как правило, имеют высшее образование и находятся в РФ к настоящему времени приблизительно два десятилетия.

Все респонденты говорят на нескольких языках, но с разной степенью владения. Старшее поколение проживало в РТ в условиях диглоссной ситуации (несбалансированного двуязычия), где «высоким» языком являлся таджикский язык, а родной для жителей ГБАО — один из памирских языков — выступал как «низкий» разговорный язык. Примерно та же ситуация складывается на сегодняшний день в РФ.

В некоторой части мои выводы основаны на наблюдениях за учениками и учителями воскресной школы и членами общины, не связанными с указанными семьями, а также на беседах и интервью с ними. Регулярные встречи с учениками воскресной школы проходили в основном в 1996–1999 гг., а также sporadически с 2000 по 2013 годы. В дополнение я привлекаю данные, полученные от учеников и педагогов, продолжающих работать в воскресной школе и летнем лагере, организованных региональной общественной организацией «Таджикская диаспора «Нур», где в первое десятилетие нынешнего века ежегодно проходили обучение «более 30 учеников в возрасте от 8 до 16 лет, и примерно столько же молодых людей от 17 до 25 лет» [Каландаров 2007], а позднее ежегодно более чем по 50 человек в каждой возрастной группе. Число учеников постоянно растет, к настоящему времени через обучение в этой школе прошли несколько тысяч детей.

Нумерация столбцов таблиц

- 1 — имя
- 2 — возраст
- 3 — гражданство
- 4 — срок проживания в РФ
- 5 — образование
- 6 — родственные связи
- 7 — родной язык
- 8 — уровень владения РЯ
- 9 — уровень владения ТЯ

Шугнано-рушаноязычные семьи

Семья 1

Муж и жена владеют разными говорами шугнанского языка; дети владеют обоими говорами и русским языком. Младшая дочь — билингв (в данном случае имеется в виду свободное владение двумя языками в равной степени).

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	КУ	53	РФ	21 год	высшее	муж	ШЯ	продвинутый	продвинутый
2	НР	44	РТ, РВП	21 год	среднее медицинское	жена	ШЯ	продвинутый	средний
3	СУ	25	РТ	7 лет	высшее	сын	ШЯ	средний	продвинутый
4	ШУ	22	РТ, РВП	10 лет	высшее (бакалавр)	дочь	ШЯ	продвинутый	средний
5	РУ	13	РФ	с рождения	неполное среднее	дочь	ШЯ	продвинутый	—
6	НУ	26	РТ, РВП	10 лет	высшее	племянница мужа	ШЯ	продвинутый	средний
7	РШ	75	РТ	2 года	среднее	мать мужа	ШЯ	начальный	продвинутый

Семья 2

Муж и жена владеют одним говором шугнанского языка; дети владеют родным и русским языком, оба — билингвы. Сестра жены проживала в Центральном Таджикистане и владеет несколькими говорами шугнанского языка и северным диалектом таджикского языка.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	СМ	36	РТ, РВП	12 лет	высшее	жена	ШЯ	продви- нутый	продви- нутый
2	КХ	37	РТ, РВП	12 лет	среднее	муж	ШЯ	средний	продви- нутый
3	НХ	9	РТ, РВП	с рож- дения	—	дочь	ШЯ	продви- нутый	—
4	СХ	7	РТ, РВП	с рож- дения	—	сын	ШЯ	продви- нутый	—
5	РН	24	РТ, РВП	6 лет	высшее	пле- мян- ница жены	ШЯ	продви- нутый	продви- нутый

Семья 3

Муж и жена владеют разными говорами шугнанского языка; сыновья владеют обоими говорами и русским языком. Невестка и внук владеют только русским языком.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	СМ	63	РФ	22 года	высшее	муж	ШЯ	продви- нутый	продви- нутый
2	ХД	61	РТ, РВП	3 года	высшее	жена	ШЯ	средний	средний
3	ММ	35	РТ	15 лет	высшее	сын	ШЯ	средний	продви- нутый
4	КМ	34	РФ	22 года	среднее	сын	ШЯ	продви- нутый	средний
5	ВМ	34	РФ	с рож- дения	высшее	жена сына	РЯ	продви- нутый	—
6	РМ	13	РФ	с рож- дения	неполное среднее	внук	РЯ	продви- нутый	—

Семья 4

Муж и жена владеют одним говором шугнанского языка. Старшая дочь в настоящее время закончила обучение в РФ и живет в РТ. Младшая дочь — билингв, владеет шугнанским и русским языками.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	ДН	48	РТ, РВП	12 лет (с перерывами)	среднее	муж	ШЯ	средний	продвинутый
2	ЗУ	49	РТ, РВП	14 лет	среднее музыкальное	жена	ШЯ	продвинутый	средний
3	УН	14	РТ	3 года	неполное среднее	сын	ШЯ	средний	продвинутый
4	МН	23	РТ	—	высшее	дочь	ШЯ	продвинутый	продвинутый
5	ФН	5	РТ, РВП	с рождения	—	дочь	ШЯ	продвинутый	—
6	ОУ	35	РТ, РВП	12 лет	высшее	сестра жены	ШЯ	продвинутый	продвинутый
7	КУ	11	РТ, РВП	5 лет	неполное среднее	сын сестры жены	ШЯ	начальный	средний

Семья 5

Муж и жена владеют одним говором шугнанского языка.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	СУ	51	РТ, РВП	23 года	среднее	муж	ШЯ	средний	продвинутый
2	АР	47	РТ, РВП	9 лет	среднее	жена	ШЯ	средний	продвинутый
3	ДУ	24	РТ, РВП	9 лет	среднее	сын	ШЯ	средний	продвинутый
4	ШУ	14	РТ, РВП	6 лет	неполное среднее	сын	ШЯ	средний	средний
5	РУ	17	РТ, РВП	6 лет	неполное среднее	дочь	ШЯ	средний	продвинутый

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
6	СШ	23	РТ, РВП	5 лет	среднее	жена сына	ШЯ	продви- нутый	продви- нутый
7	ХУ	3	РТ, РВП	с рож- дения	—	внук	ШЯ	средний	—

Семья 6

Родной язык мужа — шугнанский, жены — русский.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	РД	87	РФ	28 лет	высшее	муж	ШЯ	продви- нутый	продви- нутый
2	АС	87	РФ	28 лет	высшее	жена	РЯ	продви- нутый	—
3	ВП	57	РФ	25 лет	высшее	муж дочери	РЯ	продви- нутый	—
4	НД	55	РФ	28 лет	высшее	дочь	РЯ	продви- нутый	началь- ный
5	АП	35	РФ	25 лет	высшее	внучка	РЯ	продви- нутый	—
6	МЛ	36	РФ	с рож- дения	высшее	муж внучки	РЯ	продви- нутый	—
7	РЛ	7	РФ	с рож- дения	начальное	прав- нук	РЯ	продви- нутый	—
8	АЛ	5	РФ	с рож- дения	—	прав- нучка	РЯ	продви- нутый	—
9	АЛ	3	РФ	с рож- дения	—	прав- нук	РЯ	средний	—
10	АЛ	1	РФ	с рож- дения	—	прав- нучка	РЯ	началь- ный	—

Семья 7

Муж и жена владеют разными памирскими языками — шугнанским и рушанским; дети владеют обоими памирскими языками и русским языком.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	МО	45	РФ	26 лет	высшее	муж	ШЯ	продвинутый	продвинутый
2	КН	42	РФ	23 года	высшее	жена	РушЯ	продвинутый	продвинутый
3	УО	17	РФ	с рождения	среднее	сын	РушЯ	продвинутый	—
4	ЛО	14	РФ	с рождения	неполное среднее	дочь	РушЯ	продвинутый	—
6	ГС	64	РТ	4 года	среднее	мать жены	РушЯ	средний	продвинутый

Семья 8

Все члены семьи владеют памирскими языками — шугнанским и рушанским; сын говорит на обоих памирских языках и русском языке.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	ЗО	51	РФ	26 лет	высшее	дочь	РушЯ	продвинутый	продвинутый
2	ГЮ	26	РФ	24 года	высшее	сын дочери	РушЯ	продвинутый	—
3	РШ	71	РТ	4 года	среднее	мать	РушЯ	начальный	продвинутый

Язгулямоезычные семьи

Семья 1

Родной язык мужа и жены язгулямский; дети и внуки владеют родным, таджикским и русским языком.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	УУ	62	РФ	27 лет	высшее	муж	ЯЯ	продвинутый	продвинутый
2	КР	59	РФ	25 лет	среднее медицинское	жена	ЯЯ	продвинутый	продвинутый
3	АУ	44	РФ	25 лет	высшее	сын	ЯЯ	продвинутый	продвинутый
4	СД	40	РФ	20 лет	высшее	жена сына	ТЯ	средний	продвинутый
5	СУ	19	РФ	с рождения	неполное высшее	сын сына	ТЯ	продвинутый	продвинутый
6	НУ	17	РФ	с рождения	неполное высшее	сын сына	ТЯ	продвинутый	продвинутый

Семья 2

Родной язык мужа и жены язгулямский; ребенок — билингв, владеет родным и русским языком.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	ОУ	39	РФ	25 лет	высшее	муж	ЯЯ	продвинутый	продвинутый
2	ПМ	34	РФ	18 лет	высшее	жена	ЯЯ	продвинутый	продвинутый
3	КУ	15	РФ	с рождения	неполное среднее	сын	ЯЯ	продвинутый	продвинутый

Ваханоязычные семьи

Семья 1

Родной язык мужа и жены ваханский; дети — билингвы, владеют родным и русским языком.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	ДБ	35	РФ	15 лет	высшее	муж	ВЯ	продвинутый	средний
2	МЛ	32	РФ	23 года	высшее	жена	ВЯ	продвинутый	продвинутый
3	СБ	4	РФ	с рождения	—	дочь	ВЯ	продвинутый	—
4	ЮБ	2	РФ	с рождения	—	сын	ВЯ	продвинутый	—
5	КК	57	РФ	23 года	среднее	мать мужа	ВЯ	средний	средний

Семья 2

Родной язык мужа и жены ваханский; дети — билингвы, владеют ваханским и русским языками.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	МЛ	38	РФ	21 год	высшее	муж	ВЯ	продвинутый	средний
2	ЗЛ	32	РФ	23 года	высшее	жена	ВЯ	продвинутый	средний
3	АЛ	4	РФ	с рождения	—	сын	ВЯ	продвинутый	—
4	ШЛ	2	РФ	с рождения	—	сын	ВЯ	—	—

Ишкашимоязычная семья

Семья 1

Родные языки мужа и жены разные памирские языки: ишкашимский и ваханский; дети владеют только языком матери и русским языком.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	ММ	54	РФ	18 лет	высшее	муж	ИЯ	продвинутый	продвинутый
2	ЛР	42	РТ		высшее	жена	ВЯ	продвинутый	продвинутый
3	РМ	25	РФ	5 лет	высшее	дочь	ВЯ	продвинутый	продвинутый
4	ФМ	23	РФ	5 лет	высшее	дочь	ВЯ	продвинутый	продвинутый
5	ДМ	56	РФ	22 года	высшее	сестра мужа	ИЯ	продвинутый	продвинутый
6	БМ	58	РФ	12 лет	высшее	сестра мужа	ИЯ	продвинутый	продвинутый
7	ТМ	36	РФ	15 лет	высшее	сестра мужа	ИЯ	продвинутый	средний
8	ХЮ	38	РТ	5 лет	среднее	муж сестры	ИЯ	средний	продвинутый
9	НМ	12	РФ	7 лет	неполное среднее	сын сестры	ИЯ	средний	средний
10	АО	78	РФ	3 года	среднее	мать мужа	ИЯ	средний	средний
11	ОМ	5	РФ	6 месяцев	—	сын сестры	ИЯ	средний	—

Таджикоязычная семья

Семья 1

Родной язык мужа и жены таджикский; ребенок владеет таджикским и русским языками одновременно.

№	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	ГГ	40	РФ	23 года	высшее	муж	ТЯ	продвинутый	продвинутый
2	НИ	36	РФ	19 лет	высшее	жена	ТЯ	продвинутый	продвинутый
3	МГ	6	РФ	с рождения	—	дочь	ТЯ	продвинутый	продвинутый
4	КГ	4	РФ	с рождения	—	сын	ТЯ	продвинутый	продвинутый

Ю. В. Егорова

МГУ, Москва

О СТИЛИСТИЧЕСКОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ В РЕЧИ МИГРАНТОВ

1. Введение

Городское сообщество Москвы этнически разнородно. Значительную часть этого сообщества составляют трудовые мигранты, некоторые из них хотели бы получить российское гражданство и стать постоянными жителями. Несколько лет назад в фокусе обсуждения лингвистов был вопрос об экзамене по русскому языку [Барышникова 2014, Козьменко 2014, Клобукова 2015]. Для многих мигрантов, особенно неквалифицированных, этот экзамен был и остается большой проблемой. Однако среди трудовых мигрантов из бывших республик Советского Союза есть большой процент тех, кто не испытывает серьезных трудностей с русским языком. Интересно, что это не только пожилые люди и люди среднего возраста, чье хорошее владение русским языком объясняется полученным в Советском Союзе образованием, обязательным элементом которого был русский. Это и достаточно молодые люди (25–40 лет), выросшие в семьях, где русский язык использовался наряду с родным как активное средство коммуникации, или получившие русскоязычное образование, как среднее, так и высшее, или продолжительное время живущие в России, часто с семьями, при этом остающиеся в статусе трудовых мигрантов. Чаще всего именно они становятся респондентами социологических опросов: они понимают и говорят по-русски свободно, у них есть опыт проживания в мегаполисе и общения с государственными институтами, и тем самым они интересны социологам.

Одно из таких исследований было выполнено в рамках проекта Института социального анализа и прогнозирования РАН-ХиГС в 2016 г. в пяти крупных российских городах, являющихся

центрами регионов, наиболее массово привлекающих иностранных трудовых мигрантов: Санкт-Петербурге, Москве, Екатеринбурге, Новосибирске, Владивостоке. В каждом городе были проведены глубинные интервью с мигрантами, по результатам этого исследования был сделан доклад Ю. Ф. Флоринской на конференции по проблемам развития экономики и общества в апреле 2017 г., опубликована статья [Florinskaya 2018]. Именно подкасты этих интервью в Москве были использованы в качестве материала в данной работе (10 интервью).

Жанр интервью предполагает продолжительную свободную беседу с респондентом, в ходе которой строго не регулируются ни затронутая тематика, ни список вопросов, ни поведение интервьюера. Однако социальные статусы респондента, трудового мигранта в Москве, и интервьюера, не скрывающего, что беседа носит исследовательский характер, определяют ее ход. Разговор в большинстве случаев посвящен личным обстоятельствам респондента, получению им необходимых для работы в столице документов, а интервьюера говорящий воспринимает если не как представителя власти, то как субъекта, который способен оказать влияние на написание законов и миграционных правил.

При анализе текстов были сделаны некоторые допущения. Во-первых, респонденты в данных интервью не представляли собой репрезентативную выборку. Соотношение их этнического происхождения и аналогичного параметра для зарегистрированных трудовых мигрантов Москвы не совпадало. Поэтому приводимые примеры и заключения, скорее, являются приглашением к разговору, а не установлением закономерностей. Во-вторых, было допущено, что на речевой портрет мигранта с точки зрения выбора стилистических средств не влияет его родной язык. Этнолекты Москвы отличаются друг от друга прежде всего фонетикой, морфологией, синтаксисом, лексикой, а их стилистическая дискурсивная практика может быть условно рассмотрена как единое целое и зависеть прежде всего от уровня образования респондента и его образа жизни.

Именно возможностью второго допущения и объясняется объект представляемого анализа при условии, что его автор не знает ни таджикского, ни киргизского, ни молдавского (румынского), ни украинского языков. Этим объектом стала стилистическая характеристика речи московского мигранта.

Анализируемый материал — 10 интервью трудовых мигрантов; среди респондентов — 5 женщин, 5 — мужчин; 3 — из Киргизии, 3 — из Таджикистана, 2 — из Молдовы, 1 — из Узбекистана и 1 — из Украины. Гендерная, как и этническая характеристика респондентов не отражает пропорционального распределения в столичной трудовой миграции, являющейся прежде всего мужской. Полученные профессии и образование, занятость у респондентов самые разнообразные. Среди них бывший таджикский чиновник, а теперь лидер профсоюза в Москве, таксист, грузчик и домохозяйка; некоторые окончили только среднюю школу, но одна из респонденток работала ведущим экономистом в Киргизии. И это еще один повод считать выборку нерепрезентативной для социолингвистики.

2. Постановка вопроса

Лингвостилистика — область языкознания, тесно связанная с социологией. Именно она часто объясняет выбор той или иной стилистически маркированной языковой единицы экстралингвистическими обстоятельствами. Вводя понятия стилистического задания и стилистического эффекта, Т. Г. Винокур замечает, что они «уводят нас из области внутренних закономерностей языкового употребления в область его экстралингвистической обусловленности» [Винокур 1980:88]. Завершая рассуждения о сущности этих двух понятий, ученый дает определение первого, обращая внимание на то, что оно может быть связано прежде всего с социальными факторами: «Стилистическое задание, таким образом, — это выразительное намерение говорящего, представленное нам в высказывании, выявленное стилистическим анализом состава этого высказывания и затем объясняемое при помощи совокупности факторов, связанных с общественным функционированием языка» [Там же: 90]. Мигрантов, авторов рассматриваемых текстов, условно можно объединить в одну социальную группу на основе общности положения в «чужом» мегаполисе. Благодаря этому допустимо и интересно проследить, какие стилистически маркированные единицы они используют, чем объясняется их употребление, как это связано с особенностями коммуникации.

Рассматривая случаи смены стиля, М. В. Панов приходит к выводу, что в стилистике «обнаруживаются позиционные зависимости» [Панов 2004а: 35], при этом законы продуцируемого

текста могут как ограничивать смену определенных стилистических средств, так и оправдывать ее. Стилистическое разнообразие, или стилистическая неоднородность, — характерная черта многих речевых жанров, воспринимается скорее как норма, а не отклонение от нее [Литневская 2010]. Не случайно этому аспекту уделяется внимание при анализе не только художественных или публицистических текстов, но и научного и юридического дискурса [Халютина 2014]. Стилистическую характеристику текста М. В. Панов предлагает рассматривать как «дополнительное сообщение, осложняющее то, что заключено в лексических значениях слов и в их грамматических сцеплениях» [Панов 2004б: 113]. Прибегая к подобному сообщению, говорящий нарушает типичность, стабильность, стандарт речевых жанров, а на первый план выходит эстетическая ценность, индивидуальность речевого поведения.

При выборе стилистически маркированной единицы говорящий, таким образом, может руководствоваться, во-первых, языковым опытом социума, а во-вторых, индивидуальным стилистическим заданием. Но это преимущественно касается носителей языка. В случае же с мигрантом, для которого русский язык, несмотря на высокий уровень владения им, все же не родной, мы, скорее всего, будем наблюдать прежде всего ориентацию на чужой опыт. Не случайно сами мигранты называют сознательный повтор одной из ведущих стратегий освоения русского языка:

- (1) *«Мы пока едем, я буду разговаривать, потому что я некоторые слова неправильно могу говорить, некоторые буквы не могу вставить, а когда он говорит — мне легче, я за ним 2–3 раза **повторяю** и говорю эти слова, мы пытаемся без акцента разговаривать, сейчас стимул такой — разговаривать без акцента»*¹. (М., Киргизия)

В статье предлагается заменить ставшее устойчивым словосочетание «стилистическая неоднородность» на словосочетание «стилистический микс», имея в виду, что в речи мигрантов нередко бывает представлено, скорее всего, неосознанное сочетание единиц

---

¹ Все примеры, если это отдельно не оговаривается, взяты из расшифрованных подкастов интервью. Сохранены оригинальные орфография и пунктуация. В скобках отмечены гендерная и этническая принадлежность говорящего.

разных стилистических пластов. Понятие стилистического, или стилевого, микса распространено в искусствоведческом дискурсе, когда речь заходит об архитектуре, дизайне.

- (2) **Стилистический микс** *Lanvin Осень-Зима 2014–15* (<https://wfc.tv/stilisticheskij-miks-v-kollekcii-lanvin-osen-2014>).
- (3) **Дерзкий стилевой микс**: сочетание неоклассики, лофта, брутализма и ар-деко в интерьере (<https://www.ivd.ru/dizajn-i-dekor/kvartira/derzkij-stilevoj-miks-sochetanie-neoklassiki-lofta-brutalizma-i-ar-deko-v-interere-21816>)

На смену научному термину «эkleктика», подчас употребляющемуся с отрицательной коннотацией (особенно в архитектуре), пришло современное словосочетание с главным заимствованным словом. Стилистический микс подобен фьюжену в ресторанном дискурсе, соединение разнородных элементов не только утратило отрицательную коннотацию, но даже, напротив, стало модным трендом.

Даже при поверхностном анализе речевого поведения мигрантов заметна стилистическая неупорядоченность, микс, соединение единиц разных стилей, что объясняется не индивидуальным стилистическим заданием и его реализацией, а клишированием речевых образцов, характерных для определенных коммуникативных ситуаций. Отвечая на конкретный вопрос интервьюера, говорящий возвращается к актуальной для себя коммуникативной ситуации, воспроизводит единицы высказываний ее участников. Так происходит при обращении к темам оформления документов, устройства на работу.

3. Стилистические пласты в речи мигрантов

Очевидно, что не просто достаточное, но хорошее владение русским языком в представлении мигрантов является обязательным условием их успешной интеграции. При этом важным источником информации и совершенствования русского языка становится интернет:

- (4) *«Недавно читал в интернете амнистию пересмотрят»* (М., Таджикистан)

- (5) *«Сейчас мигранты **через сайты** одноклассники, фейсбук в интернете много чего **читают**. Стали более грамотные чем раньше».* (М., Таджикистан)

Русский язык знают благодаря коммуникации в семье, в которой выросли, с соседями, совершенствуют его тоже не благодаря курсам и учебникам, а благодаря живому общению.

- (6) *«Когда я приехал я практически не знал русского языка сейчас уже выучился. Когда вы живете здесь вы воспринимаете их культуру и живете как они одеваются, общаетесь без этого никак»* (М., Узбекистан)

Анализируемые тексты не уникальны: еще в 2012 году В. В. Баранова отмечала: «Никто не упоминал о курсах, репетиторах или других подобных способах изучения языка, большинство информантов никогда не прибегали к помощи словаря или грамматики» [Баранова 2012: 162]. Это еще раз подчеркивает, что в речи мигрантов копируется использование той или иной стилистической единицы, прежде услышанной от кого-то.

Представленный стилистический анализ трудно назвать полным и исчерпывающим. Скорее, мы хотели обратить внимание на активное использование мигрантами определенных стилистических пластов. Задачи данного анализа —

- 1) зафиксировать стилистически маркированные единицы, активно используемые мигрантами;
- 2) проследить системные отношения между выделенными единицами;
- 3) попытаться увидеть мотивацию говорящего.

Первое прочтение подкастов показывает, что ответы мигрантов не представляют собой текста, который можно было бы отнести к одному функциональному стилю, впрочем, как и большинство текстов, особенно устных, носителей русского языка. Говоря о стилистически маркированных единицах, мы хотели бы использовать какую-то единую систему словарных помет, принятую в российской лексикографии. К сожалению, «очевидно, что в традиционных для русского языка словарях выбор стилистических помет достаточно произволен и не всегда упорядочен» [Колтунова 2003: 125]. Поэтому нам показалось целесообразным прибегнуть к достаточно

условным рабочим атрибуциям. Среди маркированных единиц выделяются следующие группы:

- 1) официально-деловые;
- 2) разговорные;
- 3) просторечные;
- 4) грубо-просторечные.

3.1. Единицы официально-делового стиля

Прежде всего поражает активное использование единиц официально-делового стиля, в редких случаях уместных в устном интервью, даже если речь заходит об обсуждении официальных ситуаций. Но трудовые мигранты — частые участники официального общения, когда их собеседники и, соответственно, речевые образцы — государственные чиновники, которым также свойственна эта черта. Описывая проблемы, связанные с официальной коммуникацией, говорящие естественно и закономерно воспроизводят речевые клише документооборота:

- (7) «*Мой работодатель Каримов давал заявку*» (о работе) (Ж., Киргизия)
- (8) «*Обратиться за консультацией с проблемами*» (о профсоюзе) (Ж., Киргизия)

Использование глагольно-именных словосочетаний (*подавать*² *заявку*, *обратиться за консультацией*) вместо глаголов (*заявлять*, *проконсультироваться*) — характерная черта текстов, относящихся к официально-деловому стилю. Вряд ли мигранты сами пишут заявления, прошения, они пользуются помощью русскоговорящих консультантов и воспроизводят запомнившиеся единицы. Такое употребление стилистически маркированных единиц во многих случаях объясняется темой разговора: речь идет об оформлении документов, регистрации, получении гражданства, устройства на работу. Но эта же черта прослеживается, когда разговор касается и обиходно-бытовой сферы:

- (9) «*Целью поездки было погостить у мамы*» (Ж., Молдова)

---

² Ошибочное использование беспрефиксного глагола *давать* вместо *подавать* не является предметом стилистического анализа.

Такая форма высказывания швеи из Молдовы может быть объяснена несколькими мотивами. Во-первых, вопрос интервьюера звучит так: «И какая цель вашей поездки?». Опрашиваемая просто частично повторяет речевой образец спрашивающего. Во-вторых, видя в собеседнике представителя власти, она стремится соответствовать официальной ситуации — в данном случае можно предполагать феномен стилистического задания. Правда, это объяснение опровергает использование этой же респонденткой просторечных выражений, которые не соотносятся с предполагаемым стремлением оставаться в рамках официального общения. В-третьих, использование единиц официально-делового стиля в обыденных ситуациях, так называемый «канцелярит», говорит о том, что автор высказывания недостаточно владеет стилистикой языка:

- (10) «Каков **механизм** в будущем в сфере миграции можете сказать?» (М., Таджикистан);
- (11) «Гражданство получить очень сложно, главное чтобы открыли дорогу в рабочую сферу» (М., Таджикистан)

Многие высказывания, содержащие единицы официально-делового стиля, напоминают заполнение анкеты и воспроизведение ее речевых клише.

- (12) «Я швея, замужем, **имею** ребенка» (Ж., Молдова)

При этом в самом начале разговора с респонденткой (пример 12) социолог-интервьюер несколько раз упоминает о неформальном характере беседы, даже настаивает на этом условии. Но, отвечая на вопрос, женщина просто копирует строку из многочисленных анкет. Употребление официальных лексем и конструкций говорит о возвращении их автора к формальной ситуации или желанию опрашиваемого выглядеть лучше перед интервьюером (хоторнский эффект [Gillespie 1991]). И в том и в другом случае дальнейшую информацию, полученную от респондента, трудно считать соответствующей реальному положению дел, кроме анкетных данных, конечно. Желание обыденную ситуацию описать с помощью лексических единиц официального стиля свойственно не одной респондентке. На вопрос, поддерживает ли опрашиваемая связь с родиной, другая женщина отвечает:

- (13) *«Родители в данное время там находятся»* (Ж., Киргизия)

Некоторые единицы официального стиля свидетельствуют об индивидуальных особенностях речевого портрета мигранта. Так, в примере (14) мужчина, работающий таксистом, рассказывает об устройстве детей в школу и употребляет словосочетание «поставила задачу»:

- (14) *«Жена **поставила задачу**»* (о приеме детей в школу) (М., Киргизия)

Это словосочетание явно демонстрирует знакомство говорящего с военно-чиновничьим профессиональным жаргоном, его разговорным вариантом. Жесткая иерархическая структура привычной среды заставляет говорящего проецировать привычные отношения и их вербальные способы выражения и на семейные ситуации. В случае носителя русского языка можно было бы говорить даже о своеобразной иронии, что сомнительно в случае мигранта, для которого русский язык неродной. Интересно отметить, что дальше в интервью мужчина упоминает, что он служил пограничником.

Пример (15) содержит глагольно-именное словосочетание «пошел на повышение»:

- (15) *«Он устраивался на одну должность, а потом **пошел на повышение**»* (М., Узбекистан)

Не только описываемая ситуация тесно связана с миром должностей и иерархии, но и само словосочетание принадлежит устной разновидности официального профессионального жаргона. В нейтральном варианте это звучало бы «получил повышение». Кажется, что словосочетание «пошел на повышение» не просто синтаксическая и стилистическая единица, это знак принадлежности к миру бюрократии, оно подобно некоторым словам, по которым узнают своего в достаточно закрытой сфере. О подобном феномене пишет Василий Аксенов в романе «Остров Крым». Его главный герой, Лучников, желая получить советский паспорт в посольстве в Париже, спрашивает знакомого функционера: «Есть ли какое-нибудь движение?». Сегодня в подобном случае говорящий использовал бы лексику «подвижки». На первый взгляд кажется, что употребленная лексема нейтральна, а современная принадлежит сленгу. Однако писатель сопровождает речевое поведение своего героя

лингвистическим комментарием, приписывая Лучникову языковую рефлексию: «Последнее выражение, типичное для современной совбюрократии³, было употреблено сейчас с максимальной точностью. Какое дивное в этот момент произошло соединение: господин говорит с товарищем на одном языке!» [Аксенов 2002: 34]. Можно предположить, что и единицы официально-делового стиля встречаются в речи мигрантов как вербальная реализация стремления соответствовать собеседнику-интервьюеру, олицетворяющему для них культурную среду, к которой надо приспособиться, в которой надо адаптироваться. Об этом своем желании они прямо заявляют:

- (16) *«Пытаемся **ужиться** в этой атмосфере, **адаптироваться** в московской настройке»* (М., Киргизия)

Среди стилистически маркированных именных лексем встречаются явные фавориты. Таково существительное «дискомфорт». Его употребление фиксируется в речи четырех респондентов-мужчин, разных по своему этническому происхождению:

- (17) *«Я не скажу что это было трудно но **дискомфорт** нанесли»* (М., Узбекистан)

- (18) *«Некоторым **дискомфорт** доставляет»* (М., Таджикистан)

При этом если в примере (17) говорящий ошибочно употребляет глагольную форму «нанесли», то в примере (18) глагольно-именное словосочетание употреблено правильно в рамках официального дискурса, особенно если поменять инверсию на прямой порядок слов в глагольно-именном словосочетании. Но респондент не подозревает о возможной двоякой интерпретации его высказывания в устном общении: им не учтено сленговое значение глагола «доставлять». Это показывает, вероятно, лучшее знание мигрантами языковых единиц официального пласта по сравнению со сленгизмами, которые употребляются в основном молодежью. Эта возрастная ориентация на более взрослую группу носителей языка будет прослеживаться и в употреблении просторечия.

Настоящим чемпионом по частотности использования стала лексема «проживать». Она встречается в речи почти каждого респондента:

---

³ События происходят в 70-е годы XX века.

(19) «*И по 2014 там **проживала***» (Ж., Узбекистан)

(20) «*Купили дом в Подмоскowie и там **проживают***» (Ж., Украина)

В отличие от нейтрального «жить», лексема «проживать» свойственна канцелярскому стилю, употребляется в текстах делового, документального характера и в официальных ситуациях речевого общения, когда собеседниками оказываются представители милиции, жилищных учреждений. Это частый глагол в суде, при приеме на работу. В современном значении слово «проживать» и его активное употребление связаны с такими понятиями, как «прописка», «учет», «ЖЭК», то есть реалиями советской власти. После распада Советского Союза на смену прописке пришла регистрация, а глагол остался прежним. Его не рекомендуют использовать пособия по культуре речи, по стилистике. Интересно отметить, что в сознании образованного носителя русского языка данное слово одновременно принадлежит как канцелярскому стилю, так и просторечию. Однако описанные выше формальные ситуации — самые частотные в русскоязычной коммуникации трудовых мигрантов, поэтому оно превратилось в их визитную карточку.

«Всякая штампованная речь многословна. Ведь тот, кто пользуется истертыми штампами, говорит по инерции, спустя рукава, его внимание к каждому слову ослаблено, поэтому он так и сыплет словами-паразитами, словами-пустышками» [Чуковский 2004: 135]. Эта характерная черта людей, недостаточно образованных или далеких от красноречия, свойственна и речи мигрантов:

(21) И.: *Вы с ними разговариваете на русском языке или на своем?*

Р.: ***В частности** мы разговариваем на русском* (Ж., Киргизия)

Таким образом, единицы официально-делового стиля, лексемы и синтаксические конструкции, определяют стилистическую маркированность текста. По сравнению с другими ненейтральными единицами, их подавляющее большинство, единиц разговорно-просторечных значительно меньше.

3.2. Просторечие и разговорные лексемы в речи мигрантов

Второй по частотности составляющей стилистического микса мигрантов стало просторечие. Вероятно, эти единицы мигранты

наследуют от русскоязычных носителей просторечия, вследствие чего увеличивается численность носителей просторечия в современном мегаполисе. Под просторечием мы понимаем формы, лексемы и синтаксические конструкции, свойственные нелитературной разговорной речи, не соответствующие существующим литературным языковым нормам. Рассматривая современное состояние этой подсистемы литературного языка, Л. П. Крысин выделяет две ее разновидности: старую и молодую, просторечие-1 и просторечие-2 [Крысин 2000]. Носителями просторечия-1 являются, по мнению ученого, горожане старшего возраста, речь которых связана с территориальным диалектом, носителями просторечия-2 — горожане среднего и молодого возраста, не владеющие нормами литературного языка. Кроме возрастной дифференциации Л. П. Крысин выделяет и гендерную: просторечие-1 больше свойственно пожилым женщинам, а просторечие-2 — мужчинам.

Речь мигрантов сочетает в себе элементы этих двух типов просторечия, тяготея к первому. Использование предлога «с» вместо «из» с родительным места — самый частый феномен в речи носителей просторечия, свойственный обеим разновидностям. В анализируемых подкастах встретилось множество подобных словоформ: с Киргизии, с Сибири, с сел приезжают менее культурные, с университета дали бумаги, в январе месяце я с декрета вышла.

Некоторые единицы свидетельствуют о том, что мигрантам более знакомы лексемы просторечия-1. Таковы глагол «удумать», употребление существительного «зал» в значении «гостиная», обращение «уважаемый»⁴.

Грубо-просторечные лексемы, связанные с жаргонами или молодежным сленгом, гендерно ограничены, они встречаются только в речи мужчин:

- (22) *«Подходит пенсионный возраст должен оформлять пенсию за какие шииии он здесь работал последние 15, 20 лет, а потом уехал в Таджикистан и как ему там оформить пенсию?»*
(М., Таджикистан)

При этом пример (22) — фрагмент речи таджика, в остальном тексте демонстрирующего образец юридического дискурса, знание

---

⁴ Правда, последняя лексема встречается только в речи двух респондентов мужского пола.

не только подводных камней оформления документов, но и специальной лексики, обозначающей описываемые процедуры.

(23) «Такие люди вопрос задаёшь — **затыкаются**» (М., Киргизия)

Не все респонденты осознают стилистическую принадлежность употребляемой единицы, как в примере (23). Однако встречаются и те, кто сопровождает использование просторечной единицы комментарием:

(24) «Некоторые прямо говорят вы — вообще нехорошее слово — **офигели**» (М., Киргизия)

Разговорно-обиходных единиц в подкастах мигрантов оказалось совсем немного:

(25) «Не верят начинают бизнес и раз ему **ломают башку** налогами или еще чем» (М., Киргизия)

(26) «Раньше с сыщиками **бардак** был, сейчас с **ментами** это есть» (М., Таджикистан)

(27) «Ее тоже **достало**» (Ж., Молдова)

4. Заключение

Нельзя недооценивать ту роль, которую играют трудовые мигранты в жизни современного мегаполиса, компенсируя недостаток работников определенных категорий. Среди респондентов, как и среди всей совокупности трудовых мигрантов, большинство занято малоквалифицированным трудом: это водители такси, работники жилищно-коммунального хозяйства и т. п. Их занятость определяет их коммуникативную активность, их языковые контакты регулярны и многочисленны. Поэтому очевидно влияние их идиолектов на языковую ситуацию в Москве. Мигранты же, в свою очередь, совершенствуют свои навыки в русском языке в ежедневном общении. Реальная коммуникация — один из важнейших факторов формирования варианта русского языка трудовых мигрантов Москвы.

Даже поверхностный анализ подкастов их интервью показывает, что актуальные жизненные ситуации, связанные с оформлением документов, — заполнение анкет, общение с чиновниками

УФМС, — влияют на лексический состав их речи, обеспечивают господство официальных лексем среди стилистически маркированных единиц.

В повседневном общении (и это, наверное, показали бы более неформальные ситуации) мигранты становятся носителями просторечия, несмотря даже на встречающийся высокий уровень образования некоторых респондентов. Это происходит, по-видимому, из-за того, что их социальный статус в Москве относительно низок и круг общения состоит в основном из малообразованных носителей русского языка.

Речевое поведение респондентов во время интервью лишь условно можно назвать свободным. Языковой анализ показывает, что оно откровенно комплиментарное по отношению к интервьюеру. Не случайно от четырех респондентов интервьюер услышал запомнившийся им слоган: «Россия — щедрая душа». Вследствие подобного речевого поведения нужно осторожно относиться к содержательным результатам опроса, не всегда соответствующим реальному положению дел.

Литература

- Аксенов 2002 — В. П. Аксенов. Остров Крым. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002. [V. Aksenov. Ostrov Krym. [The Island of Crimea]. Moscow: EKSMO-Press, 2002.]
- Барышникова 2014 — Е. Н. Барышникова. Русский тест для мигрантов. Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2014. № 3, С. 125–130. [E. N. Baryshnikova Russkii test dlia migrantov [A Russian test for migrants]]. Vestnik Rossiiskogo universiteta družhby narodov. Serii: Russkii i inostrannye iazyki i metodika ikh prepodavaniia. 2014. No. 3. P. 125–130].
- Баранова 2012 — В. В. Баранова. Языковая социализация детей мигрантов. Антропологический форум. 2012. № 17. С. 157–172. [V. Baranova. Iazykovaia sotsializatsiia detei migrantov. [Language socialization of the children of immigrants]. Antropologicheskii forum. 2012. No. 17. P. 157–172].
- Винокур 1980 — Т. Г. Винокур. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. [T. G. Vinokur. Zakonomernosti stilisticheskogo ispol'zovaniia iazykovykh edinit [The pattern of stylistic usage of language units]. Moscow: Nauka, 1980].

- Клобукова 2015 — Л. П. Клобукова. Комплексный экзамен по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ: концепция и научно-методическое сопровождение. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Выпуск № 4 (18). С. 72–75. [L. P. Klobukova. Kompleksnyi ekzamen po russkomu iazyku, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva RF: kontseptsii i nauchno-metodicheskoe soprovozhdenie. [The complex exam on the Russian language, Russian history and the basics of Russian law: the concept and methodological assistance] Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia. 2015. Vypusk No. 4. P. 72–75.]
- Козьменко 2014 — В. М. Козьменко. Комплексный экзамен для иностранных граждан по русскому языку, истории России и основам законодательства РФ как важный фактор их социокультурной адаптации. Вестник РУДН. Серия История России. 2014. №3. С. 138–145. [V. M. Koz'menko. Kompleksnyi ekzamen dlia inostrannykh grazhdan po russkomu iazyku, istorii Rossii i osnovam zakonodatel'stva RF kak vazhnyi faktor ikh sotsiokul'turnoi adaptatsii. [The complex exam for foreign citizens on the Russian language, history of Russia and the basics of Russian law as an important factor of their social and cultural adaptation]. Vestnik RUDN. Seriya Istoriia Rossii. 2014. No. 3. P. 138–145.]
- Колтунова 2003 — Е. А. Колтунова. О стилистических пометах в словарях современного русского языка. Studia Rossica Posnaniensia. 2003. Vol. XXXI. С. 121–128. [E. A. Koltunova O stilisticheskikh pometakh v slovarkh sovremennogo russkogo iazyka [On the stylistic commentaries in the dictionaries of modern Russian]]. Studia Rossica Posnaniensia. 2003. Vol. XXXI. P. 121–128].
- Крысин 2000 — Л. П. Крысин. О некоторых изменениях в русском языке конца XX века. Исследования по славянским языкам. 2000. № 5. С. 63–91. [L. P. Krysin. O nekotorykh izmeneniiakh v russkom iazyke kontsa XX veka. [On some changes in the Russian language at the end of the XX century] Issledovaniia po slavianskim iazykam. 2000. No. 5. P. 63–91].
- Литневская 2010 — Е. И. Литневская. Стилиевая неоднородность текста как норма, коммуникативная неудача, языковая игра и примета идиостиля. Мир лингвистики и коммуникации. 2010. № 4 (21). [E. I. Litnevskaiia. Stilevaia neodnorodnost' teksta kak norma, kommunikativnaia neudacha, iazykovaia igra i primeta idiostilia. [The stylistic heterogeneity of text as a norm, a communicative failure, a language game and a feature of the author's individual style]. Mir lingvistiki i kommunikatsii. 2010. No. 4 (21)].
- Панов 2004а — М. В. Панов. Позиционные отношения в стилистике. В кн.: Труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 30–35. [M. V. Panov. Pozitsionnye otnosheniia v stilistike.

- [Positional relationships in stylistics]. In: Trudy po obshchemu iazykoznaniiu. Vol. I. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. P. 30–35].
- Панов 2004б — М. В. Панов. О стилях произношения (в связи с общими вопросами стилистики) // Труды по общему языкознанию. Т. I. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 103–136. [M. V. Panov. O stiliakh proiznosheniia (v sviazi s obshchimi voprosami stilistiki). [On pronunciation styles (in connection with the general questions of stylistics)] // Trudy po obshchemu iazykoznaniiu. Vol. I. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004, P. 103–136].
- Халютинa 2014 — М. Е. Халютинa. Функционально-стилистическая неоднородность научной речи востоковедов. Автореферат дисс. М., 2014. [M. E. Khaliutina. Funktsional'no-stilisticheskaiia neodnorodnost' nauchnoi rechi vostokovedov. Avtoreferat diss. [Functional and stylistic heterogeneity of scientific speech in Oriental science. Dissertation summary]. Moscow, 2014].
- Чуковский 2004 — К. И. Чуковский. Живой как жизнь: О русском языке. М.: КДУ, 2004. [K. I. Chukovskii. Zhivoi kak zhizn': O russkom iazyke. [Lively as the life: On the Russian language]. Moscow: KDU, 2004].
- Florinskaya 2018 — Iu. F. Florinskaia. Employers and Foreign Migrants in the Labor Markets of Major Russian Cities: Interactions in a New Economic Reality. Studies on Russian Economic Development. 2018. March. Vol. 29. Issue 2. P. 217–224.
- Gillespie 1991 — R. Gillespie. Press. Manufacturing knowledge: a history of the Hawthorne experiments. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

М. Я. Каплунова

ИЯз РАН, Москва

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ КИТАЙСКОГО И ВЬЕТНАМСКОГО ЯЗЫКОВ В МОСКВЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

1. К постановке проблемы

Функциональное развитие того или иного языка является одним из ключевых предметов исследования социолингвистов. Будучи подверженным влиянию экстралингвистических факторов, оно отражает особенности общественного устройства и языковой политики рассматриваемого ареала. В центре внимания данной статьи — китайский и вьетнамский языки и их функционирование на территории г. Москвы в настоящее время.

2. Общие сведения о китайской и вьетнамской этнических группах, проживающих на территории Москвы

Поскольку функционирование китайского и вьетнамского языков в российской столице наблюдается, прежде всего, среди представителей китайского и вьетнамского этнических сообществ, необходимо подробнее остановиться на этих сообществах. В качестве дополнительного источника информации нами использовались результаты обследования, проводившегося в рамках исследования языковой жизни китайских и вьетнамских мигрантов в Москве в период с конца 2017 — начала 2018 гг. Обследование проводилось в формате интервью и письменных опросов, включавших вопросы о родном языке, об уровне владения русским языком, сферах употребления родного и иностранных языков, целях пребывания в России и т. д. Общее число информантов составило 60 человек (30 представителей китайского сообщества и 30 — вьетнамского) в возрасте от 18 до 39 лет. Количество и возрастной диапазон участников

интервью даже в условиях анонимности были ограничены закрытостью китайских и вьетнамских сообществ, проживающих на территории Москвы, о чем также свидетельствуют результаты подобных исследований (см., например, [Ларин 2009:162]). В результате среди информантов оказались преимущественно студенты как представители наиболее открытого к общению социального слоя, а также представители молодежи, занятой в различных сферах деятельности.

В Китайской Народной Республике, согласно данным последней переписи населения, проведенной в 2010 г., проживает 1,37 млрд граждан, из них 91,6 процента (1,226 млрд чел.) составляют этнические китайцы (хань) [Census 2010], что даже без учета проживающих за пределами КНР китайцев (так называемых «хуацяо» от кит. 华侨) позволяет считать данный этнос самым многочисленным в мире. Традиционным ареалом проживания вьетнамцев является Социалистическая Республика Вьетнам. Согласно последней переписи населения, проведенной в 2009 г., на территории страны проживает 85,8 млн граждан, из которых более 85 процентов составляют вьеты (кинх) [Census 2009].

По данным переписи населения Российской Федерации за 2010 г. на территории Москвы проживает 3222 китайца и 2970 вьетнамцев, из них 2664 и 2625 респондента соответственно указали, что владеют русским языком [Перепись 2010]. Очевидно, что такие показатели далеки от реальности, однако в силу отсутствия в Российской Федерации точного статистического учета внешних мигрантов, который бы также включал данные о нелегальных мигрантах, привести какие-либо конкретные цифры не представляется возможным. К примеру, попытки российских ученых использовать данные переписи населения и миграционной службы даже для вычисления количества проживающих на всей территории РФ китайских мигрантов приводят к абсолютно разным показателям: от 150 тысяч до нескольких миллионов. При этом, как отмечает А. Г. Ларин, на 2008 г. наиболее достоверной оценке соответствовал показатель в 200–400 тыс. человек [Ларин 2008]. Подобная неясность лишь усложняет вопрос относительно конкретного числа китайских и вьетнамских граждан, проживающих непосредственно на территории Москвы. Более того, сами информанты затруднялись дать приблизительную оценку численности соотечественников, проживающих в российской столице.

Современное китаеязычное этническое сообщество в Москве социально неоднородно: в него входят представители бизнес-кругов, интеллигенция (студенты, преподаватели, инженеры), представители рабочих профессий, рыночные торговцы и др. Китайцы, занимающиеся торговлей в Москве, как правило, ведут ее на территории торгового комплекса «Садовод» и торгово-ярмарочного комплекса «Москва», расположенных в районе станции метро Люблино. Этим обусловлен и район компактного проживания большого числа китайцев. Студенты живут в общежитиях при университетах, преподавателям, как правило, предоставляется жилье недалеко от места работы. Отдельно стоит упомянуть о представителях Тайваня, чья идентичность обусловлена особенностями отношений острова с материковым Китаем. Как отмечает наш информант из Тайваня: *«Поскольку мой паспорт выдан не Министерством иностранных дел КНР, а выдан Министерством иностранных дел Тайваня, то я считаю себя тайваньцем»* [Информант 1]. При этом информант не отрицает своей принадлежности к ханьскому этносу. Исходя из официальной позиции РФ, согласно которой российское государство не признает суверенитет Тайваня, вытекает причина отсутствия на территории Москвы тайваньского посольства: его функции выполняет Представительство в Москве Тайбэйско-московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству. По данным информанта из Тайваня, тайваньское сообщество в Москве включает в себя студентов МГУ им. Ломоносова и Московской консерватории им. Чайковского — все они являются членами Ассоциации тайваньских студентов в Москве (всего 80–100 человек), а также представителей бизнес-кругов, как правило, представителей таких компаний, как ASUS, ACER, HTC (всего 100–150 человек). На вопрос о торговом комплексе «Садовод» наш информант ответил: *«Там хороший рынок, мы посещаем регулярно, но [представители Тайваня там не работают]...»* [Информант 1]. При ответе на вопрос о местах компактного проживания тайваньцев наш информант сообщил, что сотрудники тайваньского представительства и бизнесмены, как правило, проживают в центре Москвы недалеко от тайваньского представительства. Тем самым, мы можем сделать вывод о социальной неоднородности китайского этноса и об отсутствии единой территории компактного расселения китайцев в Москве.

Первыми вьетнамцами в Москве стали революционеры, обучавшиеся в 20-е — 30-е гг. XX в. в Московском коммунистическом университете трудящихся Востока, впоследствии ставшие первыми пропагандистами не только русского языка и культуры, но и советского опыта общественно-политического строительства во Вьетнаме [Соколов 2009: 385]. В их число входил первый президент независимого Вьетнама Хо Ши Мин, в честь которого в 1969 г. была названа площадь в Юго-Западном административном округе Москвы, на которой впоследствии был установлен памятник этому политическому деятелю. Современное вьетнамское сообщество в Москве представлено, в основном, занятыми в торговой сфере предпринимателями и студентами, обучающимися по различным направлениям. Занятые в сфере торговли вьетнамские предприниматели, как и китайские, осуществляют свою деятельность на территории торгового комплекса «Садовод» и торгово-ярмарочного комплекса «Москва». Кроме того, торговля осуществляется на территории многофункционального комплекса «Москва — Ханой» в районе ВДНХ, торгового комплекса «Дубровка» возле одноименной станции метро, а также на продуктовом рынке на территории бывшей гостиницы «Рыбак» на окраине Марьиной Рощи. Данные объекты в сочетании с площадью Хо Ши Мина в районе вьетнамского посольства определили ареалы компактного проживания вьетнамцев на территории Москвы.

3. Данные о языке и сферах его функционирования в Москве

Китайский язык (язык хань) и его литературный вариант путунхуа относится к сино-тибетской языковой семье и является языком титульной нации хань. Несмотря на отсутствие официального статуса, путунхуа является государственным языком КНР де-факто, функционируя во всех сферах общения и тем самым выполняя как функцию языка наддиалектного общения, так и языка межнационального общения в стране и за ее пределами, являясь одним из официальных языков ООН. В результате китайский язык и иероглифическая письменность играют важную роль в формировании самосознания всего населения КНР, обеспечивая непрерывность китайской исторической традиции. Кроме того, в соответствии с положениями Конституции Республики Сингапур от 1965 г., китайский является одним из официальных языков этой страны [Constitution 1965].

Язык вьетов (кинх) относится к группе языков вьет-мыонг австроазиатской языковой семьи. Будучи доминирующим в социально-коммуникативной системе Вьетнама, он выполняет функцию языка межнационального общения. На территории страны вьетнамский язык имеет статус государственного, что закреплено в ст. 5 п. 3 Конституции Социалистической Республики Вьетнам от 2013 г. [Constitution 2013]. Все это способствует функциональному развитию языка во всех сферах общения.

На территории Москвы функционирование китайского и вьетнамского языков осуществляется, прежде всего, в семейно-бытовом общении представителей соответствующих этнических сообществ. В случае межэтнических браков предпочтение в языке коммуникации определяется самими членами семьи в зависимости от уровня владения русским языком и этническим языком супруга. Допускаются также варианты, при которых представители китайских или вьетнамских этнических сообществ, родившиеся на территории Российской Федерации, в семейно-бытовом общении свободно используют русский язык наряду с этническим. Так, респондент, родившаяся в Чите в семье вьетнамцев, мигрировавших на территорию Советского Союза в рамках соглашения «О направлении и приёме вьетнамских граждан на профессиональное обучение на предприятия и организации СССР» от 1981 г., отмечает, что на русском языке ей говорить и тем более читать проще, чем на вьетнамском. При этом важно отметить, что языком общения с родителями у нее всегда был вьетнамский и что русский язык она с братьями выучила в школе [Информант 2].

Как подтверждает последний пример, функционирование того или иного языка в сфере начального образования играет важную роль в формировании языковой компетенции и языковой картины мира тех, для кого данный язык не является родным. Так, информант, родившийся на Дальнем Востоке в г. Петропавловск-Камчатский, мать которого русская, а отец — китаец; в настоящее время обучающийся на математическом факультете Московского педагогического государственного университета, отмечает равное владение русским и китайским языками, однако признает тот факт, что за счет того, что с 5 до 12 лет обучался в китайской школе, на подсознательном уровне склонен употреблять именно китайский язык. В частности, при вычислении математических формул и подсчете денег он использует китайский язык (поскольку таблицу умножения

он выучил именно в китайской школе), позже переводя результат на русский язык [Информант 3].

В настоящее время учреждения среднего образования с преподаванием на китайском или вьетнамском языке в Москве отсутствуют. Тем не менее число школ, в которых в качестве предмета изучается китайский язык, с каждым годом растет. К началу XXI в. таких учреждений насчитывалось 15, из них по числу школьников лидером стала школа №1948 с углубленным изучением китайского языка (современное название — Центр образования №1948 «Лингвист-М») [Арефьев 2013: 6]. Изучение китайского языка в этой школе начинается со второго класса (до трех часов в неделю) с постепенным увеличением часов (10–11 классы — 6 часов). Кроме того, ученики получают знания о культуре Китая на уроках страноведения, а также за счет различных культурных мероприятий, экскурсий, кружков и т. д., дополнительно организуемых школой [Арефьев 2013: 7]. Вторым по числу школьников, изучающих китайский язык, стал подведомственный департаменту физической культуры и спорта Центр образования «Московская экспериментальная школа», причем дети хотят учить китайский в основном из-за занятий ушу, предполагающих участие школьников в международных соревнованиях [Арефьев 2013: 8]. Всего за 2012/2013 учебный год число учащихся в 15 московских школах превысило две тысячи человек, в шести из них в число преподавателей вошли носители китайского языка [Арефьев 2013: 21]. Основной проблемой для учеников, овладевших на определенном уровне китайским языком, становится то, что в настоящее время в московских вузах все программы, включающие китайский язык, рассчитаны лишь на изучающих язык с нуля. При этом преподавание китайского языка на уровне высшего образования осуществляется во всех ведущих вузах Москвы. Изучение языка в основном осуществляется по направлениям «востоковедение и африканистика», «зарубежное регионоведение». Наряду с российскими преподавателями предусмотрено обучение студентов носителями языка, на высоком уровне владеющими русским языком, которые, как правило, являются выпускниками московских вузов. Кроме того, в настоящее время в Москве функционируют десятки курсов изучения китайского языка, среди которых ведущим является Институт Конфуция, действующий на базе РГГУ, МГЛУ и МГУ им. Ломоносова. Руководящий состав всех Институтов Конфуция предусматривает

наличие директора как с российской, так и с китайской стороны, а преподавательский штат предполагает наличие носителей языка, прошедших специальный курс подготовки.

Уровень функционирования вьетнамского языка в образовательной сфере Москвы намного ниже. Так, возможность изучения языка предусмотрена лишь на уровне высшего образования (ИСАА МГУ, МГИМО, РГГУ, Военный университет Минобороны РФ), курсы изучения вьетнамского языка в Москве также отсутствуют.

В силу концентрации представителей Китая и Вьетнама на рабочем месте большинству оказывается достаточно этнического языка для общения в сфере делопроизводства. Высокая степень китайско-вьетнамского взаимодействия на рабочем месте отмечается среди представителей торговой сферы на территории упомянутого рынка «Садовод», а также других торговых точек в Москве. Участницей подобного взаимодействия является наш информант, выпускница Российского нового университета из Вьетнама, изучавшая китайский язык в рамках своей специальности и за время обучения трижды воспользовавшаяся возможностью отправиться на стажировку в Китай. В настоящее время она работает с представителями КНР в торговом комплексе «Садовод» в качестве переводчика. В отличие от нашего вьетнамского респондента, ее китайские коллеги не захотели принять участие в опросе, что, по ее словам, было вызвано их причастностью к нелегальной деятельности на территории Российской Федерации [Информант 4]. Еще одним примером китайско-вьетнамского взаимодействия на рабочем месте стала вышеупомянутая респондентка, родившаяся в семье выходцев из Вьетнама, получившая высшее образование в Москве по специальности «бухгалтерский учет» и в настоящее время работающая в китайской компании в качестве финансового менеджера [Информант 2]. Если в первом случае коммуникация осуществляется на китайском языке, то в последнем языке взаимодействия на рабочем месте является русский. По мере увеличения числа представительств китайских компаний в Москве (Huawei, Lenovo, Air China и др.) растет спрос на российских специалистов, владеющих китайским языком на уровне, достаточном для взаимодействия с китайскими коллегами на рабочем месте.

В сфере культурной жизни российской столицы также нашлось место для функционирования данных языков. Стоит отметить попытки внедрения вечерних сеансов на китайском языке в формате

синхронного перевода в кинотеатре «Формула кино» в период после закрытия Черкизовского рынка в 2009 г., когда большое число китайских торговцев и их семей переселилось в район Люблино. Данная инициатива, равно как и попытки водителей маршрутного такси данного района разместить указатели направления следования на китайском языке, не получили одобрения со стороны российских граждан, опасавшихся китаизации своего района, и были прекращены. В настоящее время показ китайского кино на языке оригинала осуществляется в основном в рамках культурно-просветительской деятельности Китайского культурного центра. В сентябре 2018 г. в рамках инициативы «Один пояс, один путь» в кинотеатре «Иллюзион» прошел фестиваль китайского кино. Фестиваль вьетнамского кино проводился в 2014 г. Кроме того, на территории вьетнамского и китайского посольств (включая Представительство Тайбэйско-московской координационной комиссии по экономическому и культурному сотрудничеству) проводятся культурные мероприятия, связанные с теми или иными знаменательными днями в истории Китая и Вьетнама. Общими значимыми праздниками для представителей обоих государств являются Праздник середины осени и Праздник весны (Новый год по лунному календарю). Китайцы также празднуют День образования КНР (в случае тайваньцев — День основания Китайской республики) и Праздник драконьих лодок, а вьетнамцы — День независимости, Международный женский день и День учителя. Праздники, как правило, подразумевают проведение мероприятий на китайском/вьетнамском и русском языках. Стоит также отметить деятельность русско-китайского центра «Жар-птица», мероприятия которого осуществляются на китайском языке (или с переводом на китайский язык) и направлены на знакомство с русской культурой, искусством и историей для изучающих русский язык китайцев.

Появление китайского языка в языковом ландшафте Москвы (наиболее ярким примером послужило наличие китайских указателей в парке «Зарядье» с момента его открытия в 2017 г. в центре города) обусловлено растущим потоком туристов из Китая. По аналогичной причине в настоящее время музеи столицы и экскурсионные автобусы располагают программами и аудиогuidaми на китайском языке. Официальный сайт Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина представлен на трех языках: русском, английском и китайском.

Функционирование китайского и вьетнамского языков на территории российской столицы отмечается и в религиозной сфере. Так, в апреле 2012 г. при храме Святителя Николая в Голутвине учреждено Китайское подворье Патриарха Московского и всея Руси. Православные богослужения на китайском языке проводятся в утренние часы каждое воскресенье. Ознакомиться с расписанием богослужений можно на официальном сайте храма, частично представленном на китайском языке. Богослужения на вьетнамском языке в Москве проводятся только на базе религиозной общины церкви «Благая весть». По данным информантов, в подобных служениях принимают участие от 30 до 40 вьетнамцев [Информант 2].

Анализ функционирования китайского и вьетнамского языков в различных коммуникативных сферах позволил сделать вывод о том, что функциональное развитие вьетнамского языка на территории Москвы неразрывно связано с проживающим в столице вьетнамским сообществом, тогда как сфера функционирования китайского языка гораздо шире и выходит за рамки коммуникативных потребностей местных китайцев. В результате этого китайский язык по функциональному развитию в российской столице выходит на второе место среди иностранных языков, уступая лишь английскому языку. При этом мотивация к изучению русского языка среди представителей китаеязычного и вьетнамского сообществ определяется социальными установками: с одной стороны, русский язык является необходимым для получения студентами высшего образования и активного вовлечения в студенческую жизнь, с другой стороны, компактное проживание и возможность пользоваться основными услугами на родном языке, а также активное взаимодействие с соотечественниками на рабочем месте значительно снижает мотивацию к изучению русского языка среди представителей данных этносов.

Литература

- Арефьев 2013 — А. Л. Арефьев. Изучение китайского языка в школах России. [A. L. Aref'ev. Izuchenie kitaiskogo iazyka v shkolakh Rossii. [The Study of the Chinese Language in Moscow Schools]. URL: [http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china\(1\).pdf](http://www.socioprognoz.ru/files/File/2013/arefiev_china(1).pdf).]
- Ларин 2008 — А. Г. Ларин. Сколько в России китайских мигрантов? Демо-скоп Weekly, 2008. [A. G. Larin. Skol'ko v Rossii kitaiskikh migrantov?

- [How Many Foreign Migrants Are There in Russia?] Demoskop Weekly, 2008]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2008/0347/tema01.php>.
- Ларин 2009 — А. Г. Ларин. Китайские мигранты в России. История и современность. М., 2009. [A. G. Larin. Kitaiskie migranty v Rossii. Istoriya i sovremennost' [Chinese Migrants in Russia. Past and Today]. Moscow, 2009].
- Соколов 2009 — А. А. Соколов. Из истории изучения русского языка во Вьетнаме // ЮВА: актуальные проблемы развития. М., 2009. №13. С. 385–390. [A. A. Sokolov. Iz istorii izucheniia russkogo iazyka vo V'etname [From the History of the Study of the Russian Language in Vietnam]. IUVA: aktual'nye problemy razvitiia. Moscow, 2009. No. 13. P. 385–390].

Источники

- Информант 1 — муж., 30 лет, преподаватель китайского языка Московского педагогического государственного университета, место рождения — КНР (Тайвань). [Respondent 1 — male, 30, teacher of Chinese at Moscow state pedagogical university, place of birth — PRC (Taiwan)].
- Информант 2 — жен., 23 года, финансовый менеджер китайской компании, место рождения — РФ (Чита). [Respondent 2 — female, 23, financial manager of Chinese company, place of birth — Russian Federation (Chita)].
- Информант 3 — муж., 18 лет, студент Московского педагогического государственного университета, место рождения — РФ (Петропавловск-Камчатский). [Respondent 3 — male, 18, student of Moscow state pedagogical university, place of birth — Russian Federation (Petropavlovsk-Kamchatsky)].
- Информант 4 — жен., 22 года, переводчик торгового комплекса «Садовод», место рождения — СРВ (Ханой). [Respondent 4 — female, 18, interpreter at "Sadowod" shopping center, place of birth — Socialist Republic of Vietnam (Hanoi)].
- Музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. [Muzei izobrazitel'nykh iskusstv im A. S. Pushkina [The Pushkin State Museum of Fine Arts]]. URL: <https://pushkinmuseum.art/>.
- Храм Святителя Николая в Голутвине. [Khram Svyatitelya Nikolaya v Golutvine [Saint Nikolai Church in Golutvino]]. URL: http://st-nicholas.ru/index.php?option=com_content&view=featured&Itemid=117.
- Перепись 2010 — Всероссийская перепись населения (2010). [Vserossiiskaia perepis' naseleniia [Russian Census] (2010)]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm.

- Соглашение 1981 — Соглашение между Правительством СССР и Правительством Социалистической Республики Вьетнам о направлении и приеме вьетнамских граждан на профессиональное обучение и работу на предприятиях и в организациях СССР (1981). [Soglashe-nie mezhdu Pravitel'stvom SSSR i Pravitel'stvom Sotsialisticheskoi Res-publiki V'etnam o napravlenii i prieme v'etnamskikh grazhdan na profes-sional'noe obuchenie i rabotu na predpriiatiakh i v organizatsiiakh SSSR [The Agreement between the USSR and the Socialist Republic on Viet-nam on the Education and Employment of the Vietnamese Citizens at the Enterprises and Organizations of the USSR] (1981)]. URL: http://www.conventions.ru/view_base.php?id=19726.
- Census 2010 — The 2010 population Census of the People's Republic of China. URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/pcsj/rkpc/6rp/indexch.htm>.
- Census 2009 — The 2009 Vietnam Population and Housing census: Complet-ed results. URL: http://www.gso.gov.vn/default_en.aspx?tabid=515&id-mid=5&ItemID=10799.
- Constitution 1965 — The Constitution of the Republic of Singapore (1965). <https://sso.agc.gov.sg/Act/CONS1963>.
- Constitution 2013 — The Constitution of the Socialist Republic of Vietnam (2013). URL: http://www.constitutionnet.org/sites/default/files/tranla-tion_of_vietnams_new_constitution_enuk_2.pdf.

К. А. Кожанов

Исл РАН, Москва

ЦЫГАНЕ-КИШИНЁВЦЫ В МОСКВЕ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

1. Введение

Цыгане появились на территории Москвы и близлежащих районов, по всей видимости, в начале XVIII в. Долгое время в Москве жили преимущественно цыгане, принадлежащие к этнической группе *ру́ска ромá* (досл. ‘русские цыгане’). Начиная с конца XIX в. цыганское население Москвы и Подмоскovie становится все более разнообразным — в первую очередь за счет цыган, приехавших с территории Юго-Восточной Европы (Австро-Венгрия, Валахия, Румыния и под.) — кэлдэраров (котляров), ловаров, кишинёвцев. В XX в. в Москву массово переезжают цыгане из других регионов России; подробнее об истории цыган в Москве и Подмоскovie см. [Демер, Черенков 1987]. Сейчас в Москве и Подмоскovie представлено, пожалуй, наибольшее разнообразие цыганских этнических групп в России. Хотя, согласно переписи 2010 г., лишь немногим более 2500 человек, проживающих в Москве и Московской области, указали национальность «цыган», в реальности численность цыган должна быть в несколько раз выше.

Всего в России проживает около 205 000 цыган, из них владение цыганским языком указало чуть более 80 % (166 612 чел.). Хотя потеря языка среди цыган наблюдается в некоторой степени (зависит от места проживания — язык чаще утрачивается цыганами, проживающими в больших городах, — а также от этнической группы — например, цыгане-сэрвы чаще утрачивают цыганский язык, чем,

---

¹ Исследование проведено в рамках проекта «Изучение и описание власских диалектов цыганского языка в России» (РФФИ 16–34–01044–ОГН; руководитель М. В. Ослон). Приношу благодарность М. В. Ослону за замечания к предварительной версии текста.

например, кишинёвцы, а кэлдэрары пока не утрачивают вообще), можно предположить, что реальное число говорящих на цыганском языке в России несколько выше и должно приближаться к 200 000.

Цыганский язык относится к индоарийской группе индоевропейских языков, т. е. его родственниками являются языки Индии, Пакистана и других соседних стран. Цыганский язык представлен множеством диалектов, распространённых преимущественно на территории Европы. В справочнике языков мира «Этнолог» (англ. *Ethnologue: Languages of the World*; www.ethnologue.com), цыганский характеризуется как макроязык, состоящий из нескольких более мелких языков (балканский цыганский, балтийский цыганский, карпатский цыганский и т. д.), общая численность носителей оценивается в 1,5 млн. чел. Согласно более реалистичным оценкам, количество носителей цыганского языка в мире колеблется в районе 4–5 млн. чел.; см., например, [Matras 2005]. Часто отмечается, что в данные переписей не попадает большое количество цыган. Если мы принимаем это утверждение, то в реальности носителей цыганского языка ещё больше. В некоторых странах Европы отмечается полный или довольно стремительный переход на язык окружающего населения (например, в Великобритании, Испании, Финляндии, Венгрии, Словакии).

Разнообразие цыганских этнических групп в России довольно высокое. Каждая такая группа имеет свой диалект, у которого, как правило, также наблюдаются внутренние говорные вариации; подробнее о диалектном членении цыганского языка в России см. [Черенков 2013; Кожанов, Шаповал, в печати].

В данной статье речь пойдёт о сообществе цыган-кишинёвцев, диалект которых относится к влашской диалектной группе цыганского языка. Эта диалектная группа исторически развилась в зоне распространения румынского языка, но после миграций второй половины XIX в. и XX в. оказалась представленной в самых разных частях Европы и мира (например, Северной и Южной Америке). Язык цыган-кишинёвцев принадлежит к северной подгруппе влашских диалектов, таким образом, ближайшими родственными диалектами на территории России являются диалекты цыган-кэлдэраров и цыган-ловаров.

Предки цыган-кишинёвцев долгое время проживали на территории Бессарабии. Как уже отмечалось в литературе, язык российских цыган-кишинёвцев наиболее близок языку молдавских

цыган-лаешей [Черенков 2013: 17]. По всей видимости, именно они мигрировали с территории Молдавии в конце XIX — начале XX вв. на восток, и именно из них позже сформировалась отдельная этническая группа цыган-кишинёвцев. Близкий, хотя и не идентичный кишинёвскому диалект бессарабского цыгана был записан А. П. Баранниковым в 1920-е гг. [Barannikov 1934: 176–177].

На данный момент цыгане-кишинёвцы — одна из самых малочисленных групп цыган на территории России. Общая численность кишинёвцев едва ли превышает 3–4 тысячи человек. Наибольшее количество цыган-кишинёвцев проживало в г. Саратове в 1960-е гг. По воспоминаниям старшего поколения цыган-кишинёвцев, тогда в одном поселке жили около 60 семей. Сейчас большинство цыган-кишинёвцев, по всей видимости, проживает в Подмосковье (прежде всего на восток от Москвы, в Быково, Раменском, Электро-стали, Железнодорожном и др.). Впрочем, количество семей кишинёвцев в одном населённом пункте едва ли где-либо превышает 10.

Язык цыган-кишинёвцев до сих пор не описан. Два лингвистических интервью с кишинёвцами были записаны в Украине для проекта Манчестерского университета (Морфосинтаксическая база цыганского языка, англ. *Romani Morphosyntax Database*, <https://romani.humanities.manchester.ac.uk/rms/>), в России язык кишинёвцев никогда специально не изучался, но стоит отметить, что небольшой текст, транскрибированный Л. Н. Черенковым, был помещён в статью [Бессонов 2011]. Никаких словарей, грамматик или учебных материалов по этому диалекту цыганского языка пока что нет.

В данной статье приводятся диалектные особенности языка цыган-кишинёвцев, проживающих на территории России (преимущественно в Москве и Московской обл.). Самоназвание для лиц мужского пола — *k'išyn'ovár'* мн. *k'išyn'ovár'e* (также *k'išyn'ófco*, мн. *k'išyn'ófcu* ~ *k'išyn'ófcu'a*), для лиц женского пола — *kišyn'ófka*, мн. *kišyn'ófki*. Иногда для обозначения всего сообщества цыган-кишинёвцев используется слово *kišynávo*:

- (1) *and'i s'á o kišynáv-o sás štár kupc-ý*
 в весь ART Кишинёв-DIR.SG быть.PST.3 четыре купец-DIR.PL
 'среди всех цыган-кишинёвцев (досл. Кишинёва) было четыре купца'.

Московских кишинёвцев иногда называют *moskováje*. Язык называется *k'išyn'ovar'icka šib*. В целом язык всех кишинёвцев России

довольно однороден, существующие различия связаны не с местом проживания кишинёвцев, а с родовой принадлежностью. Основные различия наблюдаются между языком так называемых донских и украинских кишинёвцев (последних ещё называют *brəzd'əje*, это название воспринимается некоторыми цыганами как обидное); подробнее о родовом делении цыган-кишинёвцев см. [Бессонов 2011: 63; Бессонов 2017: 124–125]. Судя по записям, сделанным в рамках цыганского диалектологического проекта Манчестерского университета, а также по моим собственным записям из Одессы, язык кишинёвцев, проживающих в Украине, несколько отличается от языка российских кишинёвцев; отличия касаются преимущественно лексики, например, укр. *živindó* при рос. *trázo* ‘живой’. Согласно моим собственным записям, язык современных молдавских лаешэй также не полностью идентичен языку российских кишинёвцев: отличия наблюдаются в лексике, например, *cyfl'i* ‘полицейский участок’ при рос. *vazd'ií*, в фонетическом облике некоторых слов — молд. *s'áorrə* при рос. *sáorrə* ‘все’, а также в словообразовании (так, у молдавских кишинёвцев практически нет форм неактивных глаголов с формантом *-in-*, см. об этом подробнее ниже).

Все примеры, приведенные в статье, взяты из собственных полевых записей автора.

2. Особенности кишинёвского в контексте влашских цыганских диалектов

Кишинёвский диалект цыганского языка является типичным представителем так называемой северной группы влашских диалектов. К наиболее ярким фонетическим изменениям от общецыганского состояния, характерным для этих диалектов, относятся:

Переход сочетаний **dl > gl* и **tl > kl*

В частности, результатом этого перехода стали чередования в основе у глаголов типа *phánd'el* ‘связывать’: *phánd'es* ‘ты связываешь’: *phangl'án* ‘ты связал(а)’ (из **phandl'an*); *xut'és* ‘ты прыгаешь’: *xukl'án* ‘ты прыгнул(а)’ (из **xutl'an*).

Утрата смычки у звуков **čh* и **dž*

Такая утрата привела к появлению звуков *ś* [ɛ] и *ž* [z] соответственно.

*čh > ś

*dž > ź

*čhavo > śáv ‘сын’

*džal > źál ‘идёт’

*čhib > śíb ‘язык’

*dženo > źenó ‘один’ (счётное слово)

*čhon > śón ‘месяц’

*džukel > źukál ‘собака’

Переход **aji > *eji*

Такой переход наблюдается, например, в лексемах: **daji > *deji > *dej > d'ěj* ‘мать’ и **čhaji > *čheji > *šeji > śėj* ‘дочь’ (заметим, что конечный **ji* затем сократился до *j*, см. дальше).

Переход **Vni > Vji*

Такой переход наблюдается, например, в лексеме *xajíng* ‘колодец’ (при рус.-цыг. *xanýng* ‘то же’, где такого перехода нет). Следует, однако, отметить, что во множестве форм женского рода наблюдается вариативность *ji ~ ni* в результате выравнивания основ (по аналогии с основами мужского рода): *rromaji ~ rroman* ‘и’ ‘цыганский’ (ж. р.) при *rromanó* (м. р.), но, например, всегда *vazdiji* ‘полицейский участок’.

Сокращение конечного **ji > j*

В северновлашских диалектах цыганского языка также произошло сокращение конечного **ji*. Этот переход отмечен и в кишинёвском диалекте: **pani > *paji > páj* ‘вода’, **balani > *balaji > baláj* ‘корыто’, **khoni > khoji > khój* ‘жир’ и др.

Сокращение конечного **avo > av*

Такой переход наблюдается, например, в лексемах **prašavo > praśáv* ‘ребро’, **čhavo > śáv* ‘цыганский парень; сын’.

Кроме того, в более позднее время в кишинёвском диалекте произошел ряд фонетических изменений, которые не наблюдаются в других или наблюдаются не во всех влашских диалектах цыганского.

Развитие звуков [y] и [ə]

В части диалектов цыганского языка развились звуки [y] и [ə]. В кишинёвском звуки [i] и [y] после согласных распределены контекстно: [i] встречается после мягких согласных, а [y] — после твёрдых. То же можно сказать и о звуках [e] и [ə]; подробнее о развитии

звуков [y] и [ə] в близкородственном кишинёвскому кэлдэрарском см. [Oslo 2017].

Смягчение некоторых согласных перед [e] и [i]

Смягчению перед [i] подверглись следующие согласные (даны только те, которые могут быть и мягкими, и твёрдыми): p, ph, b, t, d, k, kh, g, m, n, f, v, l, r, например, *piri > [p'ir'í] 'кастрюля', *gili > [g'il'í] 'песня' и др. Остальные согласные, а именно s, z, š, ž, c, x, гг перед [i] не смягчились, ср. *sir > *sýr* 'чеснок', *šing > *šýng* 'рог'. Смягчению перед [e] подверглись следующие согласные: p, ph, b, t, d, m, n, f, v, l, r. Особенностью кишинёвского диалекта, отличающей его от аналогичного перехода в диалекте российских кэлдэраров (кроме одного говора), является смягчение звука [r], ср. киш. *kər'él* при кэлд. *kərál* 'делает'.

«Иканье»

Суть этого явления заключается в неразличении фонем /e/ и /i/ в предударной позиции, например, *ande > *and'i* ~ *and'e* 'в', *merel > *m'er'él* ~ *m'ir'él* 'умирает' и т. д.

Уподобление согласных (b > v)

Такое развитие о *k'ík'i* тмечается в двух лексемах *varvaló* 'богатый' и *valvál* 'ветер'; ср. рус.-цыг. *barvaló* и *balvál* соответственно.

Переход *dj > g' и *tj > k'

Такой переход всегда наблюдается в тех случаях, когда палатальность согласного происходит из сочетания с j; ср. *g'és* 'день' < *djes < *diwes при *d'él* 'бог' < *del < *dewel, *rak'ar'él* 'ночует' при *r'át* 'ночь', *pak'ál* 'верит' и др. При смягчении t перед i такой переход тоже зафиксирован, хотя наблюдается некоторая вариативность: *kiti > *kíki* 'сколько', *khatinde > *khak'índ'e* 'нигде', *tiró > *k'iró* ~ *t'iró* 'твой'; *pat'ív* ~ *pak'ív* 'уважение'. При смягчении d перед i такого перехода, как правило, не бывает: только *d'iló* 'глупый'. Перехода также не наблюдается, если перед мягким согласным есть щелевой: *p'irost'i* 'треножник', *p'ext'i* 'холодец', *sost'á* 'штаны'.

Переход *v' > j

Звук v в сочетании с j всегда утрачивается, ср. *phív* 'земля' и *phujá* 'земли' (из *phuvjá). Как правило, v переходит в j перед e и i,

например, *savó* ‘какой’ и *sají* ‘какая’, *prašáv* ‘ребро’ и *prašajé* ‘рёбра’. В то же время в некоторых позициях наблюдается вариативность $v \sim j$, ср. *av'éŕ* ~ *ajér* ‘другой’, также глагольные формы. Есть несколько исключений, так, только *iv'énd* ‘зима’, *v'ink'ar'él* ‘зимовать’.

Сохранение звука *rr*

В диалекте кишинёвцев сохраняется особый раскатистый (долгий) согласный [ɾɾ], который следует считать отдельной фонемой, ср. *porá* ‘перья’ и *porrá* ‘кишки’. Тем не менее в речи этот звук часто утрачивает геминатный характер и, таким образом, совпадает с [ɾ]. К сожалению, специальных работ, посвященных этой теме, нет, поэтому приведённые здесь наблюдения основываются исключительно на восприятии автора статьи. Кажется, что потеря геминатного характера *rr* чаще происходит в речи более молодого поколения. Однако даже в тех случаях, когда долгота утрачивается, «новое» *r* не смягчается перед *e* и *i*, ср. минимальную пару *čorrymós* ~ *čorymós* ‘бедность’ и *čor'imós* ‘воровство’. Кажется, что в некоторых позициях, а также лексемах существует большая или меньшая вероятность утраты/сохранения долготы. Так, долгота обычно сохраняется в позиции между гласными (в частности в уменьшительном суффиксе *-orr-*) и чаще утрачивается в начале и конце слова: *róm* (чаще) ~ *rróm* (реже) ‘цыган’, *kór* (обычно только так) ‘шея’, но *korrátar* ‘за шею’. В некоторых лексемах долгота практически никогда не встречается (хотя должна быть там согласно исторической реконструкции), например, слово *maró* ‘хлеб’. Эти случаи могут быть объяснены влиянием других диалектов (в первую очередь диалекта русских цыган, в котором раскатистый звук [ɾɾ] вообще отсутствует). Исторически звук [ɾɾ] развился из ретрофлексных звуков **ʃ, ɖ*. Он также встречается в начале слова перед гласной и в середине слова между гласными в румынских заимствованиях, ср. *rrusýja* ‘Россия’, таким образом, сохраняется старое произношение начального *r* в румынском языке².

Среди **морфологических** особенностей кишинёвского диалекта можно отметить:

---

² Подробнее о сохранении старого румынского *r* в румынских заимствованиях в цыганском см. [Ослон, в печати].

Окончание 3 л. ед. ч. прош. вр. -av

В отличие от большинства цыганских диалектов, которые в 3 л. ед. ч. прош. вр. имеют окончание *-as* или *-a*, в кишинёвском диалекте отмечается регулярное окончание *-av*, например, *kərd'áv* 'он(а) сделал(а)', *b'ešl'áv* 'он(а) сел(а)'. В речи конечное *-v* может иногда не произноситься, но всегда четко слышится в формах давнoproшедшего времени (которые образуются с помощью постфикса *-as*, добавляемого к формам претерита): *kərd'avas* 'он(а) сделал(а)', *b'ešl'avas* 'он(а) сел(а)'. Такое окончание не рассматривается в наиболее подробном на данный момент описании цыганского языка [Matras 2002], его этимология не вполне ясна, но представляет несомненную ценность для исторической морфологии цыганского языка.

Образование неактивных глаголов

В цыганском языке неактивные глаголы образуются при помощи особого суффикса *-'/-'ov--'iv-* (во втором виде суффикс встречается в IMP.2SG, а также 1SG.PRS и 1PL.PRS) от причастий и прилагательных, ср. *mardó* 'битый' (от глагола *marél* 'бить') : *márd'ol* 'дерется', *loló* 'красный' : *lol'ól* 'краснеет'. Особенностью кишинёвского диалекта является то, что никаких лексических ограничений на образование глаголов от причастий не наблюдается (за исключением причастий, образованных от заимствованных глаголов). Кроме того, неактивные глаголы могут быть образованы как с, так и без дополнительного форманта *-in-* (его можно рассматривать как часть суффикса *-in'a-*). Таким образом, в кишинёвском представлены пары неактивных глаголов без какого-либо семантического различия: *márd'ol* : *mardin'ájel* 'дерется', *ankalád'ol* : *ankaladin'ájel* 'вытаскивается', *laśárd'ol* : *laśardin'ájel* 'улучшается' и др.

Образование нереальных условных конструкций

В кишинёвском диалекте наблюдается особый способ образования нереальных условных конструкций, когда в самом условии используется причастие (производное как от исконных, так и заимствованных глаголов), не согласуемое по числу и роду с субъектом, ср. примеры (2–3):

- (2) *ta*   *a(j)i-ló*   *l-át'e*   *loj-é*,
       PRT   быть-P.NA   3-LOC.SG.F   деньги-DIR.PL

m'é trád-av-as l-ása
1.DIR.SG ехать-1SG-IRR 3-INS.SG.F

‘если бы у неё были деньги, я бы с ней поехал’

(3) *ta zvon'isar-dó, m'é l-áv-as tut mánca*
PRT звонить-P.NA 1.DIR.SG брат-1SG-IRR 2.OBL.SG 1.INS.SG

‘если бы [ты] позвонил, я бы тебя взял с собой’

Внутри кишинёвского диалекта также наблюдаются незначительные **говорные различия**. Язык цыган-кишинёвцев достаточно однороден: небольшие различия наблюдаются в языке так называемых донских кишинёвцев, переехавших в Россию ещё в начале XX в., и «украинских» кишинёвцев, которые в основном перебрались из Украины в Россию после Второй мировой войны. Основное различие между этими двумя говорами в реализации румынского дифтонга *oa*, ср. дон. *n'epáta* при укр. *n'epóta* ‘племянница; внучка’ из рум. *nepoată*; дон. *sákra* при укр. *sókra* ‘свекровь; тёща’ из рум. *soacră* и др. Иногда самими носителями отмечаются некоторые лексические отличия, например, дон. *cólo* и укр. *lyi'čár* ‘ковёр’, дон. *karf'in* и укр. *čynta* ‘гвоздь’, но не вполне ясно, насколько они строги. В Москве и Московской области проживают как «донские», так и украинские кишинёвцы, поэтому в речи представлены все эти варианты.

3. Влияние языков окружающего населения

Диалект кишинёвцев испытал значительное влияние молдавских говоров румынского языка. Тем не менее никто из известных мне кишинёвцев, проживающих в России, не владеет румынским языком. По воспоминаниям самих цыган-кишинёвцев, румынский ещё знали люди, жившие в середине XX в. До сих пор некоторые кишинёвцы вспоминают песни на румынском языке, произносят ритуальные формулы (например, колядки), как правило, не понимая содержания. В настоящее время диалект кишинёвцев испытывает значительное влияние со стороны русского языка: в речи молодого поколения часты неадаптированные глагольные формы из русского языка. Разберём примеры влияния подробнее.

3.1. Влияние румынского языка

Румынские лексические заимствования многочисленны и встречаются в самых разных частях речи: существительных (*dóhoto* из рум.

dóhot ‘смола’, *lum’ína* из рум. *lumínă* ‘свет’, *motáno* из рум. *motán* ‘кот’), прилагательных (*múto* из рум. *mut* ‘немой’, *skúmpo* из рум. *scump* ‘дорогой’, *urrywó* из рум. *urít* ‘уродливый’ и др.), глаголах (*askucól* из рум. *a ascufi* ‘точить’, *m’er’it’íl* из рум. *a mărită* ‘выдавать замуж’, *pr’iil* из рум. *a privi* ‘смотреть’ и др.), наречиях (*atúnči* от рум. *atúnci* ‘тогда’, *d’ežába* от рум. *degeába* ‘зря’, *inkə* от рум. *încă* ‘ещё’ и др.), предлогах (*la* ‘в’, *d’e la* ‘из, от’, *kus’á* ‘вместе с’) и др. Существительные, прилагательные и глаголы румынского происхождения всегда адаптируются к цыганской морфологии.

Фонетика и лексический состав некоторых румынских заимствований отличается от литературного румынского. Такие случаи следует объяснять не «трансформацией» заимствований в диалекте кишинёвцев [Черенков 2013: 17], а вариантом румынского, на котором говорили предки цыган-кишинёвцев, — говорами молдавского диалекта румынского языка³. На молдавское происхождение румынских заимствований указывает: i) переход *vo* и *vu* в *ho* и *hu* соответственно, например, кишин. *hórba* ‘слово’, молд. *hórbă* и литер. рум. *vórbă*, кишин. *húl’p’a* ‘лиса’, молд. *hulpe* и литер. рум. *vulpe*; ii) переход *pi* в *k’i*, например, кишин. *k’ip’ér* ‘перец’, молд. *chiper* при лит. рум. *piperi*. Кроме того, имеются лексические молдавизмы, например, *patlažáva* ‘помидор’ (рум. молд. *pătlăgeá* или с определенным артиклем *pătlăgeáua* при рум. лит. *roşie* или *tomată*), *žymúš* ‘дыня’ (рум. молд. *zămós* при рум. лит. *pépenegalben*). В то же время многие заимствования являются древними и сохраняют фонетический облик, давно утраченный в самом румынском языке: *vr’ám’a* ‘время’ при литер. рум. *vréme* (славянский звук, на письме передававшийся буквой ѣ, заимствовался в румынский язык как дифтонг *ea*, который затем в некоторых позициях в XV–XVI вв. монофтонгизировался в *e*; подробнее см. [Rosetti 1986: 444–446]).

Румынское влияние наблюдается и в ряде морфонологических чередований, которые не только были заимствованы из румынского, но также используются для новых заимствований из русского языка, например, в существительных мужского рода: *-ko* (ед. ч.) > *-će* ~ *-ć* (мн. ч.), *bumbáko* : *bumbáće* ‘вата’, *nasóko* ‘носок’ : *nasóće* ‘носки’, *rybáko* ‘рыбак’ : *rybáće* ‘рыбаки’ и т. д.

³ Данные по молдавскому диалекту румынского языка были взяты из [Удлер 1976], а также из лексикографического портала <https://dexonline.ro/>.

В кишинёвском диалекте встречается целый ряд морфологических заимствований из румынского языка. В первую очередь это касается диминутивных суффиксов: *-aș-*, например, *t'el'ár* 'стакан' : *t'el'aráș* 'рюмка', *mak'imár* 'пьяница' : *mak'imaráș* 'пьянчужка'; *-el-*, например, *kopáko* 'дерево' : *kopacíelo* 'деревце', *jásiko* 'ящик' : *jašícélo* 'ящичек'; *-vár-*, например, *m'il'ija* 'мука' : *m'il'ivára* 'немного муки', *hært'ija* 'бумага' : *hært'ivára* 'бумажка'; *-șor-*, например, *múto* 'немой' : *mut'isóro* 'неменький', *ćájo* 'чай' : *ćajušóro* 'чаёк'; *-șar-*, например, *bl'úca* 'блюдец' : *bl'ucușára* 'блюдечко', *trásta* 'сумка' : *trast'isára* 'сумочка'. Как видно из примеров, румынские диминутивные суффиксы могут присоединяться не только к румынским заимствованиям, но и к исконным словам, а также заимствованиям из русского языка.

Из румынского языка была также заимствована глагольная приставка *d'es-*, которая может присоединяться к исконным глаголам, например, *bilál* 'таёт' : *d'ezb'ilál* 'остывает', *xol'ájel* 'злится' : *d'esxol'ájel* 'перестает злиться', *mukál* 'пускает' : *d'ezmukál* 'выпускает'.

3.2. Влияние русского языка

Наибольшее влияние на кишинёвский диалект цыганского языка в настоящий момент оказывает русский язык. Все носители кишинёвского диалекта по крайней мере билингвы, все свободно владеют русским языком. Хотя в целом кишинёвский диалект очень хорошо сохраняется, в последние двадцать лет владение русским языком значительно улучшилось. Более того, в последние годы дети цыган-кишинёвцев всё чаще выучивают русский язык в качестве первого и только позже начинают говорить по-цыгански. Ещё два поколения назад ситуация была противоположной. Впрочем, русская речь многих кишинёвцев имеет диалектные особенности, в частности многие кишинёвцы произносят фрикативное «южное» [h] (это связано с тем, что многие кишинёвцы переехали в Центральную Россию из южных регионов). Лексические заимствования из русского языка многочисленны, часто являются окказионализмами и покрывают все части речи: существительные (*has'tín'ica* из рус. *гостиница*, *skandálo* из рус. *скандал*, *dúxur'a* из рус. *духи* и др.), прилагательные (*sr'édn'ij* 'средний', *donsk'ije* 'донские'), глаголы (*kaçuíl* из рус. *кочевать*, *l'ub'il* из рус. *любить*, *fstr'icíl* из рус. *встречать*), наречия (*srázu* из рус. *сразу*, *r'étká* из рус. *редко*, *pastajáno* из рус. *постоянно* и др.) и пр. В отличие от румынских заимствований, заимствования из русского языка не всегда подвергаются

морфологической адаптации. Так, прилагательные не адаптируются никогда, а глаголы часто вставляются с русскими окончаниями (подробнее об этом см. ниже). Широко распространена мена кодов.

В диалекте цыган-кишинёвцев используются некоторые морфологические заимствования из русского языка, например, показатели неопределённости *-to*, *-nibud'*.

Кроме того, изредка используются глагольные приставки, заимствованные из русского языка. Как правило, русские глагольные приставки регулярно используются лишь с ограниченным количеством лексем с идиоматизированным значением (не в пространственных значениях), а с остальными глагольными лексемами только спорадически. Особенно частотны лексемы *por'er'el* и *zakar'el* (иногда в варианте *zokar'el*). В следующей таблице представлены регулярно встречающиеся глаголы с русскими приставками и некоторые примеры окказиональных образований.

<i>por'er'el</i> 'попадает (куда-л.)'	<i>p'er'el</i> 'падает'	рус. <i>попасть</i>
<i>zakar'el</i> 'зарабатывает'	<i>kər'el</i> 'делает'	рус. <i>заработать</i>
<i>zd'el</i> 'сдаёт (экзамен)'	<i>d'el</i> 'даёт'	рус. <i>сдать</i>
<i>zamar'el</i> 'забивает'	<i>mar'el</i> 'бьёт'	рус. <i>забить</i>
<i>obxalp'e</i> 'объедается'	<i>xal</i> 'ест'	рус. <i>объесться</i>

- (4) *óv* *po-p'el'á-v* *ando* *bár*
 3.M.DIR.SG PVB-падать-3SG.PST в тюрьма.DIR.SG
 'он попал в тюрьму'

В кишинёвском диалекте есть продуктивная модель адаптации заимствованных глаголов.

3SG.PRS : 3SG.PST	
<i>naznačil</i> : <i>naznačisard'av</i>	рус. <i>назначить</i>
<i>sn'im'il</i> : <i>sn'im'isard'av</i>	рус. <i>снимать</i>
<i>fstr'ic'ilp'e</i> : <i>fstr'ic'isajl'av</i>	рус. <i>встречаться</i>

Тем не менее очень часто русские глаголы вставляются в речь вместе с русской морфологией, ср. примеры (5–6):

- (5) *tú* *abjasní* *l'e* *manuš-ás-kə*
 2SG.DIR объяснять.2SG.IMP[RUS] ART.M.OBL человек-OBL.SG-DAT
só *gadajá* *brəzd'áj-e*
 что это брэздяно-PL.DIR
 'ты объясни человеку, что такое «брэздяе»'

- (6) *murr-ó*   *dád*   *ph'en'-él*   *so*   *l'-éskə*
 мой-SG.M.DIR   отец.DIR.SG   сказать-3SG.PRS   что   3-SG.M.DAT
čajl'-ól   *put'išǎstvavat'*
 нравиться-3SG.PRS   путешествовать.INF[RUS]
 'мой отец говорит, что ему нравится путешествовать'

4. Заключение

Кишинёвский диалект цыганского языка используется сравнительно небольшой общиной, большая часть которой проживает в Москве и Подмоскowie. Изменившиеся во второй половине XX в. социально-экономические условия (прежде всего, запрет на кочевье и, как следствие, оседлая жизнь) привели к увеличивающейся роли русского языка. Хотя говорить об утрате цыганского языка пока оснований нет — все цыгане-кишинёвцы хорошо владеют своим диалектом, — постепенно русский язык употребляется всё чаще. В последние годы нередки случаи, когда дети цыган-кишинёвцев в качестве первого языка осваивают русский (впрочем, цыганским тоже владеют, но обычно в более позднем возрасте). Такая ситуация, с одной стороны, свидетельствует о необходимости описания этого диалекта, а также создании обучающих материалов на нём, а с другой, позволяет наблюдать некоторые изменения, происходящие с языком, в режиме реального времени.

Для теории языковых контактов особенно интересен процесс заимствования морфем (в данном случае русских глагольных приставок). Данные кишинёвского диалекта интересны в рамках лексического подхода к заимствованию морфологии, ср. [King 2000], согласно которому новые морфемы проникают в язык через небольшую группу заимствованных лексем и только позже грамматализуются в новую деривационную модель. В кишинёвском диалекте цыганского языка приставки заимствуются как часть сильно идиоматизированных славянских глаголов (в непространственной семантике, которую обычно принимают за основную), т. е. пока что славянские приставки не употребляются как продуктивные аффиксы, а лишь используются для копирования конкретных русских глаголов. С другой стороны, в кишинёвском диалекте уже был пример заимствованной глагольной приставки *d'es-* из румынского языка:

<i>d'eskər'él</i> 'открыть'	<i>kər'él</i> 'делать'	рум. <i>desface</i> (при рум. <i>face</i> 'делать')
<i>d'eskhiǰól</i> 'отдыхать'	<i>khijól</i> 'установить'	?
<i>d'ezmar'él</i> 'отбить (мужа)'	<i>mar'el</i> 'бить'	рус. <i>отбить</i>
<i>d'ezmukál</i> 'спустить (собаку)'	<i>mukál</i> 'пускать'	рус. <i>спустить</i>

Можно предположить, что это сделало словообразование кишинёвского диалекта более восприимчивым к новым глагольным префиксальным словообразовательным морфемам.

Другой интересный пример изменений в результате языковых контактов — это изменение способа интеграции заимствуемых глаголов в цыганскую речь. Если раньше все заимствуемые глаголы адаптировались с помощью особой морфемы (это справедливо, в частности, для всех заимствованных румынских глаголов), то теперь очень часто русские глаголы вставляются в цыганскую речь вместе с русской глагольной морфологией. Вставка парадигмы — всегда признак особенно интенсивных контактов между языками и широко распространённого билингвизма, см. [Wohlgemuth 2009: 118].

Сокращения

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лица; ART — артикль; DIR — прямая форма; F — женский род; IMP — повелительное наклонение; INF — инфинитив; INS — инструментальный падеж; IRR — ирреалис; LOC — местный падеж; M — мужской род; NA — несогласованная форма; OBL — косвенная форма; SG — единственное число; P — причастие; PL — множественное число; PRS — настоящее время; PRT — частица; PST — прошедшее время; PVB — преверб; RUS — вставка из русского языка

Литература

- Бессонов 2011 — Н. В. Бессонов. Этническая группа цыган-кишиневцев // *Revista de etnologie și culturologie*. 2011. Vol. IX–X. С. 62–75. [N. V. Bessonov. *Étnicheskaia gruppatsygan-kishinevtsev* [Ethnic Romani group of Kishinyovtsy]. *Revista de etnologie și culturologie*. 2011. Vol. IX–X. P. 62–75].
- Бессонов 2017 — Н. В. Бессонов. Этнонимы и прозвища цыган в СССР и на постсоветском пространстве. [N. V. Bessonov. *Étnonimy i prozvishcha tsygan v SSSR i na postsovetском prostranstve* [Ethnonyms and nicknames of Roma people in USSR and post-Soviet countries]] //

- Kirill Kozhanov, Mikhail Osłon, Dieter W. Halwachs (eds.). Das amen godi pala Lev Čerenkov. Romani historija, čhib taj kultura. Graz: GLM, 2017. С. 111–142.
- Деметер, Черенков 1987 — Н. Г. Деметер, Л. Н. Черенков. Цыгане в Москве // Этнические группы в городах Европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры). М., 1987. С. 40–49. [N. G. Demeter, L. N. Cherenkov. Tsygane v Moskve [Roma people in Moscow] // Ètnicheskie grupy v gorodakh evropejskoj chasti SSSR (formirovanie, rasselenie, dinamika kul'tury). Moscow, 1987. P. 40–49]
- Кожанов, Шаповал, в печати — К. А. Кожанов, В. В. Шаповал. Цыганский язык и его диалекты // А. В. Черных, Н. Г. Деметер (ред.) Цыгане, в печати. [К. А. Kozhanov, V. V. Shapoval. Tsyganskij iazyk i ego dialekty [Romani and its dialects] // A. V. Chernykh, N. G. Demeter (ed.) Roma, in print].
- Осло́н, в печати — М. В. Осло́н. Отражение южнославянского *г в цыганских заимствованиях из старорумынского // Вопросы языкового родства, в печати [M. V. Osłon. Otrazhenie iuzhnoslovianskogo *g v tsyganskikh zaimstvovaniiah iz starorumynskogo [Reflexes of South Slavic *g in Romani borrowings from Old Romanian]. Voprosy iazykovogo rodstva, in print].
- Удлер 1976 — Р. Я. Удлер. Диалектное членение молдавского языка. Кишинёв: Штиинца, 1976. [R. Ia. Udler. Dialektnoe chlenenie moldavskogo iazyka. [Dialectal distribution of Moldovan]. Kishinev: Shtiinca, 1976].
- Черенков 2013 — Л. Н. Черенков. Цыганская диалектология в России: современное состояние и задачи // К. А. Кожанов, С. А. Оскольская, А. Ю. Русаков. (ред.). Цыганский язык в России. Сборник материалов Рабочего совещания по цыганскому языку в России: Санкт-Петербург, 5 октября 2012 г. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 6–24. [L. N. Cherenkov. Tsyganskaia dialektologija v Rossii: sovremennoe sostoianie i zadachi [Romani dialectology in Russia: current state and tasks] // К. А. Kozhanov, S. A. Oskol'skaia, A. Ju. Rusakov (eds.) Tsyganskij iazyk v Rossii. Sbornik materialov Rabocheho soveshčaniia po tsyganskomu iazyku v Rossii: Sankt-Peterburg, 5 oktiabريا 2012 g. St. Petersburg, 2013.] Saint Petersburg: Nestor-Istoriya, 2013. P. 6–24].
- Barannikov 1934 — A. P. Barannikov. The Ukrainian and South Russian Gypsy Dialects. Leningrad: Publishing office of the Academy, 1934.
- King 2000 — R. King. The Lexical Basis of Grammatical Borrowing. Philadelphia, Amsterdam: John Benjamins, 2000.
- Matras 2002 — Y. Matras. Romani: A linguistic introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2002.
- Matras 2005 — Y. Matras. The status of Romani in Europe. Report submitted to the Council of Europe's Language Policy Division, October 2005.

- Osłon 2017 — M. Osłon. Jek pušimos la istorijaka fonetikako la kêldêraricko šibaki: le vokalongê žutengi e : ê aji : î distribucîja [An issue of historical phonetics of Kalderash: distribution of vowels e : ə and i : y] // Kirill Kozhanov, Mikhail Osłon, Dieter W. Halwachs (red.). Das amen godipala Lev Čerenkov. Romani historija, čhib taj kultura. Graz: GLM, 2017. C. 325–338.
- Rosetti 1986 — A. Rosetti. Istoria limbii române. București: Editura Științifică și Enciclopedică. 1986.
- Wohlgemuth 2009 — J. Wohlgemuth. A Typology of Verbal Borrowings. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009.

М. В. Куцаева

ИЯз РАН, Москва

ПРОБЛЕМА СОХРАНЕНИЯ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ДИАСПОРЫ МОСКОВСКОГО РЕГИОНА

1. Введение

Диаспора — «совокупность лиц определённой этнической принадлежности, проживающая за пределами основного традиционного места расселения этого народа, объединённая общим этническим самосознанием и, как правило, сохраняющая свой этнический язык в качестве одного из средств общения» [Михальченко 2006: 57]. В типологии диаспор помимо внешних диаспор в настоящее время выделяют и внутренние: различные диаспоры в рамках многонационального государства за пределами основного места компактного проживания этноса [Михальченко 2006: 58].

Чуваши — один из крупнейших народов Российской Федерации (1 435 872) [Всероссийская перепись населения 2010]. Способ расселения чувашей традиционно отмечен рядом особенностей: с одной стороны, чуваше являются одним из наиболее весомо представленных в своей республике титульных этносов, с другой стороны, это один из наиболее дисперсно расселённых [Иванов 2005: 8]. За пределами административных границ Чувашской Республики ныне проживает 43,3 % чувашей [Фомин 2016: 826], как компактными группами (Урало-Поволжский регион), так и дисперсно во многих регионах страны, в том числе и в Московском (14866 — Москва, 12466 — Московская область) [Всероссийская перепись населения 2010].

Проблема сохранения этнического языка в условиях, с одной стороны, оторванности от метрополии, с другой стороны, проживания в многоязычном городе представляется для чувашей актуальной.

Материалом для исследования послужило собственное социолингвистическое обследование автора, которое проводилось в Москве и Московской области в диаспорной среде московских чувашей в течение двух с половиной лет. Выборка включает 100 человек (85 — первое поколение, 15 — второе). 30 вопросов анкеты в общих чертах могут быть разделены на 4 крупных блока, один из которых, в частности, касался вопроса сохранения этнического языка.

2. Сохранение языка в первом поколении диаспоры

В первом поколении у большинства респондентов в выборке (81 %) отсутствует страх забыть чувашский язык. Это касается, с одной стороны, активных билингвов, выходцев из сельской среды в Чувашской Республике: *«Куда он денется? Не потеряю!»* (Михаил Х., 44), *«Личного страха нет»* (Евгений, 32), *«Никакого страха! Как это? Свой родной язык забыть и потерять? Я не поверю никогда! Это обман!»* (Ирина, 44), *«Ну как это — потерять? Я его знаю»* (Аркадий П., 51), *«Я не потеряю, я в себе уверенный»* (Петр А., 59). С другой стороны, об этом заявили и пассивно владеющие чувашским языком (как правило, уроженцы городов и поселков городского типа): *«Я ведь чувашский не так хорошо знаю, я даже английский больше теперь знаю, бывал в Америке и в Египте. Но основные фразы от родителей, когда был маленький, они на чувашском их говорили, не потеряешь!»* (Евгений Б., 27), *«Страх нет, потому что азы со мной останутся всегда — в плане прочитать, понять»* (Наталья Я., 32).

Однако проживание вдали от малой родины определенным образом влияет на уровень владения чувашским, особенно у активных билингвов. *«Я замечаю, что стала не так красиво говорить, как те, кто там живет. Это неприятно»* (Лилия Щ., 47), *«Но литературный язык я не помню уже. Свой диалект только, на котором в деревне разговариваем. Вот это я воспринимаю. А вот в Канаше услышала у водителя передачу. Думаю: «Что это за язык?», Даже не понимаю! Тем более, это культурные передачи, они же стараются литературно разговаривать. Как-то я не поняла сперва!»* (Лилия Е., 36), *«Я общаюсь, у меня есть общение определенное на языке. Конечно, я уже начинаю осознавать, что мне тяжело читать на чувашском языке. Когда я вижу в деревне газеты какие-то, мне тяжело читать, и я не хочу читать. И поэтому не читаю — тяжело.*

Мне лучше почитать на русском ту же чувашскую газету, но на русском которая, чем на чувашском» (Елена Т., 34). Некоторые даже испытывают страх: «Есть страх. Появился пять лет назад, когда я поняла, что мой словарный запас чувашского языка понемногу иссякает. Была очень смешная история, когда мы с подругой долго не могли вспомнить, как будет “заяц” на чувашском. Мне стало безумно стыдно, и я поняла, что надо разговаривать. И я стараюсь не забывать. Тогда же пришлось обратиться к другу по интернету, чтобы вспомнить, как будет “заяц”. Испугалась, потому что я не использую эту речь так часто, эти слова так часто. Поэтому могу что-то забыть. Они понемногу забываются» (Алина, 27), «Страх есть, конечно. Не практикуешь если чувашский» (Дмитрий Т., 24).

Для того, чтобы сохранить язык в условиях диаспоры, по мнению респондентов, требуется общение на чувашском. Одни имеют возможность общаться на чувашском в Московском регионе: *«Страх нет, стараемся не потерять, здесь в принципе много родственников у нас, это был приоритет» (Наталья С., 32), «Ну, родной язык — есть родной язык. Я не потеряю, потому что я все время общаюсь по-чувашски. Песни по-чувашски пою. Всегда. Я никогда не забуду свой язык. Никогда! Я любой чуваша поставлю на тупик песнями.. никто не знает, сколько я песен знаю» (Петр М., 71), «Ну, я знаю, что его не забуду. И у меня есть на работе, с кем посекретничать на чувашском. Мой коллега на это активно отзывается» (Татьяна И., 35), «Когда на родину приезжаю, с соседями — на чувашском. Они прям удивлены были: “Ой, ты не забыла чувашский язык!”. Я говорю: “Как я забуду? У меня родной брат здесь живет. В Москве. Сестра у меня двоюродная, одна, вторая. У сестры двоюродной муж тоже с нашей же деревни”. В общем, есть с кем здесь поговорить» (Мария Л., 63). Другие поддерживают связь с родственниками на малой родине: «Нет, не боюсь. Я потому что часто общаюсь на чувашском. И по телефону с матерью. Мы часто созваниваемся. С братьями, с сестрами. С друзьями. Все на чувашском» (Станислав Г., 32), «Страх для меня самой нет, так как общение с родителями поддерживается. Чтобы слова забыла — такого со мной еще не было!» (Татьяна Ю., 33), «Нет, не растеряю язык. Я же вырос с ним. А сохранить как? Чаще в Чувашию ездить, к родственникам» (Сергей И., 47), «Русский — мой родной. Но так как чувашский — это родители и культура, я хотел бы его*

сохранить, у меня есть какой-то уровень языка — он ниже не станет, потому что я езжу в Канаиш, его там употребляю» (Владимир Н., 58). Третьи, как активные, так и пассивные билингвы, особенно представители младших когорт, полагаются на современные телекоммуникации, предоставляющие широкие возможности для поддержания языка: «Страх нет, тем более, что к этому более позитивное отношение в связи с развитием современных технологий, люди повсюду стали с появлением интернета» (Татьяна А., 32), «Нет, я не могу его забыть! Сейчас трудно забыть: сейчас есть интернет, и молодежь более трепетно стала относиться, особенно деревенская» (Дмитрий М., 29), «Теперь сохранится, у меня возможностей больше, я более грамотный стал, в первую очередь — интернет. Очень много ресурсов появилось» (Андрей Е., 30).

3. Сохранность этнического языка во втором поколении диаспоры

Как выяснилось в ходе обследования, межпоколенная передача чувашского языка в семье в Московском регионе достаточно слабая. На вопрос о том, какой язык/какие языки могут понадобиться в будущем детям, среди 85 представителей первого поколения диаспоры были получены результаты, которые мы приводим в таблице 1.

Таблица 1.

Язык/языки	20–30	31–40	41–50	51–60	61–84
русский		4,3 %		48 %	79 %
русский и чувашский	12 %	9,0 %	30 %	24 %	7 %
русский и английский	47 %	43,4 %	40 %	19 %	7 %
русский, чувашский, английский и другие иностранные языки	41 %	43,4 %	30 %	9 %	7 %

Самое старшее поколение в выборке (лица старше 60 лет) в подавляющем большинстве (79 %) считает приоритетным знание русского языка. Лица 50–60 лет приоритетным назвали в основном (48 %) русский язык, однако здесь появляются практически равнозначные по количеству варианты: необходимо знание «русского и чувашского языков» (24 %) или «русского и английского» (19 %). Представители когорты 41–50 лет практически равнозначно расставили приоритеты между различными вариантами с небольшим

перевесом в категории «русский и английский» — 40 %, тогда как в остальных вариантах по 30 %. Респонденты 30–40 лет считают равноценно необходимым знание либо «русского и английского» (43,4 %), либо «русского, английского и чувашского» (43,4 %). Представители когорты 21–30 лет делают ставку на английский и русский языки (47 %), но значительна доля тех, кто отмечают важность знания чувашского наряду с другими языками (41 %). Таким образом, позиции чувашского языка, а значит и его престижность, усиливаются в младших возрастных когортах, однако, как правило, респонденты еще либо не обзавелись детьми, либо имеют детей младшего возраста, и утверждения о необходимости знания тех или иных языков могут носить скорее декларативный характер.

Как стало очевидно из языковой биографии респондентов второго поколения, в большинстве случаев (73 %) в детстве родители всегда разговаривали с ними по-русски, с одной стороны, вследствие болезненного языкового опыта в прошлом — собственного (*«Родители между собой говорили на чувашском, но они в принципе были не против, чтобы я освоила чувашский язык. Ну вот сама по себе. Но у меня не получалось, а они говорили: “Ну ничего страшного! Мы когда в восьмом классе поехали в районный интернат жить, над нами русские смеялись, то что мы не умеем хорошо говорить по-русски. У нас очень плохой русский язык был”*». Вот. То есть в этом плане.. у них была такая мысль, что они как бы не особо хотели, чтобы я говорила на чувашском как на родном. Русский для них был важнее» (Татьяна С., 27) или опыта со старшими детьми (*«Мои родители всегда говорили друг с другом по-чувашски, им так удобно, он у них родной язык. А со мной — по-русски. Везде. С моими сестрой и братом — тоже, конечно. Но они уже выросли, они другое поколение, я с ними особо не жил. Ситуация, в общем, была такая, что они-то (старше меня на 13 и 12 лет) родились еще в деревне. И родной язык, по крайней мере, у сестры, был чувашский. Ну и у брата.. когда ему было два-три года, тоже начиналось на чувашском. А потом, когда переехали, началось с того, что брата, который в детском саду что-нибудь случайно скажет по-чувашски, начали сильно дразнить, в общем, родители, желая ему добра, переучили и сестру, и брата полностью на русский. А меня они даже не начали учить. Это был такой шовинизм, абсолютно распространенный в нашей стране, на бытовом уровне.. что в принципе нельзя говорить на своем языке» (Александр С., 25).*

Те, кто пытался практиковать чувашский в семье и в Московском регионе (27 %), вскоре сталкивались с трудностями, как только ребенок начинал посещать дошкольное учреждение, и были вынуждены отказываться от подобного эксперимента в пользу употребления исключительно русского языка во внутрисемейном общении: *«Когда я был маленьким, родители часто на чувашском разговаривали, а теперь — на русском. Их в саду или в школе, наверное, отругали, то что.. из-за этого, наверное, у меня по русскому были плохие оценки, и им сказали больше разговаривать на русском. Не знаю, правда, как они на мой русский язык... влияли, но так учителя решили!»* (Алексей А., 32). В период обучения респондентов в школе внутрисемейное общение на чувашском снизилось до 13 % за счет роста общения исключительно на русском языке (87 %) (см. таблицу 2)

Таблица 2.

Внутрисемейное общение / язык	чувашский	русский	чувашский и русский
в детстве до школы		73 %	27 %
в период обучения в школе		87 %	13 %

В Московском регионе доминирующим языком общения является русский язык, использование чувашского языка среди представителей первого поколения, активных билингвов, тяготеет сугубо к семейно-бытовой сфере, к дружескому общению, как правило, с людьми более старшего возраста или с ровесниками, почти никогда с детьми. *«С супругом тоже на чувашском, даже в Москве. Потому что он... у него принципиальная позиция. До знакомства с ним я всегда больше, то есть даже в семье мы вдвоем с сестрами разговаривали больше по-русски, здесь в Москве. Ну, так по привычке сложилось. Когда познакомилась с ним, а он — у него принципиальная позиция, он не любит без необходимости острой по-русски разговаривать. У него в приоритете чувашский язык. Если человек хоть сколько-то понимает по-чувашски, он будет с ним разговаривать по-чувашски, принципиально не будет по-русски разговаривать. Если я вдвоем с дочерью Машей, я разговариваю с ней на русском. Втроем мы разговариваем по-русски. С ней он разговаривает по-русски. Это потому что он привык с ней разговаривать по-русски, это, скорее всего, вопрос привычки. И уже поэтому...*

мы с ней привыкли изначально по-русски разговаривать, и поэтому общение с ней у нас идет по привычке на русском. Автоматически. Это мы даже не задумываемся. Он всегда говорил: “Вот сначала пусть по-русски начнет разговаривать, русский выучит, а потом обязательно начнем обучать чувашскому языку”» (Татьяна Т., 36), «Дома я с сыном на русском, но на чувашском между собой с мужем, но сын понимает, если на чувашском к нему обращаешься. Но, конечно, наши дети, вот у друзей тоже, в основном на русском разговаривают уже» (Эльвира Е., 37).

Между тем чувашский, не являясь средством регулярного общения между родителями и детьми, играет немаловажную роль: в семейно-бытовом общении в 46 % случаев в выборке чувашский язык используется представителями первого поколения в конспираторной функции, в том числе в отношении собственных детей: *«Если мы хотим что-то сказать друг другу, чтобы дети не поняли, то это на чувашском можем сказать. Да, специально! А если нет такой цели, то при детях мы всегда на русском»* (Елена Т., 34). Во втором поколении 27 % опрошенных упомянули чувашский язык в связи с его использованием в качестве тайного языка, указав на его связь с тайной или секретом. Одни из них владеют чувашским достаточно активно: *«Если секрет какой-то надо сказать с мамой, я тогда на чувашском языке, чтобы муж мой не понял! В общем, когда по секрету надо сказать, я сразу на чувашский перехожу! Это у нас как-то все уже понятно, принято»* (Ксения В., 46), другие — пассивно: *«Чувашский — я его понимаю, но я как бы я не разговариваю. Но хорошо, что я его понимаю, он мне интересен, он мне он нужен! Ну, чтобы понять, что, может, от меня родители скрыли что-нибудь»* (Татьяна Л., 35).

Респонденты, назвавшие чувашский в числе языков, которые могут понадобиться в будущем им или их детям, частично свой ответ мотивировали следующим образом: *«Язык родителей и бабушек и дедушек чтобы понимать»* (Евгений, 32), *«А чувашский — он нужен чтобы знать, поддерживать свои традиции, корни знать. Как бы для культурного роста дальше, чтобы человек знал свои корни и свой язык»* (Татьяна Т., 36), *«Потому что свой род, свою нацию, свою традицию, свою культуру нельзя забывать»* (Надежда Л., 53).

Однако по разным причинам (нехватка времени, школьное обучение в Московском регионе полностью на русском языке, повсеместная распространенность русского языка, необходимость

изучать иностранные языки) детям не передают в семье чувашский язык. Кроме того, сохраняются стойкие стереотипы относительно двуязычия, ценности которого, видимо, едва ли осознаются большинством членов чувашской диаспоры, в том числе и молодыми ее представителями. *«Дети стали бы чувашский учить, если бы русский уже выучили»* (Надежда И., 22). Наконец, устойчивой представляется связь чувашского с деревенским укладом жизни, малообразованностью, а значит, низкой является его престижность для городского жителя. *«Зачем чувашский нужен? Просто человек, который знает чувашский, по крайней мере, это мое субъективное мнение, он сразу обладает диалектом. Я не знаю, почему это происходит, но даже молодежь, которая хорошо знает чувашский, это сразу видно! У них такой акцент! Даже если они как бы... стараются его не показывать, это все равно заметно, когда человек знает чувашский. Вот по крайней мере я сразу определяю! Вот что-то такое деревенское, я считаю, по крайней мере, в отношении чувашского языка»* (Ирина О., 33).

4. Роль чувашской деревни в передаче этнического языка

Первостепенная роль в трансмиссии этнического языка, по мнению опрошенных, принадлежит чувашской деревне. *«Пока есть чувашская деревня, мы можем быть спокойны за родной язык»* (Анатолий Я., 58), *«Язык — это важно. Пока есть Чувашия, пока в деревнях на чувашском разговаривают, страха нет»* (Дмитрий М., 33). Респонденты, кажется, с детства усвоили модель, согласно которой уроженцы городов и поселков Чувашской Республики, в городской среде использующие русский язык, могли освоить чувашский язык — хотя и в неполном объеме, — находясь в чувашской деревне во время летних каникул.

Более старшие представители чувашской диаспоры, как показал опрос, в прошлом отправляли детей в деревню скорее из практической необходимости, не преследуя особых «лингвистических» целей; знание детьми чувашского языка никогда не было для них приоритетным. *«Нет, здесь в Москве русский, а чувашский, конечно, они летом в основном уезжали к бабушке, они понимали. Да, но разговаривать — не говорили, но разговор понимали, целое лето когда жили. Я говорю тогда: “Понимаете?”, они мне: “Я, например, понимаю бабушку, дедушку понимаем, о чем говорят”*. Ну, бабушка

с дедушкой в основном, конечно, по-русски говорили, мы всегда при детях по-русски говорили. Вот как-то общение такое... Ну и бабушка, у жены-то моей, они учителя. В принципе, на русском в основном: люди же образованные! Поэтому дети мои, они все дополнительно иностранный язык учили, все. Не чувашский, конечно!» (Леонид П., 62). «Дети мои 1978 и 1980 года рождения. Чувашский язык они не хотели, но иногда спрашивали, как это переводится по-чувашски. Но дальше этого не пошло. В деревню отправляли, но с чувашским они не возвращались! Но им нужно знать — английский — очевидно. Всенародный. Везде двери открыты. А чувашский... ну чувашский — это так, между собой только... Как говорится, кто свой язык забывает, тот мертвый человек» (Вячеслав У., 60).

Респонденты более младших когорт, в настоящее время отправляя детей на лето в деревню, тем не менее отмечают важность подобных «лингвистических стажировок» и погружения в языковую среду в чувашской деревне.

Успехи в овладении чувашским, по мнению опрошенных, всецело зависят от количества времени, проведенного с носителями языка в деревне. *«В деревне это происходит совершенно естественным образом. Потому что ребенок слышит речь у бабушки дома, пока там живет. Допустим, бабушка разговаривает с прабабушкой, они между собой разговаривают по-чувашски. Бабушка спрашивает у моей мамы, допустим, что-то, а прабабушка не слышит, и Маша отвечает вместо бабушки. Или она подбегает уже и говорит, повторяет за бабушкой: “щи”, “ешь”, “принеси” на чувашском. Даже если с ней разговариваем по-русски, но она вставляет фразы чувашские. Она живет с марта месяца по июль сейчас. Также в саду там параллельно идет общение на чувашском и параллельно на русском, сразу два языка идут параллельно. И они, дети, естественно, с малых лет знают и русский, и чувашский. То есть, конечно, так как она живет в Чувашии, у нее этот процесс идет интенсивнее» (Татьяна Т., 36).*

Неоднократно в процессе опроса респондентов доводилось слышать о том, каким образом дети проявляли интерес к чувашскому языку, находясь в чувашской деревне. *«И дети, конечно, там чуть-чуть тоже были заинтересованы в чувашском языке. Особенно сын. Он у меня даже тетрадь завел, он писал, вот бабушка ему все слова говорила. Бабушка его обучала чувашскому языку, и у него по сегодняшний день сохранилась эта тетрадь, да.*

Вот если дочь у меня чуть-чуть, а сын у меня много чего знает! Но когда разговорной речи нет, естественно, не так язык запоминается» (Анатолий Г., 73). Приведем свидетельства респондентов второго поколения: *«Когда мы ездили в Чебоксары, иногда дедушка с бабушкой, по маминей линии, они разговаривали на чувашском. И сестры дедушки тоже. Да, в детстве мне было интересно! Я училась считать до десяти, какие-то слова пыталась узнать, книжки там смотрели, мы покупали. Мне было интересно смотреть на эти вот буквы, как бы... читали сказку “Нарспи”, так что... это было! Было интересно. В детстве вообще мне много было что интересно, и это — чувашская культура — в том числе! Я думаю, что все, чем я интересовалась, мама сразу подхватывала и предоставляла мне полную информацию по этому поводу»* (Ксения С., 35), *«Я чувашского не знала, когда приехала. Ни одного слова. Была в шоке, будто за границей. Маму все в бок тыкала: “Мама, ну скажи, ты чего мне по-иностранному разговариваешь? Чего вы говорите?”. Потом я на каникулах научилась с детьми разговаривать, мне было обидно, но я быстро схватывала. Кушак-кошка, было мое первое слово. Там я и узнала»* (Людмила О., 46), *«До четырех лет я вообще говорила только на чувашском! Дело в том, что как раз тот период, когда ребенок начинает разговаривать, мы поехали к бабушке. И вот так получилось, что когда приехали обратно в Москву, я не умела разговаривать по-русски! То есть я научилась только в садике. В четыре года меня отдали в садик. И мне вообще очень приятно, что так все получилось. В садике никакого стресса не было, потому что все равно дети быстро друг друга понимают. У меня вот брат есть родной, младший, он тоже знает чувашский язык, он разговаривает. Мы каждый год отдыхаем у бабушки в Чувашии. И вот бабушка наша она всегда была рада, что мы его знаем, язык, что мы на нем разговариваем. Мы всегда говорили»* (Ольга Д., 28).

Респонденты, которые, напротив, не так часто бывают с детьми на малой родине, вынуждены констатировать следующее: *«Когда Анфиса родилась, мы еще сказали, что постараемся, чтобы она чувашский знала обязательно. Хотя бы понимала. Но достичь этого практически сложнее, потому что мы не оставляем ее там. Вот если бы, может, на три месяца оставляли, тогда вот, а так вот месяц — маловато. Она знает “Я тебя люблю”, а другие слова... “кошка”, “собака” пока не знает. Но в целом, мы очень*

хотим, чтобы она знала» (Наталья С., 32); «Чувацкий тогда хороший, когда общение не ограничено, в деревне. Чувацкий у детей, конечно, слабенький, мало бывает. Старший понимает что-то, разговорную речь, “подай”, “принеси”, в игре какие-то моменты. Но интереса у него к этому особого нет, обходится там русским» (Татьяна Ю., 33). «Вопроса не стояло в нашей семье, жена у меня русская, дети, к сожалению, чувашского языка не знают. Только пару слов. “Спокойной ночи”, например. Мало ездим. А дети — они ведь быстро схватывают, когда приезжают, общаются. Мы мало ездили, служили, на деревню мало времени оставалось. Но это мое упущение, моя вина в этом. Признаю, что мои дети мой родной язык не знают. Два года назад в последний раз были, бабушка с внуками на ломаном русском общается, у нее чувашский в основном, русский у нее не чистый, но для общения с внуками хватает. Ну и русский там все знают с малолетства. Сейчас же телевизор, интернет, ну и сами они, к сожалению, чувашским не интересуются» (Сергей И., 47 лет).

По наблюдениям некоторых респондентов, русскоязычные дети скорее становятся в чувашской деревне очагом распространения русского языка и культуры: *«Когда я в детстве бывала в чувашской деревне, на родине родителей, сложилась такая ситуация, что мамина подруга, чтобы ее дочь знала русский язык... в общем, благодаря мне та выучила русский язык в совершенстве. В чувашской деревне в компании я транслировала русский язык и культуру» (Анна А., 40).*

Дети, которые проводят достаточно времени в Чувашии и погружены в языковую среду в деревне, в какой-то мере усваивают базовый уровень чувашского, в результате возникает парадоксальная ситуация: родителям не столь успешно удается применять чувашский в конспираторной функции в Московском регионе. *«Допустим, я хочу сказать то, что я бы не хотела, чтобы дети услышали, тогда мы с мужем начинаем на чувашском общаться, а сын кричит: “А почему так?!”. А он-то понял!» (Ольга Т., 32). «По-чувашски разговариваем дома, чтобы дети не поняли. Это часто бывает! Но старшая понимает и может тебе и в ответ дать! А младшая пока еще... но я думаю, что она тоже понимать начинает, потому что... Буквально недавно в Чебоксары, в деревню, в Красночетайский район к сестре приезжали, мы с ней на чувашском языке разговаривали, она поняла, что моя сестра выходит*

корову доить. “Я, — говорит, — тоже с тобой пойду, тетя Лида!”. Но сказала по-русски. Если вот мы чаще будем ездить в Чебоксары и в деревню, конечно, она будет знать чувашский язык» (Маргарита Е., 43). «С мужем по-чувашски, если жалуешься на детей. Сейчас старшая начинает понимать, в деревню ездим, а раньше очень удобно было! Иной раз я думаю, учить ли ее чувашскому языку. Ведь будет все понимать тогда!» (Наталья С., 32).

5. Курсы чувашского языка в Москве

Другим средством овладения чувашским в условиях диаспорного проживания в полилингвальном пространстве города при крайне слабой межпоколенной передаче этнического языка в семье представляются языковые курсы. Курсы по изучению чувашского языка в течение ряда лет функционируют при Полномочном представительстве Чувашской Республики в Москве, занятия организованы в группах по уровням и проводятся бесплатно по воскресеньям.

В нашем исследовании респондентам первого поколения, имеющим детей (58 человек в выборке), был задан вопрос о том, хотели бы они, чтобы в Москве преподавался чувашский язык. Полученные результаты выглядят следующим образом:

Таблица 3.

Ответ	20–30	31–40	41–50	51–60	61–84
да	50 %	62 %	70 %	63 %	21 %
нет	—	15 %	10 %	21 %	29 %
все равно / затрудняюсь ответить	50 %	23 %	20 %	16 %	50 %

В целом, реакция на вопрос о преподавании чувашского языка была в выборке положительной (53 % от выборки), даже если респондент до сегодняшнего дня *«как-то не задумывался об этом, но пусть преподают, ведь чуваш должен знать свой язык»* (Вячеслав У., 60), *«Молодцы! Хорошая инициатива!»* (Алексей В., 29).

Дополнительно тем респондентам, которые с энтузиазмом восприняли идею о преподавании этнического языка (31 человек), был задан вопрос о том, отправили бы они туда своих детей изучать чувашский язык. Рассмотрим полученные данные в таблице 4.

Ответы респондентов в выборке можно разделить на три категории.

Таблица 4. В графах по когортам приводится количество ответов респондентов

Ответ	20–30	31–40	41–50	51–60	61–84
да		3	2	1	1
нет		3	2	1	1
затрудняюсь ответить	1	2	3	10	1

Первая категория, довольно немногочисленная (22,5 % в выборке), включает чувашей, которые положительно относятся к идее преподавания чувашского языка в Москве или области и были бы не прочь отправить туда своих детей: *«Я был бы доволен, если бы были курсы, я бы ребенка с удовольствием туда, чтоб он изучал его. Я хочу, потому что он сам говорит: “Я чувашин”. Хотя он родился здесь, но когда у него спрашиваешь: “Ты кто?”, он говорит: “Я — чувашин!”»* (Станислав Г., 32). Другие, в общем положительно относящиеся к подобной идее, оставляют выбор за своими детьми, если они достаточно взрослые: *«Ну ради Бога, пусть развиваются! Почему бы не развиваться? Никому учеба не мешает! Ей самой решать!»* (Вера А., 54).

Наиболее многочисленной оказалась категория лиц, в целом одоббившая идею преподавания языка, но затруднившаяся с ответом применительно к своим детям (54,8 % в выборке). Причины затруднения для них заключаются в том, что *«трудно представить себе, как возможно собрать всех людей в одном месте»* (Лев, 44); *«сына бы не стал возить: мы далекоато живем»* (Олег З., 42). Итак, с одной стороны, транспортные проблемы и удаленность от центра — наиболее распространённое препятствие, с другой стороны — возраст детей, особенно если дети уже взрослые, повлиять на мнение которых достаточно трудно: *«Я очень положительно отношусь, но у меня дочь. Дама почти, двадцать один год. Мое мнение, может, и есть. Язык ведь любой — это целый мир! Но она считает, что... Я пытался дочь много раз возить на родину, особенно в детстве. Но пока у нее такое состояние, что она считает, что ей это не нужно. Этот язык. Может быть даже... ей было любопытно в какой-то период времени. Я ей тогда покупал книжки, про историю Чувашии там... ну на русском, с картинками. Она интересовалась. Ну, я думаю, это лично мое мнение. Здесь менталитет у людей тот, что... она тоже иностранный язык изучает, она учится на четвертом курсе на преподавателя английского языка.*

Но я так думаю, что когда-нибудь... ну не знаю... а сейчас, может, у нее такая среда, какие-то другие интересы» (Владимир Н., 58).

Самой интересной, впрочем, является третья категория (22,5 % в выборке): респонденты с энтузиазмом отозвались об идее курсов, однако своих детей конкретно туда отправлять на обучение не намерены, поскольку препятствием для посещения курсов является, по мнению некоторых, собственно чувашский язык: *«Я, наверное, не хотела бы, потому что чувашский язык достаточно сложный. Очень много сложных слов. Литературный сложный. Разговорный — он несложный, а литературный — он сложный. Поэтому те слова, которые используются в литературе, они не укладываются в голове у ребенка — сложно. Поэтому говорить о том, чтобы он его здесь учил, вот этот язык — я бы не настаивала. И даже, наверное, сказала бы, наверное, чтобы он его не учил. Но чтобы он знал, я бы хотела. Потому что для меня это важно»* (Татьяна И., 35).

Резюмируя типичное отношение родителей к изучению детьми чувашского языка вообще и конкретно методам приобщения к языку, приведем следующие выдержки из бесед: *«Нормально, что преподают здесь где-то чувашский язык. А своих детей, в принципе, — нет, не отправила бы. Это не востребовано, это нужно только, если там, в Чувашии»* (Ирина Л., 50). *«Хотели бы Вы, чтобы преподавался чувашский язык? — Да, здорово! — А сына бы отправили? — Ну я вот задумываюсь, нужно ли для него вот это вот... изучать именно чувашский язык. Я с его стороны такого сильного интереса не вижу, для общения — в деревне, с детьми, с ровесниками — он и так ездит на каникулы в деревню и общается. И дети с ним на чувашском общаются. Для него это как-то достаточно пока. Ну а курсы — если это кому-то необходимо»* (Эльвира Е., 37).

Наконец, те, кто выступил вообще против идеи преподавания чувашского языка в Москве (19 % в выборке), свое решение мотивировали крайней его невостребованностью, ненужностью, связью с деревенским укладом жизни, трудностью в изучении, общей распространенностью русского языка в Москве и необходимостью изучения иностранных языков. *«Ну а что — чувашский язык? А что делать чувашским языком? Они же деревню не едут?»* (Петр М., 71), *«Я вообще не вижу целесообразности этого. Потому что... язык не распространен. В принципе, да. И кому нужен язык, они общаются на этом языке и могут изучить. А чтобы в Москве — это*

совершенно не нужно делать» (Елена, 34), «Я как бы не вижу смысла! Общаются-то все на русском, как бы общепринято. Чувашский язык — он очень тяжелый, изучать-то его. Особенно грамматика, трудно мне в школе казалось» (Аркадий П., 51), «Для меня лично в этом никакой перспективы нет. Переезжать в Чебоксары я не собираюсь. А изучать тут язык, который не будет иметь практики — в этом нет никакого смысла, да. Ну а те, кто ходит учить чувашский язык: они что, уже знают английский язык? Знают уже французский язык?» (Вячеслав Л., 62).

В выборке 2 % опрошенных в первом поколении и 20 % во втором имеют непосредственное отношение к курсам. В первом поколении в выборке чувашский на курсах изучают уроженцы городов, райцентров и поселков Чувашской Республики, которые в свое время не изучали чувашский язык в школе: «В то время вообще стеснялись чувашского. Даже если приезжали из деревень, то в основном старались говорить на русском. На курсах я оказался, потому что просто чувствовал какой-то дискомфорт, что не знаю чувашского языка. Ну вернее... не “не знаю”, а “плохо знаю”. При чем такого дискомфорта в молодые годы я не испытывал. У меня такое после сорока началось. Корни свои узнать» (Александр М., 44). «Я на курсах сейчас сам: хожу в школу! Потребность возникла в связи с тем, что отец — чувашский композитор, изучая его песни, у меня появились затруднения в чувашском языке. А надо дословно знать, чтобы понять смысл этих песен, к столетию отца готовил программу на радио. Это была необходимость, понял, что чувашу по национальности надо обязательно знать свой родной язык» (Юрий Ч., 63). По словам одного из непосредственных организаторов и преподавателей курсов, «это осознанно приходящие люди, и поэтому с ними работать легче. То есть это не то что школа в городе, обязателька, когда тебе родители говорят: “Зачем ты учишь этот чувашский? Когда еще он тебе пригодится?”. Естественно, это уже в подсознании ребенка откладывается, что да, чувашский язык — это язык второго сорта, это язык, с которым нет будущего у тебя, причем нигде. Нет интереса, значит. А если нет интереса, то и не учится язык. А здесь — наоборот. Интерес есть у ребят. Абсолютный» (Евгений С., 31).

Во втором поколении в выборке изучающие чувашский на курсах — «это дети тех родителей, которые не передали язык, либо оба родителя — чуваша, либо один из них. В любом случае, они,

к сожалению, не передали язык. И дети очень хотят его выучить и интересуются» (Оксана А., 25). Один из респондентов, представитель второго поколения диаспоры, заявил в интервью: «Я пришел на курсы чувашского, потому что... Люди обращаются к своим корням, когда... ну когда как бы... зов души. Когда наступают трудности в жизни, тогда зов души и происходит!» (Андрей Ж., 49). Более того, кажется, «очень много родителей, которые хотели бы в Москве детей чувашскому обучить. Это из тех, кто переехали в свое время, когда им было по 25 лет в Москву. Здесь они, собственно говоря, устоялись, здесь дети родились. В принципе, у них русский язык уже. Но к нам они приводят детишек, чтобы чувашский изучать, но для них нужна отдельная группа» (Евгений С., 31). Эти замыслы осуществились в 2016 году, когда была открыта группа для детей.

В настоящий момент, однако, в рамках проекта функционируют лишь две группы, одна общая для взрослых, другая — для детей в силу крайней загруженности единственного преподавателя по основному месту работы, никак не связанному с курсами. Помимо этого, по инициативе преподавателя курсов чувашского языка функционирует разговорный клуб чувашского языка «Аванклуб», задачами которого являются «знакомство с единомышленниками, интересными людьми, приглашенными для проведения лекции; пополнение лексики путем проведения игр на чувашском языке; совместный просмотр фильмов; обсуждение интересных и актуальных тем на чувашском языке» (Оксана А., 25).

Удивительным, впрочем, является даже не интерес и активность представителей второго поколения диаспоры, а отношение родителей, мигрантов первого поколения, к тому, что дети неожиданно проявляют интерес к чувашскому: «Раньше дети не особо учить хотели. А сейчас дочь говорит: “Мам, ну как так, ты сама из Чувашии, а чувашского языка не знаешь!”. И сын тоже, что, мол, языка не знает, а я ему говорю: “Всё в твоих руках, сынок, учи!”. Но мы, родители, не виноваты, мы прожили в поселке, там по-русски все разговаривали» (Ирина Л., 50). Или отношение родителей к тому, что дети самостоятельно взялись за изучение чувашского языка. Приведем некоторые выдержки из бесед: «На курсах я оказался, потому что мне интересно. Мне интересен стал язык. Я сначала сам стал учить, нашел самоучитель, потом искал, где можно позаниматься. Узнал, что курсы проводятся здесь.

Пришел сюда. И не разочаровался! Но папа не очень хочет практиковать язык со мной... Ну он ничего не объясняет, он у меня вообще не очень разговорчивый» (Сергей И., 25), «В принципе, меня всегда интересовала наша культура и чувашский язык. И так или иначе я что-то пыталась читать, и однажды на одном из мероприятий чувашских вышли люди и сказали, что вот будут курсы. Я уже очень давно хожу... Но как ни странно, родители отнеслись довольно равнодушно и скептически. Вот, делать тебе нечего, с ума сходишь, как-то так. Ну вот папа до сих пор говорит, что у меня очень странное произношение, и как-то в принципе.. в этом плане он не идет мне навстречу. И я это скорее для себя делаю» (Татьяна С., 27). Те же, кто пытается практиковать чувашский, освоенный в рамках курсов, с родителями, вынужден констатировать следующее: «Ну стараюсь знания применять! Родители к этому относятся в принципе положительно. Вот... Но из-за того, что я могу говорить банальные вещи.... То быстро переходим на русский, ну чтобы более... там диалог получался» (Александр М., 44).

В заключение приведем слова преподавателя курсов: «Самое главное — это практика языка в семье, важно учить язык со своими детьми дома, тогда и курсы никакие не понадобятся, чтобы изучать чувашский как иностранный!» (Оксана А., 25).

6. Выводы

В результате обследования стало очевидно, что в выборке респонденты первого поколения чувашской диаспоры в Московском регионе в основном не испытывают опасений по поводу возможной утраты этнического языка в силу, с одной стороны, частых языковых контактов с малой родиной, с другой стороны, ввиду широкого использования современных телекоммуникаций. Проблема сохранения этнического языка касается в основном второго поколения, поскольку межпоколенная передача чувашского в семье достаточно слабая: в Московском регионе активные билингвы используют чувашский в сферах межличностного общения (бытовое, внутрисемейное, дружеское), как правило, с ровесниками или людьми более старшего возраста, почти никогда — с детьми в коммуникативной функции; в отношении последних чувашский употребляется ими скорее в конспираторной функции.

Надежды, которые члены диаспоры первого поколения возлагают на чувашскую деревню в передаче детям этнического языка, в некоторой степени оправданы, однако уровень приобретенных знаний, по мнению респондентов, напрямую коррелирует с временем пребывания в деревне; более того, нередки случаи, когда респонденты второго поколения в чувашской деревне становятся скорее очагом распространения русского языка.

Идея организации курсов по изучению чувашского языка как один из способов поддержания языка в диаспоре в целом была одобрена респондентами, однако в большинстве своем опрошенные затруднились с ответом на вопрос о том, стали бы конкретно их дети посещать подобные курсы, а некоторые и вовсе ответили отрицательно, указав на трудности в освоении чувашской грамматики. Активная позиция некоторых членов диаспоры во втором поколении, посещающих курсы, вызывает скорее недоумение у их родителей, этнических чувашей.

Таким образом, декларируя важность знания чувашского как языка своих корней, малой родины, родители на деле не прикладывают усилий и не оказывают поддержки детям в вопросе изучения этнического языка.

Литература

- Иванов 2005 — В. П. Иванов. Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2005. [V. P. Ivanov. *Etnicheskaja geografiia chuvashskogo naroda. Istoricheskaja dinamika chislenosti i regional'nye osobennosti rasseleniia* [Ethnic geography of Chuvash people. Historic dynamics of population and regional peculiarities of settlement]. Cheboksary: Chuv. Kn. izd-vo, 2005].
- Михальченко 2006 — В. Ю. Михальченко (отв. ред.). Словарь социолингвистических терминов. М.: Институт языкознания РАН, 2006. [V. Ju. Mikhali'chenko (ed.-in-chief). *Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov*. [Dictionary of sociolinguistic terms]. Moscow, Institut Iazykoznanii RAN, 2006].
- Фомин 2016 — Э. В. Фомин. Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. С. 824–833. [E. V. Fomin. *Iazykovaia situatsiia v Chuvashii* [Language situation in Chuvashia] // *Iazyk i obshchestvo. Entsiklopediia*. Moscow: Izdatel'skii tsentr Azbukovnik, 2016. P. 824–833].

Источники

Всероссийская перепись населения 2010 года [электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itoqi1612.htm (дата обращения 15 января 2018 года). [Vserossiiskaia perepis' naseleniia 2010 goda [Russian State Census of 2010] [online resource]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itoqi1612.htm (access date 15.01.2018)].

О. А. Леонтович

*Волгоградский государственный
социально-педагогический университет, Волгоград —
Тяньцзиньский университет иностранных языков, Тяньцзинь*

«ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО» ГОРОДА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ¹

1. Введение

Настоящая работа написана в контексте современной стремительно развивающейся области исследований, которая в англоязычной науке называется термином *urban studies*. Она объединяет представителей различных дисциплин: архитекторов, социологов, политологов, специалистов по теории коммуникации и т. д. В ней выделяется мощное социолингвистическое направление, позволяющее выявить роль различных семиотических знаков в формировании облика большого города как экзистенциального пространства.

В российской науке отсутствует устоявшийся термин для обозначения этой области знаний применительно к лингвистике и теории коммуникации. А. Г. Квят, написавшая ряд интересных работ в этом русле [Квят 2013; 2014а; 2014b; 2014с и др.], использует термины «городская коммуникативистика» и «городская коммуникация», что представляется нам не слишком удачным из-за ассоциации с «городскими коммуникациями» (то есть водопроводом, канализацией и т. д.). Мы предлагаем использовать термин «медиаурбанистика», поскольку в нем отражены: 1) принадлежность исследуемой сферы общения городу; 2) использование в ней различных форм и средств коммуникации (*media*).

Цель статьи — рассмотреть наблюдение за жителями городов как распространенную коммуникативную практику и систему семиотических знаков, сопровождающих индивидуума как объект наблюдения.

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17–29–09114.

2. Парадигма и методы исследования

В рамках медиаурбанистики город трактуется как: 1) самостоятельная коммуникативная система, совмещающая в себе разнообразные каналы, формы и средства человеческого общения и оказывающая комплексное воздействие на формирование и развитие социума; 2) дискурсивное образование («текст» в широком смысле этого слова); 3) маркер личностной и коллективной идентичности; 4) контекст коммуникации; 5) совокупность символических, материальных и технологических средств связи; 6) источник социального и культурного развития.

Коммуникация фактически представляет собой модус человеческого существования. Медиаурбанистический дискурс отражает динамику развития современного города и государства в целом, что обуславливает своевременность, актуальность и социальную значимость проводимых в этом русле исследований.

В развитии медиаурбанистики прослеживаются два ведущих направления, основанных на разном понимании самого предмета исследования: а) рассмотрение различных «медиа» (кино, телевидения и других СМИ); б) исследование взаимоотношений между людьми, форм их интеракции, социальных и культурных последствий развития коммуникации. Наше исследование делает акцент на втором направлении.

Сосредоточенность на социальных проблемах обуславливает использование критического дискурс-анализа в качестве ключевого метода исследования, восходящего к идеям М. Фуко [Foucault 1977], который изучал репрезентационные свойства дискурса как инструмента власти. В центре внимания оказывается пересечение языка / дискурса / речи / социальной структуры. С точки зрения Н. Фэрклафа, дискурс представляет собой промежуточный уровень между *текстом как таковым* и *социальным контекстом*, который осуществляет связь между внутренними отношениями в тексте и его внешними отношениями [Fairclough 2003: 37]. Он утверждает, что дискурсы не только воссоздают мир в том виде, в котором он существует или видится нам, — они также проективны и изображают возможные миры, отличные от реального — такие, которые говорящие хотели бы создать [Там же: 124]. При этом дискурс обретает способность конструировать социальный мир коммуникантов. Сторонники критического дискурс-анализа, в частности, [Blommaert

2005: 25] полагают, что недостаточно описать социальные функции языка — они должны стать объектом моральной и политической оценки, средством влияния на социум: наделять властью тех, кто ею не обладает, правом голоса тех, кто его лишен, обнаруживать злоупотребления властью, помогать в борьбе с социальной несправедливостью, то есть способствовать активному вмешательству в социальные практики [Леонтович 2011: 105–106].

Второй используемый нами метод — этнографический — представляет собой набор методологических и интерпретативных процедур, предполагающих погружение исследователя в социальную жизнь, которую он изучает [Там же: 46]. В контексте данного исследования он используется для концептуализации разного рода коммуникативных практик (технологических, дискурсивных, интеракционных) и включает комбинированные процедуры рефлексии относительно происходящих в городском контексте социальных процессов.

Важную роль в исследовании также играет семиотический метод, позволяющий рассмотреть медиаурбанистический дискурс с позиций социальной семиотики: контекстуализации знаков в соответствующих социальных системах. Он дает возможность выявить субъект и объект семиозиса (кем создан знак? чье мировосприятие он представляет и чье исключает? кому он адресован? как различается восприятие знака разными индивидуумами и социальными группами?), исследовать означающее и означаемое знака, выявить факторы его контекстуализации (в какой мере время и место определяют интерпретацию знака? как изменение контекста может повлиять на его трактовку?).

Материал исследования включает вербальные и невербальные знаки, отобранные методом сплошной выборки в процессе наблюдения за медиаурбанистическим дискурсом. Именно они выступают в качестве иллюстративного материала в данной статье.

3. Понятие «социальной видимости»

В условиях современного мира городская анонимность, способность затеряться в толпе исчезает или обретает новые формы. Понятие «социальной видимости» (*social visibility*) в последнее время заняло заметное место в работах западных исследователей; при этом оно имеет разные воплощения.

Согласно одному из распространенных подходов, невидимыми считаются доминантные социальные группы, рассматриваемые как норма (например, в США — белые мужчины-гетеросексуалы среднего возраста, принадлежащие к среднему классу). Соответственно, к видимым относятся группы, являющиеся своего рода отклонением от нормы: представители «небелых» рас, женщины, дети, старики, люди нетрадиционной ориентации, бедняки, бездомные и т. д. Как правило, они становятся объектом дискриминации по признаку расы, гендера, возраста, имущественной принадлежности. С лингвистической точки зрения их видимость маркируется вербальным обозначением определенных аспектов их идентичности: *black student* (темнокожий студент), *female driver* (женщина-водитель), *лицо кавказской национальности*, *несовершеннолетний*, в то время как группы, воспринимаемые как «норма», не получают такого обозначения.

Согласно другому подходу, дискриминируемые группы, напротив, рассматриваются как невидимые в силу того, что они не обладают властью и не могут существенно влиять на социальную ситуацию [Anderson, Boyd-Franklin 2000; Brooks, Gelderen, 2008; Scotland-Stewart 2007].

Видимыми могут также считаться лица, коммуникативное поведение которых не вписывается в существующие правила; те, кто неуместен в определенном временном и локальном контексте (пожилой человек на молодежной тусовке; бомж в элитном ресторане; хорошо одетый человек в неблагополучном районе; белый, заметный в толпе китайцев или индийцев и т. д.).

Маркетологи широко используют понятие «видимость» по отношению к агрессивной самопрезентации. Для продвижения продукта сотрудники компаний, желающие обратить на себя внимание, одеваются в броские костюмы — пчёлка (Билайн), животных, Санта-Клаусов и т. д.

4. Тотальное наблюдение как признак медиаурбанистического дискурса

Сегодня, в эпоху развития новейших технологий, проблемы видимости обретают новый смысл, соотносимый с понятием *surveillance* (контроль, наблюдение, надзор) — неотъемлемой частью городской жизни. Мы используем термин «наблюдение» как

ключевой для данного исследования в связи с тем, что он наиболее часто встречается в городских знаках (в большинстве случаев — по отношению к видеонаблюдению). При этом мы отдаем себе отчет, что описываемое понятие предполагает контроль, надзор, слежку как свои составляющие. Оно используется для обозначения бинарных взаимоотношений между субъектами и объектами контроля и применимо к широкому кругу коммуникативных практик: наблюдению людей за людьми (*face to face supervision*), использованию видеокамер и устройств для прослушивания, систем контроля доступа в учреждения, медицинских приборов, биометрической идентификации, электронных приложений, распознавания лиц и голосов, отслеживания коммерческих операций в интернете. Оно не ограничивается рассмотрением лишь участников этого процесса, а также учитывает широкий социальный контекст [Green, Zurawski 2015: 29; Mehrabov 2015: 118].

Изучение наблюдения и контроля (*surveillance studies*) представлено трудами ученых, рассматривающих его в исторической перспективе [Genosko, Thompson 2006; 2009], с политической точки зрения как инструмент власти [Fijnaut, Marx 1995; Goold 2004], как нарушение права на невмешательство в частную жизнь [Rule, Greenleaf 2008; Lyon, Bennett 2008; Bennett 2008] и т. д. Эта тема привлекает специалистов, занимающихся информатикой, юриспруденцией, психологией, криминалистикой, медициной, социологией, философией, антропологией, политологией, теорией коммуникации и лингвистикой. Исследования показывают, что в современном мире «человеческий опыт более визуален и видим для окружающих, чем когда-либо прежде» [Mirzoeff 1999: 1].

Наблюдение на основе идентичности (*identity-based surveillance*) представляет собой социальный феномен, признак нашего времени; оно ведется с учетом расы, этноса, возраста, гендера, профессии, социального положения. Человек является объектом наблюдения и контроля с момента зачатия, когда с помощью УЗИ устанавливают факт беременности; в младенчестве, когда он находится под неусыпным контролем родителей, бабушек, дедушек, няни, в том числе с использованием видеокамер; на протяжении всей жизни, когда осуществляется медицинский мониторинг его тела, обеспечивается его безопасность, контролируется его социальное поведение, выявляются факты супружеской неверности, отслеживаются события его жизни через социальные сети; до самой старости, когда

устанавливаются факты отклонений от физиологических и/или поведенческих норм и необходимость постоянного ухода. Наблюдение ведется на улицах и площадях, в местах проживания людей (дворах, подъездах, лифтах), на рабочих местах, в магазинах, кафе, ресторанах и на развлекательных площадках. Отслеживаются перемещения людей (локальная, национальная и глобальная мобильность) — в общественном транспорте, на вокзалах, в аэропортах, на дорогах. Современные гаджеты способны определить и зафиксировать наше местоположение, даже когда мы передвигаемся пешком.

Хотя в процессе наблюдения индивидум демонстрирует свою индивидуальность, наблюдение также служит для демонстрации коллективных идентичностей [Jones 2005: 592]. Исследование закономерностей и результатов наблюдения позволяет анализировать стратификацию населения, социальное окружение, характеристики районов проживания и т. д.

Наблюдение и контроль меняют характер взаимоотношений людей и порождают этические проблемы. Нарушается максима качества коммуникации: недоверие превалирует над искренностью. Д. Лион отмечает парадоксальность ситуации: желание защитить право на личное пространство порождает вторжение в личное пространство других людей [Lyon 2002: 2].

Возникают своего рода «кибергорода»; стремление достичь безопасности заключает людей в изолированные от окружающего мира пространства, откуда они активно общаются с окружающим миром с помощью многочисленных средств связи, встроенных в их офисы и жилища [Mehrabov 2015: 121].

Наблюдение как коммуникативная практика сопровождается использованием многочисленных семиотических знаков, которые стали неотъемлемой частью современного городского ландшафта.

5. Семиотика наблюдения и контроля в контексте медиаурбанистического дискурса

Семиотические знаки не только указывают на использование видеокamer и иных средств наблюдения — они выступают как средство конструирования соответствующих коммуникативных ситуаций, в составе которых выделяются субъект, объект, место, время, цели наблюдения и контроля, а также последствия поступков, воспринимаемых как запретные или нежелательные. Сценарная

составляющая наблюдения включает ряд коммуникативных действий, позволяющих уподобить его игре: законное или незаконное проникновение в чужое пространство или систему, «обнаружение», попытка ускользнуть от наблюдения, сбить со следа, маскировка, блокирование доступа к коммуникации и т. д.

Вербальные, невербальные и смешанные знаки, связанные с наблюдением, присутствуют в городском ландшафте повсеместно. Прежде всего, это знаки, указывающие на сам факт наблюдения. Наиболее распространенные из них — картинки с изображением видеокамеры CCTV либо сообщение: *Внимание! Ведется видеонаблюдение*. Если в некоторых государствах (например, Великобритании), закон требует, чтобы в непосредственной близости от камеры был установлен знак, указывающий на её присутствие, то, согласно законодательству РФ, установление таких табличек необязательно. Поэтому надписи: *Объект оборудован скрытыми видеокамерами. Вас снимает скрытая видеокамера!* не могут считаться нарушением гражданских прав. Знаки такого рода устанавливаются не для соблюдения закона, а для достижения целей самого наблюдения — информирования, предупреждения, устрашения.

Субъект и объект наблюдения. Процессы наблюдения сопряжены с использованием определенных семиотических знаков, указывающих на разные взаимоотношения между адресантом и адресатом сообщения. Наблюдение всегда предполагает, что есть субъект и объект — тот, кто наблюдает и за кем наблюдают. Это соотношение власти: субъектом являются представители государства или учреждения, облеченные властью, объектом — рядовые граждане.

Анализ российских семиотических знаков показывает, что субъект наблюдения, как правило, неидентифицируем. Русский язык, в силу своих грамматических особенностей, обладает большими возможностями для сокрытия субъекта наблюдения — в надписях используются неопределенно-личные конструкции, возвратные формы глагола, страдательный залог и т. д.: *ведется видеонаблюдение; установлены скрытые видеокамеры; вас снимает скрытая камера; объект под охраной, объект оборудован скрытыми видеокамерами*.

На конференции “City Talk: Urban Identities, Mobilities and Textualities” (Берн, Швейцария, 11–12 декабря 2017 г.) участники

обратили внимание на то, что на всех знаках, продемонстрированных Р. Н. Джонсом в его блестящем докладе “The City is Watching you”, видеокamеры смотрят сверху вниз (выражение властной позиции). В этом же докладе автор указал на то, что символика семиотических знаков часто включает изображение глаза: за гражданами следит всевидящее око государства («Большой брат»). Он рассказал про эксперименты, когда в офисе, где сотрудники должны были самостоятельно класть в копилку деньги за чай, вешали разные картинки. Собираемость денег резко увеличивалась, когда на картинке были изображены глаза, причем строгий мужской взгляд оказывался более действенным, чем кокетливый женский. В российских знаках также распространены изображения глаза и надписи: *Я слежу за тобой. Большой брат следит за тобой.*

Для взаимоотношений между субъектом и объектом наблюдения и контроля характерна коммуникативная асимметрия: субъект невидим, а объекты видимы — они оказываются в поле зрения видеокamеры, иного технического средства или живого человека, например, охранника. Даже если адресация знака выборочна (например, надпись в примерочной магазина: *Воры будут наказаны*), гражданин, знающий, что он не вор, испытывает некоторое чувство дискомфорта (означает ли знак, что его подозревают в воровстве?). Кроме того, обратим внимание на использование в приведенных выше знаках не слишком вежливого обращения на «ты». Проявлением асимметрии также является то, что рядом с надписью: *Внимание! Ведется видеонаблюдение* нередко расположен знак: *Фото и видеосъемка запрещены*, то есть одна сторона имеет право наблюдать за другой, но не наоборот.

Интересны также сообщения: *В целях улучшения обслуживания все разговоры записываются. Видеонаблюдение ведется в целях вашей безопасности*, в которых проявляется патерналистское отношение власти к гражданам, утверждение о том, что власть следит за гражданами, как за детьми, ради их собственной пользы.

Знаки также становятся действенным средством деления коммуникантов на «своих» и «чужих», если их действие избирательно:

Посторонним вход воспрещен!

Вход без спецодежды запрещен.

Проход запрещен. Частная территория.

Вход запрещен! Staff only.

При этом, несмотря на наличие знака, наблюдаемый никогда не может быть уверен в том, что за ним на самом деле наблюдают – работает ли находящаяся в поле зрения камера или это муляж, установлены ли в помещении скрытые камеры или они вообще отсутствуют.

Место и время наблюдения. В ряде случаев знак конкретизирует пространство, где ведется наблюдение:

В помещении / в магазине / на территории / в лифте / в подъезде / в храме ведется видеонаблюдение.

По периметру установлены скрытые видеокамеры.

Иногда уточняется и время наблюдения:

Объект находится под наблюдением 24 часа.

Ведется круглосуточное видеонаблюдение.

Цель наблюдения. Наблюдение обычно ведется для предотвращения неких асоциальных, нежелательных действий: курения, распития спиртных напитков, воровства, выгула собак в неположенных местах и т. д. При этом знаки могут содержать вербальное обозначение запрещенных действий: *В верхней одежде не входить. Запрещается принимать пищу. Купаться запрещено. С пивом вход воспрещен! Пожалуйста, не прикасайтесь к двери! Собак не купать. Въезд на территорию парка на велосипеде запрещен. Без бахил не входить!*

Все большую популярность приобретают невербальные знаки — перечеркнутые изображения сигареты, зажженной спички, бутылки, рюмки, мороженого, фотоаппарата, сотового телефона, собаки, мотоцикла и т. д. Они особенно часто используются в местах, часто посещаемых туристами, поскольку понятны носителям разных языков. Распространенным также является сочетание надписи и рисунка.

Отметим, что вероятность и допустимость определенных видов коммуникативного поведения культурно обусловлена. Например, по правилам дорожного движения в России разрешается подавать звуковые сигналы только для предотвращения дорожно-транспортных происшествий и для предупреждения других водителей о намерении произвести обгон вне населенных пунктов. Зафиксированное нарушение чревато штрафом. В Индии же водители постоянно подают звуковые сигналы, и на кузове некоторых автомобилей даже установлены надписи: *Please horn* (Пожалуйста, сигнальте).

Содержание вербального сообщения непосредственно связано с социальной видимостью / невидимостью адресата. Знаки могут быть приглашающие (*Ведется видеонаблюдение. Рады вас видеть!*), фильтрующие (*Посторонним вход запрещен*), запрещающие (*По газонам не ходить*). При этом знак *Добро пожаловать!* на дверях бизнес-зала аэропорта не означает, что туда имеет доступ каждый – здесь можно говорить о разных видах социальной видимости: хорошо одетый, уверенно ведущий себя клиент видим для обслуживания, но не вызывает опасений, в отличие от тех, которые не вписываются в коммуникативный контекст. К последним подойдет служащий, чтобы проверить их право пребывания в бизнес-зале. Облик, одежда, коммуникативное поведение (соответствующие или не соответствующие нормам определенной социальной группы) сами по себе становятся мощными семиотическими знаками.

Степень эксплицитности вербальных сообщений, связанных с наблюдением и контролем, также может быть различной. Асимметрия между означающим и означаемым выражается в том, что не всегда имеется в виду именно то, что написано. Как правило, простое сообщение *Внимание! Ведется видеонаблюдение* указывает на то, что «надо вести себя хорошо». Надписи: *Здесь не собачий туалет. Здесь гуляют дети!* означают то же самое, что и *Выгул собак запрещен*. Существуют также нулевые знаки: например, отсутствие подъемников и пандусов свидетельствует о том, что людям в инвалидных колясках доступ в данное социальное пространство не предусмотрен, в чем выражается их социальная невидимость.

Модальность вербального сообщения указывает на характер социальных отношений между коммуникантами. Категоричные формулировки свидетельствуют о том, что адресант обращается к адресату с позиции силы:

Вход посторонним строго запрещен! (в некоторых случаях для усиления воздействия добавляется устрашающий рисунок, например, череп со скрещенными костями или кулак).

Выгул собак запрещен. Штраф 1000 руб.

Мусор не бросать! Поймаем — вывезешь всё!

Частная территория. Парковка без разрешения строго запрещена! Шины будут спускаться.

Такие надписи, скорее всего, характерны для частных территорий и обращены к людям, с которыми хозяин не предполагает

вступать в какое-либо взаимодействие. Более мягкая модальность свойственна для взаимоотношений в сфере услуг; ее выбор объясняется стремлением не обидеть потенциального клиента:

Территория, свободная от курения и распития спиртных напитков.

Место, свободное от курения.

Зона, свободная от алкоголя.

Не сорите, пожалуйста.

Более свободная, нетрадиционная форма выражения запрета находит выражение в креативных фразах, например: *Просьба... не курить* (где многоточие обозначает тактичную паузу).

Встречаются шуточные надписи, говорящие об эгалитарных, демократичных отношениях между адресантом и адресатами:

Улыбнитесь! Вас снимает скрытая камера.

А вас Снимают на Видео.

Ведется видеонаблюдение, бездельники!

Зеркала могут использоваться как маркетинговое средство, например, лезть покупателю (надпись на зеркале: *Наш любимый клиент*).

Нарушители запретов становятся социально видимыми. Нежелательные действия могут привести к разного рода неприятным последствиям: сработает звуковая сигнализация, появится охранник или полицейский, видеокамера зафиксирует нарушение, будет выписан штраф и т. д.

Таким образом, анализ показывает, что семиотические знаки, связанные с наблюдением и контролем, выступают как мощное средство социальной стратификации и регулирования социальных отношений в медиаурбанистическом дискурсе.

Выводы

1. Наблюдение прочно встроено в ландшафт современного города и находит свое отражение в семиотических знаках разной природы.

2. Знаки структурируют коммуникативную ситуацию наблюдения, в которой выделяются субъект, объект, место, время, цели наблюдения, а также последствия поступков, воспринимаемых как запретные или нежелательные.

3. В качестве субъектов наблюдения, как правило, выступают неидентифицируемые представители власти, в качестве объектов — рядовые граждане. Семиотические знаки отражают асимметричность социальных взаимоотношений между ними (субъект наблюдения невидим, объекты видимы; государство демонстрирует патерналистское отношение к гражданам).

4. Семиотика наблюдения и контроля выступает как мощное средство социальной стратификации и регулирования социальных отношений в медиаурбанистическом дискурсе.

Заключение

Понимание социальных процессов, происходящих в больших городах, предполагает комплексное изучение современных медиа-технологий, социальных процессов и закономерностей человеческой коммуникации. В статье рассмотрены лишь некоторые аспекты наблюдения и контроля как коммуникативной практики в российском контексте. Перспективы исследования заключаются в анализе влияния тотального наблюдения на коммуникативное поведение горожан, а также сопоставительном изучении наблюдения и контроля в России и других лингвокультурах.

Литература

- Квят 2013 — А. Г. Квят. Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. С. 351–360. [A. G. Kvjat. Razvitie russkojazychnogo mediaprostranstva: kommunikatsionnye i eticheskie problemy [Development of the Russian-language media space: communication and ethics]. Materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii (April 26–27, 2013). Moscow: Izdatel'stvo APK i PPRO, 2013. P. 351–360].
- Квят 2014а — А. Г. Квят. Городские коммуникативные исследования: новое направление на стыке урбанистики и коммуникативистики // Актуальные проблемы медиаисследований–2014. М.: Факультет журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, 2014. С. 70–71. [A. G. Kvjat. Gorodskie kommunikativnye issledovaniia: novoe napravlenie na styke urbanistiki i kommunikativistiki. [Urban communication studies: new field on the intersection of urban studies and communication studies]. Aktual'nye problemy mediaissledovanii–2014. Moscow: Fakul'tet zhurnalistiki MGU imeni M. V. Lomonosova, 2014. P. 70–71].

- Квят 2014b — А. Г. Квят. История зарубежных городских коммуникативных исследований // Медиаскоп, 2014, № 4 (электронный документ). URL: <http://www.mediascope.ru/1598>. [A. G. Kviat. Istorija zarubezhnykh gorodskikh kommunikativnykh issledovaniy [History of foreign urban communication studies] // Mediascope, 2014, No. 4 (electronic document)]. URL: <http://www.mediascope.ru/1598>.
- Квят 2014с — А. Г. Квят. Кафе без еды, фастфуд как медиа, временный парк: поствиртуальность и город 3.0 в России // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 7, Филос. 2014. № 3 (23). С. 128–134. [A. G. Kviat. Kafe bez edy, fastfud kak media, vremennyi park: postvirtual'nost' i gorod 3.0 v Rossii [Anti-cafe, fast food as a media and pop-up park: post-virtuality and city 3.0 in Russia] // Vestnik Volgogradskogo gosudastvennogo universiteta. Ser. 7, Philosophy. 2014. No. 3 (23). P. 128–134].
- Леонтович 2011 — О. А. Леонтович. Методы коммуникативных исследований. М.: Гнозис, 2011. [O. A. Leontovich. Metody kommunikativnykh issledovaniy [Methods of communication research]. Moscow: Gnozis, 2011].
- Anderson, Boyd-Franklin 2000 — F. Anderson, N. Boyd-Franklin (2000). Invisibility Syndrome: A Clinical Model of the Effects of Racism on African-American Males (online document). URL: https://www.bc.edu/content/dam/files/centers/boisi/pdf/f08/Invisibility_Clinical_Model-Ortho-.pdf.
- Bennett 2008 — C. Bennett. The privacy advocates: resisting the spread of surveillance. Cambridge, MA: MIT Press, 2008.
- Blommaert 2005 — J. Blommaert. Discourse. A Critical Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.
- Brooks, Gelderen, 2008 — K. Brooks, T. Gelderen. Fighting invisibility: The recognition of Migrant domestic workers in the Netherlands (online document). URL: <https://www.humanityinaction.org/knowledge-base/103-fighting-invisibility-the-recognition-of-migrant-domestic-workers-in-the-netherlands>.
- Fairclough 2003 — N. Fairclough. Analysing Discourse. New York: Routledge, 2003.
- Fijnaut, Marx 1995 — C. Fijnaut, G. T. Marx. Undercover: Police surveillance in comparative perspective. Norwell: Kluwer Academic Publishers, 1995.
- Foucault 1977 — M. Foucault. Discipline and Punish. Harmondsworth: Penguin, 1977.
- Genosko, Thompson 2006 — G. Genosko, S. Thompson. Administrative surveillance of alcohol consumption in Ontario, Canada: pre-electronic technologies of control // Surveillance & Society. 2006. 4 (1/2). P. 1–28.
- Genosko, Thompson 2009 — G. Genosko, S. Thompson. Punched drunk: alcohol surveillance and the LCBO 1927–1975. Nova Scotia: Fernwood Publishing, 2009.

- Goold 2004 — B. Goold. CCTV and policing: Public area surveillance and police practices in Britain. Oxford: Oxford University Press, 2004.
- Green, Zurawski 2015 — N. Green, N. Zurawski. Surveillance and Ethnography: Researching Surveillance as Everyday Life // *Surveillance and Society*. 2015. 13 (1). P. 27–43.
- Jones 2005 — H. Jones. Visible rights: Watching out for women. // *Surveillance & Society*, 2005. 2(4). P. 589–593.
- Lyon 2002 — D. Lyon. 2002. Editorial. Surveillance studies: understanding visibility, mobility and the phonetic fix // *Surveillance & Society*. 2002. 1(1). P. 1–7.
- Lyon, Bennett 2008 — D. Lyon, C. Bennett. Playing the ID card: Understanding the significance of identity card systems // *Playing the identity card: surveillance, security and identification in global perspective* / Ed. by C. Bennett, D. Lyon. London: Routledge, 2008. P. 3–20.
- Mehrabov 2015 — I. Mehrabov. Exploring Terra Incognita: Mapping surveillance studies from the perspective of media and communication research // *Surveillance and Society*. 2015. 13 (1). P. 117–126.
- Mirzoeff 1999 — N. Mirzoeff. *An Introduction to visual culture*. London: Routledge, 1999.
- Rule, Greenleaf 2008 — J. B. Rule, G. Greenleaf (eds). *Global privacy protection: the first generation*. Cheltenham: Edward Elgar, 2008.
- Scotland-Stewart 2007 — L. Scotland-Stewart. *Social invisibility as social breakdown: Insights from a phenomenology of Self, World, and Other*. Stanford University, 2007.

А. Б. Лихачева

*Институт языков и культур Балтийского региона
Вильнюсского университета, Вильнюс*

ЯЗЫКОВАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВИЛЬНЮСА С ПОЗИЦИЙ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

1. Вводные замечания

Социолингвистические исследования восприятия языков, используемых в том или ином обществе, свидетельствуют о социальной обусловленности отношения к языку и к его носителям (см. [Вахтин, Головки 2004]). Причем в этнически неоднородном государстве важны как установки титульной нации относительно миноритарной этнической группы и ее языка, так и прагматические и эмоциональные оценки своего языка жителями, для которых этот язык является единственным родным или одним из родных языков [Лихачева 2015; Лихачева 2014а; Lichačiova, Markova 2014]. Положительное восприятие и оценка родного языка (а с ним — и самовосприятие) его носителями, живущими в иноязычных условиях, помимо прочего, могут служить одним из индикаторов этнолингвистической витальности языковой группы (см. [Allard, Landry 1992: 171–196]).

Описание языковой ситуации и оценки языков, сосуществующих в едином городском пространстве, целесообразно осуществлять с привлечением не только экспертных мнений, но и «гласа народа», поскольку народная точка зрения, взятая сама по себе, уже есть часть социолингвистической ситуации [Брайт 1975: 37], она может являться показателем как комфорта, так и потенциального языкового конфликта субъектов социальной интеракции.

В этой статье приводятся высказывания бывших и теперешних жителей Вильнюса о том, что они думают о своем языковом существовании. Анализируются мнения ученых и писателей, фрагменты

из социолингвистических интервью, записанных в ходе различных исследований, интернет-заметки и комментарии к ним, связанные с сегодняшней языковой ситуацией в Вильнюсе.

В несколько измененном виде по сравнению с определением «народной лингвистики», изучающей то, что люди *«думают о своем языковом поведении и языковом поведении других»*, приведенном в [Брайт 1975], представленную в этой статье область исследований можно назвать *аксиологической социолингвистикой*, для которой важна оценочная сторона использования разных языков в повседневной жизни общества.

С аксиологическим, или оценочным, планом существования языка в обществе связаны такие явления, как социальный престиж языка, его востребованность в системе образования, присутствие в культурном и информационном пространстве [Bourdieu 1991]. Это особенно существенно для миноритарных языков, которые их носителями и особенно носителями титульного языка могут восприниматься как нормальные, естественные или, наоборот, как чужеродные и нежелательные компоненты обыденной языковой жизни социума.

2. Этническое и языковое разнообразие Вильнюса в динамическом аспекте

В Вильнюсе в 1926 г. (город тогда входил в состав Польши) родился и до отроческого возраста жил Уриель Вайнрайх (Uriel Weinreich), ставший впоследствии известным американским лингвистом. В 1940 г. семья Вайнрайхов эмигрировала в США. В научном мире Уриель Вайнрайх известен как автор первого университетского учебника идиша для англоязычных учащихся (1949), а главное — как теоретик контактной лингвистики, языковой интерференции и один из основателей социолингвистики. Можно предположить, что профессиональные интересы лингвиста сформировались не без влияния его детского опыта проживания в многоязычном городе.

Русский философ и литературовед Михаил Бахтин подростковые годы (с 1905-го по 1911-й) вместе с семьей также провел в Вильнюсе, в то время входившем в состав Российской империи. Американские биографы М. Бахтина связывают его жизнь в городе, слывшем в начале XX в. многоязычным и многокультурным, с идеей *гетероглоссии* [Clark and Holquist 1984], или, по Бахтину,

разноречья, в отличие от *однойязычия* и *многоязычия*: «Гетероглоссия, или скрещивание различных языков, культур и сословий для Бахтина было идеальным состоянием, которое обеспечивает постоянную интеллектуальную и культурную революцию, защищающую то или иное общество от „единственного верного языка“ или „официального языка“, от застоя и оцепенелости мысли». Так о влиянии города на профессиональные воззрения М. Бахтина пишет в своей книге «Вильнюс. Город в Европе» литовский поэт и литературовед Томас Венцлова, профессор славистики Йельского университета [Венцлова 2012: 18].

«Во времена Бахтина — и до них, и после, — продолжает Венцлова, — в Вильнюсе проживало множество разных народов (в советское время, несмотря на тенденцию сливать некоторые национальности с русской, перепись зафиксировала их восемьдесят). Конечно, народы — это “воображаемые общины”: их состав и само их понятие постоянно меняются, Вильнюс — одна из лучших лабораторий, где можно наблюдать и осмыслять этот процесс. Семь национальных групп (литовцы, белорусы (иначе — русины, гуды), поляки, русские, евреи, татары, караимы. — *А. Л.*), иногда не слишком больших, но поселившихся в городе со времен Средневековья, принято называть коренными. (...) Ни одна из этих наций не может утверждать, что Вильнюс принадлежит только ей. Неповторимый, почти фантастический сплав языков, национальных традиций и религий в этом городе игнорирует любые политические границы. Это всегда бросалось в глаза приезжим, а местные жители попросту думали, что по-другому и быть не может» [Венцлова 2012: 19, 18].

Разумеется, языковое разнообразие Вильнюса с годами менялось (см. табл. 1 — по материалам [Stravinskienė 2013: 21], [Vilniaus tautos]), что связано с общественными и политическими трансформациями и — как следствие — с естественными и насильственными переменами в этническом составе жителей. Первая всеобщая перепись населения Российской империи отразила демографическую картину Вильнюса 1897 г., данные с 1920 по 1939 г. — польский период существования Вильнюса, позже, до начала 90-х годов прошлого века — этнический состав Вильнюса как столицы союзной республики в составе СССР. Данные двух последних переписей населения относятся уже к периоду независимой Литвы.

Таблица 1. Изменения этнического состава жителей Вильнюса с 1897 по 2011 г.; в %

Годы	Литовцы	Поляки	Русские	Белорусы	Евреи	Др. ¹
1897	2,1	31,0	20,0	4,2	40,0	2,7
1916	2,1	53,7	1,6	0,4	41,5	0,7
1920	2,3	56,1	3,1	1,4	36,2	0,9
1923	0,8	60,1	2,8	2,3	33,5	5,0
1928	1,3	55,6	5,9	0,5	35,8	0,9
1931	0,8	65,9	3,8	0,9	28,0	0,6
1939	0,7	66,0	3,7	0,8	27,5	1,3
1959	33,6	20,0	29,5	6,5	7,0	3,4
1989	50,5	18,8	20,2	5,3	1,6	3,6
2001	57,8	18,7	14,0	4,0	0,5	5,0
2011	63,2	16,5	12,0	3,5	—	4,8

3. Языки и этнические меньшинства Литвы

Сегодня Литва — страна в целом мононациональная: 86,27 % ее населения составляет титульная нация (см. [Butkus 2015]). В связи с этим интерес представляют сведения о языках, на которых говорят литовцы. Согласно показателям Евробарометра 2012 года, по количеству языков, которыми владеют жители, Литва превышает средние показатели Европы: если среди европейцев еще одним языком, помимо родного, владеет 54 % населения, в Литве — 92 %, двумя иностранными языками владеет 25 % европейцев и 52 % литовцев, тремя — 10 % европейцев и 18 % литовцев. Ни одним иностранным языком не владеет 46 % европейцев и лишь 8 % литовцев [Kiliulienė 2016].

Из иностранных языков доминирующим в Литве все еще остается русский (получивший официальный статус иностранного языка в середине 90-х годов XX в.) — им в той или иной мере владеет 63 % населения. Польским языком владеет 8,5 % населения Литвы, немецким — 8,3 %. Последняя перепись населения демонстрирует и существенное увеличение количества владеющих английским языком

¹ Это в первую очередь татары, караимы, цыгане, немцы; далее — украинцы, армяне и представители некоторых других этнических групп.

по сравнению с 2001 г.: за десятилетие их прибавилось на 13,5 %, так что к 2011 году в целом составляло 30,4 % населения страны [Lietuvos statistikos departamentas 2013a].

Граждане Литвы нередко называют родными два, а иногда и три языка. Среди жителей, считающих, что у них два родных языка, 56 % называют комбинацию из литовского и русского, 19 % — литовского и польского, 14,4 % — польского и русского, 2,1 % — белорусского и русского, 1,6 % — украинского и русского [Lietuvos statistikos departamentas 2013b].

В Литве основными этническими меньшинствами являются поляки (5,61 %) и русские (4,78 %). Родным языком считают свой этнический язык 99,2 % литовцев, 87,2 % русских и 77,1 % поляков [там же]. И хотя большую часть страны действительно можно назвать абсолютно литовской, степень этнической (не)однородности в разных регионах Литвы различна, на отдельных территориях преобладает польское или русское население.

Польскоязычным (до 77,8 % населения) является восток и юго-восток Литвы, но 24,4 % жителей этих территорий считают русский язык одним из родных.

В Вильнюсе поляков — 16,5 %, и 21 % из них одним из родных языков называют русский (здесь и ниже приводятся данные двух крупных научных проектов (далее — Проекты) «Города и языки» и «Социолингвистическая карта Литвы», участницей которых была автор этой статьи. Результаты проектов обобщены в коллективных монографиях [Miestai ir kalbos 2010; Miestai ir kalbos II 2013]). Согласно проектным данным, подавляющее большинство русского и русскоязычного населения сосредоточено в трех городах страны: в городе-порте Клайпеде (русских 21 %, а для 29 % русский язык — родной), Висагинасе, возникшем в 70-е годы прошлого века вместе с союзной атомной электростанцией (русских 52 %, русский язык родной — для 77 %), а также в столице, где этнические русские составляют около 12 % населения, а жителей, считающих русский язык родным, — 27 %. Причем респонденты-поляки в Вильнюсе отмечают, что лучше, чем по-литовски и по-польски, говорят, пишут и читают по-русски, и только в понимании на слух этот язык уступает литовскому и польскому [Geben, Ramonienė 2015: 251]. Среди русских хорошо оценивают свое устное владение родным языком 95,1 % участников опросов, умение хорошо читать — 98,4 %, 94,3 % — хорошо писать по-русски [Gudavičienė 2010: 214].

4. Социолингвистическая специфика Вильнюса

Несмотря на то, что более половины жителей (63,6 %) Вильнюса — литовцы, столица является самым многонациональным городом Литвы — в нем проживают представители 128 национальностей (из 154 всех этнических групп Литвы) [Lietuvos statistikos departamentas 2013b]. Однако социолингвистическая ситуация в Вильнюсе отличается от ситуации в других регионах Литвы не только количеством разноязычных жителей, но в первую очередь тем, что здесь на одной территории издавна регулярно используются, кроме государственного литовского, русский и польский языки. В транспорте, в школах, местах торговли, сфере обслуживания типичны постоянные кодовые переключения: можно услышать диалоги, включающие реплики на литовском и русском, русском и польском, а то и на всех трех языках.

Приведу иллюстрацию подобного кодового переключения в обыденной коммуникативной ситуации²:

- (1) Работница ателье по ремонту одежды завершает разговор с клиенткой-литовкой. В это время входит другая клиентка, здоровается по-русски. Обе женщины отвечают вошедшей по-русски, и работница продолжает разговор по-литовски:
— *Rytoj apie trečią bus padaryta. Gerai? Galite ir vėliau užbėgti, mes iki septynių dirbam* ('Завтра часам к трем будет готово. Хорошо? Можете и позже забежать, мы до семи работаем').

Далее обращается к русскоязычной клиентке:

— *Ну, давайте посмотрим... Надо примерить. Вот сюда, пожалуйста.*

Пока клиентка переодевается, работница отвечает на телефонный звонок, разговаривает по-польски, видимо, с кем-то из домашних:

— *Tak, mogę, tylko prędezej, jestem w pracy ... Gdzie?.. A, tak, zapomniałam. Tylko najpierw zjedz obiad, dobrze?... No to wszystko, wszystko* ('Да, могу, только быстро, я же на работе... Куда?.. А, да, я забыла. Только пообедай перед этим, хорошо?.. Ну всё, всё').

И опять по-русски:

— *Так... Ну-ка, покажитесь...*

---

² Записано 12.01.2018.

Такое параллельное существование языков как в сознании индивидов, так и в общественном пространстве, имеет не только плюсы, но и минусы. В этом отношении весьма показательны материалы интернет-изданий и интернет-форумов, в которых затрагивается тема языков города³, а также фрагменты интервью с респондентами социолингвистических проектов.

Во-первых, давний языковой контакт и прямолинейно, не критично понимаемое коммуникативное удобство приводит к функционированию в Вильнюсе в той или иной степени искаженных вариантов всех трех языков. Так, польский язык Вильнюсского края, имеющий сходство с белорусским, в значительной степени отличается от польского стандарта, поэтому «настоящие» поляки легко распознают литовских поляков по их особому говору. По словам местной жительницы с университетским дипломом, полученным в Польше, именно этот неофициальный, нелитературный, столетиями формировавшийся в Вильнюсском крае язык дорог и близок полякам:

- (2) *Хотя в школе нам и старались привить настоящий польский язык, признаюсь, что большинство из нас, выйдя из школы, «упаковывали» этот язык в ранец вместе с учебниками, а дома с близкими радостно щебетали на своем экзотическом «тутейшем» (букв. ‘на здешнем’) [delfi.lt/pilietis].*

Русский язык Вильнюса также может вызывать нарекания не только у россиян, но и у грамотных носителей этого языка в самой Литве. Вот мнение жительницы исконно русскоязычного Висагинаса, переехавшей из России в Литву в 1988 г.:

- (3) *Р.⁴ Русский язык в Вильнюсе — он включает сочетания каких-то, не знаю, окончаний или ударений совершенно разных языков. Слышу что-то польское, что-то белорусское, что-то еще от какого-то языка, т. е. чистого русского языка я в Вильнюсе, за двадцать с лишним лет проживания в Литве, не слышала... Когда мне попался на слух более-менее чистый язык — это были приезжие. На самом деле язык*

³ Сетевые материалы и цитаты из литовских работ приводятся в моем переводе.

⁴ При цитировании фрагментов интервью используются следующие обозначения: И. — исследователь, Р. — респондент, в скобках после цитат указываются пол и возраст информанта.

ужасный. Тем и отличается Висагинас, что здесь сохранен все-таки русский язык, изначально. <...> В Литве — не могу сказать за всю Литву, но в Вильнюсе — это точно не так [Ж., 45].

Жители Вильнюса и сами критически оценивают собственное знание родного языка и уровень владения русским языком своими русскоязычными согражданами:

- (4) Р. *Знание нескольких языков иногда допускает такую возможность, что в своей речи ты используешь разные языки, потому что просто... просто путаешься, или во всяком случае у меня такое бывает, и у многих моих друзей бывает. Это нормально, я считаю. Потому что это не так легко. Т. е. надо очень хорошо знать язык, надо быть специалистом в этом, надо быть склонным к филологии, я считаю, чтобы как бы углубиться в это и не делать таких вот ошибок. А если это как-то на жизненном уровне, я считаю, что это частые случаи. Я считаю, что это нормально [М., 21];*
- (5) Р. *Ну, конечно, (говорим) уже с ошибками, и литовские слова появляются, какие-то местные... местные наречия — польско-литовское, ударения ставятся неправильно... Люди, которые заканчивали русскую школу, они пишут уже с ошибками [Ж., 24].*

Но и вильнюсский литовский язык, с его вкраплениями из русского и «тутейшего», также не считается образцовым для остальных регионов страны. Однако, как утверждают литовские социолингвисты, «несмотря на отрицательный официальный взгляд на столичную речь, жители Вильнюса лояльны к родному городу и даже в какой-то степени лингвоцентричны» [Keršytė 2014].

5. Языковая повседневность Вильнюса в оценках жителей Литвы

В последние годы одной из самых обсуждаемых интернет-комментаторами тем является «слышимость» и «видимость» русского и польского языков в общественном пространстве города.

Вот примеры характерных интернет-шуток: *Vilnius. Tai čia tas, kur pilna lenkų ir visi kalba rusiškai?* ('Вильнюс. Это там, где полно поляков и все говорят по-русски?'), *Labas, įstojau į Vilnių... Gal žinai nebrangų lenkų kalbos mokytoją?* ('Привет, поступил [о вузе] в Вильнюс... Не знаешь ли недорого учителя польского языка?') [demotyvacija.lt].

Тема недоумения молодых людей, прибывающих на учебу в Вильнюс и сталкивающихся с непривычной для одноязычной Литвы языковой ситуацией, описывается и в следующей заметке о «простом мальчике», приехавшем учиться в Вильнюсский университет:

- (6) ...Очень удивился герой истории, оказавшись на столичном вокзале, т. к. его окружали не только незнакомые люди, их «культурные» особенности, но и язык — не только мало ему известный, но и несколько отталкивающий из-за обстоятельств, хорошо усвоенных еще в школе. <...> Почему на автобусных остановках мне нужно объяснять, что я не говорю по-русски, а потом быстро соображать, где это я нахожусь, не в Калининграде ли. А может, скажете, что использование русского или польского языков есть норма в нашем обществе? <...> Простой пример: в парижском метро подойдите к французу и по-литовски спросите его о чем-нибудь. Не стоит даже фантазировать, что будет дальше, т. к. уважающий себя, образованный и культурный человек так бы вообще не поступил. Даже турист. А вот гражданин Литвы (!) Иван, 16 лет живущий в Литве, как ни в чем не бывало обращается к другим по-русски. В целях соблюдения его интересов в Вильнюсской мэрии при приеме на работу требуют владения русским и польским языками. <...> В Литве, наверное, самое большое в мире количество польских школ, кроме того, Министерство образования Литвы издало польских учебников больше, чем любая другая страна, кроме самой Польши [pilietis.delfi.lt/voxpupuli].

К заметке было дано 94 комментария. Больше половины комментаторов солидарны с автором истории: использование языков национальных меньшинств в общественных местах (в магазинах, на вокзале, в транспорте) не отвечает нормам «правильного» поведения, там должен звучать государственный язык. Но было и немало

реплик, апеллирующих к традиции сосуществования нескольких языков в Литве, напр.:

- (7) *Друг, это Литва. В ней живут и поляки, и русские, еще и евреи когда-то жили... Литва разная, в ней существуют разные языки и народы. Я литовец, но знаю и русский, и польский. Со всеми, кто не говорит по-литовски, общаюсь на их языке. Не думаю, что я меньше литовец, чем ты. Учи русский и польский, умнее будешь. <...> Если не спится по ночам и мучает вопрос, почему в Литве немало людей говорят по-русски и по-польски, — открой учебник истории для начальных классов. В Вильнюсе до Второй мировой войны было почти 36 % русских, столько же поляков, еще около 15 % евреев (очень «литовский» город — исторически), остальные — несколько процентов — литовцы... [там же].*

Участники наших социолингвистических исследований также рассказывали о ситуациях, когда использование русского языка вне дома вызывало необъяснимую, с их точки зрения, реакцию со стороны окружающих, напр.:

- (8) *Вот я недавно познакомилась и понятно, что я говорю по-русски, и мне задают вопрос: «А откуда вы приехали?» Я говорю: «Я ниоткуда не приехала, я родилась здесь». И я сразу начинаю говорить, что мои родители родились здесь. И не надо думать, что если человек говорит по-русски, то он откуда-то приехал. Я считаю, что это какая-то ограниченность сознания. Вообще, незнание собственной истории. <...> Меня очень возмутило, когда я прошлым летом слушала по радио интервью с одним парламентарием... Он сказал, что заметил такую тенденцию, что теперь русские стали свободнее друг с другом разговаривать по-русски, что он стал чаще слышать русскую речь. Вот, говорит: «Я слышу, в магазине разговаривают по-русски. Думаю, приезжие. А потом подходят к кассе, начинают говорить по-литовски. Значит, местные. Ну, раньше они тише говорили... Так как это понять? Значит, мы для них как литовцы уже больше не котируемся?» То есть меня вообще возмутил... ход мысли! То есть что, мы должны бояться того, что мы не литовцы? Мой вывод совсем другой: это показатель того, что мы — граждане Евросоюза.*

Вступив в Евросоюз, национальные меньшинства стали чувствовать себя более полноценными и более защищенными. И, в общем, многие вещи, которые раньше могли позволить себе сказать некоторые товарищи, они уже не говорят. Я считаю, что если бы кто-то из Евросоюза услышал вот такие рассуждения, это был бы просто скандал. Потому что, ну, это просто возмутительно [Ж., 46].

Еще одна интернет-дискуссия была вызвана заметкой «Врач: почему в независимой Литве меня насилуют, заставляя говорить по-русски?» о враче из Каунаса (всегда являвшегося самым «литовским» городом страны и по этническому составу, и по духу), несколько лет назад переехавшей в Вильнюс и начавшей работать в одной из поликлиник:

- (9) *...Женщина нигде не слышала так много русского языка, как в столице. У нее сложилось мнение, что в Вильнюсе либо нет литовцев, либо они не болеют. <...> Некоторым она предлагает поехать к врачу в Испанию и посмотреть, на каком языке он будет говорить.*

Врача удивляет и поведение пациентов-поляков, которые стремятся общаться с медиками по-русски: *Если скажешь им, что не станешь говорить по-русски, они огрызаются — «тогда будем говорить по-польски» [lrt.lt/naujienos/lietuvoje].*

Анализ мнений жителей Литвы относительно их языкового существования показывает, что наряду с литовским, приемлемым для общения многими считается только один язык, ср.:

- (10) *Государственный язык — литовский, международный язык — английский. Пожалуйста, на этих языках давайте и будем общаться в Литве [ve.lt/naujienos].*

При этом к 2010 году, по данным социолингвистических опросов, лишь 1 % жителей Вильнюса были мооязычными, у 10 % два родных языка, 34 % владели тремя языками, 41 % — четырьмя [Gudavičienė 2010: 217], и русский в числе этих языков обязательно присутствует.

Вообще, тема языков общения в медицинских учреждениях (впрочем, как и в других государственных учреждениях, куда обращается много людей старшего возраста, не владеющих литовским

языком в достаточной степени) в настоящее время очень актуальна для Вильнюса. В 2657 разнообразных по тону комментариях преобладали советы «не потакать», «игнорировать», «отстаивать свое право пользоваться только государственным языком», а с другой стороны, «не делать из этого проблемы и говорить так, чтобы всем было удобно», «учитывать специфику столицы или вернуться в чисто литовский город», «понять, что это Вильнюс» и т. п.

Столкновение крайних мнений хорошо иллюстрирует дискуссия, вызванная заметкой «До чего мы докатились? Мой ребенок стесняется во дворе общаться с русскими»:

- (11) *...Мне стыдно, что мы живем в русофобском государстве. Стыдно, что встречаем по национальности. Стыдно, что в свободной и демократической стране человек не может в магазине, на улице со своими говорить на своем родном языке...* [bendraukime.lrytas.lt/man-rupi].

Мнения более чем 1000 комментаторов разделились почти поровну. Одни утверждают:

- (12) *Если ребенок стыдится русского языка, это естественно, значит, хороший ребенок, еще не испорченный, и мама должна гордиться, что у ребенка есть совесть — в отличие от большинства взрослых русских. Стыдно быть русским в наше время [там же].*

Но в комментариях выражается и другое мнение:

- (13) *Не учу своих детей ненависти ни к какому народу или языку. Уччу, чтобы были и оставались Людьми. <...> Если мы будем учить детей ненависти, они и станут распространять ненависть. Глаз за глаз, и весь мир ослепнет...* [там же].

В целом на основании анализа собранных интернет-комментариев можно сделать вывод, что самое существенное влияние на мнения комментаторов по поводу использования русского и польского языков в Литве оказывает историческая память и нынешние межгосударственные отношения.

Кроме того, в негативных высказываниях приезжих из этнически однородной части Литвы очевидно недостаточное понимание специфики языковой ситуации в Вильнюсе и некоторых других регионах, где живет значительное количество носителей русского

и польского языков (об этом см. [Лихачева 2014а, 2014в]). В столице, туристических местах и курортных городах Литвы владение русским языком действительно требуется при устройстве на работу, особенно в сферу обслуживания, поскольку здесь регулярно бывают гости из России и тех стран, в которых русский язык продолжает восприниматься как язык межнационального общения, и потому приезжие рассчитывают на возможность его использования в большей степени, чем английский, который в сознании многих еще не является на этих территориях реальным лингва франка⁵.

- (14) *Я изучаю русский язык, — пишет в блоге слушателей языковых курсов молодой человек, — потому что он везде нужен. Может, в других городах и не очень, но здесь, в столице, если хочешь устроиться на работу, русский язык так же важен, как английский [mokslonamai.lt/blogas].*

Очень показательно мнение относительно сосуществования языков в столице Литвы моего коллеги по университету, известного литуаниста Антанаса Сметоны, живущего в Вильнюсе с середины 70-х годов минувшего века:

- (15) *Вильнюсец — это переехавший либо из деревни, либо из Каунаса. К последним принадлежу и я. <...> Сколько людей и народов здесь всё создавали. Вильнюс не является литовским городом в привычном для нас национальном понимании. Поляки, евреи, русские и приглашенные мастера смогли здесь вместе жить и творить. <...> Помню, однажды нас, студентов, отправляли приводить в порядок Ужупис (район в старой части города. — А. Л.). Нами руководила одна женщина, русская. Мы насмеялись над ней, над тем, что она говорит с нами по-русски, а женщина взяла и заплакала. Она нам говорит: я литовка, я только по-литовски разговаривать не умею. Тогда, скорее всего, и началось понимание того, кто есть житель Вильнюса. Это было для меня уроком, который я помню до сих пор... [web.vu.lt/flf].*

---

⁵ Лингва франка здесь понимается так же, как в [Павленко 2016: 31]: «язык, используемый как средство межэтнического общения в определённой сфере деятельности».

В 2016 году в Вильнюсе параллельно с литовскими названиями Русской (*Rusų gatvė*) и Польской улиц (*Lenkų gatvė*) были вывешены таблички на языках этих народов, что вызвало бурные споры в интернет-пространстве. Наряду с резким осуждением такой инициативы городских властей высказывалась и ее поддержка, возникали конструктивные — вполне вильнюсские — предложения, например:

- (16) *Думаю, что суть не в табличках на других языках. Кому они мешают?! А вот нашу литовскую толерантность к культуре других народов действительно демонстрируют. Не согласился бы только с одним: чтобы рядом с надписями на государственном языке вывешивались таблички только на русском или только на польском языках. Вильнюс — многонациональный город, поэтому должны быть надписи и на белорусском, и на идише, и на татарском, и на караимском [respublika.lt/lt/naujienos].*

6. Обобщение

На фоне непрекращающейся эмиграции, в связи с чем эксперты говорят о серьезных угрозах жизнеспособности страны, население столицы увеличивается в первую очередь за счет внутренней миграции, в результате чего по количеству молодых работоспособных жителей Вильнюс не уступает столицам скандинавских стран, а на фоне столиц соседних Балтийских государств выглядит лучше [8 pavojingos Lietuvos demografijos tendencijos]. Но, как ни парадоксально, в результате этого сегодняшняя демографическая, а с ней и языковая картина Вильнюса стремительно меняется: город становится все более литовским. Очевидно, не все новые жители столицы готовы принять и понять истоки коммуникативной специфики Вильнюса. Складывающаяся ситуация требует изучения и, возможно, коррекции языковой политики государства. Не изучены и установки литовского общества относительно новых языков, которые могут звучать в городах Литвы.

Такие исследования особенно важны сейчас, когда ученые говорили о том, что образование на карте Европы новых государств сопровождается в них «лингвистическим национализмом», «лингвистической гомогенизацией общества — предоставлением языку

и культуре большинства государственной монополии, дискриминацией региональных языков и языков национальных меньшинств» [Tamaševičius 2011: 145].

Перефразируя мысль социолога-урбаниста Шарон Зукин о том, что те, «кто унаследовал город (разрядка моя. — *А. Л.*), предъявляют свои права на его центральные символические пространства» [Зукин 2015: 74], можно отметить: по этой же причине наследниками города могут предъявляться права на языковое наполнение городских пространств. В сегодняшнем Вильнюсе так и происходит: период после восстановления независимости Литвы в 1991 г., когда русский и польский были малозаметны в общественном пространстве и использовались в основном как домашние языки для общения в кругу семьи, сменился естественными переходами с одного языка на другой в зависимости от коммуникативной необходимости, потому что «дом» — это не только семья, но и город в целом. Возможной причиной этого служит не столько прямое поощрение со стороны титульной нации, сколько неоправданно широкое присутствие английского языка во многих сферах жизни, что вызывает недоумение даже у многих литовцев.

Как пишет Лаймонас Бриедис, автор книги «Вильнюс: свой и чужой», у Вильнюса всегда была больше чем одна идентичность, что символизирует полифония его имени: еврейское Vilne, польское Wilno, русское Vilna, немецкое Wilna, белорусское Vilno и литовское Vilnius. С каждым из названий города связан свой дух Вильнюса, свои воспоминания, своя колея судьбы [Briedis 2015].

Сложная и переменчивая историческая судьба Вильнюса имеет прямое продолжение в сегодняшней жизни города: в его нынешнем облике, официальной и неофициальной топонимике, этнической неоднородности, проявлениях лингвистического национализма и одновременно — в привычной языковой полифонии.

Сохранение собственного культурно-языкового разнообразия на фоне давления глобализации, увеличение числа иностранных фирм, рост туристических потоков с Запада и Востока, интенсивная университетская жизнь с растущим академическим обменом — все эти факторы сегодня формируют пеструю культурно-языковую жизнь столицы Литвы в значительно большей степени, чем на других территориях страны. И хотя в литовском обществе существует противоречивое отношение к исторически сформировавшемуся вильнюсскому литовско-польско-русскому многоязычию,

одновременно заметно и стремление к укреплению репутации современного толерантного мультикультурного и многоязычного столичного города.

Литература

- Бразаускене, Лихачева 2011 — Е. Бразаускене, А. Лихачева. Русские в современной Литве: языковые практики и самоидентификация // Диаспоры. № 1. М.: Астрель, 2011. С. 61–85. [Je. Brazauskienė, A. Lichačiova. Russkie v sovremennoi Litve: iazykovyje praktiki i samoidentifikatsiya [Russians in contemporary Lithuania: Linguistic practices and self-identification]. Diaspory [Diasporas]. No. 1. Moscow: Astrel', 2011. P. 61–85].
- Брайт 1975 — У. Брайт. Введение: параметры социолингвистики. Пер. с англ. // Новое в лингвистике. Вып. VII. М.: Прогресс, 1975. С. 34–41. [U. Brait. Vvedenie: parametry sotsiolingvistiki [W. Bright. Introduction: The dimensions of sociolinguistics] // Novoe v lingvistike, Issue VII. Moscow: Progress. 1975. P. 34–41].
- Вахтин, Головкин 2004 — Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. Социолингвистика и социология языка. СПб.: Гуманитарная академия: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2004. [N. B. Vakhtin, E. V. Golovko. Sotsiolingvistika i sotsiologiya iazyka. [Sociolinguistics and Sociology of Language]. Saint Petersburg: Humanitarian Academy: European University at St. Petersburg, 2004].
- Венцлова 2012 — Т. Венцлова. Вильнюс: город в Европе. Пер. с лит. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2012. [T. Ventslova. Vil'nyus: gorod v Evrope. [Vilnius — a city in Europe]. Saint Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House, 2012].
- Зукин 2015 — Ш. Зукин. Культуры городов. Пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2015. [Sh. Zudin. Kul'tury gorodov [The cultures of cities]. Moscow: New Literary Observer, 2015].
- Лихачева 2015 — А. Лихачева. Образ родного языка в высказываниях русскоязычных жителей Литвы // Русский язык за рубежом. 2015. № 4 (251). М.: Отраслевые медиа. С. 40–45. [A. Lichačiova. Obraz rodno-go iazyka v vyskazyvaniyakh russkoiazychnykh zhitel'ei Litvy [Image of the Native Language in the Utterances of Russian-Speaking Citizens of Lithuania]. Russian language abroad. 2015. No. 4 (251). Moscow: Otrasleyevye media. P. 40–45].
- Лихачева 2014а — А. Лихачева. Чужое мнение и взаимоотношения русскоязычных жителей Литвы с родным языком // Коммуникативные исследования. № 2. Омск: Омский государственный университет

- им. Ф. М. Достоевского. 2014. № 2. С. 40–49. [A. Lichačiova. Chuzhoe mnenie i vzaimootnosheniia russkoiazыchnыkh zHITElei Litvy s rodnym iazykom [The outside opinion and the attitudes of the Russian-speaking citizens of Lithuania towards their native language]. Communicative Studies. Omsk: Omsk State University named after F. M. Dostoevsky, 2014, No. 2. P. 40–49].
- Лихачева 2014в — А. Лихачева. Взаимодействие языков и народная социолингвистика: опыт Литвы // Т. Солдатенкова и Л. Шипелевич (ред.). Człowiek. Świadomość. Komunikacja. Internet. Левен — Варшава: Левенский католический университет, Варшавский университет, 2014. С. 1105–1118. [A. Lichačiova. Vzaimodeistvie iazykov i narodaia sotsiolingvistika: opyt Litvy. [Interaction of languages and folk sociolinguistics: the experience of Lithuania] // T. Soldatenkova. L. Szypielewicz (eds.). Man. Consciousness. Communication. Internet. Leuven — Warsaw: Catholic University of Leuven, University of Warsaw, 2014. P. 1105–1118].
- Павленко 2016 — А. Павленко. Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. № 1. СПб.: РОПРЯЛ, 2016. С. 23–32. [A. Pavlenko. Russkii iazyk kak lingva franka v zarubezhnoi sfere obsluzhivaniia [Russian as a Lingua Franca in the Global Service Industry]. The World of Russian Word. No. 1. Saint Petersburg: ROPRYAL, 2016. P. 23–32].
- Allard, Landry 1992 — R. Allard, R. Landry. Ethnolinguistic Vitality Beliefs and Language Maintenance and Loss // W. Fase, K. Jaspaert and S. Kroon (eds.). Maintenance and Loss of Minority Languages. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 1992. P. 171–196.
- Bourdieu 1991 — P. Bourdieu. Language & Symbolic Power. J. B. Thompson (ed.). Cambridge: Polity Press, 1991.
- Briedis 2015 — L. Briedis. Vilnius: savas ir svetimas. [Vilnius. City of Strangers]. Vilnius: Baltos lankos, 2015.
- Butkus 2015 — A. Butkus. Lietuvos gyventojai tautybės požiūriu. [People of Lithuania by nationality], 2015. Retrieved from <http://alkas.lt/2015/12/16/a-butkus-lietuvos-gyventojai-tautybes-pozuriu/>.
- Geben, Ramonienė 2015 — K. Geben, M. Ramonienė. Language use and self-identification: The case of Lithuanian Poles // Sociolinguistic Study. Vol. 9.2–3. P. 243–267. Equinox Publishing. 2015. DOI: 10.1558/sols.v9i2.26387.
- Gudavičienė 2010 — Ė. Gudavičienė. Sociolingvistinis Vilniaus miesto portretas // M. Ramonienė (red.). Miestai ir kalbos. [Ė. Gudavičienė. A sociolinguistic portrait of Vilnius // M. Ramonienė (ed.). Cities and languages]. Vilnius: Vilnius University, 2010. P. 207–229].
- Keršytė 2014 — A. Keršytė. Vilniaus kalba — vilnietiškos tapatybės dalis. [Vilnius language — part of the identity of Vilnius residents], 2014. Retrieved from <http://sociologai.lt/2014/vilniaus-kalba-vilnietiskos-tapatybes-dalis/>.

- Kiliulienė 2016 — J. Kiliulienė. Lietuvių daugiakalbystė — tarp anglų ir rusų [Multilingualism of Lithuanians — between English and Russian], 2016. Retrieved from <http://www.veidas.lt/lietuviu-daugiakalbyste-%E2%80%93-tarp-anglu-ir-rusu>.
- Lietuvos statistikos departamentas 2013a — Gyventojai pagal išsilavinimą ir kalbų mokėjimą [Population by education and language skills: Results of the 2011 Population and Housing Census, Republic of Lithuania], 2013. Retrieved from https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Gyv+pagal+i%C5%A1silavinima_ir_kalbu_mokejima.pdf/b75c5e7a-e733-48fa-95e4-83d485c6726a.
- Lietuvos statistikos departamentas 2013b — Gyventojai pagal tautybę, gimtąją kalbą ir tikybą [Ethnic composition of the population, mother tongue and religion: Results of the 2011 Population and Housing Census, Republic of Lithuania], 2013. Retrieved from https://osp.stat.gov.lt/documents/10180/217110/Gyv_kalba_tikyba.pdf/1d9dac9a-3d45-4798-93f5-941fed00503f.
- Lichačiova 2013 — A. Lichačiova. Visagino sociolingvistinė specifika ir perspektyvos // M. Ramonienė (red.). Miestai ir kalbos II. Sociolingvistinis Lietuvos žemėlapis. [A. Lichačiova. Sociolinguistic specificity and potential of Visaginas // M. Ramonienė (ed.). Cities and languages II. A sociolinguistic map of Lithuania]. Vilnius: Vilnius University, 2013. P. 185–216.
- Lichačiova 2010 — A. Lichačiova. Vilniaus ir Klaipėdos rusų ir rusakalbių tapatybės savivokos ypatumai // M. Ramonienė (red.). Miestai ir kalbos. [A. Lichačiova. Self-identification of the Russian and Russian-speaking population of Vilnius and Klaipėda // M. Ramonienė (ed.). Cities and languages]. Vilnius: Vilnius University, 2010. P. 125–151.
- Lichačiova, Markova 2014 — A. Lichačiova, S. Markova. Dovanota vertybė ar įsiūlytas paveldas? Lietuvos rusakalbių nuostatos gimtosios kalbos atžvilgiu // Taikomoji kalbotyra. [Endowed Value or Imposed Heritage? Attitudes of Russian-Speaking Lithuanian Citizens towards Their Native Language // Applied Linguistics]. No. 4. Vilnius: Vilnius University, 2014. Retrieved from <https://taikomojikalbotyra.lt/ojs3/index.php/taikomoji-kalbotyra/article/view/34/29>.
- Miestai ir kalbos 2010 — M. Ramonienė (red.). Miestai ir kalbos. [M. Ramonienė (ed.). Cities and languages]. Vilnius: Vilnius University, 2010.
- Miestai ir kalbos II 2013 — M. Ramonienė (red.). Miestai ir kalbos II. Sociolingvistinis Lietuvos žemėlapis. [M. Ramonienė (ed.). Cities and languages II. A sociolinguistic map of Lithuania]. Vilnius: Vilnius University, 2013.
- Stravinskienė 2013 — V. Stravinskienė. Migraciniai procesai ir etninė demografinė Vilniaus padėtis: XX a. 3–4 dešimtmečiai // OIKOS: Lietuvių migracijos ir diasporos studijos. [Migratory processes and the

- ethno-demographic situation in Vilnius in the 1920s and 1930s // OIKOS: Lithuanian migration and diasporas studies]. No. 2 (16). Vilnius: Versus aureus, 2013. P. 17–29.
- Tamaševičius 2011 — G. Tamaševičius. Tauta, gimusi iš filologijos, ir lingvistikinio nacionalizmo fenomenas // Darbai ir dienos [A nation emerged from philology and the phenomenon of linguistic nationalism // Deeds and Days]. No. 56. Kaunas: Vytautas Magnus University, 2011. P. 142–153.
- 8 pavojingos Lietuvos demografijos tendencijos — [8 dangerous trends of the Lithuanian demography], 2015. Retrieved from <http://www.veidas.lt/8-pavojingos-lietuvos-demografijos-tendencijos/>.
- Vilniaus tautos — [Ethnic groups of Vilnius]. Retrieved from <http://www.quest.lt/po-lietuva/nacionaline-ideja-po-lietuva/6803/vilniaus-tautos/>.

Источники

- bendraukime.lrytas.lt/man-rupi — A. Jurgel. Kur nusiritome? Mano vaikas gedijasi kieme bendrauti su rusais [What we have come down to? In a yard, my child is ashamed of communication with Russians], 2014. Retrieved from <http://bendraukime.lrytas.lt/man-rupi/kur-nusiritome-mano-vaikas-gedijasi-kieme-bendrauti-su-rusais.htm#.U9OrOkA9ZCQ>.
- delfi.lt/pilietis — Mes — Vilniaus lenkai: neįprasta tradicinio lenko ausiai kalba, skardus juokas, gan ryški apranga [Vilnius Poles: language unusual for the ear of a traditional Pole, loud laughter, bright clothes], 2014. Retrieved from <https://www.delfi.lt/pilietis/voxpopuli/mes-vilniaus-lenkai-neįprasta-tradicinio-lenko-ausiai-kalba-skardus-juokas-gan-ryski-apranga.d?id=63871718>.
- demotyvacija.lt — <https://demotyvacijos.tv3.lt/>.
- lrt.lt/naujienos/lietuvoje — M. Jackevičius. Gydytoja: kodėl nepriklausomoje Lietuvoje esu prievartaujama kalbėti rusiškai? [Doctor: why do they force me to speak Russian in independent Lithuania?], 2013. Retrieved from <http://www.lrt.lt/naujienos/lietuvoje/2/25414/gydytoja-kodel-nepriklausomoje-lietuvoje-esu-prievartaujama-kalbeti-rusiskai>.
- mokslonamai.lt/blogas — Kalbų kursai „Mokslo Namai“ [Language courses “House of Science”], 2013. Retrieved from <http://www.mokslonamai.lt/blogas/kinunorveguogalvokieciukokiakalbamokytiismokslonamukolektyvoirstudentunuomones>.
- pilietis.delfi.lt/voxpopuli — Apie rusų ir lenkų kalbas: kodėl aš turiu jas mokėti? [On the Russian and Polish languages, why should I speak them?], 2012. Retrieved from <http://pilietis.delfi.lt/voxpopuli/apie-rusu-ir-lenku-kalbas-kodel-as-turiu-jas-moketi.d?id=59549167>.
- respublika.lt/lt/naujienos — Jei kabini ne valstybine kalba parašytą lentelę, numatyk ir pasipiktinimą [If you hang a table written in a non-state language,

- anticipate an outrage], 2016. Retrieved from http://www.respublika.lt/lt/naujienos/lietuva/lietuvos_politika/jei_kabini_ne_valstybine_kalba_pasyta_lentele_numatyk_ir_pasipiktinima/.
- ve.lt/naujienos — Kreiptis lietuviškai arba nešdintis į Rusiją [To appeal in Lithuanian or to get to Russia], 2011. Retrieved from <http://www.ve.lt/naujienos/lietuva/vakaru-lietuva/kreiptis-lietuviskai-arba-nesdintis-i-rusija-657410/komentarai/>, page.15.
- web.vu.lt/flf — L. Mustafinaitė. Garsų lituanistą A. Smetoną Vilnius išmokė pakantumo [The well-known specialist in Lithuanian philology A. Smetona Vilnius taught tolerance]. 2008. Retrieved from http://web.vu.lt/flf/a.smetona/wp-content/uploads/Pop_Pakantumas.pdf.

Н. Мартинович

МГУ, Москва

РОДСТВЕННЫЕ ЯЗЫКИ: НЕРАВНОЕ РОДСТВО. СООБЩЕСТВО ЭТНИЧЕСКИХ СЕРБОВ В МОСКВЕ

— Русские и сербы — братья навек!
Популярный слоган в массовой культуре, как среди русских, так и среди сербов

— Нас и русских двести миллионов!
— А без русских-то сколько?
— Как это, без русских? Мы русских одних не бросим!
Известное в Сербии афористическое высказывание

1. Социально-географические и этнографические характеристики сообщества

Ареал компактного проживания сербов и их историческая родина находятся в Юго-Восточной Европе, на Балканском полуострове, где в период раннего Средневековья сформировалось и существует до нынешних дней государство под названием Сербия.

За последние несколько столетий многие сербы эмигрировали из их исконного региона. По состоянию на 2018 год большая часть сербов проживает в своём национальном государстве — Сербии (6,2 млн чел., 83 % населения страны)¹. Правительство Республики Сербии определяет сербскую диаспору как «всех людей, считающих Сербию своей родиной и которые отождествляют себя с сербской

---

¹ Попис становништва, домаћинства и станова 2011 у Републици Србији.

культурой и языком, независимо от того, имеют ли они сербское гражданство или принадлежат к эмигрантам второго и третьего поколений, независимо от того, живут за границей или внутри нашего региона, будь то сербы или национальные меньшинства, которые живут в Сербии»². Хотя точное число представителей сербского этноса, проживающего за границами Сербии, подтвердить затруднительно, нет никаких сомнений в том, что сербская диаспора велика относительно населения самой страны. По оценке сербского Министерства по делам диаспоры, за пределами Сербии проживает 38 % всех сербов, а за пределами бывшей Югославии — 24 %, то есть практически каждый четвёртый серб проживает вне исторического ареала своего народа. Это отражает долгую историю миграций из Сербии, которая создала сербские общины во многих странах Европы, Северной и Южной Америки и Австралии, причём некоторые из них относятся к XVIII в. Большинство сербских общин, существующих сегодня, являются результатом четырех основных миграционных волн.

Последняя волна вызвана распадом Югославии, когда почти два миллиона сербов оказались за пределами Сербии, в новых странах-соседях — Боснии и Герцеговине, Македонии, Словении, Хорватии и Черногории. Множественные кровопролитные вооруженные конфликты на территории бывшей Югославии в 1990-е спровоцировали массовую волну эмиграции из стран региона. Сейчас крупнейшие сербские сообщества за пределами Сербии помимо Балкан находятся в Соединенных Штатах, далее следуют Германия, Австрия, Канада, Австралия, Швейцария, Франция, Швеция, Великобритания, Италия, Нидерланды и т. д.

Первые значительные миграции сербов в Россию относятся к началу XVIII века и правлению Петра Первого, когда был сформирован Сербский гусарский полк во главе с Йованом Албанезом, состоявший из сербских пограничников из Военной Краины Австрийской империи. В те времена в Австрии сербы служили в пограничных войсках, и потому правительство лояльно относилось к ним. Тем не менее, будучи в чужой стране, сербы ощущали гнет, прежде всего религиозный. Выходом стало переселение в Россию. Таким образом, с подачи императрицы Елизаветы новая волна переселенцев была принята в подданство и им выделили земли под

---

² <http://www.mfa.gov.rs/en/consular-affairs/diaspora/diaspora-general-information> — информация о сербской диаспоре в мире.

особые самоуправляемые военно-административные единицы — Новая Сербия (современная территория Кировоградской области Украины) и Славяносербия (Луганская и Донецкая области).

Тесные контакты на межгосударственном уровне между Югославией и СССР имели место в 60-е годы XX века, когда начался подъем строительной отрасли на Балканах и югославские студенты поехали учиться в Москву. После этого многие из них вернулись в советскую столицу уже для работы в 90-е годы, и не один десяток зданий Москвы был построен по проектам югославских архитекторов и югославскими компаниями. В итоге большинство представителей этой волны обзавелось семьями и детьми и осело в столице надолго, вплоть до нынешних дней.

Благодаря крепким историческим, политическим, культурным и военным связям между Россией и Сербией, сербское сообщество имеет долгую историю жизни на территории современной Российской Федерации. Это были военные лидеры, дипломаты, моряки и ученые сербского происхождения, а также представители дворянства, в том числе четыре принцессы. О прочности этих связей свидетельствует и знаменательная дата: в 2018 году Сербия и Россия отмечают 180-летие установления дипломатических отношений.

Сейчас в Москве, по разным оценкам, проживает от 2,5 до 5 тыс. сербов, при этом есть также неофициальные данные о том, что в некоторых московских компаниях работает по несколько тысяч сербов. Такой разброс оценок обусловлен тем, что для стран Балкан, где проживает большинство сербов, действует безвизовый режим с Россией, что затрудняет их миграционный учет в Москве. Например, для граждан Сербии, Боснии и Герцеговины или Черногории действует 30-дневный безвизовый период (в течение которого они обязательно регистрируются по месту пребывания), по истечении которого они могут покинуть пределы России и вернуться на новый 30-дневный безвизовый период, но уже в следующий (третий) безвизовый период в течение года их обязаны регистрировать компании-работодатели, которые не отправляют никаких сведений в посольства этих стран в Москве. В связи с этим число пребывающих по временной регистрации может существенно колебаться по годам, не давая ясной общей картины³. Несомненно,

---

³ Министерство внутренних дел Российской Федерации, <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/3/>.

многие сербы, живущие в России ещё с советского времени, являются также и гражданами России, что делает их фактически «невидимыми» для миграционного учета. Согласно данным последней переписи (2010 г.), основная возрастная группа сербов, проживающих в Москве, — 40–50 лет. По той же переписи, указавших сербский как родной язык насчитывается 1935 чел. из которых всего 351 родились не в Сербии или странах бывшей Югославии. По образованию самое большое количество охваченных переписью имеет высшее или неполное высшее образование (499 чел.), далее следуют испытываемые с полным средним образованием (477 чел.), а опрошенных с начальным общим образованием — 109 чел.⁴

Экономическая активность сербов в Москве чаще всего сводится к нескольким отраслям, среди которых одна выделяется больше других. Как и раньше, сербы сохраняют явную тенденцию к работе в строительной отрасли и получению образования в архитектуре. По данным ОССИ⁵ в столице России на начало 2018 года училось порядка 80–100 студентов из Сербии. В том числе благодаря этому большая часть сербов Москвы обладает высшим образованием, чаще всего техническим. Сербь без высшего образования обычно работают в строительстве и сфере обслуживания.

Одной из особенностей сербской диаспоры в Москве является её открытость к межкультурному контакту. Подавляющее большинство сербов, живущих в столице, говорят по-русски и общаются на работе и дома по-русски (новоприбывшие без знания русского прибегают к английскому, но всё-таки вскоре переходят на русский), что в итоге выражается в относительно быстрой адаптации к местному социуму и ассимиляции в нем, в том числе и через бракосочетание с местными жителями. Ввиду того, что среди московских сербов преобладают мужчины, которые пользуются популярностью у русских женщин, сербы часто состоят в смешанных браках. Близость с русским народом, ощущение «братства», единое вероисповедание и крепкие исторические и культурные связи не дают сильно выраженного ощущения утраты своего языка, культуры и обычаев. В связи с этим у представителей второго поколения,

---

⁴ Всероссийская перепись населения 2010 года, город федерального значения Москва.

⁵ Организация сербских студентов за границей, <https://ossi.rs/> — Organizacija srpskih studenata u inostranstvu.

которые появляются на свет в Москве (чаще всего от отца серба и русской матери) возникают серьезные проблемы с владением сербским языком. Осложняется ситуация также тем, что сербы редко селятся компактно, что уменьшает возможность общения на родном языке и «выталкивает» его из реальной жизни в интернет. Проблема с поддержанием этнического языка возникает в том числе и из-за отсутствия детских садов, школ с изучением сербского языка или каких-либо дополнительных кружков для детей сербского происхождения.

В целом, сербы, живущие в Москве, очень хорошо интегрируются в принимающее сообщество — как культурно, так и социально и экономически. Они открыты к общению и взаимодействию с местным населением и активно участвуют в жизни мегаполиса.

2. Социолингвистические характеристики

Сербский язык принадлежит южнославянской подгруппе языков, наряду с болгарским, македонским и словенским. Часто объединяется с идиомами черногорский, бошняцкий и хорватский в один сербскохорватский язык, представляющий собой надъязыковое койне (вопрос статуса языка остается за рамками данной работы)⁶. Число носителей от 12 млн⁷ до 20 млн⁸ чел.⁹

Все варианты сербского языка основаны на «штокавском» наречии [Ивић 1956]. Штокавское наречие (серб. *штокавски дијалекат*) — основное наречие сербскохорватского языкового континуума, на котором базируются литературные нормы современных

---

⁶ О истории формирования идиомов сербскохорватского ареала и степени их противопоставленности можно прочесть в магистерской работе Н. Мартинович «Степень противопоставленности идиомов сербскохорватского ареала», защищенной на кафедре отделения теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в 2018 г.

⁷ Все носители, считающие своим родным языком сербский и/или сербскохорватский, <http://www.rts.rs/page/stories/sr/story/125/Dru%C5%A1tvo/45760/Srpski+jezik+govori+12+milion+ljudi+.html>.

⁸ Количество человек, называющих своим родным языком сербский, бошняцкий, черногорский, хорватский и/или сербскохорватский/хорваткосербский.

⁹ Данные из переписей населения стран мира.

сербского, хорватского, боснийского и черногорского языков. Штокавское наречие распространено в Сербии, Боснии и Герцеговине, Черногории, на большей части Хорватии, а также в некоторых районах Венгрии и Румынии. Два других наречия сербскохорватского языкового континуума, кайкавское и чакавское, встречаются в основном на территории Хорватии и часто рассматриваются как наречия хорватского языка, в то время как «штокавское наречие в высшей степени сербский народный говор» [Радовановић 1996]. Название наречий происходит от разницы в произношении вопросительного местоимения *что* («шта», «што»), в отличие от кайкавского «*кај*» и чакавского «*џа*». Штокавские диалекты относятся к диалектному континууму, который появился на территории средневекового сербского государства и соседних северных и западных районов.

В Сербии встречаются следующие диалекты: шумадийско-воєводинский, смедерево-вршацкий, косовско-ресавский, призренско-южноморавский, сврлижско-запланьский, тимокско-лужницкий (торлакский), восточногерцеговинский и зетско-южносанджакский [Ивић 1956]. Основу современной стандартной языковой нормы составляет шумадийско-воєводинский и восточногерцеговинский диалекты сербского языка.

Сербский язык — это флективный язык. Существенной характеристикой, отличающей его от русского, является тональное ударение. Сербский язык принадлежит к типу SVO. Существительные имеют семь падежей, два числа и три рода. У глаголов семь времен (прошедшее, настоящее, будущее, точное будущее, аорист, имперфект, плюсквамперфект), три наклонения (сослагательное, повелительное, кондиционалис) и два аспекта.

Сербский язык использует в качестве письменности два алфавита: основанный на кириллице и на латинице. В период существования СФРЮ в Сербии и Черногории кириллица и латиница изучались параллельно, однако кириллица преобладала в обиходе Сербии и была фактически единственным алфавитом Черногории; в Боснии, напротив, чаще употреблялась латиница. В современной Сербии кириллица является единственной официальной письменностью (статус закреплен законодательно в 2006 г.), однако вне официального обихода латиница используется так же часто. Носители сербского языка без затруднений переключаются с одного письма на другое. С одной стороны, имеет место настоящая синхронная диграфия, что может привести к утрате одной из систем (более вероятно — кириллической).

Поэтому официальная языковая политика направлена на сохранение кириллицы (официального письма) и пытается вести борьбу за ее сохранение, о чем свидетельствует, например, предложенный новый законопроект Министерства культуры и образования Республики Сербии (июнь 2017 г.) об официальном статусе языка и письма, в котором кириллица признается неотъемлемой частью сербского языка, статус кириллицы утверждается как основной (серб. *мајични*), а статус латиницы как вторичный. С другой стороны, параллельное использование двух письменных систем способствует более быстрому овладению иностранными языками как на кириллической, так и на латинской письменности. Помимо этого, в Сербии традиционно весьма демократично относятся к иностранным языкам, поэтому зарубежные фильмы, сериалы, передачи, реклама и т. д. никогда не дублировались, лексика, используемая в компьютерной сфере, в своем исходном виде вошла в сербский язык. Поскольку жители Сербии часто имеют дело с иностранными языками на своей родине, возможно, этот навык помогает им лучше усваивать русский язык в естественной языковой среде после переезда в Москву (помимо того обстоятельства, что русский и сербский родственные языки).

3. Русский язык в Сербии и изучение русского как иностранного

Обязательным предметом для изучения во всех начальных школах, гимназиях и профессиональных технических училищах, а также при обучении большинству специальностей в университетах является английский язык. Английским свободно владеют представители молодого поколения: по состоянию на 2012 г. в школах его изучали более 580 тыс. человек. На втором и третьем местах по популярности идут немецкий (87 тыс.) и французский (80 тыс.). Русский занимает 4-е место с 63 тыс. учеников в школах, при этом большую часть владеющих в той или иной мере русским языком составляют представители старшего поколения. Несмотря на то что русский язык в качестве школьного предмета изучает каждый десятый школьник (а для представителей старшего поколения он был обязательным), большинство испытуемых свой уровень знания русского языка до приезда в Россию оценивает как очень низкий или явно недостаточный¹⁰.

---

¹⁰ По данным исследования автора.

Сербские студенты изучают русский язык на подготовительных факультетах (кроме студентов и специалистов филологических и лингвистических направлений). По сравнению с другими изучающими, у которых родной язык не славянский, уровень знания русского у сербов, по моим наблюдениям, довольно высокий, хотя их русская речь часто сопровождается акцентом и явлениями межъязыковой интерференции. Представители этноса, которые переезжают в Москву в дошкольном или школьном возрасте, изучая язык по школьной программе и погружаясь в языковую среду, усваивают язык очень быстро на уровне носителей. О втором поколении, родившемся в Москве, речь пойдет ниже.

4. Сербский этнолект в Москве

По данным Ethnologue¹¹, в Российской Федерации на сербском языке говорит 11 043 человек¹². Численность самих народов, для которых сербский (и/или сербскохорватский, хорваткосербский, хорватский, боснийский, черногорский) является родным языком, составляет 4251 человек; сюда входят сербы, хорваты, боснийцы и черногорцы (перепись 2010 г.)¹³. По той же переписи число этнических сербов в Москве 1194 чел., а вместе с остальными народами сербскохорватского ареала 1615 чел.

Представители сербского этнолекта с высшим образованием, как правило, знают английский и иногда некоторые другие иностранные языки.

Для сербского этнолекта (варианта русского языка, на котором говорят этнические сербы, владеющие сербским языком в качестве родного) характерен фонетический облик, несколько отличающийся от нормы русской речи, ср. следующее высказывание: «Ни один русский звук не произносится точно так же, как самый похожий на него сербский звук. Но разница часто очень мала» [Пипер 2012].

Близкородственные сербский и русский языки разделяют немало похожей лексики общего происхождения, благодаря чему русский язык воспринимается носителями сербского как

---

¹¹ <https://www.ethnologue.com/language/srp>.

¹² Данные Всероссийской переписи населения 2010 г., включающие представителей боснийского и хорватского этноса.

¹³ Всероссийская перепись населения 2010 г.

в какой-то степени понятный и без изучения. Помехой являются сильные фонетические различия между языками. Основное различие на фонетическом уровне состоит в отсутствии в сербском языке противопоставления по твердости-мягкости согласных. Мягких согласных в сербском языке всего пять: *j* [j], *љ* [ʎ], *њ* [ɲ], *ћ* [tɕ], *џ* [dʒ]. Также в сербском языке отсутствует позиционное смягчение согласных перед гласными переднего ряда, характерное для русской нормы.

Следующие примеры из исследований автора иллюстрируют особенность сербского этнолекта — непоследовательное позиционное смягчение согласных перед гласными переднего ряда¹⁴:

- (1) *Сл.: Русский тоже появился в школе/ [ʃkolə] , но я не любил русский/*
- (2) *М.: Я могу рассказать анекдот/, который/, который мне рассказал . коллега [kɐlɛgə] на работе. Можно?*
- (3) *Сл.: ...По субъективном чувству принадлежности-и [pr'ɪnadelɛznəs'ɪ] .*
- (4) *Т.: Все время [vr'etɪa] дедушка со мной общался исключительно на английском*
- (5) *О.: Студент [studənt]*

Вокалическая система сербского языка состоит из пяти гласных: *a* [a], *e* [e], и *i* [i], *o* [o], *u* [u]. Трудность для московских сербов вызывают русские гласные — *ы* [ɨ] и *э* [ɛ], которых в родном языке не существует.

- (6) *Й.: Мы учили русские песни, например, «Миленький ты [t'i] мой»/ и другие/, и такие я очень хорошо запомнил*
- (7) *Е.: ..поэтому что от ударения часто зависит и смысл [sm'isl] определенного слова, да/*
- (8) *Сл.: Ну они сербы [s'erb'ɪ]/*
- (9) *Т.: Потом магистратура по мультимедийному дизайну/ на Институте Культуры [kɐl'tur'ɪ] / . в Химках/ в Москве*

¹⁴ Здесь и далее по тексту все примеры получены из собственных полевых исследований автора, проведенных в 2017–2018 гг. в г. Москва в рамках проекта «Языки Москвы».

- (10) Сл.: У них даже нет привычки/ [pr'iv'itsk'ɪ] , чтоб они/ . как бы концентрировались в одном районе
- (11) М.: Ну, в День государственности/ и-и, ну как **бы** [b'ɪ] там, была . то есть присутствовала на / . Видовдане/, это наши тоже праздник/
- (12) С.: Я посещаю даже и, и-и и сербский храм/ здесь, в Москве, и русские храмы здесь/, и Храм Христа Спасителя/ . но/ э-э . как **бы** [b'ɪ] я сказал. молюсь на сербском/
- (13) Т.: Первый выучил [v'itɕɪl] . сербский
- (14) О.: ..поэтому **бывает** [b'ivaət] , что . Вы просто не понимаете какое-то слово в начале

Системы гласных отличаются еще и тем, что в сербском языке гласные произносятся без позиционно обусловленных изменений, в то время как в русском языке гласные сильно редуцируются. В сербском языке все без исключения гласные произносятся четко, независимо от того, ударные они или безударные. Очень развитая система тонического ударения в сербском, различающая 4 разновидности акцента на ударных слогах и долготу/краткость на безударных слогах, не влияет на качество безударного гласного. Поэтому в сербском этнолекте гласные в безударной позиции произносятся более четко, чем в норме русского языка. Это особенно выражено у инофонов, изучающих русский как иностранный посредством письменных источников. Поскольку в родном языке орфография фонетическая и каждая буква представляет собой точное графическое отображение определенного звука, у сербов появляется склонность переносить этот принцип и на русский язык.

Одна примечательная особенность сербского этнолекта связана с фонетическим принципом орфографии и проявляет себя довольно часто — замена мягкой русской аффрикаты ч [tɕ] твердой ч [tʃ], хотя в инвентаре сербского языка существует намного более похожая по звучанию на русскую мягкую ч [tɕ] — аффриката ħ [tɕ'] (она мягче русского ч [tɕ]). В сербском языке существует пять аффрикат — ц [ts], ч [tʃ], ц [dʒ], ħ [tɕ'], ħ [dz'] [Станојчић, Поповић 2012]. Две пары аффрикат — ħ [tɕ'] и ч [tʃ] глухие, ħ [dz'] и ц [dʒ] — звонкие и есть одна непарная глухая ц [ts] (значительно мягче русского эквивалента). Поскольку носители сербского языка на письме

видят букву ч, которая в их родном языке произносится твердо, то проявляется влияние родного языка и его правил.

- (1) Т.: *русский выучил [v'itɕeɪl] с 26 лет/, нача́л/ по . приезду в Россию/.*
- (2) М.: *чуть-чуть [tɕɪt'ɕeɪt']/*

Этой интерференции также способствует и ряд одинаковых или похожих корней, что еще больше усложняет ситуацию. Приведем несколько примеров: точка — серб. тачка; ручка — серб. ручка (рукоятка); человек — серб. човек; изучать — серб. изучавати; значит — серб. значи; печенье — печење (мясо, запеченное на вертеле, жареное мясо); чудо — серб. чудо; четверг — серб. четвртак; часто — серб. често; часы — серб. час, часом (мгновение, мгновенно), чистить — серб. чистити; четыре — серб. четири и т. д.

Сербские согласные *ж*, *ш* и *ц* произносятся мягче русских эквивалентов [Мароевич 1983]; [Пипер 2015]. Эта разница по твердости данных согласных проявилась и в материале проведенного анкетирования:

- (3) Й.: *Если немцы [n'etɕ'i], например/, я общаю на немецком, да.*
- (4) М.: *День Святого Саввы и День государственности отмечали в посольстве/, а Видовдан в одной церкви [tɕ'etkv'i] . в Москве.*
- (5) Сл.: *я . жил . в Греции/ [gr'etɕ'ɪə] и/ . в Германии*
- (6) С.: *Длительная командировка/, работа по специальности [sp'itɕ'ɪal'nəs'ɪ'i],*
- (7) Сл.: *Нет, не специально. [sp'itɕ'al'nə]*
- (8) М.: *Я назвала африканца черным человеком/, потому что у нас как бы [b'i] есть такое устойчивое выражение [v'irvɕ'en'ɪə] (смех)*

На лексико-семантическом уровне, как и в случае взаимодействия между другими родственными славянскими языками, у носителей могут возникнуть проблемы или недоразумения. Как, например, со словами близкими по звучанию, но различными по смыслу. В сербском языке слово *наравно* имеет значение ‘конечно’; русское слово ‘печенье’ похоже на сербское *печење* (мясо, запеченное на вертеле, жареное мясо).

(9) *Исслед: Пол?*

С: Мужской [mɛʃsk'ij], наверно.

(10) *О: Когда я был у друга дома/. пьем чай и о-он спрашивает/ будешь печенье/ ..а я думаю...разве сейчас будем кушать/. не время обеда еще, да/ (смех)*

Таких так называемых «ложных друзей переводчика» довольно много, и именно они способствуют специфической лексической интерференции между родственными языками. Приведём лишь небольшой список из множества примеров (слева — русские слова, справа — похожие сербские слова и их значения): корица — серб. *кóрица* ‘корка’, бокал серб. *бóкал* ‘графин’, кружка — серб. *крушка* ‘груша’, баба — серб. *баба* только ‘старуха’, сложно — серб. *сложно* ‘дружно’, майка — серб. *мајка* ‘мать’, буква — серб. *буква* ‘бук’, слово — серб. *слово* ‘буква’, речь — серб. *реч* ‘слово’, понос — серб. *пóнос* ‘гордость’, пролив — серб. *прóлив* ‘понос, диарея’, скоро — серб. *скоро* ‘недавно, почти’, право — серб. *право* ‘прямо’ и т. д.

5. Языковая среда и поддержание этнического языка

Языковая среда сербскоговорящих в Москве неблагоприятна для поддержания и сохранности этнического языка. Посольство Республики Сербии в Москве является единственным местом, где сербы могут получить помощь, отметить государственные праздники, посмотреть малоактуальные (особенно для молодёжи) выставки и послушать музыкальные выступления, которые организует само посольство. В Москве нет детских садов, школ с изучением сербского языка или каких-либо дополнительных кружков для детей, нет мультфильмов и детских программ по телевидению (только через интернет). Поддержание родного языка сводится к индивидуальной заботе и усилиям через общение с родителем/родителями (часто один из родителей не говорит по-сербски, т. к. сербом не является); родственниками (интернет или поездки на родину); общение с сербскоязычными жителями Москвы, которые предпочитают встречаться в сербских ресторанах (их в Москве порядка 15).

Раньше при посольстве Сербии существовала регулярная школа с двуязычной программой в младших классах (1–4), и с факультативами для средней и старшей школы (5–11) для детей сербского происхождения. Она насчитывала более 200 учеников. Но,

поскольку серьезная государственная поддержка отсутствует, фактически каждая инициатива сводится к индивидуальным усилиям¹⁵. Сербское сообщество в Москве нуждается хоть в одном серьезном культурном центре, где специальное внимание уделялось бы изучению этнического языка. При этом наше собственное исследование показало, что все опрошенные сербы считают важным знать язык для подтверждения своей этнической идентичности.

Существуют школы иностранных языков, в рамках которых преподают в том числе сербский язык, но они рассчитаны на взрослых и на иностранцев. Сербский язык изучают русские дети в общеобразовательном частном учреждении «Православная классическая гимназия во имя иконы Божией Матери “Знамение” в Ховрине», как иностранный он изучается на кафедрах славистики и славянских языков в нескольких московских вузах (насколько автору известно, эти кафедры не пользуются большой популярностью и проводят обучение практически без сербских преподавателей — носителей языка).

Хотя большинство представителей этноса не нуждается в собственной церкви, исторически будучи приверженцами той же веры, что и принимающее население, с 1874 г. существует храм Святых Апостолов Петра и Павла у Яузских ворот, подворье Сербской православной церкви. Там в богослужении используется церковнославянский язык, как и в Сербской церкви (наряду с сербским).

Заключение

Несмотря на многолетнюю историю, сербская диаспора в Москве весьма малочисленна и составляет лишь несколько тысяч человек. Родство сербского и русского языков, а также недостаточный уровень изучения русского как иностранного в учебных заведениях Сербии часто приводят к сильной межъязыковой интерференции у носителей сербского языка в Москве. В то же время московские сербы средних и старших возрастов, не до конца усвоившие русский язык, при этом не имеют проблем с интеграцией в местное общество, что выражается, в частности, в распространенности смешанных русско-сербских браков.

---

¹⁵ По данным представителей кабинета чрезвычайного и полномочного посла Республики Сербии в РФ.

Наибольшим образом культурная и языковая ассимиляция сказываются на следующем поколении, родившемся уже в России, которое фактически не владеет сербским языком или владеет на минимальном уровне. Этому способствует и то, что сербы не селятся поблизости друг к другу и не образуют активных сообществ. В совокупности всё вышеперечисленное приводит к слабой сохранности сербского языка в Московском регионе.

Литература

- Ивић 1956 — П. Ивић. Дијалектологија српскохрватског језика: Увод и штокавско наречје. Нови Сад: Матица српска, 1956. [P. Ivich. Dialektologia srpskohrvatskog jezika: Uvod i shtokavsko narechie. [Dialectology of Serbo-Croatian language: introduction and the Shtokavian dialect]. Novi Sad: Matica srpska, 1956].
- Пипер 2012 — П. Пипер. Граматика руског језика у поређењу са српском. Београд: Завет, 2012. [P. Piper. Gramatika ruskog jezika u poredieniu sa srpskom [Russian grammar in comparison with Serbian]. Belgrad: Zavet, 2012].
- Маројевић 1983 — Р. Маројевић, Граматика руског језика. Београд: Завод за уџбенике и наставна средства, 1983. [R. Maroyevich. Gramatika ruskog jezika [Russian Grammar]. Belgrade: Institute for Textbooks and Teaching Resources, 1983].
- Мартинович 2018 — Н. Мартинович. Степень противопоставленности идиомов сербскохорватского ареала. Магист. дисс. Москва, ОТИПЛ МГУ, 2018 (рукопись). [N. Martinovich. Stepen' protivopostavlennosti idiomov serbokhorvatskogo areala [The grade of opposition of the idioms of the Serbo-Croatian language. An M. A. thesis]. Moscow: OTiPL MGU, 2018 (a manuscript)].
- Станојчић, Поповић 2012 — Ж. Станојчић, Љ. Поповић. Граматика српског језика. Београд: Завод за уџбенике, 2012. [Zh. Stanoychich, L. Popovich. Gramatika srpskog jezika. [Serbian Grammar]. Belgrade: Institute for Textbooks, 2012].
- Радовановић и др. 1960 — М. Радовановић. Српски језик на крају века. Београд: Институт за српски језик САНУ, 1960. [M. Radovanovich. Srpski jezik na kraju века. [Serbian at the end of the Century]. Belgrade: Institute for the Serbian language of SASA. 1960].

Источници

- Попис становништва, домаћинства и станова 2011 у Републици Србији [Census of population, households and housing in the Republic of Serbia, 2001] <http://popis2011.stat.rs/>.

Министерство иностранных дел Республики Сербия [Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Serbia] <http://www.mfa.gov.rs>.

Министерство внутренних дел Российской Федерации [Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation] <https://мвд.рф>.

Всероссийская перепись населения 2010 года [Russian State Census, 2010] www.gks.ru.

Организация сербских студентов за границей [Organisation of Serbian Students Abroad] <https://www.ossi.rs/>.

Портал «Этнолог» [Ethnologue: Languages of the World] <https://www.ethnologue.com/>.

Кабинет чрезвычайного и полномочного посла Республики Сербии в РФ [Cabinet of the Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Republic of Serbia to the Russian Federation] <http://www.moskva.mfa.gov.rs/>.

Y. Matras

University of Manchester, Manchester, Great Britain

THE MULTILINGUAL MANCHESTER RESEARCH MODEL: AN INTEGRATED APPROACH TO URBAN LANGUAGE DIVERSITY

1. Introduction

In this contribution I outline a new approach to research on urban language diversity, with the potential to innovate methods of enquiry in a number of ways. First, the model involves external (non-academic) stakeholders in an iterative process of enquiry, seeking inspiration from the practical challenges that they face in areas such as heritage language maintenance and service provision to a multilingual population.

Next, it engages students, benefiting from the questions that they raise as well as from their experience of direct immersion with communities of practice in the local voluntary and public sectors. This latter experience is facilitated through a student volunteering and placement scheme that creates a setting for research where enquiry is reciprocal and researchers ‘give back’ knowledge and skills to local actors.

Finally, it adopts a holistic approach to language practices, one that incorporates a wide range of methodological tools and types of data and data analysis. These include conversation and structure oriented analysis of interaction in multilingual contexts, ethnographic observations and analysis of narratives and meta-discourses about language and identity, as well as investigation of language policy at macro-, meso-, and micro-levels and development of new digital tools to capture data.

This approach, which we have previously described as a ‘non-linear’ model of participatory research [Matras, Robertson 2017] on account of its dynamic reciprocity, its iterativity and responsiveness, is designed to capture a holistic picture of multilingual practices in the complex setting of the globalised city. It also aims to find an ethical way of accommodating to a new academic environment in which students

are regarded as clients and external stakeholders are viewed as target beneficiaries of research. At the higher level of university management, this environment is partly driven by metrics that are intended to measure performance in terms of student satisfaction and graduate employability, and the impact of research on the daily practice of non-academic audiences. Resource allocation for both teaching and research is often linked to such performance indicators. Our model looks for a way to embed research into this reality, while at the same time utilising it to re-define the relationship between academia and its environment as one that is mutually productive. It thus offers gains that are both of an academic and a social nature: On the academic side, it opens up new avenues of enquiry by testing ideas in new collaborative settings. On the social side, it seeks to re-negotiate the balance between expertise that is commissioned in order underpin policy, activism that mobilises knowledge for a pre-defined cause, and the kind of Intellectualism that manifests itself as informed commentary, independent of, but not indifferent to the possibility that critique may succeed in setting in motion change in practice.

2. The context:

New directions in the study of urban multilingualism

Research on urban language diversity owes much to the pioneering work of [Garcia, Fishman 1997], who present an inventory of minority language communities in a metropolis. The contributions to their volume on New York's 'multilingual apple' rely on a combination of observation and introspection. They address 'communities' as discrete entities with more or less unchallenged boundaries — well represented by the division into chapters each devoted to a different language. The series of large-scale surveys by [Extra, Yağmur 2004] and collaborators present inventories of a different kind (see also [Barni, Extra 2008]). Here, the aim was to provide an overview of language maintenance trends and practices through the lens of a uniform quantitative approach, designed to capture a scalar picture of attitudes to home languages among school pupils in various large European cities. Introspection is replaced by self-reporting, and the qualitative overview by a computational grid that measures language vitality. The compositional nature of the multilingual city as an assembly of communities thus gives way to the multilingual city as an integrated whole, with the school institution as its proxy and its language communities as discrete (digital) components.

Inventories of urban linguistic landscape, captured in the form of quantitative surveys that correlate language to location and outlet [Landry, Bourhis 1997], offer another measure of language vitality.

Heller [2011] introduces a new view of the city as the site of language policy that is localised as well as pluralised and is therefore in a sense ‘post-national’. This coincides with a new focus on practices of local actors and networks of actors in individual institutions and sites [Cadier, Mar-Molinero 2012], reflecting a new understanding of ‘policy’ as enacted not just in the form of scripted documents, drafted and implemented by state agencies, but characterised by smaller units of practitioners and ad hoc practice-bound partnership constellations that operate at the micro-level [Liddicoat, Baldauf 2008; Bonacina-Pugh 2012; Davies, Ziegler 2015].

These developments have accompanied a conceptual shift from an understanding of pre-set categories and groups as determining practice, to a view of practice as embedded in space and responsive to permeating constellations where categories are fluid [Blommaert, Collins, Slembrouck 2005]. This shift has been labelled ‘critical sociolinguistics’ — a new approach to the study of language practices that questions stable correlations between linguistic variables and extra-linguistic descriptors and is instead set to capture the constant dynamics of change that are characteristic of the complexity of the multilingual city and its superdiversity [Blommaert, Rampton 2011; Blommaert 2013; Arnaud et al. 2015]. Studies inspired by this conceptual framework investigate the multilingual metropolis through the prism of practices in which individuals engage as they move across places as part of their daily routines [Lamarre 2013; Pennycook, Otsuji 2015]; or through the lens of life histories [Stevenson 2017], intertwined with actors’ self-reflection on practices and the surrounding public narratives on language and identity.

Pursuing the critical channel further, researchers have been turning the notion of ‘translanguaging’ from a designation of practice (where users resort simultaneously to a full range of elements from their wholesale repertoire of linguistic forms, cf. [Blackledge, Creese 2010], to a designation of method, where they question language boundaries as an analytical concept and look beyond linguistic structures at multi-modal aspects of communication in cross-cultural settings [Li Wei 2018]. The ‘critical’ aspect takes a literal sense when authors overtly question the usefulness of wide scale surveys that capture quantitative data on languages,

dismissing them as ‘demo-linguistics’ [King 2015; Pennycook, Otsuji 2015] that fail to capture actual practice.

My reflections are anchored in a trajectory of a sequel of works which together seek to develop a framework that is integrative and holistic: It is integrative, in that instead of negating earlier concepts, such as the search for quantitative indicators of language vitality, it tries to reconcile them wherever possible with newly emerging methods and theory. It is holistic, in that it aims at developing tools to describe various aspects of urban multilingualism: from individuals’ functional management of a complex repertoire of linguistic structures as a pathway to an explanatory model of contact induced structural change [Matras 2009], through an interpretation of the city’s language landscape as a map of repertoire management and spatial construction [Gaiser, Matras 2016b; Matras, Gaiser, Reershemius 2018], to an assessment of language policy and provisions in the city [Matras, Robertson 2015; Matras 2017], and the development and piloting of new research tools [Matras, Robertson, Jones 2016] and participatory research models [Matras, Robertson 2017]. Bringing together this range of enquiry strands, we are in a position to formulate a new epistemology of urban multilingualism: We ask how active engagement with practice communities informs and shapes our enquiry, and how, through the model of reciprocity of knowledge exchange, facilitated by the ‘civic university’, research makes an active contribution to shaping public narratives on language and in that way, potentially, also to shaping practice.

3. The setting: Language diversity in Manchester

Manchester is known as the world’s first industrial city, which owes its growth to labour migrants first from neighbouring regions and subsequently from overseas. It is also the historical setting of radical movements in support of the abolition of slavery, reform of parliamentary representation and universal suffrage, nuclear disarmament, asylum for refugees, and other causes of equality and social justice. As industry declined in the late 1970s, the city began to re-brand itself. A concentrated regeneration effort was launched in the late 1980s and early 1990s, characterised by a model of partnership between the public and private sectors and community initiatives aiming to capitalise on the city’s diversity to project a cosmopolitan image that blends prosperity with empowerment and social justice [Peck, Ward 2002; Williams

2003; Young et al. 2006]. As austerity measures were introduced in the aftermath of the 2008–2009 financial crisis, creating a hole in the budget of local authorities, the city embarked on a strategy that would see voluntary sector initiatives take on more responsibility for advice and support, helping in particular what is regarded as ‘emerging communities’ acquire so-called ‘resilience capital’, which in effect means avoiding or overcoming dependency on municipal agencies for basics such as access to housing and routes into employment.

Manchester’s population is currently estimated at around 530,000, but the city serves as a commercial and cultural centre for a metropolitan area with a population five times larger. In the 2011 Census, 16.6 % of households, representing around 85,000 residents, declared a ‘main language other than English’. However, it is widely believed that this figure underestimates the number of multilingual households [Matras, Robertson 2015]. For one, there was lack of clarity as to whether the term ‘main language’ represents personal preference, proficiency, or frequency of use (see below). In addition, respondents who would attribute the same or similar importance to English as they do to another language did not have the opportunity to indicate this on the census. That, together with the realisation that the number of multilingual households has increased since 2011, puts the likely proportion of households that use languages other than or in addition to English at anywhere between 30–40 %, or roughly 150,000–200,000 of the city’s residents. Recent annual School Census data show that around 40 % of school pupils are identified as having a ‘first language’ other than English. Again, it is believed that this figure under-reports multilingualism, as it does not necessarily take into account children who speak English at home with one parent and another language with another parent. The realistic figure of pupils with a multilingual background is thought to be upwards of 50 %.

Statistical sources on the number of languages spoken in the city also vary. Published data from the 2011 Census named around 70 individual ‘main languages’ that were reported by respondents, and grouped additional languages by region of origin. The complete list of responses provided to us by the Office for National Statistics contains a total of 286 languages for the city of Manchester (367 for Greater Manchester), of which, however, only 169 (230 for Greater Manchester) were listed by 5 respondents or more. The annual School Census for Manchester tends to report upwards of 150 different languages as pupils’ ‘first languages’. Interpreter requests in the health care sector show regular demand for around

120 languages. Languages with large numbers of speakers include Urdu, Chinese, Arabic, Polish, Panjabi, Bengali, Somali, Persian, and Kurdish. French and Portuguese are widespread among communities of both African and European origins. Greater Manchester has the country's highest speaker concentrations outside of London for a number of languages including Yiddish, Somali, Kurdish, and Romani.

Of the city's 32 wards (administrative units with an average population of around 16,000), 5 have more than 60 % of children who speak a language other than English in the home, and in another 8 the figure is more than 40 %. In over 20 Manchester schools, pupils who have a first language other than English make up more than 70 % of the school population. Around 45 Manchester schools identify more than 30 different first languages that are spoken among their pupils. The most frequent languages include Urdu, Arabic, Somali, Panjabi, Bengali, Polish, French, Yoruba, Portuguese, Chinese, Pashto and Kurdish.

Census figures from 2011 suggest that around 3.5 % of the population, or roughly around 17,000, rated their proficiency in English as low or non-existent. In 2017, around 4,000 people were believed to be enrolled in various classes for English as Second or Other Language (ESOL), with an estimate of around 1,000 being on waiting lists. Public services in the city generally maintain provisions for interpreting and translation. The city council operates a translation and interpreting service with 11 contracted staff and around 200 freelance vendors, who respond annually to over 12,000 requests for interpreting and translation in more than 70 different languages. One of three major hospital trusts in the city, Manchester University NHS Foundation Trust (MFT), maintains an in-house translation and interpreting department with around 10 full-time and additional 10 part-time staff who are supported by external contractors; together they respond to around 50,000 annual face-to-face and telephone requests for interpreting in around 100 different languages. Other hospitals, and the city's emergency services, rely on a number of local contractors for interpreting and translation who often draw on the language skills of local residents. Manchester's General Practitioner (medical) surgeries register upwards of 15,000 interpreting requests annually. Languages with a high demand for interpreting services are generally those that are most widespread in the city, including Urdu, Panjabi, Arabic, Polish, Bengali, Persian, Kurdish, Cantonese, and Somali, as well as Romanian.

It is estimated that around 3,000–4,000 Manchester pupils take secondary school level exams in foreign languages every year, though

precise figures are difficult to come by since schools contract a number of different authorised providers of examinations. The majority of these qualifications are in European languages, mainly French, Spanish, and German; but hundreds of pupils each year complete exams in ‘community’ or ‘heritage’ languages (the label given to languages that are spoken by local immigrant communities, and more importantly, the way of designating language courses that are taken up largely by pupils with exposure to the language in the home context). These include, in Manchester, mainly Urdu, Arabic, Panjabi and Polish (cf. [Matras, Robertson 2015]). Upwards of fifty supplementary schools operate in the city, offering weekend classes in the city’s principal community languages such as Arabic, Urdu, Bengali, Panjabi, and Polish, but catering also to some of the city’s smaller or incipient communities such as Tamil, Turkish, Somali and Uyghur. Manchester’s Haredi or so-called ‘ultra’ Orthodox Jewish community operates community schools that use Yiddish as a medium of instruction and Hebrew as the language of study of scripture. A good measure of community language vitality are the city’s linguistic landscapes, which feature some 50 different languages on public signs of commercial outlets, cultural and religious institutions, and occasionally on public sector notices [Gaiser, Matras 2016b].

4. The MLM model

Multilingual Manchester¹ was set up in the academic year 2009–2010 as a new model for high impact and participatory research. It was conceived of in pursuit of two main objectives: First, to secure a framework in order to make the archived outcomes of previous research on languages sustainable beyond the lifetime of the external funding that supported that research, by pooling together the work of various colleagues under an overarching umbrella that would be able to generate continuous resources for adequate infrastructural support. This was a reaction to the high volatility of IT support within the institution. It followed a period in the early 1990s during which considerable resources had been allocated by UK research councils to support the creation of digital resources in the humanities. But the absence of a local, institution-based framework to sustain that investment meant that there were no safeguards to protect the products of that research.

---

¹ <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk>.

Second, with student numbers in Language degrees beginning to decline and a trend gaining pace to shut down Language departments at various universities around the country, the future of Language studies seemed to depend increasingly on institutions' ability to offer innovative learning environments. The vision that guided MLM at that point in time was that Manchester could stand out among its immediate 'competitor' institutions by linking its teaching programme in languages to the city's linguistically diverse environment. This called for an approach that turned the city and its language communities, and the challenges that language diversity poses to public sector services as well to issues of community and civic identity, into an active, innovative and creative research setting. The pathway to achieve this goal necessarily involved establishing links with language communities and public services, in order to open up observation opportunities [Matras, Robertson 2017].

The concept failed to resonate at first with the management at the local level, where department and programme boundaries stood in the way of an integrated vision that would bring together a sociolinguistic agenda with the traditional focus of Modern Languages teaching. The idea of pooling together a technical and administrative infrastructure in order to sustain research outputs only appealed to a small circle of people, and was overshadowed by aspirations to create a university-wide archiving hub, plans that never materialised. The model did find support at the central level of university management. The university was at the time developing a new Social Responsibility agenda. This was a reaction to growing pressure to demonstrate a 'return' on government investment in research in the form of demonstrable impact on society, economy and policy, and growing competition among universities to recruit top students, and so to demonstrate a return on student tuition fees in the form of a unique 'student experience' as well as employability prospects. Two strands of the university's central administration supported the MLM idea: The first was a newly established fund for Social Responsibility in the Curriculum. It provided a modest award to support the creation for an online resource to archive original student research carried out as part of an undergraduate module on Societal Multilingualism, devoted to original observations carried out by students, under supervision, among the city's language communities. The second was the university's Business Engagement department. It was on the look out for new ventures to connect the university to a variety of local stakeholders, as part of the university's vision to revive its image as a 'civic university' that is tightly embedded into the

city's communal life and strategic development. With the help of Business Engagement, a 'branding strategy' was drafted for MLM. It identified potential partners for impact and the benefits that they would draw from the initiative, a communications strategy and measures of success, and the rationale for linking the model with the Manchester location.

The initial investment in an archive of student research developed into a sustained model of learning through research that led to the creation of an online archive of well over 100 research reports, constituting the largest online documentation of multilingual practices in any one city, and, with the cumulative number of contributors being around 500, the largest research resource authored exclusively by undergraduate students². Themes covered in the reports include language practices in families and community institutions, language use in local businesses, language policy of public service providers, linguistic landscapes, and more. The archive attracted the attention of local stakeholders among public service providers and schools, who contacted MLM with requests for information. This led in a number of cases to research collaboration around questions of policy and service provision that were of direct interest to the external partners. In that way, it delivered on the agenda of the MLM brand, to be of direct benefit to external stakeholders in the local community. A key contribution that brings together external engagement with the ambition to strengthen the student experience aspect is the MLM student volunteer scheme. Launched in early 2013, it was the University of Manchester's first local (department-based) volunteering initiative, operating next to the centralised Manchester Leadership Programme, a credit-bearing programme that provided generic skills training combined with a work experience module.

The MLM volunteering scheme was not integrated into a credit-bearing academic programme, but provided students of all academic programmes with an opportunity to contribute, in a highly flexible and minimally scripted manner, to a variety of activities around the general theme of language diversity. Host institutions have included Manchester Royal Infirmary, where students accompany interpreters to record patient experience feedback from patients with other languages; Greater Manchester Police, where student volunteers carried out focus groups to collect feedback on letters to victims or crime and suggested ways of re-formulating them (for the benefit of all recipients, not specifically speakers

---

² See <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/reports>.

of other languages); a group of speech and language therapists, whom students supported by creating a video outlining the benefits of family bilingualism; local schools, where students carried out events on multilingualism and language taster sessions; a series of voluntary sector organisations where students supported English conversation sessions for new arrivals, many of them refugees; public events at which they set up interactive exhibitions on language diversity; and more.

The scheme produced a range of deliverables: It gave participating students an immersion opportunity with the city's diverse population and the issues facing key service providers, and experience in working with people of a variety of backgrounds, including both 'clients' and professionals. It helped key institutions fill gaps in specific areas of service, and created in some cases lasting legacies in the form of new protocols (re-drafted letters for the police force), new materials (toolkits for English conversation sessions, and interactive exhibition materials), and dissemination outputs (such as online videos for parents in bilingual families). It put engagement with the city's language diversity high on the agenda of the university's programme of outreach to the local community, and contributed to the university's reputation as a leading contributor to the public narrative on language and cultural diversity (see below). And it opened up observation settings and opportunities to carry out research on aspects such as public service engagement with language diversity, access to ESOL provisions, and narratives of language and identity. Building on the experience and success of the volunteer scheme, in 2017 a student placement scheme was set up, offering opportunities for students at different levels, including funded placements for several weeks for PhD students of all Humanities subjects. Host institutions for placements have included the city council, where students carried out focus groups and interviews and contributed to strategic reports, and community based supplementary schools, where students contributed to the delivery of logistics and marketing.

These activities opened up opportunities to collaborate with a series of public sector institutions: Open discussion forums, private conversations around arrangements for student placements, and student research helped identify research questions that were of interest to stakeholders. These became the focus of small teams of researchers who gained access to data in the form of statistical records, interviews and observations, leading to a series of co-produced research reports covering aspects such as use and accessibility of interpreting provisions in the health care service [Gaiser, Matras 2016a], organisational setup and practices

in community supplementary schools [Gaiser, Hughes 2015], learners' experience of English as additional language classes [Vasey et al. 2018], and more. The batch of these enquiry-into-practice reports further cemented the project's reputation among local stakeholders while demonstrating the relevance of questions of language diversity to the city's various institutions. Relationships were established which led to regular knowledge exchange activities, including providing training sessions of language diversity to members of the emergency services, training programmes for supplementary school teachers delivered by facilitators whom the project recruited, support for the drafting of various city council policy papers, activity days devoted to language diversity at local schools, and public events and interactive exhibitions. Many of the activities were accompanied by audio-visual documentation that was published online and on social media, creating a vibrant platform through which to forward inspiring imagery of active engagement with issues of language diversity across sectors³. Complementing the online documentation of activities is the project's work to develop new digital tools to capture language diversity: The *LinguaSnapp* mobile app and online database and mapping tool allow crowdsourcing of annotated images of multilingual signs. Launched in early 2016 at an event with the University's President and the City Council's Deputy Leader, the app has been employed to collect and archive data for research [Gaiser, Matras 2016b] and student projects, and versions of it have since been replicated in Jerusalem, Melbourne, St Petersburg and Hamburg. The *Multilingual Manchester Data Tool*, launched in late 2018, brings together a variety of statistical datasets on languages in the city, along with background information and a mapping tool, providing a prototype tool for a general coverage and data triangulation for multilingual cities. Since its release the model has attracted much attention and UNESCO has expressed interest in adopting it as a protocol for the documentation of languages in linguistically diverse cities.

5. Case study 1: Collecting data on language

As cities become more diverse and more complex, finding solutions for efficient delivery of services become more heavily reliant on close monitoring of data, and collaboration among networks of actors

---

³ See <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/videos>.

[Wong 2015; Amin, Thrift 2017]. Such notions of ‘smart cities’, as they are defined by researchers in geography [Albino et al. 2015; Mora et al. 2017], are usually applied exclusively to the physical environment, addressing issues of transport, environmental quality, and the accessibility of public services and amenities. Little attention so far has been devoted to the role that digital tools and networking can play in capturing cultural or language diversity. While language practice, as critical sociolinguists emphasise, is dynamic and not easily captured in discrete entities with strict boundaries, language can at the same time be a tangible indicator of an element of cultural practice: A request for an interpreter for a particular language, for example, represents an act that is intended to frame, through the use of a language label, the means by which a communicative interaction (usually in an institutional setting) can be facilitated. Often the language requested does not precisely capture the language of the actual interaction. For example, it has frequently been observed that clients ask for an interpreter in Urdu, but upon establishing that client and interpreter share knowledge of Punjabi, or another regional language such as Potwari, this becomes the language of interaction, while the request remains recorded in the log of interpreter jobs as Urdu. Likewise, a recorded request for Arabic does not capture the regional dialect in which the interaction actually took place, whether both parties spoke the same, a similar, or very different regional varieties, and whether differences may have impeded communication. Nonetheless, the record taken from a log of interpreter jobs at a particular institution such as a medical facility provides an indicator of the way in which actors (clients of the institutions on the one hand, and its agents on the other) attempted to frame a procedure to facilitate interaction in order to enable a transaction of some kind between agent and client.

Other kinds of records convey actors’ various perceptions about their own or others’ linguistic reality. The national UK Census of 2011 asked respondents to indicate their ‘main language’, allowing only a single choice. The attached guidance notes explained that ‘main language’ could be the language “you were brought up using, you feel most comfortable using, you use at home, or you use most often”. Inevitably, this created ambiguity, with multilingual respondents tailoring their choice of just a single response to any of these different criteria. As a result the census data for 2011 may indicate for some respondents languages that they were brought up with, while for others they may indicate the language that they use more often. Consequently, data are not fully

comparable, nor are they necessarily complete in that many respondents will have under-reported languages that are part of their daily repertoire (even when disregarding languages that were acquired through formal instruction). Similarly, the annual School Census, which is carried out by individual local schools drawing a government template, reflects either parents' declarations about their children's 'first language' or else school staff's observations on pupils' 'first language'. This template, too, does not allow respondents to record more than one language, nor does it offer a consistent definition of 'first'. But in all these cases, records are provided of statements made by respondents, and these, in turn, document acts of framing interaction, repertoires or identities in a multilingual setting.

In response to the shortcomings of data collection tools on languages, MLM engaged in a discussion of instruments to compile data on languages, and developed a number of new tools. In Matras, Robertson, Jones [2016] we discussed problems with the School Census and introduced the School Language Survey. This was based on a method of direct face to face interviews with school age respondents, in which they were asked about the languages that they used, the persons they used them with, and language practices such as reading and writing, being read to, watching films, and attending weekend school or other extra-curricular structured language learning activity. We also piloted a rudimentary language proficiency test, design to obtain a quick and crude indication of respondents' level of fluency in each reported language. The test was based on the assumption that responses to short tasks would differ in their level of complexity and would therefore offer an indication of the level of fluency: Counting from 1–10 was expected to constitute a formulaic activity that would indicate superficial exposure to the language but not necessarily ability to communicate or even any degree of immersion in communicative routines. Naming body parts would indicate exposure to contexts where the language was being used for communicative purposes, but not necessarily an ability to hold conversations. Descriptions of daily routines would constitute the far end of the continuum and testify to at least some ability to communicate. Pupils were given a numerical score based on the spontaneity and apparent fluency with which they responded to the task. In this way the method allowed the team to collect observations on proficiency without the need to carry out audio recordings and without competence in the language. The results offered a clearer picture of pupils'

language repertoire, which enhanced the information that was available to schools from the official School Census. It also provided an indication of language vitality, by offering correlations between language proficiency and self-reported exposure to various language practices. In this way, the method went a step further not just in comparison to the School Census, but also in comparison with other research methods that relied on self-reported language preference and proficiency rather than on direct proficiency sampling, such as those described by Extra, Yağmur [2004, 2011].

The study of linguistic landscapes began to flourish in the late 2000s, as a way of investigating power relations among languages as well as the vitality of languages. Interest in correlating language, genre, message content and space gave rise to exploratory methods of mapping the location of languages on public signage [Bagna, Barni 2009, 2010]. In 2015, MLM designed and released a new digital tool to capture linguistic landscapes — *LinguaSnapp*⁴. The tool consists of three application components. The first is a mobile phone application that is downloadable for free and so accessible to all. It allows users to capture images of signs and upload them onto a database together with a set of analytical descriptors that can be entered using the application's pre-set menus. These descriptors capture information such as the number and names of languages and scripts, the position of the sign and the nature of the outlet on which it is found, and the hierarchical display of languages and accompanying multi-modality. Uploaded images with accompanying descriptors are stored in a database where they can be edited and released onto a map, which shows the image and its descriptors drawing on the GPS location sent by the mobile application. The online map is freely accessible and can be filtered based on any combination of descriptors. The release of *LinguaSnapp* introduced a new era into the documentation and archiving of linguistic landscape data, by allowing crowd sourcing and public sharing of a data corpus while also relying on key analytical descriptors [Gaiser, Matras 2016b]. Since its launch the application has served students writing essays about the city's linguistic landscapes, and schools engaging pupils with the use of online digital tools through the prism of community languages. With over 2,200 images it is currently the largest corpus of linguistic landscapes in an individual city that is publicly available. The application has

---

⁴ <http://www.linguasnapp.manchester.ac.uk>.

also been adopted and localised by several universities in other countries, the first such digital export of the University of Manchester's Humanities Faculty and a model for research, teaching and public engagement in multilingual cities.

Above I alluded to the ambiguity of the question 'What is your main language?' which first appeared in the UK Census in 2011. In Manchester, one person each put down 'Manx' and 'Cornish' as their 'main language', both languages that are considered extinct except in revivalist circles. By contrast, only very few people indicated minority or regional languages such as Romani or Yiddish, which are known to the MLM to be spoken by hundreds of people as the principal language of the home. Respondent feedback collected by the Office of National Statistics had confirmed user discomfort around the question, and as a result the Office for National Statistics (ONS) had classified the question as imposing a 'medium burden' on respondents. In its topic report on the language question from 2016, the ONS noted that "the relatively high demand for online help for this question indicated that some online respondents had difficulty interpreting the question", and also that "some non-UK born respondents were uncertain whether the question was asking about the language they first learnt or the language they most frequently spoke" (ONS Census Transformation Programme. The 2021 Census Assessment of initial user requirements on content for England and Wales, Language topic report, May 2016, p. 16). Following critique of the census question both in publications [Matras, Robertson 2015] and in media interviews, we set out to engage the ONS in a dialogue about possible amendments to the question, ahead of the final editing of the questionnaire for the upcoming UK Census 2021.

In correspondence and at a meeting with ONS officials in the spring and summer of 2018⁵, we pointed out that other countries with an English-speaking majority have a more fine-tuned question on language in their census: New Zealand asks in which languages respondents can have a conversation about a lot of everyday things. Canada asks about proficiency in English or French, and then asks respondents to list any other language used in the home and any additional language used on a regular basis, and to state which language was learnt first.

---

⁵ For a documentation see <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/census-2021-an-opportunity-to-acknowledge-multilingualism>.

South Africa asks which two languages are spoken most often in the household. The US, Australia and Ireland ask respondents whether they speak a language other than English in the home. Some countries provide a list of pre-selected languages representing those that are most widely spoken, which saves many respondents the time and effort of writing down language names and facilitates the coding of data at the evaluation stage.

Since we appreciated that the census has limited space and resource capacity to include an entire set of questions on the topic of language, we suggested that a rather simple amendment might add considerable value: Instead of the 2011 Census question pair

18. What is your main language?

19. (If the answer to 18 is not English) How well do you speak English?

we suggested that the 2021 Census might ask

18. Which languages do you use in the home?

19. If English is not your first language, how well do you speak English?

A possible alternative to 18 might be ‘Which languages do you use regularly’, but that might re-define the question from one about population composition to one about acquired skills (Canada and New Zealand ask this question).

At the time of writing, the 2021 Census is about to be discussed by the UK Parliament and unless amendments are adopted at this stage, it seems unlikely that the question will change. The response from the officials has been that they are reluctant to initiate a change for several reasons: First, the ONS follows a strict consultation process of its own in which it defines questions for consultations and puts them to a pre-selected groups of respondent organisations. Since the language question had not been put on that agenda, no responses were received on it; and since no ‘user feedback’ – as this particular process is referred to by ONS internally — was received on that question, ONS does not feel obliged to respond to it; the circularity in the argument is obvious. Next, officials said there was no space in the census questionnaire to accommodate amendments. They also suggested that processing multiple responses to the question would be costly. A further argument against a change was the need to ensure comparability of the data

across censuses. The officials went on to suggest that obtaining accurate data on language diversity was not a priority for the census's principal stakeholders, who are interested primarily in respondents' level of proficiency in English; question 18 on 'main language', they said, was merely a stepping-stone to question 19 on proficiency in English. Finally, changing the variables would also require time in order to test the new questions for quantity and the impact of data on users. The ONS's time plan foresees completion of a White Paper outlining the 2021 Census before the end of 2018, which would make it quite impossible to run such trials. Instead, there were two practical suggestions: The first was to improve the guidance notes for respondents in order to help remove the ambiguity of the question. The second, in the longer term, was to draw on other surveys in order to collate data on language diversity.

The first suggestion was taken up and our feedback is currently being considered for a reformulation of the guidance notes, though the problem of the absence of multiple entries remains. And so the best case scenario is one in which the ambiguity of the term 'main' might be reduced somewhat. At the time of writing, the outcome of the consultation process is yet to appear.

The latter suggestion — improving tools and collating data on language from different sources — is the objective of another MLM activity, coined the 'Multilingual Manchester Data Tool'⁶. The Data Tool, of which a pilot version was created online in 2018, brings together datasets on language for the Manchester area from a variety of sources: Census and School Census data, city library stock and loans and renewals by language, data on interpreter requests at hospitals and General Practitioner medical centres. These datasets have never before been collated in a single repository. The Data Tool offers a mapping element in which some of the datasets, those that cover multiple locations, can be plotted on a map, as well as a general repository where data tables can be viewed and downloaded. A set of static pages offers overviews by language including general background and selected statistics for the city, and by municipal districts (wards), featuring key data on language from the various sources including Census based self-reported level of proficiency of English by language. It is a way of raising general awareness of the city's language diversity and at the same

---

⁶ <https://sites.manchester.ac.uk/mlm-datatool>.

time a research tool and potentially an aid for understanding needs and planning provisions. Users can trace a language across areas and public services, discover the language profile of a selected area in the city, or assess the language needs in a particular service sector. The facility to triangulate datasets in each of these domains offers a more fine tuned path toward understanding the demographic distribution of speakers and an indication of language vitality, while combining the insights with the documentation of public signage offered by the *LinguaSnapp* tool enhances the picture to include the public presence of languages in the commercial and cultural sectors. The *Data Tool* also offers proof of concept: It demonstrates that cultural aspects of the city's population can find its way into the vision of smart cities, which so far has been devoted mainly to the physical environment (with a focus on such aspects as transport and physical accessibility of services). It also offers a comparison basis of different standards and practices of data compilation and formatting and in that way can help encourage service providers to share good practice and optimise approaches to data collection and data sharing.

In its current pilot format, some of the *Data Tool*'s deficiencies in fact serve this very purpose, by providing an indication of just how difficult it is to obtain up to date datasets from key public services beyond issues of data protection. Not only are there gaps in annual records, for example, but in order to allow for a comparison, different datasets need to be adapted to a similar configuration around the three principal descriptor dimensions of time, place, and language. Of those, time is perhaps the easiest dimension to process, as data can usually be summarised by year, though here too there are mismatches, with some institutions gathering data by calendar year, and others by fiscal (budget) year. For place, data import protocols have had to convert outlet names such as schools or medical centres into postcodes (not least for data protection purposes) and then postcodes into municipal ward boundaries (which are potentially subject to change in between municipal elections). For languages, synonymous labels (such as Persian and Farsi), near-synonymous or related languages (such as Persian and Dari) and spelling variations (such as Bahdini and Badini) have to be taken into account along with the potential hierarchy of cover terms to the names of regional varieties (such as Kurdish, alongside Kurmanji, Bahdini and Sorani).

Image 1: Search result display
from Multilingual Manchester Data Mapping Tool

6. Case study 2: A city language narrative

In the summer of 2013, we engaged a group of assistants among final year students of Linguistics to carry out a small survey of language provisions in Manchester. The outcome was a report entitled ‘Multilingual Manchester: A Digest’⁷. The launch of the report in august 2013 at a public meeting with stakeholders from a variety of service providers was

⁷ <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2015/12/MLMDigest.pdf>.

accompanied by a University press release⁸, which carried the headline “Manchester is Britain’s City of Languages”. The press statement reported that “the team based at the University’s Multilingual Manchester project say there could be up to 200 languages spoken by long-term residents in the Greater Manchester area”. On the same time, the Independent newspaper picked up the story, but with the headline “200 languages: Manchester revealed as most linguistically diverse city in Western Europe”. Several other daily newspapers also carried the story. In March 2015, the UK’s Association of Chief Police Officers launched the #WeStandTogether campaign to promote solidarity among groups of different faiths and cultures. The initiative was a response to the rise of far-right extremist attacks targeting in particular Muslim communities, in the aftermath of a wave of terrorist attacks by individual Muslim extremists across Europe. At the launch event, Manchester’s Chief of Police, Sir Peter Fahy, referred to Manchester as a city of 200 languages. The statement was repeated many times on social media and became emblematic of the campaign’s ethos and objectives to bring together people of various backgrounds and to celebrate diversity. In October 2015, MLM organised Levenshulme Language Day — a weekend event consisting of performances, stalls and family-friendly activities to celebrate languages. Local politicians were invited, and the local newspaper quoted a statement of support from the city council’s Deputy Leader, who several months later, in February 2016, attended the launch event of LinguaSnapp at the University. In her speech at the event, she mentioned how languages can be a bridge to bring people together, and how they offer opportunities for the city’s economy.⁹ Similar statements were made by other leaders of the city council at an event organised by MLM to mark UNESCO International Mother Language Day in February 2017, and were published on the MLM website.¹⁰

In May 2017, a suicide bomber attacked a music event at Manchester Arena, killing 22 people. The fact that the attacker, of Libyan background, was raised in Manchester, added to the shock of what was one of Britain’s worst terrorist attacks. The city united in expressions of grief, which quickly embraced the motto of cross-community and inter-faith solidarity.

---

⁸ <https://www.manchester.ac.uk/discover/news/manchester-is-britains-city-of-languages>.

⁹ <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2016/07/Speech-23rd-Feb-2016.pdf>.

¹⁰ <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/living-in-a-city-of-languages>.

The Guardian newspaper’s report on the attack and the vigils that filled Manchester’s streets cited in its second paragraph the fact that “200 languages are spoken in Manchester”, linking, in its online edition, the University of Manchester press release from August 2013. The message was repeated many times on social media, as residents linked to the article and to the original University press release and expressed pride in the city’s language diversity. In October 2017, MLM held its second Levenshulme Language Day. This time, many local politicians coordinated their visit to the event and broadcast it on social media, linking the message of language diversity with their commitment to support local community groups and community cohesion in general. In 2018, the city council’s Libraries department adopted UNESCO International Mother Language Day as a regular annual event and invited MLM to participate in a planning group for activities across the city. In the spring of 2018, the city council initiated a crowd sourcing activity calling on residents to add their own lines, in their own languages, to a poem celebrating the city, called ‘Made in Manchester’, setting a target of 100 languages, while Manchester Museum launched its refurbishment programme under the motto ‘hello future’ in 50 languages and declared its intention to become a ‘multilingual museum’.

Image 2: Twitter message citing former police Chief Constable Sir Peter Fahy at the launch of the #WeStandTogether campaign in 2015.

7. Conclusions

Above I discussed examples of the application of a new epistemology of studying multilingual communities, one in which researchers take an active part in shaping the public agenda of engagement with language diversity, and draw on that engagement as a setting for research. This approach creates new challenges. We might first ask: who are the beneficiaries of active engagement? The narrative that accompanies the research and that is communicated to the public, does more than just inform about enquiry, facts and discovery: It pitches language diversity as an advantage for the city and its residents, and awareness of language diversity and adequate responses to it as the responsibility of public agencies. The attempt to engage the public and public institutions with research findings, is thus an attempt to convince audiences of the benefit not just of the research itself but of a new assessment of the reality around them and of a vision for a society in which languages, and by proxy cultural diversity, are cherished.

At the wholesale level, the city and its residents are thus regarded as beneficiaries, as the public communications coming out of the project address issues such as improving accessibility of services (by assessing the efficiency of interpreting provisions, for instance), improving community relations (by celebrating diversity and community identities and building bridges among populations of different cultural and language backgrounds), and contributing to economic growth (by recognising languages as skills). Implicitly, the specific beneficiaries are those communities that are multilingual and seek the protection of public agencies for their efforts to maintain distinct identities including linguistic practices. Co-production ventures with public service providers in schools, the emergency services and the health care sector frame these service providers (front line practitioners) as explicit beneficiaries who stand to gain from the expertise and information that is gathered by the researchers. In the process, students are also beneficiaries by virtue of being the university's primary 'clients', through their direct involvement in project activities and the exposure opportunities that these activities open up to a range of civic processes, from the planning and delivery of public services to a culturally diverse population, and on to immersion with vulnerable or fringe groups such as refugees and minority community initiatives.

A core element of the new epistemology is thus the potential transformative effect that the research has on others, both within and outside the higher education sector. Viewed in its entirety, the model provides

a two-level script for the concept of the ‘civic university’: First, it creates an alternative narrative for the city itself. This is apparent in the manner in which the language diversity motto has been embraced in Manchester at a time when the search for a civic identity narrative has been propelled by a series of challenging events: The difficulties imposed by government austerity measures created a need to motivate community initiatives to take on new roles. The EU referendum campaign and the Brexit vote of June 2016 created tensions among communities. This was primarily a result of the Leave campaign’s strong focus on curtailing immigration and embracing a national identity narrative that directly rejects globalisation and its implications for population diversity, often accompanied by explicit linguaphobic tones [Matras 2016]. The aftermath of the Arena Bombing, in this particular context, triggered a search for a binding communal narrative.

In this context, MLM’s message is that language diversity should be embraced. Its outreach and engagement strategy is designed to alleviate the a priori abstractness of language by addressing practical issues around the role of language in improving service delivery, by highlighting language through performance and the arts as well as through technical visualisation, and by linking people’s natural emotional attachment to languages, with a discussion of identity and community relations. The latter aspect in particular resonates initially with those who feel a need to compensate for a feeling of disempowerment, namely local immigrant and minority communities; but at a time of crisis it also resonates with mainstream organisations, finding its way to the top level of the city’s leadership. Here, the iterative mode finds a clear expression in the fact that it is the research activity that first formulates principles. It then offers the city’s leaders platforms at which to reiterate those principles. Finally, it documents that very reiteration and broadcasts it in order to amplify the message and reach new audiences. In this way, the stakeholders and declared target beneficiaries are in a certain sense also the conduits of the message from which they, and those whom they serve, stand to benefit.

In Matras, Robertson [2017] we addressed a series of challenges of the reciprocal model, some with particular reference to the competitive environment that rewards measurable research impact on non-academic audiences and competes to attract students by offering a uniquely distinctive ‘experience’. These challenges included the intense process that is required to gain the trust of external stakeholders as genuine partners and not just as subjects of research and observation sites; the risk

of creating a dependency relationship once the research begins to deliver a regular service; the volatility of external partner organisations; the responsibilities associated with pastoral care of students around the volunteer scheme; and the dependency on short term resource investment from grants and university internal funds. To these we can now add three more areas of self-critical reflection that by necessity accompany the iterative engagement and outreach model:

First, there is the ethical dilemma of data management. Instruments such as the Data Tool and LinguaSnapp have the potential to expose language practices and the actors involved in them to scrutiny, and in extreme cases might even inadvertently help map them as targets for criticism or even attacks of various kinds (such as reinforcing the unfounded argument made during the EU referendum campaigns that there are “entire areas in our cities where nobody speaks English”). There are also the ethics of broadcasting a round number of languages, which in reality is difficult to support as a fully realistic representation of languages, which do not lend themselves to a simple, let alone permanent count as discrete and stable entities. The image of “200 languages” is necessarily a metaphor rather than a scientific finding. Language counting has been criticised as futile ‘demolinguistics’ in some of the recent literature on urban multilingualism [King 2015; Pennycook, Otsuji 2015]. But as explained above, the Data Tool shows the merits of capturing numbers as representations of singular events and acts of framing interactions. The metaphor of a large, round number of languages serves, in turn, a mobilisation objective, projecting a sense of multiplicity, which, in the socio-political context, challenges public narratives of cultural uniformity, fixed boundaries between communities and identities and national isolation.

Next, the model is pitched as having transformative potential for targeted beneficiaries who are public sector practitioners. In the impacted research environment, there is an aspiration to measure such benefits by attesting how knowledge exchange has instigated a change in practice. But the measurability of such exchanges and their effect varies considerably. Schools, for instance, may regard interactive sessions on language diversity as an enrichment to curriculum activities and in this way be able to certify that new teaching content or delivery methods have been introduced. Providing expertise to public bodies such as the National Health Service, the Police, or the Office for National Statistics is, however, a very different process. Here, results may be acknowledged at a certain level of officials and may enhance their understanding

of problems but the pathways to change of practice are long and complex. In the NHS, we experienced interest in our findings from co-produced research on language provisions in access to primary care [Gaiser, Matras 2016a] but an inability to adopt structural changes at the level at which the research was commissioned, or to escalate the issues to the proper executive level. With Greater Manchester Police, very practical recommendations to change the style and content of letters sent to victims of crime proved difficult to implement due to a general overhaul of the force's approach to communications and the contracting of a new external provider for IT related matters, which includes the procedure for generating such letters. The reactions of ONS officials were described above.

Finally, as researchers seeking to influence public attitudes we are finding ourselves having to negotiate a fine line between the dissemination of research results and the propagation of possible solutions to problems, and the need to lobby, campaign and engage in advocacy in order to ensure that proposals are given due consideration and implemented. This means that the 'civic university' model requires researchers to have not just a methodology, but also a vision for society. Risk assessment and risk management strategies for this new role are still under development and will require considerable critical reflection in the future.

References

- Albino et al. 2015 — V. Albino, U. Berardi, R. M. Dangelico. Smart cities: definitions, performance and initiatives // *Journal of Urban Technology*. 2015. Vol. 22. Issue 1. P. 3–21.
- Amin, Thrift 2017 — A. Amin, N. Thrift. *Seeing like a city*. Cambridge: Polity Press, 2017.
- Arnaut et al. 2015 — K. Arnaut, J. Blommaert, B. Rampton, M. Spotti. *Language and superdiversity*. London: Routledge, 2015.
- Bagna, Barni 2009 — C. Bagna, M. Barni. A mapping technique and the linguistic landscape // E. Shohamy, D. Gorter (eds.). *Linguistic Landscape: Expanding the Scenery*. London: Routledge, 2009. P. 126–140.
- Bagna, Barni 2010 — C. Bagna, M. Barni. *Linguistic Landscape and Language Vitality* // E. Shohamy, E. Ben-Rafael, M. Barni (eds.). *Linguistic Landscape in the City*. Bristol: Multilingual Matters, 2010. P. 3–18.
- Barni, Extra 2008 — M. Barni, G. Extra (eds.). *Mapping linguistic diversity in multilingual contexts*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Blackledge, Creese 2010 — A. Blackledge, A. Creese. *Multilingualism: A critical perspective*. London: Continuum, 2010.
- Blommaert 2013 — J. Blommaert. *Ethnography, superdiversity and linguistic landscapes. Chronicles of complexity*. Bristol: Multilingual Matters, 2013.

- Blommaert et al. 2005 — J. Blommaert, J. Collins, S. Slembrouck. Polycentricity and interactional regimes in ‘global neighborhoods’ // *Ethnography*. 2005. Vol. 6. Issue 2. P. 205–235.
- Blommaert, Rampton 2011 — J. Blommaert, B. Rampton. Language and Superdiversity // *Diversities*. 2011. Vol. 13. Issue 2. P. 1–22.
- Bonacina-Pugh 2012 — F. Bonacina-Pugh. Researching ‘practiced language policies’: insights from conversation analysis // *Language Policy*. 2012. No. 11. P. 213–234.
- Cadier, Mar-Molinero 2012 — L. Cadier, C. Mar-Molinero. Language policies and linguistic super-diversity in contemporary urban societies: the case of the City of Southampton, UK // *Current Issues in Language Planning*, 2012. Vol. 13. Issue 3. P. 149–165.
- Davies, Ziegler 2015 — W. V. Davies, E. Ziegler (eds.). *Language Planning and Microlinguistics: from Policy to Interaction and Vice Versa*. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2015.
- Extra, Yağmur 2004 — G. Extra, K. Yağmur. *Urban multilingualism in Europe*. Clevedon: Multilingual Matters, 2004.
- Extra, Yağmur 2011 — G. Extra, K. Yağmur. Urban multilingualism in Europe: Mapping linguistic diversity in multicultural cities // *Journal of Pragmatics*. 2011. Vol. 43. Issue 5. P. 1173–1184.
- Gaiser, Hughes 2015 — L. Gaiser, P. Hughes. *Language provisions in Manchester’s supplementary schools*. University of Manchester, 2015.
- Gaiser, Matras 2016a — L. Gaiser, Y. Matras. *Language provisions in access to hospital and primary care in Manchester*. Report commissioned by the NHS Clinical Commissioning Groups, Manchester, 2016. <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2016/09/Language-provisions-in-access-to-primary-and-hospital-care-Sept-2016.pdf>.
- Gaiser, Matras 2016b — L. Gaiser, Y. Matras. *The Spatial Construction of Civic Identities: A Study of Manchester’s Linguistic Landscapes*, 2016. Accessed 17 July 2017. <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2016/12/ManchesterLinguisticLandscapes.pdf>.
- Garcia, Fishman 1997 — O. Garcia, J. Fishman. *The multilingual apple*. Languages in New York City. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
- Heller 2011 — M. Heller. *Paths to post-nationalism. A critical ethnography of language and identity*. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- King 2015 — L. King. Multilingual cities and the future: Vitality or decline? // L. King, L. Carson (eds.). *The multilingual city: Vitality, conflict and change*. Clevedon: Multilingual Matters, 2015. P. 179–202.
- Lamarre 2013 — P. Lamarre. Catching “Montreal on the Move” and Challenging the Discourse of Unilingualism in Quebec // *Anthropologica*. 2013. Vol. 55. Issue 1. P. 41–56.
- Landry, Bourhis 1997 — R. Landry, R. Bourhis. Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality. An Empirical study // *Journal of Language and Social Psychology*. 1997. Vol. 16. Issue 1. P. 23–49.

- Li Wei 2018 — Li Wei. Translanguaging as a practical theory of languages // *Applied Linguistics*. 2018. Vol. 39. Issue 1. P. 9–30.
- Liddicoat, Baldauf 2008 — A. J. Liddicoat, R. B. Baldauf. Language planning in local contexts: Agents, contexts and interactions // A. J. Liddicoat, R. B. Baldauf (eds.). *Language Planning in Local Contexts*. Clevedon: Multilingual Matters, 2008. P. 3–17.
- Matras 2009 — Y. Matras. *Language contact*. Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Matras 2016 — Y. Matras. The case against linguaphobia. *Manchester Policy Blogs*, 2016. <http://blog.policy.manchester.ac.uk/posts/2016/09/the-case-against-linguaphobia/>.
- Matras 2017 — Y. Matras. Can global cities have a language policy? // *Languages, Society & Policy*. 2017. Vol. 1. Issue 1. Retrieved from <http://www.meits.org/languages-society-policy>.
- Matras, Robertson 2015 — Y. Matras, A. Robertson. Multilingualism in a post-industrial city: policy and practice in Manchester // *Current Issues in Language Planning*. 2015. Vol. 16. Issue 3. P. 296–314.
- Matras, Robertson 2017 — Y. Matras, A. Robertson. Urban multilingualism and the civic university: A dynamic, non-linear model of participatory research // *Social Inclusion*. 2017. Vol. 5. Issue 4. P. 5–13.
- Matras et al. 2016 — Y. Matras, A. Robertson, C. Jones. Using the school setting to map community languages: a pilot study in Manchester, England // *International Journal of Multilingualism*. 2016. Vol. 16. Issue 3. P. 353–366.
- Matras et al. 2018 — Y. Matras, L. Gaiser, g. Reershemius. Multilingual repertoire management and illocutionary functions in Yiddish signage in Manchester // *Journal of Pragmatics*. 2018. No. 135. P. 53–70.
- Mora et al. 2017 — L. Mora, R. Bolici, M. Deakin. ‘The first two decades of smart-cities research’ // *Journal of Urban Technology*. 2017. Vol. 24. Issue 1. P. 3–27.
- Peck, Ward 2002 — J. Peck, K. Ward (eds.). *City of revolution. Restructuring Manchester*. Manchester: Manchester University Press, 2002.
- Pennycook, Otsuji 2015 — A. Pennycook, E. Otsuji. *Metrolingualism: Language in the city*. London: Routledge, 2015.
- Stevenson 2017 — P. Stevenson. *Language and migration in a multilingual metropolis: Berlin lives*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2017.
- Vasey et al. 2018 — H. Vasey, R. Tipton, H. Stanton, A. Robertson, E. Mosser, Y. Matras, K. Boddington. ESOL at Manchester Adult Education Service (MAES): Experiences of entry 3 and level 1 learners, 2018. <http://mlm.humanities.manchester.ac.uk/wp-content/uploads/2018/10/ESOLatManchesterAdultEducationServicev6.3-1.pdf>.
- Williams 2003 — G. Williams. *The enterprising city centre. Manchester’s development challenge*. London: Spon Press, 2003.
- Wong 2015 — C. Wong. A framework for ‘City Prosperity Index’: linking indicators, analysis and policy // *Habitat International*. 2011. No. 45. P. 3–9.
- Young et al. 2006 — C. Young, M. Diep, S. Drabble. Living with difference? The ‘cosmopolitan city’ and urban reimaging in Manchester, UK // *Urban Studies*. 2006. No. 43. P. 1687–1714.

С. А. Москвичева, Л. М. Сафина

*Российский университет дружбы народов, Москва —
Московский автомобильно-дорожный государственный
технический университет (МАДИ), Москва*

МОТИВАЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКА В МИНОРИТАРНОЙ СИТУАЦИИ: ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В УСЛОВИЯХ ВНУТРЕННЕЙ ДИАСПОРЫ ГОРОДА МОСКВЫ

1. Введение

Вопросы, связанные с мотивацией изучения языка, актуальны и широко обсуждаемы в специальной литературе. Однако большинство работ посвящены проблемам обучения иностранному языку, где мотивация имеет иную природу и структуру по сравнению с изучением взрослыми людьми «родного» этнического языка, находящегося в миноритарной ситуации.

Необходимо сказать, что термин-категория «родной язык» как теоретический конструкт представляется неточным и, в сущности, не соответствующим никакой четко определенной онтологической реальности. Но для большинства наших респондентов он интуитивно понятен и, более того, является ключевым концептом, вокруг которого строятся идентичность, структура потребностей и мотивации, поэтому в данной работе мы сохраним этот термин и будем его употреблять как синоним «языка самоидентификации» и «этнического языка».

Интерес к мотивации изучения языка, находящегося в миноритарной ситуации, изначально возник в ходе исследования потребности в миноритарном языке, которое проводилось одним из авторов этой статьи совместно с Аленом Вио [Вио, Москвичева 2012; Viaut 2012]. Стимулом к проведению данного исследования стала работа Изабель Дюгин «Мотивация изучения баскского языка взрослыми франкофонами» [Duguine 2017], выполненная под руководством А. Вио.

Становление татарских национально-культурных объединений и история Татарского культурного центра в Москве была подробно освещена в работе А. Р. Еникеевой [Еникеева 2016]. Мы не будем останавливаться на этом вопросе и отсылаем заинтересованного читателя к этой статье.

2. Постановка проблемы

Проблематика данной статьи сосредоточена на типах мотивации при изучении татарского языка взрослыми на курсах татарского языка в г. Москве, организованных при Татарском культурном центре. С социолингвистической точки зрения татарский язык в Москве можно определить как язык в миноритарной ситуации. «Миноритарный язык» понимается как общее наименование категории языков, включающей, в частности, такие подкатегории как «язык в миноритарной ситуации» и «минорируемый язык» [Паско 2017].

Как представляется, социолингвистическая типология должна быть не абсолютна, но производна от политических и социальных параметров конкретной территории (не пространства) распространения языка. В противном случае она перестает быть гибкой и теряет ценность как инструмент исследования и описания ситуации.

Определение татарского языка как миноритарного или русского как мажоритарного безотносительно к конкретной ситуации и территории не имеет смысла. В Республике Татарстан татарский язык едва ли можно называть миноритарным, если только не рассматривать ее как часть языкового пространства Российской Федерации в целом. Это функционально и демографически сильный язык с высоким социальным статусом и престижем, и языковую ситуацию в республике следует скорее определять как билингвальную без диглоссии. В Москве же, в условиях внутренней диаспоры, татарский язык, безусловно, находится в миноритарной ситуации.

При описании языка в миноритарной ситуации совершенно особое, возможно, определяющее, место принадлежит факторам, имеющим психологическое измерение. Функциональные, социологические, в том числе демографические подходы к описанию данных ситуаций, безусловно, важны и нужны, но нерелевантны без изучения таких категорий, как репрезентация языка (его социальный образ), потребность в языке и связанная с ней мотивация, а также

фрустрация от потери родного языка. Психологические измерения отношения к языку со стороны носителей могут оказаться даже более значимыми для прогнозирования дальнейших изменений языковой ситуации, чем «объективные» критерии.

Среди теоретических конструктов подобного типа мотивация представляет для нас особый интерес, поскольку в мотивах объективируются потребности личности, и в них же проявляется личностный смысл деятельности, определяющий векторы поведения человека.

3. Методика исследования

Для проведения данного исследования была выбрана следующая методика. На первом этапе была разработана специальная социолингвистическая анкета, целью которой было выяснение вопросов демографического характера; степени владения различными языковыми компетенциями; каким именно вариантом (литературным или диалектом) владеет респондент.

Применительно к татарскому языку, как языку со старой письменной и литературной традицией, вопрос о владении различными компетенциями и формами языка представляется актуальным. Основной же блок вопросов, на котором мы сосредоточим внимание в данной статье, касается параметров репрезентации (социального образа языка), языковой лояльности и отношения к языку.

Всего было роздано 60 анкет. При составлении анкет особое внимание было обращено на их компактность и краткость. Заполнение анкеты не должно было занимать более 10 минут.

Далее были проведены короткие полуструктурированные мини-интервью, чтобы выяснить, с какой целью слушатели курсов изучают татарский язык и какое событие заставило их записаться на курсы. Данное внешнее событие мы называли событие-повод, чтобы отделить его от глубинных причин, связанных с иерархической структурой потребностей в миноритарном языке и обуславливающих мотивацию его изучения. В ряде случаев событие-повод близко подходит и даже совпадает с ситуационным типом потребностей личности.

Всего было проведено 20 мини-интервью. Также мы получили 30 мини-сочинений на тему «Почему я изучаю татарский язык, и что стало тем событием, которое спровоцировало записаться на курсы».

В тексте статьи ссылки на интервью приводятся следующим образом: И — информант, М — мужчина, Ж — женщина, 1 — возрастная группа 20–30 лет, 2 — возрастная группа 30–40 лет, 3 — возрастная группа 40–50 лет, 4 — возрастная группа свыше 50. Далее идет цифра номера интервью в реестре. 17 и 18 — годы проведения интервью. Таким образом, шифр ИМ2-3-17 означает: информант, мужчина, возраст 30–40 лет, номер 3, был проинтервьюирован в 2017 году.

Тексты интервью были записаны и прошли первичную обработку с целью выделить всю информацию, касающуюся мотивации. Вместе с мини-сочинениями они составили корпус для исследования типов мотивации изучения татарского языка. Анализ происходил в два этапа. Во-первых, был проведен компьютерный анализ при помощи программы анализа текстов Sketch Engine [<https://www.sketchengine.eu>]. Данный тип анализа относится к количественным исследованиям статистического типа, который позволяет с достаточно высокой долей точности определить основные смысловые единицы текста.

Затем мы приступили к качественному анализу информации, в ходе которого были выявлены и классифицированы основные типы мотивации изучения татарского языка и типы событий-поводов, послуживших толчком к началу процесса обучения. При эмпирическом анализе дискурса мы исходили из комплексной методики, основанной преимущественно на принципах дискурсивной психологии в применении к ситуативному использованию языка, в ходе которого конструируется опыт и субъективная психическая реальность [Филлипс, Йоргенсен 2008]. Подчеркнем, однако, что далеко не все практики имеют дискурсивную природу, и, следовательно, могут быть описаны в терминах социального конструктивизма или дискурсивной психологии.

Эпистемологическая достоверность исследования обеспечивается качественными методами и парадигмой интерпретивизма. Данный подход наиболее соответствовал цели исследования, состоящей не столько в получении списка внешних факторов и статичных параметров ситуации, сколько в поиске внутренних причин поступков (изучения языка) в связи с внешними факторами воздействия. Собственно, это одна из главных причин, почему метод анкетирования был в большей степени вспомогательным и дополнял метод исследовательского интервью, как главного инструмента исследования.

Нас прежде всего интересовал *опыт* людей, принадлежащих к этническому меньшинству: насколько и как конкретно переживается данная принадлежность, взятая в нашем случае исключительно через призму языка в аспекте его изучения. Метод интервью мы считаем одним из самых продуктивных в исследовании феноменов, имеющих социально-психическое измерение, поскольку в этом случае люди выступают не как статичный объект науки — они активно включены в порождение смыслов и определение позиции.

Необходимо сделать еще одно замечание, касающееся методологии исследования. Авторы ни в коем случае не ставили целью анализ личности респондента с точки зрения ее мотивированности к изучению татарского языка. Наш интерес был сосредоточен на социальном аспекте мотивации, на выявлении возможных мотивов изучения языка и составлении общей типологии мотивации, так же как и событий-поводов, послуживших стимулом к началу процесса. Социальный ракурс исследования, как представляется, отчасти компенсирует недостаток психодиагностического метода интервью, имеющего ограничение в виде фактора социальной желательности, проявляющегося в ответах респондентов, стремящихся представить себя в наиболее выгодном свете.

Как показывает материал исследования, практически каждый респондент полимотивирован, а мотивы, в свою очередь, основаны на сложной структуре множественных потребностей различной природы. Мы предлагаем общую модель потребностей и мотивов, извлеченную из опыта многих индивидов. При этом можно заранее утверждать, что данные индивиды были мотивированы изучать татарский язык, поскольку все они являются слушателями курсов.

4. Общие теории мотивации в их применении к мотивации изучения языка в миноритарной ситуации

Из множества существующих теорий мотивации наиболее интересными — применительно к данному исследованию — нам показались работы Р. Гарднера и У. Ламбера [Gardner, Lambert 1959, 1972], Деси и Райана [Deci, Ryan 1985, 2000], а также работы А. Н. Леонтьева [Леонтьев А. Н. 2009] и Д. А. Леонтьева [Леонтьев Д. А. 2016]. Работы Р. Гарднера и У. Ламбера преимущественно восходят к бихевиористской парадигме науки. Концепция Э. Деси

и Р. Райна имеет интегративный характер. Работы А. Н. Леонтьева принадлежат иной научной традиции, поэтому их нельзя однозначно интерпретировать в терминах западной науки, но, как представляется, деятельностная и смысловая парадигма, которая в них разрабатывается, ближе к синтезирующему подходу.

Работы первых двух авторов трактуют мотивацию изучения языка с точки зрения социальной парадигмы в науке. При постановке вопроса о роли языка в обществе авторы исходят преимущественно из языковой ситуации в Канаде, что, безусловно, наложило отпечаток на их понимание языка и на выделенные типы мотивации. Р. Гарднер и У. Ламбер исходят из представлений о языке как посреднике между двумя языковыми сообществами, а мотивация предстает в виде бинарной оппозиции **инструментального** и **интегративного** типов мотивации.

В исследованном материале безусловно превалирует мотивация интегративного типа, и данная классификация оказывается важной для построения последующих социолингвистических типологий языков, хотя и нуждается в ряде уточнений, связанных с тем, что любая социолингвистическая ситуация уникальна. Модель, построенная на основе изучения взаимодействия английского и французского языков в Канаде в 60-е годы, отвечает требованиям эпохи, но не может иметь универсальный характер.

В 90-е годы XX века в гуманитарных исследованиях происходит смещение акцента в сторону когнитивных парадигм. В психологии возникает целый ряд теорий, которые можно объединить под названием *self*-парадигмы. Кратко остановимся на теории самодетерминации и различении **внутренней** и **внешней** мотивации в работах Э. Деси и Р. Райана [Deci, Ryan 1985, 2000].

Теории самодетерминации в целом исходят из того, что личность стремится к самоактуализации и интеграции, а также связывают потребность к самоактуализации с влиянием среды, то есть исходят как из внешних, так и из внутренних факторов.

Личность обладает врожденным стремлением к удовлетворению трех потребностей: автономии (действовать в соответствии со своими интересами и ценностями), компетенции (эффективно реагировать на запросы среды) и социальной близости (осуществление контактов с социально близким окружением) [Deci, Ryan 1985, 2002, 2002; Дергачева 2002], с которыми связана внутренняя мотивация.

Внешняя мотивация связана преимущественно с желанием социального продвижения и с теми или иными формами социального давления на личность. В данной модели личностные подходы к мотивации совмещаются с переосмысленными концепциями бихевиоризма: влияние среды признается, но соотносится с внутренними интенциями индивида к самовыражению и самоактуализации. Э. Деси и Р. Райан предлагают рассматривать два типа взаимодействия общества и личности. Общество 1 направлено на удовлетворение трех ключевых потребностей индивида, что приводит к его психологическому росту. Общество 2 направлено на подавление потребности в автономии, компетенции и социальной близости, результатом чего является фрустрация, личностный кризис и, в конечном итоге, потребность восстановить психологическое равновесие.

Лингвисты, работающие с языками в миноритарной ситуации, часто сталкиваются с проблемой фрустрации от отсутствия родного языка, связанной, как правило, с внешним социальным давлением в поколении «отцов», «дети» которых прикладывают усилия для того чтобы вновь обрести язык «дедов». Наш материал также подтверждает это факт.

В работе 2000 года авторы [Deci, Ryan 2000] отказываются от бинарных классификаций мотивации и представляют ее как континуум от полного отсутствия мотивации (амотивации) до внутренней мотивации, связывая понятия мотивации и регуляции. Амотивация соотносится с отсутствием какой бы то ни было регуляции. Внешней мотивации соответствует четыре типа регуляции: внешняя (экстернальная) регуляция («Я делаю это, чтобы получить вознаграждение»), интроецированная регуляция («Я должен сделать эту работу, чтобы доказать, что я могу это сделать»), осознанная регуляция («То, что я делаю, будет мне полезно в будущем») и интегрированная регуляция («Данная работа является частью моих ценностей») [Deci, Ryan 2000; Vallerand, Carbonneau, Lafrenière 2009; Duguine 2017]. Внутренней мотивации соответствует идентифицированный тип регуляции, при котором поведение инициируется изнутри «Я», что приводит к удовлетворению всех трех базовых потребностей и, как следствие, к высокому психологическому благополучию.

Мотивационная модель П. Карре [Carré 2001], основываясь на типах мотивации взрослых учащихся Э. Деси и Р. Райана, уточняет и дополняет их модель. П. Карре выделяет три внутренних

мотива обучения (эпистемический, социо-аффективный и гедонистский) и семь мотивов внешней мотивации (экономический, прескриптивный, избегания, операционный, профессиональный, операционный личностный, идентичности и ответа на проект профессиональной мобильности).

Данная классификация оказалась полезна при анализе нашего материала, с той оговоркой, что в нашем случае мотивация поиска «Я» (идентичности), как представляется, принадлежит к внутренней мотивации. Изучение языка (в нашем случае татарского) ориентировано не столько на внешние инструментальные цели, сколько на удовлетворение и гармонизацию внутренних потребностей конструирования «Я». Если говорить в терминах Э. Деси и Р. Райана, то речь, по-видимому, идет о стремлении личности к автономии, то есть к деятельности в соответствии со своими внутренними ценностями.

В модели же П. Карре вектор направления мотивации «идентичность» прямо противоположен: среда задает внешние по отношению к личности параметры, которым следует соответствовать и на которые нужно дать адекватный ответ, то есть речь идет о стремлении к компетенции. В нашем материале есть примеры внутренних типов мотивации по П. Карре: эпистемического (к получению знаний как таковых), социально-аффективного (удовольствие от встречи с людьми) и гедонистской (удовольствие от обстановки). Однако они, как представляется, сопутствуют основному типу внутренней мотивации, а именно «поиску корней» и мотивации терапии фрустрации от утраты родного языка.

Что же касается внешних типов мотивации, то в проанализированном материале не было отмечено случаев прескриптивной (принуждение) мотивации и мотивации замещения (избегания другого вида деятельности). Из перечисленных П. Карре типов ведущая роль принадлежит операционной персональной мотивации. Ниже мы еще раз вернемся к этому вопросу.

Прежде чем перейти непосредственно к анализу материала, необходимо сказать несколько слов еще об одной теории мотивации, основанной на несколько иных принципах и обладающей большой объяснительной силой применительно к нашему материалу. Речь идет о теории деятельности А. Н. Леонтьева [Леонтьев А. Н. 1972, 1977, 1994, 2000, 2009]. Для нас эта теория представляет особый интерес, поскольку в ней одним из базовых элементов выступает

понятие потребности, которое является, на наш взгляд, одним из ключевых теоретических инструментов анализа языковых миноритарных ситуаций.

В сжатом виде теорию деятельности А. Н. Леонтьева можно представить следующим образом [Леонтьев А. Н. 1972, 1977, 2000; Леонтьев Д. А. 1992, 2016]. Источником человеческой мотивации служат потребности, объективная нужда организма в некотором внешнем предмете, порождающая ненаправленную поисковую активность. Определенность потребности превращает этот предмет в мотив, то есть в тот предмет, результат, ради которого осуществляется деятельность. В одном мотиве, как правило, могут опредмечиваться сразу несколько потребностей, что делает смысл мотива сложным, поскольку он задается связями мотива с этими потребностями.

Выделяется два типа мотивов: мотивы-стимулы, обладающие функцией побуждения, и мотивы смыслообразования, которые как побуждают деятельность, так и придают ей личностный смысл. Первые соотносятся с внешней мотивацией, вторые соответствуют внутренней мотивации. Однако мотивы-стимулы способны интериоризироваться через структуры внешних, но значимых для личности отношений, то есть мотивы-стимулы также обладают смыслообразующей функцией, хотя и связаны с потребностями «искусственными, отчужденными связями» [Леонтьев Д. А. 2016: 9] Мотив запускает деятельность, направление которой задается целью. Цель связана с мотивами, но не эквивалентна им. «Вопрос о цели — это вопрос о том, чего именно субъект хочет достичь, вопрос о мотиве — это вопрос “зачем”?» [Леонтьев Д. А. 2016: 15]. Цель действия, как правило, не направлена на непосредственное удовлетворение потребностей. Смысл же деятельности состоит в «отношении мотива деятельности к непосредственной цели действия» [Леонтьев А. Н. 1977: 278].

На рисунке 1 схематично приведены изложенные теоретические положения.

В данной схеме сделана попытка связать следующие основные теоретические конструкты, определяющие типы мотивации: потребности, мотивацию, личность в аспекте стремления к автономии, компетентности и социальной близости, а также значимые социальные структуры среды. Остановимся подробнее на типах потребностей, мотивации и факторах среды.

5. Потребность в миноритарном языке

Отправной точкой для определения потребностей послужили идеи А. Г. Асмолова, предложившего три группы структур, отвечающих за мотивацию: общие источники и движущие силы деятельности («мотивационные константы» в терминах Е. Ю. Патяевой [Патяева 1983]), факторы, направляющие деятельность в конкретной ситуации, и вторичные факторы, делающие процесс стабильным [Асмолов 1985; Леонтьев 2016].

Р. Валлеран, Н. Карбонно и М. Лафреньер предложили иерархическую модель внешней и внутренней мотивации, с учетом трех групп факторов, обуславливающих мотивацию (общие контекстуальные и ситуационные факторы), что соответствует трем иерархическим типам мотивации: общей, контекстуальной и ситуационной [Vallerand, Carbonneau, Lafrenière 2009: 57]. Группа общих факторов в общих чертах соответствует первой группе структур А. Г. Асмолова, а вторые и третьи — второй группе факторов.

В нашей схеме применительно к типам мотивации изучения миноритарного языка мы предлагаем различать *экзистенциальные, контекстуальные и ситуационные потребности* личности. Все три типа потребностей связаны между собой и представляют иерархическую структуру, основу которой составляют экзистенциальные потребности. Эти типы потребностей приобретают особую значимость в ситуации миноритарных языков. Они находят выражение в мотивах, связанных с языковой этнической идентичностью, с идеей сохранения языка как одной из высших ценностей личности и «возврата к корням» через язык. В ситуациях мажоритарных языков, особенно языков «больших» культур, эти потребности чаще находят выход в мотивах с иными целевыми векторами. Если же данный тип потребностей и опредмечивается в мотивах, связанных с языком, то, как правило, мотивы и векторы поведения будут связаны с языковым пуризмом и борьбой против «порчи» языка.

Следует подчеркнуть, что этничность в данном случае понимается не в эссенциалистическом ключе. Это, безусловно, не врожденное качество, а социальный конструкт, обретающий бытие в дискурсивных практиках. Однако от того, что это продукт социального взаимодействия, идентичность ничуть не становится менее реальным и важным социальным феноменом.

Наиболее близкое нам понимание типов **экзистенциальных потребностей** было сформулировано Э. Фроммом. Кратко перечислим эти основные типы: потребность в установлении связей, в преодолении пассивной животной природы и созидании, в корнях, в самоидентичности, в системе взглядов и преданности (позволяющей объяснить мир и обрести смысл жизни) [Фромм 2001]. Это глубинные потребности личности, которые, опредмечиваясь, часто служат основой для формирования внутренних типов мотивации, среди которых и поиск себя, как члена этнической группы. Но ставить знак равенства между глубинными экзистенциальными потребностями и внутренней мотивацией, безусловно, нельзя. Это сущности различной природы и отношения между ними не столь прямолинейны.

Глубинные потребности могут быть выражены как в осознанных типах мотивации (как правило, они взаимодействуют с двумя другими типами потребностей), так и в имплицитных формах мотивации. В этом случае частым ответом на вопрос о причинах изучения языка респонденты отвечали: *«Желание было давно; потребность говорить на татарском языке была всегда; давно хотела говорить на родном языке; знать язык хотела с детства»* и т. п. Ответы такого типа коррелируют с отсутствием конкретного события-повода для изучения языка, и часто сопровождаются типами мотивации, которую мы условно назвали мотивация-терапия различных форм фрустрации, связанной с отсутствием языка как основной опоры идентичности. Их мы рассмотрим чуть ниже.

Контекстуальные потребности, как мы их определяем, связаны с важными для личности и воздействующими на нее социальными факторами и структурами. В первую очередь это касается межличностных отношений (отношения с партнером, брак, встреча с родственниками), досуга, удовольствий (посещение концертов на татарском языке), образования или самообразования. Потребности данного типа являются внешними по отношению к предыдущему типу, но могут интериоризироваться по мере роста важности тех или иных социальных отношений, в процессе конструирования идентичности.

Мотивы, связанные с этой группой потребностей, условно можно классифицировать следующим образом:

— отношения с партнером: *«Желание изучать язык возникло с желанием создать семью с человеком той же национальности»*

[ИЖ1-2-17], *«Моей мотивацией к изучению татарского языка стало замужество»* [ИЖ1-3-17];

— отношения с родственниками: *«Понимание вдруг появившихся родственников»* [ИЖ-1-17], *«Много друзей татар, решение зрело давно»* [ИЖ2-3-17];

— культурная жизнь: *«Я несколько лет хожу на татарские мероприятия в Москве, и без татарского некомфортно себя чувствую»* [ИМ1-2-17];

— образование/самообразование: *«Хочу знать его [татарский язык]. Говорить не только на своем диалекте, но и на литературном языке»* [ИЖ1-1-18];

— научить детей: *«Хочу научить татарскому внука»* [ИЖ3-1-17], *«Хочется передать знание татарского языка будущему поколению»* [ИЖ1-4-18];

— инструментальные цели: *«Татарский достаточно сильно похож на другие тюркские языки, и знание этого языка дает возможность общаться с людьми на их языке практически во всей Средней Азии»* [ИМ1-1-18]; *«Очень хочу выучить его [татарский язык]. Он очень помогает понимать многие диалекты, в том числе зарубежные, что приводит к завязыванию отношений между людьми»* [ИМ2-8-18].

Ситуационные потребности. В данном типе потребностей следует разграничить два основных случая. Речь может идти о мотивах, направленных на реализацию очень конкретной цели изучения языка, связанной с определенной ситуацией. Примером такого типа опредмечивания потребности может служить следующий случай: *«Событий [подтолкнувших к изучению языка] было два. Первое: хотел поздравить коллегу-татарина на его родном языке. Второе: внезапно узнал, что через несколько дней стартует курс по изучению татарского языка».* Второй случай близок к тому, что мы называли событием-поводом к изучению языка.

Событие-повод само по себе не является мотивом, в котором находит воплощение та или иная потребность, оно не связано с целью обучения, которая определяет вектор реализации потребности. Это момент осознания потребности и перевода мотива из имплицитного в эксплицитный характер. Событие-повод, безусловно, опирается как на глубинные экзистенциальные потребности, так и на потребности контекстуального типа, но само по себе внешне по отношению к ним. Подробнее на событии-поводе мы остановимся чуть ниже.

6. Факторы среды

Факторы среды самым непосредственным образом взаимодействуют с типами потребностей и вместе с ними формируют мотивацию изучения языка. Вообще говоря, конструкты потребности, мотивации и среды составляют некое единство с уникальным для каждой ситуации набором параметров. В нашу цель не входит подробное описание факторов среды, мы коснемся наиболее значимых из них, существенных для нашего исследования.

Фактор наличия языковой среды, пожалуй, можно считать основным для миноритарных языков и языков в миноритарной ситуации. Статистические данные о количестве носителей языка не дают адекватного представления о реальной ситуации коммуникации. Тезисно мы обращались к этой проблеме [Москвичева 2017: 57–58]. Основной вопрос заключается не столько в демографических параметрах, сколько в наличии круга общения. В приведенной ниже цитате речь идет о другой языковой ситуации, но она весьма точно описывает суть дела:

«Говорящие (на окситанском языке — *С. М.*) малочисленны и изолированы друг от друга. Многие наиболее пожилые живут в домах престарелых или у детей, другие не в состоянии перемещаться. Итак, подавляющее большинство носителей языка отрезано от круга общения. Мы утверждаем, что в настоящее время как минимум половина носителей языка абсолютно лишена любой возможности использовать родной язык¹» [Bernissan 2012: 485].

Для носителей татарского языка в Москве круг общения, безусловно, существует, что подтверждает и наше исследование. К нему можно отнести в первую очередь внутрисемейное общение, а также общение на различных культурных мероприятиях этнической направленности, Татарский культурный центр и мечеть. Все это находит отражение в различных мотивах изучения татарского языка. Позитивно влияет на мотивацию наличие старой татарской

---

¹ «Les locuteurs sont peu nombreux et isolés. Parmi les plus âgés, certain vivent en maison de retraite ou partent vivre chez leurs enfants, d'autres ne peuvent plus se déplacer. Bref: un grand nombre de locuteurs sont coupés de leur cercle de relation. Nous estimons que la moitié au moins des locuteurs actuels n'ont strictement aucun usage de leur langue native». Перевод наш — *С. М.*

литературной и письменной традиции и престижного варианта идиома — литературного татарского языка, образованного на базе казанского диалекта. Другими важными факторами являются положительная лояльность и активный тип отношения к языку. Необходимо принять во внимание факторы витальности языка, особенно те, которые связаны с наличием современной продукции на языке в разных социальных сферах. В этом смысле весьма показателен один фрагмент из интервью:

«В детстве по непонятным мне причинам у меня было какое-то отторжение к родному языку: прекрасно понимая, что мне говорят, я заставляла повторять на русском. Так, татарская речь стала реже слышаться дома.

Интерес к родному языку у меня появился уже в более осознанном возрасте, а подтолкнуло меня к нему выступление на Евровидении “Бурановских бабушек”. Искала их песни, а нашла современные татарские и очень удивилась, что есть что-то кроме Салавата и Алсу, и это что-то мне понравилось. Стало интересно, о чем поется в песнях, начала искать переводы. Пополнялся словарный запас, понемногу начала пытаться разговаривать» [ИЖ1-5-17].

В плане лояльности и отношения к языку показателен анализ корпуса интервью при помощи программы анализа языкового материала *Sketch Engine*. Мы отдаем отчет в том, что наш корпус был небольшим для полноценного анализа статистического типа, но всё же его результаты весьма интересны.

Из рисунка 2, где приведена частотность лексем в исследуемом корпусе, можно сделать вывод о направлении мотивации и векторов отношения к языку: во-первых, язык признается родным, во-вторых, татарский язык является объектом таких действий как *понимать, изучать, разговаривать, знать*, и, наконец, в-третьих, преобладающая модальность действий это *желание*, а не *долженствование* или *принуждение*. Последний факт говорит в пользу доминирования внутренних типов мотивации при изучении татарского языка.

Рисунок 3 показывает, что прилагательное *родной* в нашем корпусе контекстуально синонимично прилагательному *татарский*. *Татарский*, в свою очередь, это язык *культурный, литературный, современный, важный, богатый*. Оба прилагательных нейтрально связаны и относятся к слову *язык*. Данный ряд контекстуальных синонимов говорит о наличии положительной лояльности к татарскому языку.

Word list

Corpus: Tatar_Motivation

Total number of items: 136

Total frequency: 2,631

Page [Go](#) [Next >](#)

<u>lemma</u>	<u>frequency</u>
язык	<u>190</u>
я	<u>159</u>
на	<u>139</u>
татарский	<u>138</u>
и	<u>135</u>
в	<u>111</u>
не	<u>80</u>
с	<u>56</u>
что	<u>54</u>
быть	<u>53</u>
родной	<u>48</u>
но	<u>38</u>
понимать	<u>34</u>
он	<u>34</u>
мой	<u>32</u>
это	<u>30</u>
изучать	<u>30</u>
разговаривать	<u>30</u>
говорить	<u>30</u>
русский	<u>27</u>
знать	<u>27</u>
свой	<u>26</u>
хотеть	<u>25</u>
для	<u>25</u>
очень	<u>23</u>
курс	<u>23</u>
год	<u>23</u>
к	<u>22</u>
этот	<u>21</u>
желание	<u>21</u>
как	<u>20</u>

Рисунок 2. Частотность лексем корпуса
«Мотивация изучения татарского языка»

родной/татарский ^(adjective)							
Tatar_Motivation freqs = 48 138							
родной	6.0	4.0	2.0	0	-2.0	-4.0	-6.0 татарский

и/или	4	11	0.08	0.08
природный	<u>1</u>	0	12.7	--
татарский	<u>3</u>	0	12.7	--
литературный	0	<u>1</u>	--	11.3
современный	0	<u>1</u>	--	11.4
богатый	0	<u>1</u>	--	11.4
нужный	0	<u>1</u>	--	11.4
казахский	0	<u>1</u>	--	11.4
родной	0	<u>3</u>	--	12.7
культурный	0	<u>3</u>	--	12.8

modifies	43	70	0.90	0.51
язык	<u>43</u>	<u>53</u>	13.1	13.2
культура	0	<u>1</u>	--	8.8
стих	0	<u>1</u>	--	8.8
родственник	0	<u>1</u>	--	8.8
идентичность	0	<u>1</u>	--	8.8
корень	0	<u>1</u>	--	8.8
литература	0	<u>1</u>	--	8.8
песня	0	<u>2</u>	--	9.8
центр	0	<u>3</u>	--	10.3
речь	0	<u>6</u>	--	11.2

Рисунок 3. Дифференциал прилагательных родной/татарский

Важны результирующие взаимодействия фактора среды и личностных переживаний. Сюда относится как травматический языковой опыт, который может привести к полному отказу от языка, так и положительный коммуникативный опыт.

«Татарский язык считаю родным. Детство прошло с бабушкой и дедушкой, которые разговаривали на татарском. Во взрослой жизни навыки разговорной речи утратились. Всегда было чувство, как это плохо, не знать родной язык. Два года назад подруга позвала на курсы изучать татарский язык. С удовольствием пошла и понравилось. Изучаю язык, чтобы восстановить свои знания и уметь читать» [Информант Ж2-3-18].

Важным параметром оказывается владение литературной или диалектной формой языка. В целом, наши наблюдения показывают,

что отношение к диалектным разновидностям татарского языка может быть оценено как положительное. Литературный язык чаще изучают, чтобы уметь писать, читать литературу, просто владеть престижной формой, но не для того, чтобы заместить им диалект (для тех, кто владеет той или иной диалектной формой). Однако свидетельства конфликтных ситуаций между разными формами языка, которые привели к его утрате, были отмечены и в нашем материале:

«Татарскую речь слышу с детства: в основном, когда ездили в деревню. Начала немного разговаривать лет в 12, когда встречалась с родственниками. Мама с бабушкой на языке говорит, а с нами разговаривает на русском, потому что моей бабушке (ее свекрови) не нравилось, как мама разговаривает на диалекте. С тех пор мама дома разговаривать на татарском перестала» [Интервью Ж1-7-18].

7. Мотивы изучения татарского языка

Мы предлагаем различать следующие типы мотивов изучения татарского языка: внешнюю/внутреннюю и эксплицитную/имплицитную мотивации. Следует учитывать тот факт, что любая типология — это не более чем результат определенных исследовательских приемов, модель реальности, не равная самой реальности, но,

Рисунок 4. Типы мотивации изучения языка в миноритарной ситуации (татарский язык в г. Москве)

несмотря на все недостатки и определенную условность, необходимая для ясного понимания объекта исследования и дальнейшей работы с ним. Так, например, один и тот же тип внутренней мотивации, который условно можно назвать «поиск корней», диалектически может содержать и эксплицитные формы (индивид понимает, зачем интегрироваться в общество, быть сопричастным культуре, сохранить язык и передать его детям и т. д., и сознательно осваивает язык), но в то же время здесь могут быть и скрытые (имплицитные) мотивы, например, терапия травматизма от утраты языка.

В данной схеме показана взаимосвязь типов мотивации и глубинных стремлений личности к автономии, компетенции и социальной близости. Связь потребностей и мотивации была показана на рис. 1.

Внутренние типы мотивации. Внутренние имплицитные типы мотивов связаны, как правило, с терапией, компенсирующей фрустрацию «языковой неудовлетворенности». Фрустрация подобного рода может быть следствием утраты этнического языка (родители не говорили с детьми на этническом языке), отсутствия или недостаточности естественной среды общения или же неудовлетворенности существующим статусом языка. Мы предлагаем выделить три основных типа внутренних эксплицитных мотивов:

- возврат к корням;
- поиск идентичности;
- удовольствие от языка и процесса его изучения («нравится язык»).

В мотивации «возврат к корням», безусловно, присутствует и поиск идентичности. Различаем мы их по критерию передачи/не передачи языка. «Возврат к корням» предполагает владение или опыт владения языком в той или иной степени в детстве или на протяжении всей жизни. Поиск идентичности — это конструирование этнической идентичности с опорой на язык, который не был передан. Часто эти типы мотивации сопровождаются пережитым стрессом от утраты языка по разным причинам и последующей фрустрацией, поэтому они коррелируют с имплицитной мотивацией, которую мы условно определим как «терапию травматизма» нехватки языка или отсутствия языка. К внутренней имплицитной мотивации можно также отнести и терапию статуса языка, связанную с изучением литературной формы языка, поскольку диалектный вариант ощущается носителями как «неполноценный» и не соответствующий высокой, древней и богатой культуре татарского народа.

«Записаться на курсы татарского языка меня заставило понимание того, что я не могу выразить свои мысли целиком и на все темы, как я это делаю на русском. А если я этого не могу, то язык получается кухонным, что не соответствует статусу татарского языка, языка искусства, культуры, науки». [Информант М2-4-18].

Отдельно следует выделить внутренний эксплицитный тип мотивации, связанной с удовольствием от изучения языка как такового, а также с удовольствием от процесса занятий на курсах.

Внешние типы мотивации. Среди внешних типов мотивации мы предлагаем разграничить типы, преимущественно связанные со стремлением личности к компетенции (адекватному реагированию на внешние вызовы), и типы, связанные со стремлением к социальной близости. С первым типом стремлений коррелирует инструментальный мотив «повышение уровня компетенций». Это может быть желание научиться читать или писать на татарском языке, а также изучение литературной формы языка.

«Записаться на курсы татарского языка меня ничто не спровоцировало, мне надо было лучше знать язык для того, чтобы писать на родном языке стихотворения». [Информант М3-1-17].

Вторым важным мотивом является стремление передать этнический язык детям. Это может быть выученный язык при отсутствии межпоколенной передачи языка. Ряд респондентов считают татарский язык полезным в сфере межнационального общения, что отвечает инструментальной потребности в языке:

«[Записался на курсы] для общения с этнически близкими культурами, возможного расширения и поддержания экономических, родственных и этнических связей». [Информант М1-2-17].

Во внешней мотивации, связанной со стремлением к социальной близости, мы предлагаем выделить интеграционные типы мотивации, а именно общение с татарским окружением, обусловленное наличием круга общения (если связи не прерывались), восстановлением круга общения (возобновление старых связей) или утратой круга общения (как правило, это связано с переездом в Москву). Следует подчеркнуть, что изучающие язык не обязательно этнические татары:

«Решила, что мне важно понимать и говорить на татарском языке, так как много друзей татар. Знать язык кроме родного — дополнительный плюс, развитие. Тем более что сфера, где я встречаю татарский язык, очень обширна». [Информант Ж2-6-18].

К интеграционному типу мотивации относится также семейное общение, чаще всего связанное с созданием семьи, где один из партнеров является этническим татаринном и владеет татарским языком.

«Моей мотивацией к изучению татарского языка стало замужество. Я вышла замуж за коренного татарина, и для того чтобы понимать родной язык мужа и речь его родственников, пошла на курсы татарского языка». [Информант Ж1-3-18].

В нашем материале есть примеры, когда язык начинают учить этнические татары, не владеющие им, под влиянием партнеров не татарского происхождения:

«На изучение татарского языка меня подтолкнул разговор с моей супругой, которая неоднократно просила сказать ей что-нибудь на татарском языке». [Информант М2-10-18].

Наконец, мотивом изучения языка может быть то, что мы называем **«очарование культурой»**:

«Татарский язык не является для меня родным. Но бывая в Казани, я полюбила культуру и особую эстетику этого города. Я слышала, как на татарском языке разговаривают люди вокруг. (...) Второе, что сподвигло меня прийти сюда — я слышала, как играют спектакли в театре Камала. У меня был синхронный переводчик, но в тот момент я поняла: как же я хочу сама понимать. Не только слышать, но и осознавать. Мне нравится татарский язык. И я бы очень хотела изучить его и понимать». [Информант Ж1-11-18].

8. Событие-повод

В заключение скажем несколько слов о важной составляющей мотивации изучения языка в миноритарной ситуации, а именно, о **событии-поводе**. Само по себе оно внешнее и, может быть, даже случайное по отношению к потребности и мотивации, но оно «запускает» процесс опредмечивания и осознания потребности. Оно же задает область деятельности и служит формированию цели. Например, потребность в укорененности или идентичности необязательно должна воплотиться в мотиве и желании изучать язык. Это может быть что угодно другое. Но событие-повод выводит потребность в сферу ясного сознания, придает импульс и направление

деятельности. Примером события-повода может быть следующее свидетельство:

«В феврале я услышал, как две женщины в гардеробе говорят между собой. И одна из них сказала: “Башка урын юк”. Мне очень понравилось, что я это понял. Кажется, это было на узбекском. Решил, что это самое время начать все-таки учить язык». [Информант М1-3-18].

Большинство событий-поводов поддаются определенной классификации, но, разумеется, есть и единичные уникальные «пусковые моменты»: желание поздравить коллегу-татарина на его родном языке; пара слов, выученных на отдыхе с соседями на пляже; случайно увиденная фотография подруги в Татарском культурном центре. Еще раз подчеркнем, что событие-повод может запустить процессы, связанные с самыми глубинными потребностями, его «легковесность» или важность не связана напрямую с определенным типом мотивации или потребности. Его главный признак заключается в том, что это событие «вдруг», момент озарения, внезапное понимание того, что нужно делать.

Мы предлагаем следующую предварительную классификацию события-повода:

1. Обаяние культуры: — услышанная песня;
— посещение татарского культурного мероприятия;
— поездка в Казань.
2. Гармонизация идентичности: — потребность записать стихотворение;
— неловкость в компании, где были татары;
— желание понять текст.
3. Экзистенциальный кризис: — кризис «шок»: острое чувство стыда от непонимания языка старших (например, в мечети);
— кризис «стресс» (выход на пенсию, уход родного человека).
4. Испытанное удовольствие: — понимание нескольких слов чужого языка.

Заключение

В настоящей статье нами была сделана попытка представить типы мотивов и, шире, мотивацию изучения языка в миноритарной ситуации, опираясь на такие основные теоретические конструкты

как стремление личности к автономии, компетенции и социальной близости, а также на потребность в миноритарном языке и факторы языковой среды. Также было предложено разграничить внутренние и внешние типы мотивов изучения миноритарного языка. Отдельно были рассмотрены типы событий-стимулов. К сожалению, в рамках одной статьи невозможно представить все полученные результаты. Очень интересны корреляции мотивации и таких параметров, как возраст и пол респондентов, а также место их рождения и проживания. В статье не представлены данные по репрезентации языка, отношению и типы лояльности респондентов. Едва намечена проблема стресса утраты языка, не разводятся понятия мотива и цели изучения языка. Все это весьма интересные темы, которые мы надеемся представить в последующих работах.

Литература

- Асмолов 1985 — А. Г. Асмолов. Мотивация // Краткий психологический словарь. Под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М.: Политиздат, 1985. С. 190–191. [A. G. Asmolov. Motivatsiya. [Motivation]. // Kratkii psikhologicheskii slovar. A. V. Petrovskii, M. G. Yaroshevskii (eds.). Moscow: Politizdat, 1985. P. 190–191].
- Био, Москвичева 2012 — А. Био, С. А. Москвичева. Типология потребностей в малых и миноритарных языках: общеметодологические и частнонаучные подходы. // Вестник РУДН, серия «Психология и педагогика». 2012. № 1. С. 14–22. [A. Vio, S. A. Moskvicheva. Tipologiya potrebnostei v malykh i minoritarnykh iazykakh: obshchemetodologicheskie i chastnonauchnye podkhody [Typology of needs in small and minority languages: general methodological and specific science approaches]. Vestnik RUDN, seriia “Psikhologiya i pedagogika”. 2012. No. 1. P. 14–22].
- Дергачева 2002 — О. Е. Дергачева. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана // Современная психология мотивации (под ред. Д. А. Леонтьева). Москва: Смысл, 2002. С. 103–121. [O. E. Dergacheva. Avtonomiia i samodeterminatsiia v psikhologii motivatsii: teoriia E. Desi i R. Raiana. Sovremennaia psikhologiya motivatsii (pod red. D. A. Leont’eva) [Autonomy and self-determination in the psychology of motivation: the theory of E. Deci and R. Ryan]. Moscow: Smysl, 2002. P. 103–121].
- Еникеева 2016 — А. Р. Еникеева. К вопросу о становлении татарских национально-культурных объединений Москвы // Вестник КазГУКИ. 2016. № 2. С. 63–67. [A. R. Enikeeva. K voprosu o stanovlenii tatarskikh

- natsional'no-kul'turnykh obedinenii Moskvy [Revisiting the Formation of the Tatar national-cultural associations of Moscow]. Vestnik KazGU-KI N 2, 2016. P. 63–67].
- Леонтьев 1972 — А. Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. [A. N. Leont'ev. Problemy razvitiia psikhiki [Problems of mental evolution]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972].
- Леонтьев 1977 — А. Н. Леонтьев. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1977. [A. N. Leont'ev. Deiatel'nost'. Soznanie. Lichnost' [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1977].
- Леонтьев 1992 — Д. А. Леонтьев. Жизненный мир человека и проблема потребностей // Психологический журнал. 1992. Т. 13. № 2. С. 107–117. [D. A. Leont'ev. Zhiznennyi mir cheloveka i problema potrebnostei [The human life world and the problem of needs]. Psikhologicheskii zhurnal. 1992. Vol. 13. No 2. P. 107–117].
- Леонтьев 1994 — А. Н. Леонтьев. Философия психологии: из научного наследия. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994. [A. N. Leont'ev. Filosofia psikhologii: iz nauchnogo nasledii [Philosophy of psychology: from the scientific heritage]. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1994].
- Леонтьев 2000 — А. Н. Леонтьев. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2000. [A. N. Leont'ev. Lektsii po obshchei psikhologii [Lectures on General Psychology]. Moscow: Smysl, 2000].
- Леонтьев 2002 — Д. А. Леонтьев (ред.). Современная психология мотивации. М.: Смысл, 2002. [D. A. Leont'ev (ed.). Sovremennaiia psikhologiiia motivatsii [Modern psychology of motivation]. Moscow: Smysl, 2002].
- Леонтьев 2009 — А. Н. Леонтьев. Психологические основы развития ребенка и обучение. Москва: Смысл, 2009. [A. N. Leont'ev. Psikhologicheskie osnovy razvitiia rebenka i obuchenie [Psychological basis of child development and training]. Moscow: Smysl, 2009].
- Леонтьев 2016 — Д. А. Леонтьев. Понятие мотива у А. Н. Леонтьева и проблема качества мотивации // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2016. № 2. С. 3–18. [D. A. Leont'ev. Poniatie motiva u A. N. Leont'eva i problema kachestva motivatsii [The notion of motive in the works of A. N. Leontiev and the problem of the quality of motivation]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiiia N 2, 2016. P. 3–18].
- Москвичева 2017 — С. А. Москвичева. Парадоксы в оценке социодемографических показателей миноритарного языка как фактор риска (на примере окситанского языка) // Материалы международной научной конференции «Жизнь языка в культуре и социуме–6». Москва, 26–27 мая 2017. М.: Канцлер, 2017. С. 57–58. [S. A. Moskvicheva. Paradokсы v otsenke sotsiodemograficheskikh pokazatelei minoritarnogo iazyka kak faktor riska (na primere oksitanskogo iazyka). [Paradoxes in the evaluation of socio-demographic indicators of the

- minority language as a risk factor (example of the Occitan)]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Zhizn' iazyka v kul'ture i sotsiume-6"*. Moskva, 26–27 maia 2017. Moscow: Izdatel'stvo "Kantsler", 2017. P. 57–58].
- Паско 2017 — А. Паско. Миноритарный язык, минорируемый язык, миноризируемый язык или язык в миноритарной ситуации? Опыт дефиниции и использования в ситуации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. Т. 8. № 4. С. 1074–1103. [A. Pasko. Minoritarnyi iazyk, minoriruemyy iazyk, minoriziruemyi iazyk ili iazyk v minoritarnoi situatsii? Opyt definitsii i ispol'zovaniia v situatsii [Minority languages, marginalized languages, minoritized languages or language in a minoritital situation? Attempted definition and performances]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*. 2017. Vol. 8. N. 4. P. 1074–1103].
- Патяева 1983 — Е. Ю. Патяева. Ситуативное развитие и уровни мотивации. // *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 1983. № 4. С. 23–33. [E. Yu. Patiaeva. Situativnoe razvitie i urovni motivatsii [Situational development and levels of motivation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psikhologiya*. 1983. No. 4. P. 23–33].
- Филлипс, Йоргенсен 2007 — Л. Филлипс, М. В. Йоргенсен. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2007. [L. Fillips, M. V. Iorgensen. *Diskurs-analiz. Teoriia i metod* [Discourse Analysis as Theory and Method]. Kharkov: Gumanitarnyi tsentr, 2007].
- Фромм 2004 — Э. Фромм. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2004. С. 13. [E. Fromm. *Anatomiia chelovecheskoi destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. Moscow: AST, 2004. P. 13].
- Bernissan 2012 — F. Bernissan. Combien de locuteurs compte l'occitan en 2012. *Revue de Linguistique romane*. V. 76, Strasbourg: SLR, 2012. Pp. 467–511.
- Carré 2001 — P. Carré. De la motivation à la formation. Paris: L'Harmattan, 2001.
- Deci, Ryan 1985 — E. L. Deci, R. Ryan. *Intrinsic Motivation and Self-Determination in Human Behavior*. New York: Plenum Press, 1985.
- Deci, Ryan 2000 — E. L. Deci, R. Ryan. The "what" and "why" of goal pursuits: human needs and the self-determination of behavior. *Psychological inquiry*. 11(4), 2002. P. 227–268.
- Deci, Ryan 2002 — E. L. Deci, R. Ryan. *Handbook of Self-Determination Research*. Rochester, NY: University of Rochester Press, 2002.
- Duguine 2017 — I. Duguine. La motivation d'apprendre le basque chez les adultes francophones. Pessac: Maison des sciences de l'homme d'Aquitaine, 2017.
- Gardner, Lambert 1959 — R. C. Gardner, W. E. Lambert. Motivation variables in second language acquisition // *Canadian journal of psychology*, 13, 1959. P. 266–272.

- Gardner, Lambert 1972 — R. C. Gardner, W. E. Lambert. Attitudes and Motivation in Second Language Learning. Rowley MA: Newbury House, 1972.
- Vallerand et al. 2009 — R. J. Vallerand, N. Carbonneau, M. A. Lafrenière. La théorie de l'auto-détermination et le modèle hiérarchique de la motivation intrinsèque et extrinsèque: perspectives intégratives. // P. Carré, F. Fenouillet (éds). Traité de la psychologie de la motivation. Paris: Dunod, 2009.
- Viaut 2012 — A. Viaut. La notion de besoin linguistique et les langues minoritaires. // D. Darbon, R. Otayk et P. Sadran (dir.). Altérité et identité, itinéraires croisés. Mélanges offerts à Christian Coulon. Bruxelles: Bruylant, 2012.

D. Smakman

*Leiden University Centre for Linguistics (LUCL),
Leiden, Netherlands*

**STUDYING
THE SOCIOLINGUISTICS OF CITIES.
CONSIDERATIONS AND METHODS**

Communication in urban contexts

More so than the countryside, cities have traditionally been the sources of much language variation and change. This trend is nowadays progressing, due to globalisation, and this has led to a type of extreme variation in urban contexts that is sometimes qualified as ‘superdiverse’ [Vertovec 2007]. In a globalising world, with increasing social and geographical mobilities, the urban individual, with their highly versatile skills and specific motivations, chooses their own customized path in life. This individual is confronted more often than before with the effects of the way they communicate (because it deviates from the style of those around them) and may feel the need to express identity more. Modern-day sociolinguists try to capture these individualised communicative choices. Vertovec’s ‘superdiversity’ is often mentioned in this context and refers to the fact that nowadays levels of diversity in certain places (especially urban ones) are higher than ever before; culturally, ethnically, and in many other ways (and communicatively as a result).

This article reviews ways to study communication in modern, superdiverse contexts. Communication in an urban context poses a serious challenge to researchers. Not only does it involve more than momentarily occurring communicative acts, it also involves a kind of fluidity that seems less predictable. To study it, one would need to know about old and new ways of looking at variation. One also needs to know what to study, and this requires knowledge of the public space and all the stakeholders that have an interest in maintaining it.

Old and modern approaches

City research has traditionally involved studying groups and correlations. William Labov [1966] was able to walk into department stores and find a type of speech that could be predicted, and his successful research sparked more research that leaned on similar principles. An important premise underlying such research is that socio-cultural setting is basically fixed and predictable, so that groups can be defined using set characteristics. These groups are socially and geographically not overly mobile. The other premise is that the communicative choices of these groups can be correlated with society and with social space within society, and therefore the communication one encounters at different points in time in a certain place with certain people can be measured. The focus in such research, typically, is production, and much less attention is paid to the interpretation of language utterances through evaluation and perception. This was true in the early stages of mainstream, western sociolinguistics, which started in the mid-1960s. The investigations were typically highly controlled and of a short duration; short, spontaneous utterances were considered vital.

Such research is still very popular nowadays, because it is considered inevitable, practical, and necessary. However, generalisations are a common negative output of such research, as illustrated by the comment “If it is an oversimplification to speak about ‘Moroccan women’, then it is also too simple to speak about ‘North African women’ without acknowledging the diversity in their situations and positions” (126) by the Egyptian researcher Bassiouney [2015]. This observation illustrates that the language of individuals is not automatically a reflection of the language of a group. Group assumptions to some degree still work, but they work less well than before.

Late-modern perspectives on communication tend to view language as part of a larger picture of communication, in which linguistic resources are amongst the tools used to play a role. Urban research, like other sociolinguistic research, more often than not involves the study of what content or any other message we want to send out and which communicative devices we have available to send out that message. Communication is seen as contextually situated and highly speaker-dependent. Within that frame of thought, there may be agreement between the communicative choices of groups that share characteristics, but these are of secondary interest if these same people will make different

choices in different situations. This new way of looking at communication and signs is particularly relevant for the city. The perspective of communication in the city is one of dynamic fluidity.

Premises

An important premise in contemporary urban communication research is that relatively many people are socially and geographically mobile and that the population is culturally and linguistically varied. If they want to communicate in the typically highly diverse urban setting they are in, then they need to make an effort before smooth and efficient communication takes place. People must 'get along' when they meet, despite the fact that they all have different belief systems, different behavioural norms, different communication rituals, and different linguistic practices. The intentions of interlocutors in such settings can be related to identity but there are also practical purposes, politeness purposes, and the basic human need for social confirmation. This can be assumed to lead to language choices, i.e., inter-/intra-speaker variation. The outcome is, what could be called a 'linguistic pool', which Nettle [1999] defined as "[a]ll the different bits of linguistic structure that are found in human languages. The atomic elements in the pool [...] are not languages but linguistic items" (5). This could be viewed even more broadly, perhaps as a 'communicative pool', so as to include the abundance of tools, both linguistic and non-linguistic, through which individuals in cities interconnect.

The public space

Before asking ourselves the question how to research the public space, let's determine what the public space is exactly, and how its shape comes to existence. Public space is open and accessible to people. It includes roads, pavements, public squares, parks, beaches, government buildings like public libraries and town halls, and, for instance, highly visible privately owned buildings. It is built and regulated by the government and by the civil society, which refers to non-governmental organisations and institutions that manifest the interests and will of citizens [Cohen 1994]. The public space is regulated by rules, laws and penalties. Failure to regulate it results in social segregation, so the public space cannot be left to its own devices and regulate itself.

Regulating communication in the public space

The public space is not usually planned in detail, nor is its development fully conscious. In practice, it is mainly constructed/improved through communicative actions and practices and the reactions they evoke. Different users of the space have different communicative norms. These circumstances may lead to smooth communication but they can also bring about conflict and misunderstanding, because different types of communicative assumptions and habits meet. Some public-space participants are more individualist in their communication, while others are more group-oriented, for instance, and differences exist in politeness actions. The resultant problems (misunderstandings) are solved by intervention of the public or government. So, one could say that the public space is the product of communication between stakeholders. In European cities, these are: the city authorities planning and governing the space, city residents, and non-residents [Habermas 1991].

The pillars that shape public life are the government, the economy, and 'civil society'. Civil society is the non-governmental yet public side of society that is relevant in the study of the public space. The study of civil society provides insight into the ways in which economic and governmental policies influence social life in communal (urban) spaces, and how members of the public perceive this influence.

The stakeholders need to decide to implement more, fewer or different regulations. In this respect, one could take into consideration the concept of the 'shared space'. Originally a Dutch concept, this principle is currently being implemented in many places in and outside the Netherlands (amongst others, the United Kingdom and Austria). It is mainly associated with traffic. The idea is that fewer signs and instructions, rather than more or improved ones, leads to users paying more attention to each other's movements and (mobility) interests. This is one way to view the public space; one could introduce more or fewer regulations, and the question is which of the two has the best outcome. In the Netherlands, the principle of shared space has led to fewer accidents. Different stakeholders (cars, bikes, pedestrians) enter the public space (a square, for instance), and in the public space the stakeholders are not given any instructions at all. The result is that they pay more attention to the situation and negotiate passage, by driving and walking carefully and making eye contact with each other. This could be translated to human discourse and communication in the public space; fewer rules might lead to less

conflict. This, however, does not solve the issue of newcomers entering the public space and being lost for information. One wonders whether they should be left to their own devices and negotiate their way towards finding the information they need. This type of question does not seem to have been posed very often in research so far.

Research foci for studying the urban public space

1. Liminality

The term ‘liminality’ stems from sociological/anthropological realms and is associated with Turner [1969]. It refers to the middle stage of a ritual. Liminality captures a certain disorientation that non-residents experience. For the public space, liminality could be used to refer to the transitional stage between ‘alien’ and ‘resident’, which is a common feeling that newcomers and non-residents experience [Kádár 2017].

2. Language regimes

Another useful focus is ‘language regimes’, as explained in Coumas [2008]. This principle refers to the relation between actual language use, attitudes towards this use, and the management of language in public spaces (language policies). Understanding this helps us comprehend how attitudes may lead to action. The government may also ignore such attitudes and build and restructure the public space on its own terms and in accordance with a fixed ideology. The question, then, is what motivates those reconstructing the public space.

3. Rituals

The third useful focus discussed here is that of rituals. These are interactional phenomena through which people maintain what they perceive as the moral order of things, in the form of communal interactional practices. Sometimes, rituals clash; automatic reactions and all kinds of communicative habits/assumptions take over primary communication. The study of rituals can reveal how people work out and maintain interpersonal relationships in complex urban settings [Kádár 2017]. Labov [1972] was one of the first to study ritual practices in urban settings, when he studied what is sometimes referred to as African American Vernacular English.

4. Political correctness

A fourth relevant topic of interest in studying the public space is whether and how political correctness works in places that are becoming more diverse. This correctness is often considered an essential tool to keep racism at bay. It helps stakeholders control or decrease verbal aggression against newcomers. Ordinary users may view political correctness differently from each other. In critical discourse analysis, it is generally seen as positive, as it prevents people from expressing social tensions. On the other hand, some consider such behavioural correctness as something of the political elite mainly. Political correctness is an understudied phenomenon in language and communication studies. It is part of how a culture communicates with/about newcomers.

Studying the urban public space

When studying the public space, specific aspects can be looked at or taken into consideration. An important question is how the available communicative resources are distributed across each city. How are these resources allocated between the various stakeholders? Sociolinguistically, one wants to know what the patterns of language use are. Are there 'urban styles', is there conventional codeswitching, what creatively mixed language use can we find, which registers exist, and, more generally, what are the elements in the communicative pool that speakers borrow from? What can be understood as communicative norms in the various social settings in the public space? How transient or permanent are the sociolinguistic patterns that we observe? What do our findings tell us about the role of new populations in urban spaces in broader globalisation contexts? What conflicts exist in the present language regimes for the various stakeholders? How can these conflicts be avoided?

Ways to study all this should involve a mixture of techniques, and not only linguistic or sociolinguistic principles should underlie these. Sociological, anthropological, ethnographic, and psychological techniques may be combined in order to capture not only linguistic patterns but also the nature of human behaviour in groups. It should be noted that ethical and practical challenges present themselves when combining disciplines and digging for natural language data.

Basic tools

Observation seems the most obvious approach to make sure that language users are captured in their most natural habitat. Picture-taking and making recordings, and even filming are obvious candidates as practical tools to register the language and other behaviour that constitutes interpersonal communication. Picture-taking is useful for studying the public and private linguistic signature (Linguistic Landscape) of the public space. Semi-structured interviews with stakeholders as well as surveys can be used as tools to study attitudes, reactions to language choices by others.

Ethnographic fieldwork

Ethnographic approaches constitute both a theory and a methodology. Ethnography is the study of people in a cultural context. Methodologically, it refers to unintrusive researcher participation in daily activities. Peoples and cultures are observed, including their customs, rituals, and mutual differences. It is a useful way to learn more about the ‘social lives’ [Levon 2013] of members within a community. Blommaert [2007] viewed ethnography as a theory that leans on two principles. The first one is ‘Language ecology’, which refers to all social events, of which language is one, that are connected to other events (amongst others, historically, spatially, and temporally). These social events have many meanings; like ritual, identity-related, and practical meanings. The other principle is that knowledge of these social actions is by default subjective. Ethnographic fieldwork not only registers objectively what goes on and who are the agents, it also lays bare how the participants themselves interpret these events. The researcher needs to place the social events in a structured and independent social reality. The complete linguistic and non-linguistic situation is described, including social and cultural belief systems and practices. The personalities of participants are part of the explanation of communicative choices. The researcher tries to go from the ‘etic’ (outsider’s) view to the ‘emic’ (insider’s) viewpoint. The methodology is not pre-determined very strictly, as the situation (local customs, practical realities) determines the methodology. The situation will present relevant aspects or new variables to study. The context that induces certain communicative choices is studied as well as these choices themselves. Traditionally, this type of research is associated

with the study of primitive tribes and minority cultures. New possibilities, however, are to study modern communities of practice this way as well as, for instance, communication amongst shopkeepers, skaters, sports fans, people in an old-people's home, the homeless, or colleagues. Speech communities can also be studied; their inter-/intra-cultural communication, social networks, multi-cultural families, and neighbourhoods, and it could include tribe, class, and caste.

Street Use Survey

A Street Use Survey [Altuna, Basurto 2013; Droogsma, Smakman due 2019; Smakman, Heinrich 2018] describes the current linguistic state of affairs (the languages generally used) in a certain geographical or social space. It is based on observation (eavesdropping) as a tool to determine the language in a particular neighbourhood or town. This tool focusses on places where language is produced, the individuals producing the language, and the times when it is produced. The focus is not style or register, or any other linguistic aspect but merely the language or languages spoken. Patterns of usage are captured: which people speak which language in which social settings and with which interlocutors? The observations are relatively loose yet systematic, and they are done in busy streets, shops, and other places where person-to-person communication can be observed inconspicuously. The observations are repetitive and short; at specific times of the day in specific places. They could be done on certain days of the week, in several places in the city, and a Street Use Survey could be done for years on end. The observer uses a form with boxes to tick. They walk towards a conversation taking place — pretending to be playing with their phone —, eaves-drop, walk away, and type in the results in the form on their mobile telephone.

Choosing a city

For research in the urban public space, a certain city needs to be chosen. History of the city, for one, is an important characteristic. A main distinction is between an old and a new city. Examples of new cities/towns are: Brasilia (the capital of Brazil), the Dutch town of Dronten (a result of sea-draining), the British city of Milton Keynes (built around a small village to house London commuters and other populations) and the Norwegian new town of Høyanger (one of the first industrial towns

in Norway). New dialects form in such new cities [Giles, Coupland 1991; Kerswill, Williams 1992; Omdal 1977]. In older cities, the continuing development of existing dialects can be studied. Interactions between old and incoming communicative habits can be studied in both new and old cities. In old cities, changes since the start of extreme globalisation and diversification (in, say, the past 30 years) can be studied. It is common for the city centres of old cities nowadays to be revamped into a 'touricised' city. This leads to a situation where there are two cities in one; the new-dialect city and the old-dialect city. This is worthy of investigation too.

Another distinction that can be made is between city types; for instance, whether the city in question has a monolingual or multilingual self-image. Although Amsterdam historically had a predominantly monolingual self-image, while a city like Venice had a more multilingual self-image, today's situation in these two places is different. Due to demographic and economic changes, and due to tourism, both have become multilingual nowadays. Amsterdam has a dualist population structure that characterises world cities. It has a highly educated global workforce, strong service industries, and a thinning traditional middle-class. There is, what could be called, 'considerable' tourism in Amsterdam. Amsterdammers live in the city centre, and tourists have not en masse taken over the city centre houses yet. Venice is very different. It has undergone extreme gentrification, including renovation of deteriorated urban neighbourhoods by means of the influx of money from affluent residents. Tourism can be qualified as 'extreme'. Few native Venetians (born and raised on the peninsula) are left, and on the connected islands original inhabitants are hard to find, while only a small number of newcomers actually live and work there. Cities can be categorised by a system of such features and qualifications, and the communication patterns in various city types can be compared.

The changes in cities need attention in such a qualification. When we look at William Labov's New York, then we see that in the 1960s, when his famous study there was done, there were fewer newcomers. There was more segregation, less inter-ethnic/inter-cultural communication, possibly less mixing, and as a result identity needs were different. The social system was class-based and resembled European class divisions. In this situation, it was realistic to study groups and their behaviour. In shops, a researcher would find a certain type of people, and their language would be relatively predictable. Nowadays, New York

city has a crumbling class system. Shop stature can no longer be used as a reliable predictor of accent of shoppers or personnel, and the New York accent has changed its identity by losing some of its prestige. Norm language (General American) dominance is becoming more pertinent and so is the status of non-native Englishes. There is likely to be more mixing, because of the mingling of populations and because of increased intercultural communication. There are more newcomers and tourists, and amongst the long-term populations there is new-dialect formation, which uses as a source the New York accent, African American English, General American, and many sense a continued settling of the Italian and Jewish communication styles in the typically modern New York speech style [Tannen 2008].

What to study

As said, the study of communication in highly diverse settings, which is what urban settings often are, comes down to a study of the application of the elements of the communicative pool. The researcher looks at functions, rituals, politeness, and communicative regimes by finding out which elements speakers select in certain settings. Rather than studying predefined groups, group formations and their labelling (by themselves or others) are the object of study. Young people with different language and cultural backgrounds in particular develop their own expressions, pronunciations, and communicative norms in order to be identifiable as a group.

Nowadays, staying in the same place all one's life is still common, but amongst certain populations it is becoming less common. 'Global Nomads' [Elliott, Urry 2011] and their offspring, so-called 'Third-Culture Kids' [Pollock, Van Reken 2009], are increasingly common. Their norm-formation could be indicative of future ways in which people construct language norms — aimed at some sort of global norm that is culturally and regionally less rooted than traditional norms have been. These populations typically pick up features from various places/people without committing to a regional or social dialect. They might speak Arabic, Spanish, Portuguese, Malay, or Swahili but do not commit to the cultures or language norms typically associated with these languages. These and other inhabitants are amongst the modern new inhabitants of urban spaces.

To study new communication in the city, it may be necessary to study the differences between the countryside and the city and to look

at past times as well. Rather than dive into superdiverse settings only, one could investigate diversifying settings in the recent and far past. One could look at the beginnings of language contact in modern settings. Historical data can be combined with modern data. The nature of the change may show difference or resemblance. In the past, more assumptions on race and class were likely to exist; groups were more fixed. Nowadays, we could look at groups in a new way by applying new criteria. The fluidity of groups is another issue to take seriously, because membership may vary on the basis of the prominence of a certain criterion. Examples of this and of the historical approach are given later on in this article.

Hypotheses about communication issues in the public space

Such research could yield practical results. A recent research proposal by Daniel Kádár (Budapest), Patrick Heinrich (Venice), and Dick Smakman (Leiden) contained the following hypothesis, which seems in order here: “In superdiverse settings, economic forces tend to favour the most powerful actors (authorities & residents) and reinforce social tensions, while the government as an agent tends to be slow to react to demographic changes.” The underlying thoughts to this hypothesis were that the public space has received little consideration in the agenda of diversifying the European population [Francis et al. 2012] and that this is due to economic opportunities generated by this diversification. Furthermore, little sociolinguistic research has been done on the actual operation of communicative practices in the public space. This communication may nevertheless be the source of conflict.

There is a certain self-evidentness to the idea that social conflicts exist in the public space. In Venice, conflicts between local food salesmen and tourists from certain regions are common, and Amsterdam suffers from tourists trying to find their way in town or trying to solve practical problems (including communication with authorities after, for instance, accidents and theft). This presumed self-evidentness is the very reason it should be investigated; no inquiry has attempted to map these conflicts systematically from a communicative point of view. Conflicts are often assumed to come from insufficient knowledge of English and the tourists’ lack of practical and cultural knowledge. However, such conflicts are not necessarily related to language or cultural barriers per

se and therefore not solved simply by teaching people English or the national language of the country where a city is, or by using simpler language in writing and spoken communication. Lists of cultural instructions or small handbooks on culture are also known not to work. All kinds of cultural assumptions that language fails to communicate unambiguously cause misunderstanding and conflict. Practical examples are: international versus local politeness rules, assumptions as to how discourse starts and ends, the definiteness of the words 'yes' and 'no', the meaning of 'thank you' and facial expressions, the rhetorical value of speaking the local/national language (including just a few words), and, for instance, the meaning of smiling and body language. A reasonable hypothesis is that these have little to do with formal knowledge of English, Dutch, Russian, Norwegian, Arabic, Italian, or another large or small language, yet they are the most likely cause of misunderstanding and source of conflict. One could propose the design of a sociolinguistic model of such communicative variation, and, subsequently, solutions to the resultant misunderstandings.

Public space is an ideological space characterised by struggles for legitimacies and by conflicts of interest, amongst others practical ones. The resultant struggles take place between individuals but they follow patterns through which the sociolinguist can model public space as a communicative setting. European governments are said to embrace the United in Diversity ideology, '*varietate concordia*'. Yet, the countries promote national languages, and a few minority languages 'on the side'. There does not seem to be a strong promotion of diversity and intercultural smooth communication, while there is no strong promotion of international lingua francas. Large-scale immigration and tourism can lead to superdiverse cities, especially at certain times of the year. This could lead to a permanent or temporary 'sociolinguistic discrepancy' between language policies, language attitudes, and real-life communicative practices in the public space, and thus to less easy communicative access to the public space. One could say that superdiversity leads to superconfusion. Within and outside Europe, this superconfusion does not seem to have ended up on any agenda.

How to study the city?

To smoothen communication in urban contexts, research could be done, and this could lead to hints and tips for stakeholders. What

kind of regulatory measures can decrease potential social tensions triggered by superdiversity? Interaction between policies and public reactions to them can be viewed from a sociolinguistic angle. The research in question should not be restricted to linguistics only but communication in general; the Humanities and Social Sciences should work together in this effort. The outcome would be a depiction of how public communication works in contemporary society and of recommendations on how linguistic administration of the public space can adapt to the language regimes under pressure to change. Rather than tackling disorder and confusion retrospectively, one could anticipate the complexity of communicative situations. This way, the quality of communication in cities could improve.

Examples of research in the city

1. Historical approach

An example of research that could serve as inspiration for future research into the city, is the investigation by Britain and Trudgill [2005] in the Fens area in England. In this area, several communities lived on settlements surrounded by swamps. Once polderised, these intermediate areas were populated by the people from the settlements. This way, language contact of speakers of very similar varieties of English took place. Britain and Trudgill [2005] combined historical data with more modern data and came to surprisingly detailed and feasible hypotheses. In these areas, two variants ‘met’, and rather than intermediate forms arising or one of the forms disappearing, both variants survive; each received its own sociolinguistic functions. This research is a good example of less urban ways of communicating and of new-dialect formation in previous times. Historical data and more modern insights and assumptions are combined in this investigation.

2. Non-linguistic diversification

Cornips and De Rooij [2013] demonstrated how groups of speakers in adjacent neighbourhoods (in the Netherlands) may use non-linguistic ways to demonstrate difference while their language is similar. They encountered that in a certain urban context in the Netherlands speaker background is communicated by how the tongue of one’s shoe is underneath the laces or not. The unmarked Surinamese style is to wear

the tongue of the shoe underneath, while Antilleans wear the tongue overneath. Their research shows that young urban inhabitants may think in terms of stable ethnic categories, but when we look at communication, ethnic categories may merge: these two ethnic groups may feel that they are communicatively one but different in clothing. The data also show that Self and Other are subject to redefinition throughout interaction, and dependent on which aspect of identity is referred to.

3. High numbers of variables

Another interesting example of urban research and the specific ways variation can be viewed is the well-known investigation by Milroy and Milroy [1978]. This investigation distinguishes between dense and loose networks: more density leads to more vernacular usage. The basis for network formation is broad: religious affiliation (Protestant or Catholic), neighbourhood, family size, frequency of visits to neighbours, weekly hobby activities, and, for instance, degree of care for the weaker members in a network. It is these investigations that emphasise the need to apply multifaceted research in urban contexts — involving a myriad of variables that present themselves in the process.

4. Semantic diversification

Cornips, De Rooij, and Smakman [2018] described the use of a specific term in an urban context in the Netherlands. The term was *tori zetten*, which can be translated as ‘commit *tori*’. Originally Surinamese in origin, the word ‘*tori*’ has various meanings, the most dominant one of which is ‘activity’ or ‘job’. To commit *tori* is associated with committing burglary but in the urban contexts described by Cornips et al. [2018] its meaning seems to be renegotiated by various groups using the term, with each group using it in slightly different ways. Data in their investigation suggest that the Amsterdam youths (often of Surinamese or Antillean origin, but not necessarily) from a neighbourhood called Bijlmer interpret it as referring to the embezzlement of a small amount of money, whereas in a nearby neighbourhood (Westerpark) it refers to a relatively more innocent action or job.

5. Street Use Survey

Droogsma and Smakman [due 2019] describe a Street Use Survey in four cities in Ukraine: Kyiv (Central/North Ukraine), Luc’k (West Ukraine), Kharkiv (East Ukraine), and Kramators’k (East Ukraine).

More than 400 people were eavesdropped on in total. The results show that Russian is used in all places, while Ukrainian is used more in the non-Eastern regions, and it even seems to be used increasingly often (even if the speaker doesn't speak it well). A survey showed that Russian is relatively unmarked, while Ukrainian has more of an identifying (nationalism, for instance) feel to it.

6. Studying misunderstandings

Kádár, Heinrich and Smakman (in progress) are planning to capture communication problems (misunderstandings) in the Dutch city of Leiden. Random tourists and locals will be asked to enter a booth in which a video can be played and where recordings can be made. The participants will be recorded while solving certain practical issues, watch an instructional video on misunderstandings, and they will be interviewed. This basic approach can be seen as a pilot to precede a more in-depth investigation into miscommunication in urban settings.

Why cities matter in sociolinguistics

Where many different people meet in the same space and try and make their way through that space, communication arises. The more varied the speakers, the more complex the communication. Studying these contexts poses many challenges, but it can push the field forward too. It gives researchers better insights into diversity than before, especially if cities and the neighbourhoods within cities are studied as self-contained communicative systems. Moscow, Amsterdam, and London are like separate countries and can be treated as such. They are different from other cities in their respective countries, and they are often more like these other cities than the surrounding countryside. Indeed, these entities face communicative challenges, and sociolinguistic research (in a broad sense) can help gain insight into these issues. Finally, urban contexts can help critically examine and readdress sociolinguistic theory; not just in the city, but in other contexts as well.

References

- Altuna, Basurto 2013 — O. Altuna, A. Basurto. A guide to language use observation. Survey methods. Vitoria-Gasteiz: Servicio Central de Publicaciones del Gobierno Vasco. 2013.

- Bassiouney 2015 — R. Bassiouney. *Language and Identity in Modern Egypt*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2015.
- Blommaert 2007 — J. Blommaert. On scope and depth in linguistic ethnography. *Journal of Sociolinguistics*. 2007. No. 11. P. 682–688.
- Britain, Trudgill 2005 — D. Britain, P. Trudgill. New dialect formation and contact-induced reallocation: three case studies from the English Fens. *International Journal of English Studies*. 2005. Vol. 5. Issue 1. P. 183–209.
- Cohen 1994 — J. L. Cohen. *Civil Society and Political Theory*. Boston: MIT Press, 1994.
- Cornips, De Rooij 2013 — L. Cornips, V. A. De Rooij. Selfing and othering through categories of race, place, and language among minority youths in Rotterdam, The Netherlands. In P. Siemund, I. Gogolin, M. E. Schulz, J. Davydova (eds.). *Multilingualism and Language Diversity in Urban Areas: Acquisition, Identities, Space, Education*. Amsterdam: John Benjamins, 2013. P. 129–164.
- Cornips et al. 2018 — L. Cornips, V. A. De Rooij, D. Smakman. The Randstad area in the Netherlands. Emergent and fluid identity-locality production through language use. In D. Smakman, P. Heinrich (eds.). *Urban Sociolinguistics. The City as a Linguistic Process and Experience*. London: Routledge, 2018. P. 162–180.
- Coulmas 2008 — F. Coulmas (ed.). *Future Prospects for German and Japanese in Science, Economy, and Politics*. Berlin/New York: De Gruyter Mouton, 2008.
- Droogsma, Smakman due 2019 — M. Droogsma, D. Smakman. Language choice as a solidarity symbol in a conflict situation. The use of Ukrainian and Russian in Post-Maidan Ukraine. *International Journal of the Sociology of Language*, due 2019.
- Elliott, Urry 2011 — A. Elliott, J. Urry. *Mobile Lives*. Cambridge: Routledge, 2011.
- Francis et al. 2012 — J. Francis, B. Giles-Corti, L. J. Wood, M. Knuiman. Creating sense of community: The role of public space. *Journal of Environmental Psychology*. 2012. Vol. 32. Issue 4. P. 401–409.
- Giles, Coupland 1991 — H. Giles, N. Coupland. *Language: contexts and consequences*. Milton Keynes: Open University Press, 1991.
- Habermas 1991 — J. Habermas. *The Structural Transformation of Public Sphere*. Cambridge: MIT Press, 1991.
- Kádár 2017 — D. Z. Kádár. *Politeness, Impoliteness and Ritual. Maintaining Order in Interpersonal Interaction*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Kerswill, Williams 1992 — P. Kerswill, A. Williams. Some principles of dialect contact; evidence from the new town of Milton Keynes. *Working Papers. Occasional papers on General and Applied Linguistics (Department of Linguistic Sciences, University of Reading)*, 1992. P. 68–90.

- Labov 1966 — W. Labov. *The Social Stratification of English in New York*. Washington, DC: Center for Applied Linguistics, 1966.
- Labov 1972 — W. Labov. *Language in the Inner City*. *Studies in the Black English Vernacular*. Philadelphia: Pennsylvania University Press, 1972.
- Levon 2013 — E. Levon. *Ethnographic fieldwork*. In C. Mallinson, B. Childs, g. Van Herk (eds.). *Data Collection in Sociolinguistics: Methods and Applications*. New York — London: Routledge, 2013. P. 69–79.
- Milroy, Milroy 1978 — J. Milroy, L. Milroy. *Belfast: change and variation in an urban vernacular*. In P. Trudgill (ed.). *Sociolinguistic patterns in British English*. London: Edward Arnold, 1978. P. 19–36.
- Nettle 1999 — D. Nettle. *Linguistic Diversity*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Omdal 1977 — H. Omdal. *Høyangermålet — en ny dialekt*. *Språklig Samling*. 1977. No. 18. P. 7–9.
- Pollock, Van Reken 2009 — D. C. Pollock, R. E. Van Reken. *Third culture kids: The experience of growing up among worlds*. Boston: Nicholas Brealy Publishing, 2009.
- Smakman, Heinrich 2018 — D. Smakman, P. Heinrich. *Postscript. A proposal for street use surveys*. In D. Smakman, P. Heinrich (eds.). *Urban Sociolinguistics. The City as a Linguistic Process and Experience*. London: Routledge, 2018. P. 237–239.
- Tannen 2008 — D. Tannen. *New York Jewish Conversational Style*. In S. F. Kiesling, C. B. Paulston (eds.). *Intercultural Discourse and Communication: The Essential Readings*, 1. Malden: Blackwell, 2008. P. 135–149.
- Turner 1969 — V. W. Turner. *The Ritual Process: Structure and Anti-structure*. Chicago: Aldine Publishing, 1969.
- Vertovec 2007 — S. Vertovec. *Super-diversity and its implications*. *Ethnic and Racial Studies*. 2007. Vol. 30. Issue 6. P. 1024–1054.

A. A. Smirnitskaya

*Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow*

DIGLOSSIA AND TAMIL VARIETIES IN CHENNAI

1. Introduction¹

Chennai, known until 1996 as Madras, is the 5th largest city in India, according to the 2011 Census of India. It is the capital of the Indian state of Tamil Nadu and has a population of more than 4.6 mln. The Tamil language plays a predominant role here, with Telugu, Urdu, Malayalam and Hindi being spoken by 10 % or less of the population. If we walk along the streets of Chennai megapolis, Tamil speech is what we will hear most often.

Tamil is a South Dravidian language with a long history, dating back more than two millenia. It is one of the 22 scheduled languages of India. It has an official status in the State of Tamil Nadu and the Indian Union Territory of Puducherry, and it is also one of the official languages in Sri Lanka and Singapore. The total number of its speakers is approximately 77 million people, thus it is one of the top twenty most popular languages in the world [Dubjansky 2013: 48].

The specific language situation in Chennai shows us four main different varieties of Tamil within quite a wide space of functions and forms, including territorial and social dialects (cf [Smirnitskaya 2013]), language registers, etc. These varieties are: Literary Tamil, Colloquial

---

¹ My deep gratitude goes to Dr. Paari Vijayan M., Mr. Jeysundhar D., Mr. Harish Manoharan and Ms. Shreeranjani Kanagavel, who helped me with Tamil examples and without whom this work couldn't be possible.

I would also like to express my deep gratitude to the colleagues who have read the preliminary version of the article and helped improve it with their advice: Nikolai Gordiychuk, Nina Dobrushina, Timur Maisak, Julia Mazurova, Dick Smakman and Tatiana Dubyanskaya. All mistakes are mine.

Tamil, Tanglish, and the special dialect of the territory investigated, in our case it's Chennai Tamil (or Madras Tamil, Madras Bhasha, "Madras Bashai"). Literary and Colloquial Tamil play a role in Tamil Diglossia involving High and Low registers of the language that has already existed for many centuries. Tanglish is a Tamil-English code-switching language strategy used primarily by youngsters. We should also be aware of Chennai slang that is called Chennai Tamil or Madras Bhasha. If we consider the famous all-Indian magazine "The Hindu", they raise the question: "What Tamil does Madras speak?" and answer: "Madras Tamil" [The Hindu 2016]. But it's only partly true.

In this article we make a linguistic landscape research. We conducted a series of interviews with Tamil speakers living both in Chennai and in Moscow in order to outline the picture of Tamil language use in the city of Chennai. Such investigations have been made for languages of different language families, for example, for Northeast Caucasian Archi language in [Dobrushina 2007], but as far as we know, have never been made for Tamil. In the article we show the peculiarities of contemporary Tamil diglossia and code-switching. The preliminary results of our study concerning the data of Chennai Tamil slang are presented.

2. The specifics of diglossia in the case of Tamil

The earliest samples of Tamil language are found already in the old epigraphy of the 3rd century BCE. Almost from that period up to now, the two varieties of language have coexisted, forming the situation of classical diglossia, according to C. A. Ferguson's definition of the term: diglossia is a "relatively stable language situation in which, in addition to the primary dialects of the language, there is a very divergent, highly codified (often grammatically more complex) superposed variety... which is learned largely by formal education and is used for most written and formal spoken purposes but is not used by any sector of the community for ordinary conversation" [Ferguson 1959: 435].

Tamil diglossia involves two language varieties: the formal or H (High) variety that is Literary Tamil, and the spoken or Low (L) variety used in informal conversations, that is Colloquial Tamil. Both varieties complement each other in function, as was described in detail by Francis Britto [Britto 1986; 2017 revised].

As for now, Literary Tamil is taught in schools, and it is the language of instruction (except of colleges specifically focused

on learning English). Tamil textbooks are widely used, though there is no nation-wide program. In higher education in Chennai the situation is more complex: the main language of instruction is English, while only few institutions offer education in Tamil. So, we can say that Literary Tamil is in the process of losing its functions, giving way to English. In addition to it, there is a tendency of penetration of Colloquial speech into traditionally formal spheres: literature, radio, TV programs etc. L. P. Krysin named a similar tendency in Russian “the colloquialisation and jargonisation of the public spheres of communication” [Krysin 2011: 446].

There are excellent grammars of Literary Tamil, both Indian (among which the first one, — an ancient grammar *Tolkāppiyam*, dated between 3rd BCE and 5th CE) and foreign, such as Andronov’s “The Grammar of Tamil” [Andronov 1987] and T. Lehmann’s most up-to-date “A Grammar of Modern Tamil” [Lehmann 1993].

Colloquial Tamil is a means of everyday communication. It has a common form used all over the country. It is learned naturally and not taught at schools. Colloquial Tamil hadnot been an object of study or education until the middle of the 20th century, when first descriptions of it appeared, cf. [Zvelebil 1964], [Shanmugam Pillai 1971], [Andronov 1962] etc. In recent years, however, the interest in Colloquial Tamil is growing. New foreign grammars and textbooks of Colloquial Tamil have been published: “Colloquial Tamil” by Asher and Annamalai [Asher et al. 2005], “Le Tamoul sans peine” by Sethupathy and Kasi [Sethupathy et al. 2002] and some others. In Tamil Nadu new mobile apps for learning colloquial language have been released.

At the same time the use of Literary Tamil is influenced by the penetration of English words. Such meanings as ‘refrigerator’, ‘computer’, ‘cooler’ are usually expressed in English (although there are Tamil lexemes *kuḷircāṭaṇapeṭṭi* ‘refrigerator’, *kaṇiṇi* ‘computer’ and others with the same meaning). These processes lead to the fact that nowadays a rare native speaker can speak Literary Tamil correctly, without inserting Colloquial forms or English words. As Tamil speakers say, it is difficult to speak pure Literary Tamil. Those who know it the best today are elderly people, because they do remember literary forms, and school children, because they learn it at school. However, there are some schools where the language of instruction is English from the first year. The children of such schools speak Literary Tamil worse than pupils of the others.

3. The phonetics of Colloquial Tamil

Tamil diglossia shows a large divergence between linguistic characteristics of Literary Tamil (below, LT) and Colloquial Tamil (CT). The main differences are phonetic, which were first examined in [Zvelebil 1964] and [Schiffman 1979]. Thus, we should mention some features of vowels change, attested in these sources and confirmed by our data:

- (1) Vowel reduction: LT *tampi*–CT [təmpi] ‘younger brother’².

The diphthongs of LT /ai/, /au/ are not preserved in CT: LT *maṇam*–CT *moṇam* ‘silence’.

Dropping-out of the final vowel or diphthong before the next word: LT *illai enṛāl* — CT *illeṇṇā* ‘if not’.

The diphthong /ai/ in the spoken language changes into /a/ in the absolute beginning of the word and in /e/ in all other positions: LT *aintu* — CT *añcu* ‘five’, LT *vaikka* — CT *vekka* ‘to place’, LT *ilai* — CT *ele* ‘leaf’, LT *maṇai* — CT *maze* ‘rain’, LT *avaṇai* — CT *avaṇe* ‘him’.

Nasalization of the vowel preceding nasal consonants in final position (possibly influenced by hindi): LT *pōrāṇ* — CT *pōrāṇ̃* ‘he goes’; LT *maram* — CT *marō* ‘tree’.

Qualitative changes in vowels in the context of retroflex consonants: LT *peṇ* — CT *poṇṇu* ‘girl’; LT *vīṭu* — CT *vūṭu* ‘house’, LT *viḷakku* — CT *veḷakku* ‘lamp’ etc.

Some of the consonant system changes are also to be listed:

- (2) Dropping-out of the final consonant in some cases: LT *illai enṛāl*–CT *illeṇṇā* ‘if not’.

The pronunciation of the retroflex phoneme /ɻ/ in CT varies from the normative [ɻ] to [l] and even approximant [y].

Colloquial language simplifies clusters. For example, consonants /y /, / r / are dropped out before the geminates: *vartti* — *vatti* / *vaṭṭi* ‘wick’.

² We follow the transliteration system suggested in Madras university Tamil lexicon dictionary (1924–1939). One exception made is retroflex /ɻ/ instead of /l/. In examples from other authors we preserve the original transliteration. The difference will be explained in each case.

Assimilation in clusters: LT *onpatu*– CT *ompatu* ‘nine’, LT *nārkāli* — CT *nākkāli* ‘chair’, LT *uṭkār* — CT *ukkāru* ‘to sit down’. Palatalization is also an important feature of CT: LT *pittu* — CT *piccu* ‘stupidity’, LT *paṭittēn* — CT *paṭiccēṇ* ‘I read’, LT *irukkir-tṛkaḷ* — CT *irukki [ṇga]* ‘(they) are’.

There are also changes in the syllable structure: syllables of CVC type are often replaced in colloquial speech by CV + CV:

- (3) LT *pal* ‘tooth’– CT *pallu* ‘tooth’, LT *yār*– CT *yāre* ‘who’.

This feature is essential to CT, and we will see below that it persists in Tanglish mixing language code and in Chennai Tamil slang as well.

There are important changes in morphology. For example, displacement in final diphthong pronunciation -ai → -e leads to change in Accusative case form:

- (4) LT *maratt-ai* — CT *maratt-e* ‘tree-Acc’, LT *avaṇ-ai* — *avaṇ-e* ‘him’ (Acc), LT *peṇ-kaḷ-ai* — CT *poṇṇu-kaḷ-e* ‘girl-Pl-Acc’.

The spoken phonetic processes bring the form of Pres from the LT marker — **(k) kir-** through the sequence of phonetic shortenings to the form **-kk-** or even **-r-** and **-kk-**, as in:

- (5) ellāra   nṇka   va-nt-iru-**kk**r-ṇka,   romba   santōṣam.
all   you   come-Pst-be-pres-2Pl   very   joy
‘I’m very glad that all of you came.’ (lit. ‘It’s very joyful that all of you came’; 2.Pl -kkir-tṛkaḷ → -kk-r-ṇka). [Pandiya Nādu movie 2013]

The similar reduction happens in the form of 3.Sg.n in Pres: — **(k) kir-atu** → **-kk-**, as in:

- (6) itu   romba   kashtam-ā   iru-**kk**u
this   very   difficult-Adv   to be-Pres-3Sg.n
‘It’s very difficult’. [ibid]

4. Code switching in Tanglish macaronic usage

A very important fact for India is that its verbal tradition is “an organic multilingual one, a grassroot plurilingualism where the various language identities of the plurilingual user behave as a global

communicational unit” [Montaut 2010: 85]. Thus, Literary and Colloquial Tamil diglossia is not the only main factor determining the language situation in Chennai. The penetration of English language into everyday conversations is also substantial. While serving as a second (along with Hindi) official language of all national events, English is associated with higher status, with the ideology of modernity and progress and good opportunities for the next generation. The native languages at the same time are associated with the ideology of tradition and cultural values [Krishnasamy 2009: 48].

The spread of English in India and Sri Lanka is traced back to the 16th century and the desire of Indian elite to use English for acquiring knowledge of modern science and technology [Kachru, Nelson 2006: 154]. All the causes of the spread of English in India contribute to one global picture. An important factor in the diffusion of English bilingualism is the English press, which has had a great influence for a very long period. Another factor is education. As the parents realized that English was the language required for a secure future in governmental or IT jobs, more people demanded to be educated in English, and more secondary schools, and in particular private ones, were established to cater to these uprising demands in learning English.

The prestige of the English language leads to the fact that parents start teaching their children as early as possible, even from the age of 3 years. My respondents agree that parents often speak English with children and insist on calling them “*mommy*” and “*daddy*” instead of Tamil “*ammā*” and “*appā*”.

Code-mixing, “the use of two or more languages in a cohesive way within a stream of discourse”, is a widespread phenomenon among multilingual South Asian English users, in all modes and virtually all registers [Kachru, Nelson 2006: 161]. It is an important characteristic of the situation with Tamil as well. Code-switching, as the phenomenon can also be called, “provides a unique window on the structural outcomes of language contact, which can be shown to be systematic rather than aberrant” [Bullock and Toribio 2009: 1]. Code-switching is a very important object of language contact research.

The paper by Kanthimathi Krishnasamy “Code-mixing among Tamil — English Bilingual Children” shows how far the borders of English use have now moved because of this situation [Krishnasamy 2015]. The author calls this state of affairs “bilingualism”, because the children are exposed to English from early childhood: “Adults prefer to use

English as it makes them feel “modern”. Unlike adults, the use of English by children is not because of its prestige status. There is no positive or negative attitude towards the use of English among children. Code-mixing emerges because of simultaneous acquisition of Tamil and English. The general attitude in India for code-mixing is not negative. The code-mixing language behavior of children is not viewed as a negative behavior by them and their parents. Though children are unaware of the prestige status of English, parents feel that mixing with English and speaking English is essential for the progress of the child. The parents’ attitude towards language mixing is very positive. They feel that language mixing is a step to achieving fluency in English. About the mother tongue fluency parents seem to be less worried” [Krishnasamy 2015: 790].

In the experiment, children of primary school in an informal atmosphere performed the tasks “Telling a story by picture” and “Free story”. The cases of code-switching were counted and evaluated. Here is an example of a text obtained by such method (see [Krishnasamy 2015: 789]). It’s a popular story “*The Hare and the Tortoise*”. The author’s system of transliteration is preserved, the words of English origin are highlighted in bold:

- (7) *Orunaal oru **tortoiseum** oru **rabbitum** race vaikalamnu sollichen. Race start pannanga. Rabbit fasta odichu. Tortoises lowva nadanthuchu. Appuram rabbit think pannichu tortoise slow vanthaanavaruthunu tree keela thungalaamnu pochu. Tortoise slowva nadanthu nadanthu **finish point reach** aayiduchu. Rabbit thungi yendrichu paathu **lateaa** vanduchu. Tortoise **first** vanduchu.*

One day a tortoise and a rabbit decided to arrange a race. The race started. The rabbit was running faster. The tortoise was running slow. Then the rabbit decided that tortoise goes slowly and he fall asleep under the tree. The tortoise slowly going, step by step reached the finish point. The rabbit got up from sleep and came late. The tortoise came to the finish first.

The number of words of English origin is significant in this text. The author makes the conclusion that the level of code-mixing made by children is influenced by such factors as:

1. Tamil or English is used as a language of instruction at school;
2. Parents use code-mixing as a language strategy in communicating with children;

3. The level of education of the parents (factor connected with №2);
4. Positive attitude to code-mixing among people surrounding the child, including relatives, teachers, neighbours etc. (The list of the factors is based on [Krishnasamy 2015: 791].)

The maximum degree of code-mixing leads to a new language form — Tanglish. Tanglish (Tamil-English mix) is becoming popular among the youngsters. This situation is similar to that of Hindi-English mixing: “mixing can take the form of less or more heavy borrowing, or codeswitching, or — in the most extreme cases and accompanied by various structural reductions — may lead to the creation of linguistic entities bearing some characteristics of a pidgin” [Kuczkiewicz-Fraś, Gil 2014: 201]. The extent that the mixing reaches is variable, it depends on speaker’s individual characteristics and on the specific features of the situation. In the normal case, code-switching is “under the conscious control of the speaker and, significantly, not all bilinguals are observed to engage in CS” [Bullock and Toribio 2009: 7]. It appears when two languages are an “intrinsic part of [the speakers’] identity and of their communicative practices. The cohabitation of the two varieties within CS is a natural consequence of this integrated duality” [ibid: 104].

Tanglish is the Tamil-English macaronic language, in which various elements of the English language vocabulary (and to lesser extent — grammar) are incorporated into a Tamil phrase. In another one of her works, “Tamil-English Mixed Language Used in Tamil Nadu” (2009) on the material of speech samples collected from adults, K. Krishnasamy calculates the percentage of switching occurrences for her material: from 11 to 52 %, on average 32.94 %. Here are some important manifestations of code-switching [Krishnasamy 2009: 50–52]. They follow the well-known general rules of borrowings, mentioned for example, in [Matras, Bakker 2003: 157]: nouns are more frequently borrowed than verbs or adjectives, lexical items are more frequently borrowed than grammatical items, the unbound elements are more easily borrowed than bound elements etc.

1. Hybrid vocabulary (English lexeme with Tamil grammar markers):

- (8) athu   avan-ōta   **teacher-ōṭa**   **kār**.
       it   he-Poss   teacher-Poss   car

‘It’s his teacher’s car.’

2. Some verbs involved in mixing and occurring in the corpus are: *adjust, admit, avoid, cross, feel, help, hit, move* and others, as in examples from [Krishnasamy 2009: 50]³:

- (9) antha **kār** avan vēkamā **cross** paNn-Nnu-thu –
 this car he fast cross to.do-Past-3.Sg.n
 ‘This car quickly crossed his way.’

3. Combinations of English Noun + Tamil Verbaliser:

- (10) **skid** āki **balance** paNnNna mutiyāma kīzē
 drift to be-Vpt balancedo-Inf can-Neg.Vbp down
 vizu-nth-ituṛāN. –
 Fall-Past-Vbp-leave-Pres-3Sgm.
 ‘He could not keep the balance when drifting [in the car] and fell down.’ (lit. ‘The drift having happened, the balance make he could not, for such a reason he fell down’).

4. English words acquire phonological features after the Colloquial Tamil model:

- (11) *dōr* + *u* = *dōru*, *fan* + *u* = *fanu*, *car* + *u* = *caru*, *ball* + *u* = *bālu* etc.

We have already mentioned this model of colloquial Tamil syllable structure CV + CV in section [3] above.

The contemporary situation shows a lot of examples of code-mixing peculiar for Tanglish in modern mass media — cinema, literature, Internet:

- (12) **Stēshan**-ukkuṇṇu pō-ka-ṇum,
 station-Dat go-Inf-Prob
 innikku ammani var-ṛ-ā eṇ.r-āṇ.
 today Ammani arrive-Pres-3.Sg speak.Past-3Sgm.
 ‘We must go to the station, Ammani arrives today’, — he said.
 [‘Ammani’ novel by Vasanti, p. 49]
- (13) Kuṇṇantai-kaḷ-ukku ippa **līvu**.
 child-Pl-Dat now holidays

³ The original transliteration by K. Krishnasamy is preserved in these examples. Syllable-organizing [ṇ], presented as /N/, is a specific feature of colloquial language.

Innum oru vārattilē **skul** tīrakkum.
more one week school to open-Pres-3Sgn.

“Children have holidays now. In one week school opens.” [p. 53]

- (14) “**rilāks, rilāks,**” eṇ.r-āṇ akarvāl mella.
Relax, relax to talk.Past-3Sgm Akarval slowly

“Calm down,” — slowly said Aharval [ibid. p.56]

The following examples from a TV talkshow illustrate the inserting of a whole English clause or even a whole phrase into the conversation that was presupposed to be in Tamil:

- (15) **I think cinema** maṭṭum ill-āmal ulaka.tt-il-ē ovvoru
I think cinema only without world-loc-emph every
namma life-il vishayam naṭa-nt-atu.
our-Incl life-Loc event happen-Past-3Sg.n

“I think, and without cinema, for each of us something happens in the world.”

- (16) — **Take away money from the world.**

— **Ok, but** ata-kku **first step** enna?
Ok, but this-Dat first step what

“Ok, but what is the first step for this?” [Actor Simbu, interview 2018]

5. Chennai Tamil slang lexical features

However, there is one more Tamil variety spoken in modern Chennai, which needs to be mentioned here. It is the *Chennai Tamil*, also called *Madras Tamil*, or *Madras bhasha* (from skt. *bhāṣā* ‘language’). The Chennai Tamil is an urban slang of the city of Chennai, having common sociolinguistic characteristics with the London *cockney*. Unlike Tanglish, widespread throughout the Tamil-speaking world, Chennai Tamil slang is spoken only in Chennai.

During preliminary investigations for this research we did not find a scientific linguistic description of Chennai Tamil. There are publications on the Internet, an entry in Wikipedia, mass media articles, but, as for now, no scientific research. For example, there are several articles in “The Hindu” and other newspapers, such as: “What Tamil does Madras speak? Madras Tamil”, “Madras Bashai — the flamboyant lingo

of Chennai” [Soundararajan 2018], word lists as in the [Slangmela 2018] and videos on Youtube, such as “Chennai’s local words — Origin & Meanings”, “Tamil Swear Words” and others.

Who are the speakers of Chennai Tamil? What are the main features of this language variety? In order to answer the questions, I conducted a series of interviews with Tamil speakers — residents of Moscow and Chennai, born in Chennai.

Here are some findings of this research, which is still in progress.

Chennai Tamil slang is a language of slums. My respondents have attested it is more spread in the Northern districts of the city than in the Southern. “The Hindu” newspaper cites words of prof. V. Arasu from The University of Madras, confirming our data: “This language grew after the 1950s, when the city began developing. Labourers living in north Chennai slums, who needed to communicate with businessmen from different regions, picked up many words from their vocabulary.” [The Hindu 2012]

Participants of my inquiry, born in Chennai, made such comments on speaking in Chennai Tamil slang: *“I can talk like this. And my friends can do that. If they are in a bad mood.”* And *“I do not say that. Sometimes I can talk like this with friends. But at work, with colleagues, I will not speak the slang.”* Also: *“At home I never speak like this.”*

These and similar comments highlight the attitude toward Chennai Tamil slang. It is perceived as a phenomenon attributed to labourers, poor and uneducated people. Educated people do not talk like this.

The objectives of the research were 1) to find examples of Chennai Tamil slang vocabulary in the open sources, such as [Soundararajan 2018] and [Slangmela 2018], 2) to check the data with native speakers of Tamil and 3) to outline the coordination of Tamil varieties including Chennai slang during the day of a speaker, paying special attention to the greeting formulas. The procedure was to read every word of the vocabulary list, and answer the questions:

1. Have you heard or said this word or construction?
2. Does this word belong to Chennai Tamil? If not, does it belong to another variety of Tamil?
3. Could you explain its meaning?
4. Do you agree that the description of the word given in the list, is correct? Is it wrong?

Several interviews concerning the distribution of Tamil variants were made. Thus, as a result, we have the preliminary list of confirmed lexemes from Chennai Tamil and the comments on the use of some of them.

6. The preliminary results of lexis identifying inquiry

Chennai Tamil slang was influenced by various languages, and all of them were the sources for its vocabulary to a larger or lesser extent. The main lexical sources are Hindi, Urdu, English, Telugu, and distorted Literary Tamil. There is also an impact of some other languages, for example, Turkish, but it's much smaller. Here are some examples approved by Tamil speakers:

- (17) Urdu: *dil* 'chutzpah, audacity' as in "Do you have audacity to step outside and fight like a man?" from Urdu *dil* ('heart'), metaphorically meaning 'courage'.

Telugu: *dabbu* [dabbɪ]⁴ 'money' instead of LT *paṇam*.

Distorted Tamil: *alēka* [ale:ka] "smoothly", from LT *aṣakā* 'beautiful'.

Distorted English: *blēdu* [ble:ɖɪ] 'boring, useless', from English "bloody". As in: "Dey, blēdu paḍam da", that means "The film was boring"; *bāṭli* [ba:ṭli] 'a derogatory term for a woman', from English "bottle". A reference to a woman's hourglass shape. Used as in "Batli mādi oru figure" — "figure like a bottle".

The lexical items can be divided into groups depending on the language that, as far as we can recognize, was a source for an item:

Telugu: *gabbu* 'stink, foul odour'; *golti* 'Telugu speaker'; *gapsā* 'disinformation'; *takkar* 'super'.

Kannada: *duttu* 'money', *galīju* [gəli:ɖɪ] 'dirty'; *sōle* 'prostitute'.

Hindi: *dar* 'fear'; *ḍabba* 'junk'; *dada* 'ganglord'; *dūl* 'well done!'; *gāna pāṭṭu* 'genre of Tamil film music'; *gāndu* 'to irritate'; *godāvula gudhi* 'jump into the fight'; *gilli* 'talented person'; *jatkā* 'a derogatory term for Hindi speaker'; *paradesi* 'vagabond'; *sāmān* 'weapon', 'man's genitals', 'luggage'.

Urdu: *bajāri* 'a loud woman, like a fish-seller at the market'; *bēku* 'imbecile'; *bēmani* 'a person without shame'; *dam* [dʌm] 'strength'; *gāli* 'finished'; *jalsā* [dʒʌlsa:] 'enjoy'; *naštā* 'breakfast'; *tamāshu* [tama:ʃɪ] 'funny event'.

Malayalam: *kenei* 'fool'; *kuṭṭi* 'young attractive girl'.

⁴ In some examples, when the pronunciation is unclear, I add a transcription following the IPA phonetic notation system.

English: *āf-pāyil* ‘half-boiled egg’; *akkist* ‘accused’; *ahā(n)* ‘aha’ (interjection of agreement); *allo* ‘hello’; *apētu* ‘to exit quickly’ (from *upbeat* ‘busy, fast’); *bādu* ‘breast’; *bāmāyilu* ‘palmoil’; *bittu* (from *bit*) ‘a short erotic scene in the movie’; *buddi* [bʌddi] ‘derogatory term for someone who wears thick glasses’; *certigātu* [ser-tika:tʃi] ‘certificate’; *dār* ‘torn’; *danks* ‘thanks’; *es agurutu* [ɛs aguruði] ‘to escape’ (shortened from *escape*); *figaru* ‘attractive woman’; *free-a-vidu* ‘let the past be past’; *inglēsu* ‘english language’; *kish-nāyil* ‘kerosene oil’; *lard labakdass* ‘a person who thinks very highly of himself’; *līvu* ‘holiday’ (from *to leave*); *lūsū* ‘crazy’; *OC* ‘free, at no cost’; *outte* ‘out’; *Peter, Mary* ‘people of Tamil origin who speak English to impress others’; *filim* ‘show off’; *rasēdu* ‘receipt’; *rēl* ‘a lie’; *sightu adikkarutu* [ɛdikkaruði] ‘admiring women from a distance, without knowing her’; *sulphata* [sɛlfatə] ‘cheap, strong and harmful self-prepared liquor’; *žūsū* [dʒu:su:] ‘juice’.

There are **lexical items which origin is not clearly identified** yet: *bejār* ‘boring’; *bigilu* ‘whistle’; *masa-masa* ‘a person who works or walks slowly’; *nijār* ‘underwear’; *jujube* [dʒʊdʒubi] ‘small, unimportant’; *kakkūs* ‘lavatory’; *ushāru* ‘be too careful’; *nainā* ‘dude’; *par-shtu* ‘first’; *abase* [abe:z] *pandradu* ‘to steal’; *rousu udarthu* ‘showing off’ and others.

Some most recognizable phrases — markers of Chennai Tamil slang:

(18) *meyāluma?* ~ CT *uṇmaiṃā?* ~ ‘Is it true?’

jujube mattu ~ CT *eḷitāṇa viṣayam* ~ ‘Easy thing to do’.

enna machi, nalla kēriya? ~ CT *enna maccān, nallā irukku?* ~ LT *enna tambi, naṇṇrāka irukkīrkalā?* ~ ‘Hey dude, how are you?’

pō dā baḍu! ~ CT *pō!* ~ ‘Go away, bastard!’

ūṭanda poi tunnuttu varēn ~ LT *vīṭṭin aṇṭai pōyṭtu tinni viṭṭu varukirēn*. ~ ‘The home is near, I will go, eat and return’.

aiyā monjiya paru. ~ CT *aiyā, mukattaip pār!* ~ ‘Look at the face’.

All the lexical items we’ve found and checked with the respondents belong to several lexical domains, including denoting girls and women and their figure, derogatory lexical terms, verbs of insulting and fighting and other social behavior, nouns describing personal qualities, kinship terms, forms of address, items of trade lexical field and others.

The investigation is still in progress. The complete overview of the whole vocabulary of Chennai Tamil slang with full transcription, interpretation, and etymology remains a task for future research.

7. Tamil varieties during the day of one person: greetings

How do all these four Tamil variants coexist not only in the linguistic landscape of the city, but in the everyday life of a person? What will we see, if we look through one day of a hypothetical Chennai resident? (Let us suppose him being a Tamil speaker, though it's not the one and only possibility). We have conducted a series of interviews with Tamil speakers in the attempt to outline the picture.

We suppose that in the morning when this hypothetical person gets up, he (or she) speaks Colloquial Tamil with his (her) family and listens to Literary Tamil at the TV or radio. Then, on the way to work, whether walking or by bus or car, he is exposed to Chennai Tamil slang around him. At work he speaks Tanglish with the chief and Colloquial Tamil or Tanglish with the colleagues. After finishing work he returns home and speaks Colloquial Tamil with family and friends. So to say, Tamil varieties accompany the life of this hypothetical person throughout the day, and every variety has its niche.

We will illustrate this notion with the help of the data gathered with our respondents, citizens of Chennai. In the morning, to say “Hello” to the parents or friends, our respondents use the formula:

- (19) *eppaṭi iru-kk-īṅga?* / *iru-kk-a?*
       how   to be-Pres-2.Pl

‘How are you?’ (Pl or Sg.Polite) (Colloquial Tamil)

The form *irukkīṅga* here is a CT shortened form of LT *irukkīr-īrkaḷ* ‘you are’. A person can say after that:

- (20) *nā pan-dr-ā?* / *nā pan-dr-īnka?*
       What to do-Pres-quest? / to do-Pres-2.Pl (Colloquial Tamil)

‘What are you doing?’ The CT form *nā* here is a shortened LT adverb *enna* ‘what’. While watching TV news the respondent hears:

- (21) *kālai vaṇakkam!*
       Morning greeting (traditional Literary Tamil greetings)

If going somewhere by taxi, a person will say to a driver:

(23) *lunch sāppi-t̥ti-y-ā?*
 Lunch eat-Past.Vbp-quest?
 'Have you had your lunch [already]?' (Tanglish)

Thus, as we can see, Tamil language in all its varieties is more or less presented during every day of the speakers. All the forms have their specific functions and are distributed according to the speaker's situation. The investigation of the specific distribution remains the task for future research.

Tamil is a modern, rapidly developing language. Tamil in Chennai exists in the situation of diglossia and experiences strong influence of English. The modern environment change language behavior of the speakers, and new language forms come into sight. The scholarly research of modern Tamil language varieties only begins. In this work we researched the linguistic landscape in the metropolis of Chennai. We described four Tamil varieties used there: the Literary Tamil, the Colloquial Tamil, Tamil-English mixing language code (Tanglish), and the Chennai Tamil slang. We pointed out the specific features of Tamil diglossia and phonetics of Colloquial Tamil, and analyzed the cases of code-mixing of Tamil and English, especially the amalgamation of English lexical elements in the Tamil phrase. We presented the preliminary results of our ongoing project of examining the lexical features of Chennai urban slang.

“That’s what Tamil turns out — different variants” — as one of our respondents has said. All the Tamil varieties play an important role in the linguistic landscape of Chennai.

Andronov 1962 — М. С. Андронов. Разговорный тамильский язык и его диалекты. М.: Издательство восточной литературы, 1962. [M. S. Andronov.

- Razgovornyi tamil'skii iazyk I ego dialekty. [Spoken Tamil and its dialects]. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoi literatury, 1962].
- Andronov 1987 — М. С. Андронов. Грамматика тамильского языка (2-е изд.). М.: Наука, 1987. [M. S. Andronov. Grammatika tamil'skogo iazyka [The Grammar of Tamil], (2nd ed.). Moscow: Nauka, 1987].
- Ammani 1999 — Vasanti. Ammani. Chennai, 1999.
- Asher et al. 2005 — R. E. Asher, E. Annamalai. Colloquial Tamil: The Complete Course for Beginners. London; New York: Routledge, The Colloquial series, 2005.
- Britto 1986 — F. Britto. Diglossia: A Study of the Theory with Application to Tamil. Washington, 1986 (also 2017 revised).
- Bullock, Toribio 2009 — The Cambridge Handbook of Linguistic Code-switching. B. E. Bullock, A. J. Toribio (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2009.
- Dobrushina 2007 — Н. Р. Добрушина. Многоязычие в Дагестане, или Зачем человеку три языка // Социологический журнал. 2007. № 1. С. 103–127. [N. R. Dobrushina. Mnogoiazychie v Dagestane, ili zachem cheloveku tri iazyka. [Multilingualism in Dagestan, or why one needs three languages] // Sociologicheskij zhurnal. 2007. № 1. P. 103–127].
- Dubyanskiy et al. 2013 — А. М. Дубянский. Тамильский язык. // Языки мира: дравидийские языки. Ред. колл.: Н. В. Гуров, А. М. Дубянский, А. А. Кибрик, Е. Б. Маркус. М.: Academia, 2013. [A. M. Dubyanskiy. Tamilskii iazyk [The Tamil language] // Languages of the World: Dravidian Languages. Nikita V. Gurov, Alexander M. Dubyanskiy, Andrej A. Kibrik, Elena B. Markus (eds.). Moscow: Academia, 2013].
- Ferguson 1959 — C. Ferguson. Diglossia. 1959. Word 15. P. 325–340.
- The Hindu 2018 — “The Hindu” magazine: What language does Madras speak? Madras Tamil // Electronic resource. Accessed on 27.04.2018 at: <https://www.thehindu.com/news/cities/chennai/what-tamil-does-madras-speak-madras-tamil/article3792738.ece>.
- Kachru, Nelson 2006 — Y. Kachru, C. L. Nelson (eds.). World Englishes in Asian Contexts. Hong Kong University Press, 2006.
- Krishnasamy 2009 — K. Kanthimathi. Tamil-English Mixed Language Used in Tamilnadu // The International Journal of Language Society and Culture. 2009. P. 48–53.
- Krishnasamy 2015 — K. Kanthimathi. Code Mixing among Tamil — English Bilingual Children // International Journal of Social Science and Humanity. 2015. September. Vol. 5. No. 9. P. 788–792.
- Krishnamurti 2003 — B. Krishnamurti. The Dravidian Languages. Cambridge Language Surveys (1 ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2003
- Kuczkiewicz-Fraś, Gil. 2014 — A. Kuczkiewicz-Fraś, D. Gil. A Mixed Language? Hinglish and Business Hindi // Defining the indefinable: delimiting Hindi. Ed. A. Kuczkiewicz-Fraś. Frankfurt am Main, 2014. P. 181–204.

- Matras, Bakker 2003 — Y Matras, P. Bakker. Mixed languages: re-examining the structural prototype. In Y Matras, P Bakker (eds.). *The Mixed Language Debate. Theoretical and Empirical Advances*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2003. P. 151–175.
- Montaut 2010 — A. Montaut. English in India and the role of the elite in the national project // *Problematising Language Studies, Cultural, Theoretical and Applied Perspectives, Essays in Honor of Rama Kant Agnihotri*. S. I Hasnain, S. Chaudhary (eds.). Delhi, 2010. P. 83–116.
- Krysin 2011 — Л. П. Крысин. О «толковом словаре русской разговорной речи» // *Слово и язык. Сборник статей к восьмидесятилетию академика Ю. Д. Апресяна*. Москва: Языки славянских культур, 2011. [L. P. Krysin. About the “explanation dictionary of Russian colloquial speech.” // *The word and the language. Collection of articles for the eightieth birthday of Academician Yu. D. Apresyan*. Moscow: Iazyki slavianskikh kul'tur, 2011].
- Lehmann 1993 — T. Lehmann. *A Grammar of Modern Tamil*. Pondicherry Institute of Linguistics and Culture, 1993.
- Pandiya Naadu movie 2013 — The movie “Pandiya Naadu” (English: ‘Land of the Pandians’). Vishal Film Factory, Chennai, 2013.
- Simbu the actor interview 2018 — Interview of the actor Simbu to the TV-program “Natchattira Jannal”. Electronic resource. Accessed on 27.04.2018 at: <https://www.youtube.com/watch?v=J7WIHQULIrc>.
- Smirnitckaya 2013 — А. А. Смирнитская. Диалекты тамильского языка // *Языки мира: дравидийские языки*. Ред. колл.: Н. В. Гуров, А. М. Дубянский, А. А. Кибрик, Е. Б. Маркус. М.: Academia, 2013. [A. A. Smirnitckaya. *Dialekty tamil'skogo iazyka [Dialects of Tamil]* // *Languages of the World: Dravidian Languages*. Nikita V. Gurov, Alexander M. Dubyanskiy, Andrej A. Kibrik, Elena B. Markus (eds.). Moscow: Academia, 2013].
- Schiffman 1979 — H. Schiffman. *A Grammar of Spoken Tamil*. Madras, 1979.
- Sethupathy 2002 — E. Sethupathy, N. Kasi. *Le Tamoul sans Peine (langues parlées)*. Paris: Assimil, 2002.
- Shanmugam Pillai 1971 — M. Shanmugam Pillai. *Spoken Tamil (in its Culture and Grammar)*. Madurai, 1971, pt. I.
- Soundararajan 2018 — A. Soundararajan. Madras Bashai — the flamboyant lingo of Chennai // “Caleidoscope” online cultural magazine. Electronic resource. Accessed on 27.04.2018 at: <http://www.caleidoscope.in/art-culture/madras-bashai-the-flamboyant-lingo-of-chennai>.
- Slangmela 2018 — Chennai slang description on the “Slangmela” online resource // Electronic resource. Accessed on 27.04.2018 at: <http://slangmela.pbworks.com/w/page/9837645/Chennai%20Slang>.
- Zvelebil 1963 — K. Zvelebil. On finite verb terminations in Colloquial Tamil // *Archiv orientální*. 1963. No. 31. P. 109–118.
- Zvelebil 1964 — K. Zvelebil. Spoken language of Tamilnad. *Archiv Orientální*. 1964. No. 32. P. 237–264.

II. VARIA

В. И. Киммельман, Е. А. Христофорова

Амстердамский университет, Амстердам — РГГУ, Москва

ЦИТАЦИОННЫЕ КОНСТРУКЦИИ В РУССКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ: КОРПУСНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ*

1. Введение

В данной работе мы анализируем способы передачи чужой речи в русском жестовом языке (РЖЯ) на основе корпусных данных. Конструкции передачи чужой речи активно изучались в рамках лингвистики, а также философии языка [Brendel et al. 2011]. В последнее время большой интерес вызывает чужая речь в естественном устном дискурсе [Литвиненко и др. 2009]. Также конструкции передачи чужой речи описаны для нескольких жестовых языков [Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011; Schlenker 2017], но в РЖЯ этот аспект до сих пор не описан¹.

Мы рассматриваем передачу чужой речи в широком смысле, следуя примеру Литвиненко и др. [2009: 289] и более ранних работ [Güldemann 2008], а именно, мы включаем передачу чужой речи, мыслей, ощущений и чувств. Также вслед за этими авторами, мы называем передачу чужой речи и т. д. **цитированием**, а соответствующую конструкцию **цитационной конструкцией**. Цитационная конструкция состоит из **цитации** (то есть собственно речи/мысли/чувства), и опциональной авторской ремарки, которая может включать упоминание **автора** и **вводящую предикацию** (1).

- (1) [[[Петя]_{автор} [сказал]_{вводящая предикация}]_{авторская ремарка} :
[«Я хочу есть»]_{цитация}]_{цитационная конструкция}

---

* Данное исследование выполнено при поддержке гранта Российского Научного Фонда (РНФ) 17–18–01184.

¹ Часть количественных результатов исследования, которое лежит в основе данной статьи, также изложены в работе Khristoforova, Kimmelman [2018].

(2) Петя сказал, что он хочет есть.

Традиционно различают прямую (1) и косвенную (2) речь. Прямая речь — это дословная передача речи автора,² в то время как косвенная речь — это речь автора, переработанная говорящим. На письме эти две конструкции различаются в том числе пунктуационно; в устной речи прямая речь часто оформляется особой интонацией. И в устной, и в письменной речи важным различием является поведение дейктических элементов (местоимений первого и второго лица, наречий типа «здесь», «сейчас», и т. д.), которые в прямой речи интерпретируются относительно ситуации, описываемой в цитации, а в косвенной речи относительно общей ситуации текста. Также прямая, но не косвенная речь может включать эмоциональные элементы и императив. В некоторых языках косвенная речь оформляется подчинительными союзами (*что* в русском языке) и, в отличие от прямой речи, проявляет свойства подчинения. Стоит заметить, что провести границу между прямой и косвенной речью зачастую трудно, особенно при анализе естественных устных данных [Литвиненко и др. 2009: 291–299].

Более того, ситуация усложняется тем, что существует такое явление как смешанная цитация, когда элементы прямой и косвенной речи комбинируются [Brendel et al.. 2011: 4]. Цитация может начинаться как косвенная речь, но содержать элементы прямой речи, как в примере (3), где использование кавычек и референция местоимения *us* ясно отражает, что часть цитации является прямой речью, но референция местоимения *their* показывает, что другая часть цитации является косвенной. Также в литературных произведениях встречается такое явление как свободная косвенная и свободная прямая речь [Brendel et al.. 2011: 6], когда разница между прямой и косвенной речью не обозначается, а также используется смешение прямой и косвенной речи.

(3) Their accord on this issue, he said, has proved “quite a surprise to both of us”. [Brendel et al.. 2011: 4]

---

² На самом деле, дословность передачи всегда условна [Clark, Gerrig 1990]. Литвиненко и др. [2009: 293] приводят следующее определение дословности в прямой речи: «По умолчанию в такой ситуации и говорящий, и адресат “верят” в то, что цитация действительно идентична оригиналу, и далее мы будем говорить о “сохранении оригинала” именно в этом смысле».

Таким образом, важно понимать, что деление на прямую и косвенную речь довольно условно. Во-первых, явно существуют промежуточные или смешанные варианты. Во-вторых, даже в письменной речи, но особенно в речи устной, могут отсутствовать однозначные маркеры прямой или косвенной речи. С другой стороны, понятия прямой и косвенной речи представляют теоретический интерес, так как многие языки имеют грамматические и лексические средства их различения.

В жестовых языках тоже используются цитационные конструкции [Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011; Schlenker 2017]. Обычно при их описании используется термины *roleshift* или *constructed dialogue*. Особенностью передачи чужой речи в жестовых языках является то, что, помимо элементов цитационных конструкций, общих со звучащими языками, цитация также обозначается немануальными маркерами, а именно поворотом тела и головы в сторону, отведением взгляда от собеседника (в то время как большую часть времени поддерживается зрительный контакт), а также эмоциональными выражениями лица. Можно сказать, что говорящий³ принимает на себя роль автора цитации, а затем воспроизводит цитацию от его лица. Важным отличием этой конструкции от цитационных конструкций в звучащих языках является то, что таким образом могут передаваться не только речь, мысли и чувства автора, но и его действия (последнее обычно обозначают термином *constructed action*). Так, жестом можно передать не только речь другого человека, но и его действия. Мы далее не рассматриваем передачу действий в данной работе.

Цитационные конструкции в жестовых языках изучались с нескольких точек зрения. Во-первых, был изучен вопрос о том, являются ли они примерами прямой или косвенной речи; некоторые исследователи пришли к выводу, что они имеют смешанные свойства [Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011]. Во-вторых, изучался вопрос о том, какие именно немануальные маркеры являются собственно маркерами цитации [Herrmann, Steinbach 2012]. Наконец, были предложены различные формальные подходы к немануальным маркерам в жестовых языках как к маркерам согласования [Herrmann, Steinbach 2012], маркерам сдвига контекста [Schlenker 2017] и маркерам демонстрации [Davidson 2015].

³ Мы используем термин «говорящий» в качестве нейтрального обозначения коммуниканта на жестовом или звучащем языке.

В данной работе мы впервые описываем основные свойства цитационных конструкций в РЖЯ. На основе анализа небольшого корпуса, мы описываем составляющие этих конструкций, немануальные маркеры и их функции, и различия между прямой и косвенной речью. Мы также сравниваем эти конструкции в РЖЯ со схожими конструкциями в других жестовых языках и в устном дискурсе в звучащих языках.

2. Методология

В качестве материала для исследования мы использовали московский подкорпус корпуса РЖЯ [Burkova 2015], также использованный ранее для различных исследований РЖЯ [Kimmelman 2014]. Данный подкорпус содержит спонтанные нарративы (истории из жизни), рассказанные одиннадцатую носителями РЖЯ. Мы называем данный подкорпус московским, так как данные были собраны в Москве, где все носители проживают в последние годы. Трое из одиннадцати носителей родились и выросли в других городах и переехали в Москву во взрослом возрасте. Среди носителей было семь женщин и четыре мужчины, возраст носителей на момент записи данных был от 30 до 58 лет. У шести из одиннадцати носителей родители также были носителями РЖЯ, и все носители усвоили РЖЯ в раннем возрасте.

Подкорпус, который мы проанализировали, включает в себя около 8000 жестов, составляющих примерно 1200 предложений. Такой небольшой объем данных объясняется тем, что аннотация естественных данных жестовых языков, в том числе аннотация цитационных конструкций (см. ниже) — это очень трудоемкий и долгий процесс. Несмотря на небольшой объем данных, нам удалось найти значительное число цитационных конструкций разных типов. Мы выявили 341 цитационную конструкцию, включая 277 случаев передачи чужой речи. Можно заметить, что цитационные конструкции таким образом являются очень частотными в данном жанре.

Важно понимать ограничения данного исследования. Описываемые свойства цитационных конструкций отражают их использование носителями московского варианта РЖЯ в жанре спонтанного нарратива. Вполне возможно, что данные конструкции имеют другие свойства в других регионах и жанрах.

Каждую из цитационных конструкций мы проаннотировали в программе ELAN [Crasborn, Sloetjes 2008] по следующему набору признаков:

1. Тип цитации: речь/мысли/отношение;
2. Вводящая предикация: используется ли глагол речи/мыслей, и если да, то какой именно;
3. Автор цитации: является ли автор цитации самим говорящим в прошлом или другим человеком;
4. Обозначение автора: обозначается ли автор цитации;
5. Немануальные маркеры: направление взгляда, поворот тела, поворот головы;
6. Дейктические элементы: присутствуют ли в цитации дейктические элементы и как они интерпретируются;
7. Наличие признаков подчинения, таких как вопросительное передвижение и топикализация;
8. Наличие признаков прямой/косвенной речи, таких как использования императива или подчинительного союза.

Мы не анализировали эмоциональные выражения лица, которые потенциально также могут быть маркерами цитации, по двум причинам. Во-первых, выражения лица нельзя считать маркерами цитации, так как они являются частью цитации: говорящий цитирует не только слова автора, но и его эмоциональные выражения лица [Herrmann, Steinbach 2012]. Во-вторых, после пробной аннотации выражений лица мы выяснили, что не можем надежно аннотировать этот немануальный маркер (независимое аннотирование части данных выявило низкий показатель согласия между аннотаторами).

3. Основные свойства цитационных конструкций

Цитационные конструкции в РЖЯ имеют те же составляющие, что и цитационные конструкции в описанных ранее жестовых и звучащих языках. Так, можно выявить саму цитацию, а также авторскую ремарку, которая может включать упоминание автора и вводящую предикацию. Так, в примере (4), первое употребление местоимения я — это упоминание автора цитации (говорящего в прошлом), глагол говорить — это вводящая предикация, а остальные жесты являются цитацией. Цитация может маркироваться и немануальными маркерами, однако это явление мы подробнее обсудим ниже.

- (4) я ГОВОРИТЬ я да ЧЕРЕЗ МОСКВА ЕХАТЬ
'Я сказала: да, я еду через Москву.'(s1-s14 02:56)⁴

Как и в звучащих языках [Mathis, Yule 1994], упоминание автора цитации и использование глагола для введения цитации в РЖЯ является необязательными. В наших данных автор упоминается в 160 случаях (47 %), не упоминается в 118 случаях (35 %), а в 52 случаях (15 %) цитата следует за конструкцией с передачей чужого действия, что означает, что автор цитации и действия совпадает, и повторное упоминание автора не требуется.

218 (64 %) примеров не содержат вводного глагола. Нередко (27 случаев, 8 %) вводный глагол отсутствует, но присутствует жест ЛВ (ладони вверх) (4), который может быть проанализирован как маркер цитации. Данный жест является мультифункциональным в РЖЯ и других жестовых языках [McKee, Wallingford 2011]. Так, он употребляется для перехода хода в диалогах, в качестве вопросительной частицы, в качестве отрицательной частицы, и, довольно часто, для передачи модальных и эвиденциальных значений, связанных с неуверенностью или отсутствием информации. Из-за большого количества возможных функций этого жеста мы не можем с уверенностью утверждать, что он используется именно для введения цитации, а не в какой-то другой функции, в тех случаях, где он встречается вместо или вместе с вводным глаголом. Интересно, что данный жест чаще всего встречается в случае, когда автором является сам говорящий в прошлом, а не другой человек, как в примере (5), рис. 1. Возможно, это связано с тем, что категория эвиденциальности (то есть описание источника информации), вероятно, выражаемая этим жестом, тесно связана с первым лицом, то есть с говорящим, и с трудом применима к другим людям (в данной статье эвиденциальность понимается в духе [Korotkova 2016]).

---

⁴ Примеры из жестовых языков глоссируются малыми прописными. Глоссы отражают примерное значение, но не форму жестов. ук — указательный жест, POSS — притяжательное местоимение и маркер посессивности, NEG — отрицательная морфема. Изменения формы глаголов в пространстве для согласования с аргументами, которое в РЖЯ используется, мы не отмечаем в глоссах, так как это явление не связано напрямую с темой статьи. Код в скобках указывает на определенный файл корпуса, из которого взят пример, и на время его употребления.

- (5) я лв САМОЛЕТ ВСЕГО ОДИН ЧАС ЛЕТЕТЬ
'Я говорю: на самолёте лететь всего один час!' (s1-s10 00:59)

Рисунок 1. Жест ЛВ из примера (5).

Среди глаголов, которые используются для введения цитации, самыми частыми являются думать, спрашивать, звать и рассказывать. Глагол звать — это особый случай, так как он не является собственно глаголом речи или мышления, а описывает действие, которое предшествует речи, то есть привлечение внимания собеседника перед тем, как автор произносит цитацию (6), рис. 2. Этот глагол может вводить вопросы (6), а также утверждения и любые другие речевые акты. При этом в русском языке, например, глагол «звать», по-видимому, не может вводить цитации.

- (6) звать дочь твой дарить что?
'(Женщина) зовёт (мою маму): Что подарить твоей дочке?'

Рисунок 1. Жест звать из примера (6).

Как и в других жестовых языках, цитации в РЖЯ могут маркироваться немануальными маркерами, а именно отведением взгляда

в сторону и поворотом корпуса и головы в сторону. Так, в примере (7), рис. 3, сначала упоминается автор (местоимение я, относящееся к говорящему в прошлом), а затем при произнесении цитации говорящая поворачивает голову и направляет взгляд влево.

ВЗГЛЯД И ГОЛОВА ВЛЕВО

(7) я: ХОРОШО, ВСЁ

Я говорю: хорошо, всё. (s1-s12 00:57)

Рисунок 3. Жесты Я и ВСЁ из примера (7).

Однако важнейшим свойством этих маркеров в РЖЯ является тот факт, что они необязательны. Так, 146 случаев (42 %) не сопровождаются изменением направления взгляда, и 166 случаев (49 %) не сопровождаются движением тела. Более того, 95 случаев (26 %) не сопровождаются ни изменением направления взгляда, ни поворотом тела. Повороты головы используются более часто: лишь 54 случая (15 %) не содержат движения головы (однако см. ниже обсуждение распространения этого маркера). В 16 примерах отсутствуют все три немануальных маркера.

Помимо опциональности, интересно также поведение этих маркеров в тех случаях, когда они присутствуют. Согласно классическому представлению о цитационных конструкциях в жестовых языках, эти маркеры сопровождают цитацию, в то время как автор и вводная предикация остаются немаркированными. Однако в РЖЯ это не так.

Отведение взгляда лишь в 47 случаях (14 %) сопровождает цитацию (и не сопровождает другие части конструкции), как в примере (7); в 53 случаях (15 %) отведение взгляда сопровождает лишь часть цитации, как в примере (8), где лишь один из двух жестов внутри цитации маркирован немануально; в 25 случаях (7 %) отведение

взгляда вводный глагол и всю или часть цитации, в 30 (9 %) случаях отведение взгляда сопровождает в том числе и упоминание автора цитации. Остальные случаи включают в себя в том числе маркирование только автора или только глагола, или автора и глагола, но не самой цитации.

ВЗГЛЯД И ГОЛОВА ВЛЕВО

(8) испанский. жест знать?

‘[Они говорят:] Ты знаешь этот испанский жест?’ (s1-s16 02:02)

Схожая ситуация наблюдается и с поворотами тела. В 58 случаях (17 %) этот маркер сопровождает цитацию (и не сопровождает другие части конструкции), как в примере (7); в 63 случаях (18 %) поворот сопровождает лишь часть цитации, в 18 случаях (5 %) маркер сопровождает вводный глагол и всю или часть цитации, а в 23 (7 %) случаях маркер сопровождает упоминание автора цитации и всю или часть цитации. Остальные случаи включают в себя в том числе маркирование только автора или только глагола, или автора и глагола, но не самой цитации.

Таким образом, оба этих маркера, хотя и сопровождают цитации довольно часто, не могут быть охарактеризованы именно как однозначные маркеры цитации, так как они являются опциональными, и довольно часто распространяются за пределы цитации.

Совсем неожиданная картина наблюдается с поворотами головы. В 62 случаях (18 %) этот маркер сопровождает цитацию (и не сопровождает другие части конструкции), как в примере (7); в 62 случаях (18 %) отведение взгляда сопровождает лишь часть цитации, как в примере (8); в 31 случаях (9 %) маркер сопровождает вводный глагол и всю или часть цитации, а в 100 (29 %) случаях маркер сопровождает упоминание автора цитации и всю или часть цитации. Остальные случаи включают в себя в том числе маркирование только автора или только глагола, или автора и глагола, но не самой цитации.

Таким образом, данный маркер, вопреки ожиданиям, чаще всего маркирует не саму цитацию, а автора, глагол (если он есть), и часть или всю цитацию. Это значит, что несмотря на его частоту, он тоже не может считаться однозначным маркером цитации.

Возможны различные объяснения опциональности немануальных маркеров. Мы предположили, что цитации чужой речи могут маркироваться не так, как цитации чужих мыслей. Теоретически

цитирование чужой речи является более прототипическим типом цитирования, так как речь в отличие от мыслей напрямую поддается наблюдению, и таким образом может цитироваться дословно. Цитация мыслей и чувств — это всегда реконструкция или перевод. Поэтому можно представить себе язык, в котором цитирование речи (особенно в форме прямой речи) будет последовательно маркироваться, а цитирование мыслей и чувств будет маркироваться в меньшей степени или же иными маркерами.

Однако в наших данных не находится подтверждения этой гипотезе. Из таблицы 1 видно, что цитации, содержащие чужие речь vs. мысли и чувства примерно одинаково часто маркированы направлением взгляда и поворотами головы, а в случае с поворотами тела именно чужая речь чаще оказывается немаркированной.

Таблица 1. Немануальные маркеры и тип цитации

Тип цитации	<i>Маркированы взглядом</i>	<i>Маркированы поворотами тела</i>	<i>Маркированы поворотами головы</i>	Всего
речь	155 (56 %)	131 (47 %)	245 (88 %)	277
мысли и чувства	40 (62 %)	44 (68 %)	52 (81 %)	64

Мы также предположили, что может наблюдаться разница в маркировании в зависимости от того, является ли автор цитации самим говорящим (в прошлом), или же цитируется речь или мысли какого-то другого человека. Можно ожидать, что цитирование других людей будет более маркировано, чем цитирование говорящим самого себя, так как в последнем случае по сути не происходит смены говорящего. Однако из таблицы 2 видно, что немануальные маркеры не зависят от того, является ли автор цитации самим говорящим в прошлом или другими людьми.

Таблица 2. Немануальные маркеры и автор

Автор	<i>Маркированы взглядом</i>	<i>Маркированы поворотами тела</i>	<i>Маркированы поворотами головы</i>	Всего
говорящий	107 (61 %)	94 (55 %)	141 (82 %)	171
Другие люди	99 (58 %)	86 (51 %)	147 (86 %)	170

Другое возможное объяснение вариативности немануальных маркеров — это стилистические различия. Возможно, использование этих маркеров зависит от стиля или жанра текста. Разумно предположить, что менее официальные стили будут ассоциированы с более частым употреблением немануальных маркеров. У нас не было возможности напрямую протестировать эту гипотезу, однако, даже если она верна, она вряд ли может объяснить наши данные. Дело в том, что та часть корпуса РЖЯ, которую мы проанализировали, содержит тексты одного жанра (рассказы о событиях из жизни), и вероятно одного стиля (неофициальное общение один на один со знакомым носителем РЖЯ, но в присутствии видеокамер).

Наконец, возможна и другая гипотеза: немануальные маркеры используются лишь для прямой речи, в то время как косвенная речь просодически не маркирована (при этом она возможно маркирована другими средствами). Эта гипотеза представляется разумной, так как и в устной речи на звучащих языках прямая речь зачастую сопровождается эмоциональными интонационными контурами, которые отличают ее от интонационно более нейтральной косвенной речи. Чтобы проверить эту гипотезу, нам нужно обсудить, как в наших данных РЖЯ различается прямая и косвенная речь. К этой теме мы обратимся в следующем разделе.

4. Прямая и косвенная речь

Как обсуждалось выше, важнейшим различием прямой и косвенной речи является поведение дейктических элементов. Мы проанализировали поведение следующих элементов: местоимения я (указание на говорящего), ты (указание на адресата), possessивное местоимение POSS в первом и втором лице, глагольное согласование с первым и вторым лицом, а также жесты ЗДЕСЬ, СЕЙЧАС, ВЧЕРА, ЗАВТРА, PST (показатель прошедшего времени), PST.NEG (показатель прошедшего времени с инкорпорированным отрицанием), FUT (показатель будущего времени), и FUT.NEG (показатель будущего времени с инкорпорированным отрицанием).

Выяснилось, что большинство примеров (196, 57 %) не содержат никаких дейктических элементов. Таким образом, данный критерий не позволяет охарактеризовать их как прямую или косвенную речь. Также во многих примерах, в которых автором является говорящий в прошлом (3), местоимение первого лица я может

интерпретироваться как относительно ситуации текста, так и относительно ситуации цитации (так как автор и говорящий совпадают), то есть определить, является ли его референция сдвинутым, невозможно.

Если рассмотреть лишь случаи однозначно сдвинутых или несдвинутых местоимений, то выясняется, что в абсолютном большинстве случаев референция местоимения сдвинута (86 из 91, 95 %), хотя несдвинутое употребление тоже возможно (9). Таким образом, РЖЯ показывает явное предпочтение прямой речи косвенной, по крайней мере в тех случаях, где используются дейктические элементы. Стоит заметить, что в устной речи отдаётся предпочтение именно прямой речи и в звучащих языках, например, в русском [Литвиненко и др. 2009: 308].

- (9) УК ГРУЗИН УК ГОВОРИТЬ ЖАЛОВАТЬСЯ ПОЧЕМУ МЫ. ДВОЕ ВОДА ДАТЬ.NEG
'Грузин жалуется, что мы не дали ему воды.' (s2-s15 01:57)

Для некоторых жестовых языков: датского, каталанского, и немецкого [Engberg-Pedersen 1995; Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011] — было описано смешанное поведение дейктических элементов при передаче чужой речи с помощью ролевого сдвига. Например, Quer [2011: 296] приводит пример (10) из каталанского жестового языка (LSC). Этот пример был употреблён в Барселоне. В чужой речи Джона местоимение я является сдвинутым, так как относится к Джону, а не к человеку, произносящему предложение. При этом наречие здесь интерпретируется относительно момента произнесения всего предложения, а не относительно мыслей Джона, так как он думал об этом не в Барселоне, а в Мадриде. В других жестовых языках, например американском и французском, такого смешанного поведения не наблюдается [Schlenker 2017].

- (10) УК МАДРИД МОМЕНТ ДЖОН ДУМАТЬ Я УЧИТЬСЯ ЗАКОНЧИТЬ
ЗДЕСЬ (LSC)
'Когда он был в Мадриде, Джон думал, что завершит свою учёбу здесь (в Барселоне).' [Quer 2011: 296]

В корпусе РЖЯ, который мы проанализировали, встретилось два потенциальных примера со смешанными дейктическими элементами. В примере (11) местоимение я в первой клаузе является сдвинутым (относится к женщине), а в третьей несдвинутым

(относится к рассказчице). Местоимение POSS-1 ‘мой’ в третьей клаузе является несдвинутым (относится к рассказчице). Местоимение POSS-2 ‘твой’ в четвёртой клаузе является сдвинутым (относится к адресату женщины, то есть к матери рассказчицы, а не к адресату рассказчицы).

ВЗГЛЯД И ПОВОРОТ ВЛЕВО

- (11) я ХОТЕТЬ УГОДИТЬ. КУКЛА ЕСТЬ МАГАЗИН ОГРОМНЫЙ. ВЫШЕ я POSS-1 ГОЛОВА РОСТ.

ВЗГЛЯД И ПОВОРОТ ВЛЕВО

ВЫШЕ POSS-2 ДОЧЬ.

‘[Женщина говорит:] Я хочу ей угодить. В магазине есть огромные куклы! Выше моего (рассказчицы) роста. Выше твоей (мамы рассказчицы) дочери!’ (s2-s14 03:06)

В этом примере чужой речи дейктические элементы действительно демонстрируют смешанное поведение, но не внутри одной клаузы. Можно интерпретировать этот отрывок следующим образом: первая и вторая клауза являются прямой речью женщины, поэтому местоимения сдвигаются. Третья клауза — это не часть прямой речи, а комментарий рассказчицы, поэтому местоимения не сдвигаются. Четвёртая клауза вновь является прямой речью женщины. В пользу этого анализа говорит и тот факт, что на протяжении первой, второй, и четвёртой клауз, но не третьей клаузы, голова рассказчицы повернута в сторону, и взгляд отведён.

Та же ситуация наблюдается и в другом потенциальном случае смешения перспектив — там рассказчица сначала передаёт речь другого участника ситуации, но в какой-то момент новая отдельная клауза является её собственным комментарием, без сдвига дейктических элементов, после чего рассказчица возвращается к цитированию.

Важно понимать: тот факт, что мы не нашли примеров смешанного поведения дейктических элементов, не является доказательством того, что такое их поведение в РЖЯ неграмматично. Так как наш корпус ограничен в размерах, в будущем необходимо элицировать суждения о грамматичности, чтобы решить этот вопрос.

В силу того, что большинство примеров с дейктическими элементами показывают свойства прямой речи, мы можем рассмотреть эти примеры с точки зрения немануального маркирования для определения связи между немануальным маркированием и прямой/

косвенной речью. Гипотеза о том, что немануальное маркирование используется для прямой, но не для косвенной речи, не подтвердилась. Так, в корпусе есть 31 пример без изменения направления взгляда, но со сдвинутой референцией, 30 примеров без поворота тела, но со сдвинутой референцией, 8 примеров без поворота головы, но со сдвинутой референцией, и 3 примера со сдвинутой референцией, не маркированных ни взглядом, ни поворотом головы или тела. Таким образом, эти немануальные маркеры точно не являются обязательными маркерами прямой речи.

Помимо поведения дейктических элементов, есть и другие критерии различения прямой и косвенной речи в РЖЯ. Явным признаком косвенной речи является использование подчинительного союза *что*. Например, в (12) данный союз употребляется для введения чужой речи. В данном случае видно, что жест *что* используется именно как подчинительный союз, а не как местоимение, так как отсутствует аргументная позиция, которую бы могло занять это местоимение. Стоит заметить, что несмотря на явно косвенный характер цитации, она маркирована немануально, что в очередной раз показывает, что немануальное маркирование не различает прямую и косвенную речь.

ВЗГЛЯД И ПОВОРОТ НАПРАВО

(12) РАССКАЗЫВАТЬ ЧТО Я ЛАМПОЧКА Я ОТСУТСТВОВАТЬ

‘Я рассказываю, что лампочки у меня нет.’ (s2-s10 01:29)

В корпусе встретилось семь примеров использования подчинительного союза, произнесённых четырьмя разными носителями. Вероятно, данная конструкция является заимствованием из русского языка. Однако у нас нет оснований утверждать, что все случаи её употребления являются переключением кода (*code-switching*)⁵. Эта конструкция вполне может быть освоенным способом маркирования подчинённых предложений.

---

⁵ Хотя РЖЯ обладает собственной грамматикой, во многих аспектах сильно отличающейся от грамматики русского языка, он находится в контакте с русским языком, что проявляется в заимствованиях и переключении кода. Большинство носителей РЖЯ также знают русский язык, что и создает контактную ситуацию. Однозначных критериев различения переключения кода и заимствования конструкции нет, по крайней мере, для данной конструкции нам они не известны.

В литературе, посвящённой японскому языку, высказывалась гипотеза, что в этом языке встречается смешанная речь (прямая + косвенная), потому что возможно использование императива при несдвинутых дейктических элементах [Kuno 1988]. Таким образом, эти авторы считают, что использование императива является несомненным признаком прямой речи, так как императив ориентирован на адресата (в данном случае, на адресата цитируемой речи). Другие исследователи японского несогласны с этой интерпретацией и считают, что императив может использоваться и в косвенной речи [Oshima, Sano 2012]. Если интерпретация Осимы и Сано для японского справедлива, то языки различаются с точки зрения того, возможно ли императивное маркирование в контексте косвенной речи.

Как бы то ни было, императивные предложения в чужой речи встречаются и в наших данных РЖЯ. При разметке мы учитывали лишь предложения, содержащие мануальный маркер императива [Бородулина 2012]. Случаев чужой речи с императивными маркерами встретилось пятнадцать. Среди этих примеров нет ни одного примера с подчинительным союзом. Также нет ни одного примера, в котором бы встретился дейктический элемент с однозначно несдвинутой референцией. Таким образом, все примеры с императивом теоретически можно анализировать как прямую речь. Что касается немануальных маркеров, то здесь, как и в общем случае, наблюдается вариативность. Например, в половине случаев отсутствует отведение взгляда, и лишь в одном случае встречается отведение взгляда на протяжении всей чужой речи. Сам императивный жест часто сопровождается движением тела: наклоном в сторону. Такое движение, скорее всего, является лексическим и не маркирует чужую речь.

Таким образом, как и в устном дискурсе в звучащих языках [Литвиненко и др. 2009], мы далеко не всегда можем однозначно идентифицировать прямую и косвенную речь в нашем корпусе РЖЯ. Тем не менее, для некоторых примеров эта классификация применима. Мы выяснили, что в РЖЯ действуют следующие критерии:

1. Интерпретация дейктических элементов (сдвиг местоимений означает прямую речь);
2. Подчинительный союз что (для маркирования косвенной речи);
3. Использование императива (по-видимому, является признаком прямой речи).

При этом поведение немануальных маркеров в РЖЯ не является явным признаком прямой или косвенной речи.

4. Обсуждение

Итак, в данной статье мы описали основные свойства цитационных конструкций в РЖЯ на основе корпусных данных. Данные конструкции в РЖЯ показывают сходства с цитационными конструкциями в других жестовых и звучащих языках.

Главным сходством можно считать структуру цитационных конструкций. Как и в других языках, в РЖЯ эти конструкции содержат цитацию, а также опционально авторскую ремарку, состоящую из упоминания автора и вводного предиката.

Как и в других языках, в РЖЯ можно провести границу между прямой и косвенной речью, хотя многие примеры из корпуса трудно охарактеризовать однозначно. Тем не менее, во многих примерах показательным является поведение дейктических элементов, в некоторых примерах присутствует императив, и в нескольких примерах используется подчинительный союз что.

Выше мы упоминали, что если смотреть только на примеры, в которых статус цитации как прямой или косвенной речи можно охарактеризовать на основе поведения дейктических элементов, то подавляющее большинство примеров (95 %) являются прямой речью. В устном дискурсе на русском языке (Литвиненко и др. 2009: 308) прямая речь также преобладает, однако не настолько сильно (47 % прямой речи против 37 % косвенной). Важно заметить, что наши результаты нельзя напрямую сравнивать с результатами этого исследования, так наши 95 % выводятся на основе поведения дейктических элементов, в то время как А. Литвиненко и соавторы используют различные критерии, в основном не применимые к нашим данным из-за недостаточной изученности грамматики РЖЯ.

Тем не менее, можно высказать предположение о том, почему РЖЯ предпочитает прямую речь косвенной даже в большей степени, чем устный русский язык. Это может быть связано с тем, что конструкция косвенной речи в РЖЯ не до конца грамматикализована из-за сравнительно молодого возраста этого языка. Исследования синтаксического подчинения в жестовых языках пока малочисленны [Pfau et al. 2016], поэтому прямое сравнение между жестовыми и звучащими языками в этом отношении делать трудно.

Тем не менее, разумно предположить, что жестовые языки, и в том числе РЖЯ, в силу молодого возраста не имели достаточно времени, чтобы произошла полная грамматикализация цитационных конструкций в сложноподчиненные предложения для передачи чужой речи. РЖЯ несомненно имеет такую конструкцию (с подчинительным союзом что), однако эта конструкция, возможно, заимствована из русского и потому может быть не полностью освоена и не использоваться активно в устной речи.

Если сравнивать цитационные конструкции РЖЯ с цитационными конструкциями в других жестовых языках, то тоже можно обнаружить как сходства, так и различия. РЖЯ использует те же немануальные маркеры цитации (повороты головы и тела и изменение направления взгляда), что и другие жестовые языки. При этом данные маркеры опциональны и обычно не сопровождают всю цитацию и только цитацию. Herrmann, Steinbach [2012] обнаружили, что в немецком жестовом языке 86 % примеров в корпусе маркированы направлением взгляда и 77 % маркированы поворотом головы. Многие исследователи чужой речи не рассматривали корпусные данные и не приводили частоту использования маркеров, но из их работ можно сделать вывод, что эти маркеры обязательны. С другой стороны, некоторые исследователи других жестовых языков также замечали опциональность немануального маркирования, например, в американском жестовом языке [Janzen 2004; Liddell, Metzger 1998], так что РЖЯ может и не быть уникальным в этом отношении. Очевидно, что требуется провести корпусные исследования этих конструкций в различных жестовых языках.

В отличие от исследователей датского, каталонского и немецкого жестовых языков [Engberg-Pedersen 1995; Herrmann, Steinbach 2012; Quer 2011], мы не нашли примеров смешанного поведения действительских элементов в наших данных. Важно понимать, что отсутствие таких примеров в корпусе, тем более сравнительно небольшом, совершенно не доказывает их неприемлемость в целом. Необходимы дальнейшие исследования этого феномена с привлечением других методов.

Как упоминалось в начале статьи, существуют различные подходы к цитационным конструкциям в жестовых языках. В частности, исследователи по-разному анализируют функции немануальных маркеров: как маркеры согласования [Herrmann, Steinbach

2012], маркеры сдвига контекста [Schlenker 2017] и маркеры демонстрации [Davidson 2015]. Так как немануальные маркеры в РЖЯ опциональны и не коррелируют с поведением дейктических элементов, мы считаем, что первые два анализа плохо применимы к данным РЖЯ. Анализ данных маркеров как демонстрации [Davidson 2015], то есть изображения говорящим речи автора, напротив, кажется нам хорошо подходящим к ситуации в РЖЯ. Подобно тому, как говорящие на звучащем языке могут (но не должны) использовать интонацию и жестикуляцию при цитировании для передачи особенностей речи и поведения автора цитации, говорящие на РЖЯ используют мимику в той же ситуации. Повороты тела и головы являются демонстрацией наличия двух говорящих в ситуации и их расположения в пространстве. Немануальные элементы цитирования являются опциональными, потому что у говорящего всегда есть выбор в отношении того, насколько подробно и артистично он хочет передать речь автора. Таким образом, мы считаем, что немануальные маркеры, которые сопровождают чужую речь в РЖЯ, фундаментально схожи с интонацией в цитационных конструкциях в звучащих языках.

Литература

- Бородулина 2012 — Д. Бородулина. Средства выражения императива в русском жестовом языке // Русский жестовый язык. Первая лингвистическая конференция / под ред. О. Федорова. Москва, 2012. С. 14–49. [D. Borodulina. Sredstva vyrazhenia imperativa v russkom zhestovom iazyke [Markers of imperative in Russian Sign Language] // O. Fedorova (ed.) Russkii zhestovii iazyk. Pervaia lingvisticheskaia konferentsia [Russian Sign Language. The first linguistic conference.] Moscow, 2012. P. 14–49].
- Литвиненко и др. 2009. — А. Литвиненко, Н. Коротаев, А. Кибрик, В. Подлесская. Конструкции с цитацией, или «чужой речью» // Рассказы о сновидениях. Корпусное исследование устного русского дискурса / под ред. А. Кибрик, В. Подлесская. Москва: Языки славянских культур, 2009. С. 288–307. [A. Litvinenko, N. Korotaev, A. Kibrik, V. Podlesskaia. Konstruktsii s tsitatsiei, ili «chuzhoirechiu» [Constructions with citations or reported speech] // V. Podlesskaia, A. Kibrik (eds.). Rasskazy o snovideniiakh. Korpusnoe issledovanie ustnogo russkogo diskursa [Dream stories. A corpus study of Russian oral discourse]. Moscow: Iazyki slavianskikh kultur, 2009. P. 288–307].

- Brendel et al. 2011 — E. Brendel, J. Meibauer, M. Steinbach. Exploring the meaning of quotation // E. Brendel, J. Meibauer, M. Steinbach (eds.), *Understanding Quotation*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 1–34.
- Burkova 2015 — S. Burkova. Russian Sign Language Corpus. 2015. URL: <http://rsl.nstu.ru/> (дата обращения: 01.04.2018) [access date: 01.04.2018].
- Clark, Gerrig 1990 — H. H. Clark, R. J. Gerrig. Quotations as Demonstrations // *Language* 66(4), 1990. P. 764–805.
- CrasbornSloetjes 2008 — O. Crasborn, H. Sloetjes. Enhanced ELAN functionality for sign language corpora // *Proceedings of the 3rd Workshop on the Representation and Processing of Sign Languages: Construction and Exploitation of Sign Language Corpora*. Paris: ELRA, 2008. P. 39–43.
- Davidson 2015 — K. Davidson. Quotation, demonstration, and iconicity // *Linguistics and Philosophy*. 2015. Vol. 38. Issue 6. P. 477–520.
- Engberg-Pedersen 1995 — E. Engberg-Pedersen. Point of view expressed through shifters // K. Emmorey, J. Reilly (eds.), *Language, Gesture, and Space*. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1995. P. 133–154.
- Güldemann 2008 — T. Güldemann. Quotative indexes in African languages: A synchronic and diachronic survey. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Herrmann Steinbach 2012 — A. Herrmann, M. Steinbach. Quotation in sign languages: A visible context shift // I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.), *Quotatives. Cross-linguistic and Cross-disciplinary Perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 203–230.
- Janzen 2004 — T. Janzen. Space rotation, perspective shift, and verb morphology in ASL // *Cognitive Linguistics*. 2004. Vol. 15. Issue 2. P. 149–174.
- Kimmelman2014 — V. Kimmelman. Information Structure in Russian Sign Language and Sign Language of the Netherlands. Doctoral dissertation, University of Amsterdam, 2014.
- Khristorova, Kimmelman 2018 — E. Khristorova, V. Kimmelman. Corpus-based investigation of quotation in Russian Sign Language // *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*. 2018. No. 17. P. 294–304.
- Korotkova2016 — N. Korotkova. Heterogeneity and universality in the evidential domain. Doctoral dissertation, UCLA, 2016.
- Kuno 1988 — S. Kuno. Blended quasi-direct discourse in Japanese // W. Poser (ed.) *Papers from the Second International Workshop on Japanese Syntax*. Stanford: CSLI, 1988. P. 75–102.
- Liddell, Metzger 1998 — S. K. Liddell, M. Metzger. Gesture in sign language discourse // *Journal of Pragmatics*. 1998. Vol. 30. Issue 6. P. 657–697.
- Mathis, Yule 1994 — T. Mathis, G. Yule. Zero quotatives // *Discourse Processes*. 1994. Vol. 18. Issue 1. P. 63–76.
- McKee, Wallingford 2011 — R. McKee, S. Wallingford. ‘So, well, whatever’: Discourse functions of *palm-up* in New Zealand Sign Language // *Sign Language & Linguistics*. 2011. Vol. 14. Issue 2. P. 213–247.

- Oshima, Sano 2012 — D. Y. Oshima, S. Sano. On the characteristics of Japanese reported discourse: A study with special reference to elliptic quotation // I. Buchstaller, I. Van Alphen (eds.), *Quotatives. Cross-linguistic and Cross-disciplinary Perspectives*. Amsterdam: John Benjamins, 2012. P. 145–172.
- Quer 2011 — J. Quer. Reporting and quoting in signed discourse // E. Brendel, J. Meibauer, M. Steinbach (eds.), *Understanding Quotation*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2011. P. 277–302.
- Schlenker 2017 — P. Schlenker. Super monsters I: Attitude and Action Role Shift in sign language // *Semantics and Pragmatics* 10(9), 2017.
- Pfau et al. 2016 — R. Pfau, M. Steinbach, A. Herrmann. *A matter of complexity: subordination in sign languages*. Boston: De Gruyter Mouton, 2016.

P. S. Piispanen

Stockholm University, Stockholm

TURKIC LEXICAL BORROWINGS IN SAMOYED

Introduction

The Samoyed languages belong to the Uralic language family and are spoken on both sides of the Ural mountains in Russia in northernmost Eurasia by approximately 25 000 people. Proto-Samoyed, the common ancestor of all Samoyedic languages, separated as the first outgroup of the Uralic languages, is believed to have been spoken only during the last centuries BC (Janhunen 1998; Helimski 1995). The Samoyed languages, some of which are now extinct, are traditionally separated as Northern (or Tundra) Samoyed (with Enets, Nenets, Yurats and Nganasan) and Southern (or Taiga/Mountain) Samoyed (with Selkup, Kamassian and Mator). These languages are spoken in a vast geographic area around the White Sea to the Laptev Sea, along the Arctic shores of European Russia, which includes Novaya Zemlya, the Yamal Peninsula, the Taimyr Peninsula, and down all the way to the mouths of the Ob and Yenisei Rivers in the west to the Sayan-Baikal uplands in the east.¹

Turkic borrowings were previously known both into Proto-Samoyed (PS) and into some of the later, individual daughter languages (summarized in: Róna-Tas 1988; Dybo, Normanskaja 2012; Dybo 2014: 10–11)². The borrowings are usually given in the literature as being from

---

¹ Juho Pystynen, Alexander Savelyev, Ante Aikio, Marko Crnobrnja, Arnaud Fournet, Onno Hovers, Alexander Vovin, Benjamin Brosig and two anonymous reviewers are gratefully acknowledged for their valuable input much improving the details of my argumentation during the manuscript preparation.

² These most convincing Turkic lexical borrowings (described by early researchers such as Ramstedt, Paasonen, Donner, Ligeti, Sinor, Joki, Doerfer, Poppe, Hajdú, Janhunen, among others) gleaned from several sources (Róna-Tas 1988; Helimski 1995; Dybo, Normanskaja 2012; Dybo 2014), include: PS *inā ‘elder brother’ < OT *ini* ‘younger brother’; PS *kâptâ- ‘to castrate’ < OT *qapti* ‘to grasp with teeth or hands’; PS *ker- ‘to enter’ < OT *kir-* ‘to enter’; PS

Proto-Turkic (PT), Old Turkic (OT), or Common Turkic (CT),³ or from a specific identified daughter language. It should probably be implicitly understood that the linguistic comparisons are made between PT, OT, and CT to PS, but this does not necessarily mean that any of these was the exact donor language. Rather, at the current state-of-the-art level of understanding, an unidentified Turkic language, likely spoken around the Sayan mountains and beyond, phonologically and semantically identical or near-identical to PT, OT, or CT, respectively, was the historical donor language for each borrowing. Chronologically, the borrowings into PS (or even Pre-PS) must have occurred thousands of years ago from one or more Turkic sources, with direct lexical borrowings between Proto-Samoyed and Proto-Turkic also being a distinct possibility,

---

*kil' 'sable' < OT *kil* 'sable'; PS *kil' 'winter' < OT *qil* 'winter'; PS *kır 'gray hair (of animals), light, white' < OT *qır* (CT *Kır) 'grey, grey-haired, color of horse's coat'; PS *kün 'navel' < OT *kün* 'navel, etc.'; PS *pajmā 'boots' < OT *poyma* 'felt boots' ~ CT *bałmak 'kind of shoes'; PS *puro 'gray, wolf-gray, wolf-gray dog' < OT *boro* 'gray'; PS *tār 'hair' < OT *tara-* 'to comb the hair'; PS *yam 'to wander with a tent caravan' < OT *yam* 'a posting station' & PS *kepu 'wasp' < CT *Kapun 'bumblebee'; PS *pāj k3 'dried fish' < PT *bālik 'fish'; PS *wekānā~*wek3r3 'sturgeon' < PT *bEkre 'kind of sturgeon'; PS *junt3 'horse' < CT *junt 'horse, mare'; PS *ta(ə)j 'branch, ast' < CT *dal 'branch, willow'; PS *pāt- 'sink' < PT *bat- 'sink, drown, set (about sun)'; PS *jūr 'fat' < PT *ūr 'fat'; PS *jemñā- 'patch' < CT *jama- 'patch, darn'; PS *jikā- 'sow, sharpen' < CT *(h)ējke- 'sow, sharpen'; PS *ken 'sheath' < CT *kīn 'sheath'; PS *kəps/šə 'Zauberlöffel' < PT *Kamīč 'scoop' = PIran. *kapiči-, *kapič-aka 'ladle, scoop'; PS *kān 'lord' < PT *kān 'lord'; PS *jekā 'twin' < PT *(h)ejki 'twins'; PS *jokā~*jok- 'to become lost' < PT *jök-a-l- 'to be lost, to disappear'; PS *tettā 'four' < PT *dört 'four'; PS *jūr 'hundred' < PT *jūr 'hundred'. Also, possibly: PS *kem 'blood' < PT *qan 'blood' (Piispanen 2015: 249–251). All PS reconstructions are presented here exactly as given in the referenced sources, without reworking according to Helimski 2005. Note that structures like PT *ya- and *ja- are quoted interchangeably throughout this paper as two accepted variants of transcription for the same sound.

³ Proto-Turkic is a linguistic reconstruction and a theoretical source for all Turkic languages. Old Turkic, on the other hand, is the oldest actually attested form of (Orkhon) Turkic as found in *Göktürk* and *Uygur* inscriptions dating back from the 7th to the 13th century. Common Turkic, then, is defined as a taxon including all Turkic languages, except for *Khalaj* and the *Oghur* languages (currently only *Chuvash*), and is usually subdivided into *Oghuz*, *Kipchak*, *Karluk*, and *Siberian* Turkic subgroups (Johansson 1998).

since both languages existed at about the same time: PS at about 2300 BP (or 2000–2500 BP by most estimates; Janhunen 1998: 457)⁴ and PT at about 2500 BP (according to Dybo 2007). Naturally, a direct borrowing into PS (or Pre-PS) is only evident where the present Samoyed languages show regular features of inner Samoyed development; otherwise it must be a later individual borrowing into the specific Samoyed language. This paper adds to the above research in that it describes identified borrowings following similar semantic and phonological guidelines.

Curiously, some reverse early borrowings, i.e. into PT, seem to exist as well: Dybo 2014 (building on Róna-Tas 1988) proposes five potential Samoyed borrowings into PT or CT six Ob-Ugric borrowings into PT, six PT borrowings into Proto-Ob-Ugric, eight PT borrowings into Proto-Yenisseian, six PT borrowings into the Ket-Yug branch of Yenisseian, and numerous borrowings between Turkic, Mongolic, Chinese, and other languages. Turkic borrowings into individual Samoyed languages are also attested (e.g., Róna-Tas 1988: 746–747), as well as Mongol borrowings into specific Samoyed languages via a Turkic intermediate (Róna-Tas 1988: 747). Further, some Tungusic borrowings in the Samoyed languages are also known (Dybo, Normanskaja 2012: 1–11). Thus, historical Turco-Proto-Samoyed contacts are more than a distinct possibility as strongly suggested by the amassing evidence

How then can we know the direction of a borrowing? Logically, if the PS root originates in a PU root, arriving there through regular phonological change, then the borrowing, of course, must be from PS into PT. This appears to be a good test for finding PS borrowings in PT. Where, however, the PS root has no PU etymology, but the PT form also finds correspondences in Tungusic and/or Mongolic, we are quite likely dealing with a PT borrowing into PS instead (after one verifies that the Tungusic and/or Mongolic forms have not been borrowed from Turkic). Other factors to look for would be to detect phonological or prosodic

---

⁴ The Finnish linguist J. Pystynen (private correspondence) believes that the origins of Proto-Samoyed may even go back to as early as 3000 BP. The lexical materials of his unpublished WIP (work in progress) database of Uralic and Samoyed roots seem to demonstrate that it was older than all the other Uralic branches, and the period around 3000 BP seems to be the vantage point where individual Samoyedic languages began to show heavy lexical divergence. This would make Proto-Samoyed older than predicted by most Proto-Turkic age estimates, although this should have no bearing on the proposed hypothesis.

discrepancies in the PS root, impossible in cases where the root had already existed in a much earlier Pre-PS period; otherwise, such discrepancies could signify that the PS root is a recent borrowing, and its existence in PT would immediately suggest that the direction was PT > PS.

Some notes on the phonology of Turkic borrowings in Samoyed

Previous historical phonology findings regarding Turkic borrowings in Samoyed, most of which come from other sources (Dybo 2014), are briefly reproduced below as reference for the reader:

PT *ř, *λ > PS *r, *l (PS *l then automatically turned into *j at the end of a syllable) ; Later Turkic *ř > PS *s ; PT *a > PS *e, *e in open syllables, PS *a before *j, but PS *ä, *ê in closed syllables; PT *j- > PS *j- ; PT *h- > PT *ø-.

The prothetic addition of *j- to the Samoyedic form of some vowel-initial Turkic root borrowings are known; the phonology of such borrowings was also discussed elsewhere (Helimski, Stachowski 1995: 42) using PT *ũř ‘fat’, borrowed PS *jür ‘fat’ as an example. Another example would be: PS *jek3 ‘white’ (SW 42), borrowed from: Proto-Turkic *āk ‘white’ (VEWT 12, TMN 2, 84–5, ESTJa 1 116–117, EDT 75, Lexica 598–599). It was assumed that a phonetic rule was operating for closed syllabic roots in Samoyedic with root-initial Pre-PS *ü- or *ö-, leading to a prothetic *j- into PS. In this paper, we encounter no less than two additional borrowings of this type where the same phonological principles are at work, one of which also bears a root-initial *ö-, while the other actually bears a root-initial *o-, and also gains the prothetic *j- with the borrowing. While, indeed, the principle of prothetic *j- in Samoyed is phonologically conditioned, it would seem that this matter needs to be further explored while taking into account the full and specific conditioning factors.

Additionally, if the Turkic donor language already had a root-initial *j- it naturally remained as such in PS as well. Examples from the sources given above include: PS *jemúô- ‘to patch, to mend’, borrowed from: Proto-Turkic *jama- ‘to patch’;⁵ PS *junt3 ‘horse’, borrowed

---

⁵ Here we probably should assume irregular palatalization due to the preceding *j- with the borrowing. The root-final *-ńô could be considered a suffix even though no other PS root displays it, although the alternations found with

from: CT ***junt** ‘horse, mare’; PS ***jikâ-** ‘sow, sharpen’, borrowed from: CT ***(h)ējke-** ‘sow, sharpen’; PS ***jesəj-** ‘to build a chum’, borrowed from: CT ***jasa-** ‘build’;⁶ PS ***jekâ** ‘twin’, borrowed from: PT ***(h)ējkiř** ‘twins’; PS ***jokâ~*jok-** ‘sich verirren’, borrowed from: PT ***jök-a-l-** ‘to be lost, to disappear’; PS ***jür** ‘hundred’, borrowed from: PT ***jür** ‘hundred’. Of special interest are the borrowings meaning *sow*, *sharpen* and *twin*; in these, the possible root-initial **h-* has disappeared completely with the borrowing (as noted above by Dybo), while the PT cluster **-ejk-* has undergone (regular?) metathesis into PS. I suggest that in both borrowings **jek-* is likely to accommodate Samoyed prosody. Other found borrowings containing the root-initial **j-* are presented in this paper.

Other (?) known Samoyed sound correspondence rules

In addition to the sound correspondences given above, a few more may be of use for understanding very early Turkic (and other) borrowings found in Samoyed. Aikio (2002: 49 & 2006) states the following systematic sound changes in Samoyed in transition from Proto-Uralic to Proto-Samoyed (I will use here the term Pre-PS instead of PU to apply for very early Turkic borrowings into the Samoyed languages in the period before they became PS but chronologically long after the PU stage as it is determined in Róna-Tas 1988: 742):

Pre-PS **w* > PS **ø* preconsonantly or intervocalically before **i*;
 Pre-PS **j* > PS **ø* intervocalically before **i*; Pre-PS **k* > PS **ø*
 intervocalically (?) and after a liquid if followed by **i*; Pre-PS **a* >
 PS **ä* before a tautosyllabic palatal(ized) consonant; Pre-PS **i* >
 PS **ə* word initially; Pre-PS **δ'* > PS **j*; Pre-PS **δ* > PS **r*.

the Proto-Tungusic correspondence of ***neme~*name-** ‘to patch’ (TMS 1 622) (and Proto-Mongolic ***nem-** ‘to cover (by a horse cloth)’; EDAL 969–970) could indicate an intermediary **ñ-* at some earlier stage.

⁶ However, according to Ante Aikio, through private correspondence, Tundra Nenets /*ješe-*/, Forest Enets /*d'eše-*/ and Taz Selkup /*česi-*/ suggest instead Proto-Samoyed ***jesä-** ‘to spread the tent-cloth, to cover the tent with a tent-cloth’ (or ***jäsä** with Helimski’s (2005) system of reconstruction), which is regularly cognate with Proto-Uralic ***läsä-** ‘to spread, to cover’ (> North Saami *láhčit* ‘to make the bed; to spread out’) (Helimski 1999). This strongly suggests that the Samoyed root is not at all a Turkic borrowing (as suggested by previous researchers; for this reason I omitted it from the listing of known borrowings in Footnote 2), but rather of Uralic origin, a mere coincidental look-alike.

Also, regarding the lateral *-l-, it is known that Pre-PS *-l- regularly vocalizes to PS *-j-, but the retention of the root-initial Pre-PS *-l- in Samoyed occurs initially before Pre-PS *-j- (Michalove 1999). Further, a regular retention of Pre-PS *-l- into PS is also known to occur when followed by an *-a- in the second syllable (Janhunen 1981: 250, Aikio 2012: 245–246). The main part of all reconstructed Proto-Samoyed roots (and phonology) was presented by Janhunen (1977; the SW), although the Samoyed vocalism was reworked later in consistence with Helimski (2005), a system which has been applied ever since in Samoyedology.⁷

Newly found Turkic borrowings in Samoyed

In this chapter, I present new suggestions on Turkic borrowings into Samoyed accompanied by phonological and semantic details. To the best of my knowledge, these have not been previously discussed in the literature, and any and all oversights are therefore my own. A few of the suggestions represent revision of older proposals by adding or changing detail. In addition to presenting the suggested PT or OT roots I will also mention, as supportive evidence to clarify my arguments, some Proto-Tungusic, Proto-Mongolic, or Proto-Uralic forms, or data from other pertinent languages. Again, it must be mentioned that with many of these suggestions I do not claim direct borrowings from either Proto-Turkic or Old Turkic into Proto-Samoyed but rather borrowings from an early Turkic language or its variety that was very close to PT or OT and synchronic with Proto-Samoyed — as follows from the arguments of earlier researchers on these matters. Also, in a few cases, specific later Turkic languages can be indicated as direct donors into specific Samoyed languages, with these borrowings occurring in much later periods. I have opted to use the Samoyed diacritics and signs for the various Samoyed languages as presented in Janhunen's SW, the source of most Samoyed lexicon in this paper. The findings presented here

---

⁷ This important reworking changed some of Janhunen's reconstructed SW vowels as phonologically conditioned: PS *e => PS *ä; PS *ä => PS *a and PS *i => PS *ï (> Nganasan i) & PS *e (> Nganasan i). Thus, PS *e or *i can only be reconstructed according to the form found in modern Nganasan, the only language retaining this phonological distinction which has been lost in all other Samoyed languages.

will add to our understanding of historical linguistic processes in the far northeastern Siberia. We must fully realize the depth, breadth and extent of interactions between numerous populations in ancient times responsible for deep linguistic influence in the form of lexical and morphological borrowings, *Wanderwörter*, phonological convergences and patterns, typological changes, etc. in sub-, super- or adstrata in a world where bi- or multilingualism was the norm, sometimes likely accompanied by spoken *Lingua Franca* as well.

PS ***kürâ~*kür-** ‘to run’ > Enets *simî* ‘he ran away’ Tundra Nenets (T) *šurmbäs* ‘to run’; Forest Nenets *šurbaś* ‘to run’; Selkup *šórm̐ba* ‘it flows, drips, runs’; Kamassian *šurl'em* ‘I run’ (SW 79), borrowed from: PT ***küre-** ‘to run away’ > Old Turkic *küre-*; Karakhanid *küre-*; Yakut *kürē-*; Dolgan *kürē-*; Kyrgyz *kürgüčtö-* ‘to drive livestock’, *kürgüj* ‘cry which chases lambs’ (EDT 737; VEWT 310; ESTJa 5 146).

The Samoyed root has no Uralic etymology because, as its phonology and semantics clearly show, it represents an early Turkic borrowing already into Proto-Samoyed. Reconstruction of a Proto-Samoyed root is necessary, because its cognates are attested in both North (Enets, Nenets) and South (Selkup, Kamassian) Samoyedic. Reconstruction of a Proto-Turkic root is also necessary since it is attested in the Kipchak, Siberian and Karluk/Oghuz branches. The Turkic donor language cannot be readily identified as it must have been spoken millennia ago. The root is practically identical in both PT and PS and carries the same meanings throughout both language branches. Phonologically, the trivial vocalism (PT ***-ü-** > PS ***-ü-**) parallels and actually secures this correspondence, as is also evident from other borrowings: PS ***jür** ‘hundred’, borrowed from: PT ***jür** ‘hundred’; PS ***jür** ‘fat’, borrowed from: PT ***ür** ‘fat’ (note that in both examples, as well as in other cases involving long vowels, the long Turkic vowel is shortened in Samoyed due to prosodic reasons, and the latter borrowing additionally finds a prothetic ***j-** in Samoyed).

In addition, A. Aikio (in private correspondence) expressed the view that the PS root ***kürâ~*kür-** ‘to run’ would seem to regularly correspond to Kildin and Ter Saami *karrq-* ‘run (of animals), gallop’ with further derivatives being found in at least both North and South Saami. If further Uralic representatives of agreeable phonological form and semantic shape were to be found, we might be dealing here with

a Proto-Uralic root instead, which would invalidate this suggestion about a Turkic borrowing altogether. Arnaud Fournet suggested in private correspondence that the root could have a comparanda in PIE ***k^hers-** ‘to run’ (> Tocharian A *kursär*, Tocharian B *kwarsär* (< Proto-Tocharian ***kwärsär**) ‘league, course, path’), but the significance of this connection, if it exists, is not clear.

At the same time, the Turkic root has direct correspondences with Proto-Mongolic ***kur(u)-** ‘rapid, quick; moment, short time; to hurry’ (EDAL 745) (very well-attested: KW 198; MGCD 390, Lessing 1960: 989,991; Poppe 1927; Todaeva 1986: 177; Ramstedt 1906). As M. Crnobrnja indicated in private correspondence, however, this Proto-Mongolic needs to be reconstructed anew and separated into two roots for a number of reasons. The various Mongolic languages lumped together in the EDAL do suggest Proto-Mongolic ***kurdun** ‘quick’, not ***kur-dun**, where ***-dun** would be a suffix (because such suffix? does not exist with adjectives/abstract nouns). The exceptions breaking the mold with this new reconstruction are written in Mongolian as: *quruji-* ‘to hurry’ (which is suspiciously not to be found in the standard works by Tumurtogoo, Lessing, Kowalewski or in a number of Inner Mongolian dictionaries and therefore may turn out to be a ghost word), *qurum* ‘moment’ and Khalkha *xuram* ‘moment’, with the latter two being connected to the Proto-Turkic ***kur** ‘time’ instead; either these Mongolic noun forms are Turkic borrowings or represent a rare Proto-Mongolic root, herewith reconstructed as ***kur(am)** ‘moment’. The PM ***kurdun** ‘quick’ is also borrowed as Manchu *xurdun* (see Doerfer 1985: 145; Rozycki 1994: 112). Crnobrnja noted further that this root is also found in Nerchinsk, Barguzin and North Baikal Ewenki as *kora-* ‘to drive away’, but here it should be a borrowing. The semantics are similar to those found in Kyrgyz, although the borrowing must come from something like the Buryat *xoroox* ‘to diminish, to kill (a beast)’.

So due to these correspondences, the above mentioned potential Uralic etymology will be overlooked at least for now, because the existing Mongolic correspondence alone is enough to view this as a Turkic-in-Samoyed borrowing. One can further note that the PS root has noteworthy similarities with PFM ***korkV** ‘to run, to flee’ > Fin. *karkaa* ‘to escape’, etc. (UEW 672–673) on the Uralic side. This, if going back all the way to Proto-Uralic (in a likely identical form) and having in mind that the root is even given hesitantly in the UEW, cannot be

connected to the PS root due to phonological differences (PU *-rk- > PS *-r-, *-rk-); *ergo*, the PS root was borrowed from Turkic instead.

PS ***jumpâ** ‘moss’ > Nganasan *dünfe* ‘dummy made of stuffed clothing’; Tundra Nenets *jumb* ‘peat; turf’; Forest Nenets *d’ump* ‘red peat moss’; Selkup *t’umbv* ‘moss’; Kamassian *nə`mĭ* ‘(swamp) moss’; Mator *numbo* ‘moss’ (SW 48), borrowed from: PT ***jom~*-jon** ‘turf; weed’ > Oyrat *jon* ‘weed’; Chuvash *śom* ‘weed’ (VEWT 206; Fedotov 2 135), borrowed as: Hung. *gyom* ‘weed’ (MNYTESz 1: 1132).

Again, a Proto-Samoyed root must indeed be reconstructed here because the cognates are attested in both North (Nganasan, Nenets) and South (Selkup, Kamassian) Samoyedic. Having no Uralic etymology,⁸ this PS root finds a Turkic correspondence instead, which suggests that it is a very early Turkic borrowing. The root-final ***-pâ-** should be a suffix in Samoyed. The Turkic root may also be somehow related to Proto-Tungusic ***ñamulsa** ‘swamp moss’ (TMS 1 632–633), which is well-attested throughout the Tungusic languages. The root also seems to be borrowed (?) from somewhere into written Mongolian *ġim* ‘turf’ (Lessing 1960: 1056) and Khalkha *ġim* ‘turf’. The meaning of this root is found as ‘turf’, ‘moss’ or ‘weed’ throughout all of these languages, which is semantically reasonable. The borrowing into Samoyed, however, is specifically from Turkic as indicated by the phonology even though the root is only (now) scarcely attested in Turkic languages. The vowel change PT *o > PS *u with the borrowing is trivial and could constitute a palatalization effect due to the influence of the preceding *j-; it is also paralleled by the vocalic change of another known borrowing: PS *puro ‘gray, wolf-gray, wolf-gray dog’, borrowed from: OT *boro* ‘gray’.

PS ***járâ-** ‘to cry’ > Nganasan *d’orəd’a* ‘to cry’; Enets *jařaro’*, *ja-rado’* ‘I cry’; Tundra Nenets *jarts’* ‘to cry’, *jar* ‘cry’; Forest Nenets

⁸ Albeit I do note a similarity with PFM *luppa ‘lichen; moss’ (UEW 694), which, in theory, could go back to a hypothetical PU *lumpa ‘moss’ before assimilation in the later branches of Uralic. However, this does not stand up to phonological scrutiny as this would then also presuppose the vowelization of the root initial *l- into PS *j-. However, there are no such parallels, since the PU cluster *-mp- is always retained as such in at least a few of the descending languages, and PU *l- is retained in Samoyed. Thus, PFM *luppa ‘lichen; moss’ and PS *jumpâ ‘moss’ cannot possibly be related.

jearas ‘to cry’; Selkup *čurigo* ‘to cry’, *čurjt saji* ‘tear(drop)’; Kamassian *t’ōrel’ām* ‘I cry’; Koibal *dzhjorlam* ‘I cry’; Mator *dzhjar-esmendja* ‘crying’ (SW 38), borrowed from Proto-Turkic **iori* (formerly **ori* (EDAL 1061–1062), see below) ‘shout, outcry; to make a noise, shout; to chant’ > Old Turkic *orla-* ‘to make a noise, to shout’; Karakhanid *ori* ‘shout, outcry’; Middle Turkic *ori* ‘shout’ (Aptullah 1934); Oyrat *orla-* ‘to moo’ (EDT 197, 230), and Chuv. *jură* ‘song’, *jurăcǎ* ‘singer; songwriter’, *jurla* ‘to sing, to chant’ (Skvortsov 1985: 640). Karakhanid *orlaš-* ‘to shout together’, Khakassian *orlas-* ‘to shout together’ and Oyrat *orlas-* ‘to shout together’, which were lumped together with the Proto-Turkic root in the EDAL carry *-š-*, which is a reciprocal marker, and are thus to be considered derivatives only.

Ordinarily, PT **o(r)-* corresponds to Chuvash *vb^w(r)-* or more rarely *va(r)-*, but, at least in two cases, the correspondence is instead Chuvash *ju-~jo-* even while Common Turkic suggests **o-*. Two Chuvash examples are given, one of which comes with this set. The Chuvash etymology given above is new and was suggested by A. Savelyev in private correspondence; this also clarifies a rarely discussed Turkic sound law (evident in lexical cognate examples provided in works by Oleg Mudrak (for example: Mudrak 1993; SIGTJa 2006, *passim*), although the sound law may not have been fully explored or stated before). Inclusion of this obvious Chuvash item also changes the PT reconstruction accordingly. The other example consists of a phonological parallel with Chuvash *joba* ‘grave pillar’ ~ CT **o:p-uz* ‘uneven earth’, which is evidently connected to Proto-Mongolic **oboho* ‘grave mound’, SIGTJa 2006: 221); I suggest that here the CT long vowel **o:* may be the result of a contraction of an earlier PT **io-*. As was also pointed out by Savelyev, a phonological opposition between PT **io-* and PT **jo-* would be plausible if we consider **j* as an obstruent (something like [j] or [ɟ]), which would also be supported by obstruent reflexes in geographically peripheral areas (cf. Yakut *s-*, Chuvash *ś-*, etc.).

According to this sound law, PT roots of the forms **io-* and **ia-*, which probably were rare, find a correspondence with Chuvash *jo-~ju-* and *ja-*, respectively, while the root initial **i-* is lost altogether from all such roots in the Common Turkic branch, where **o-* and **a-*, respectively, can be reconstructed instead. In other words, only the Chuvash form determines if the PT form should be reconstructed

as **io-* or **o-* (and similarly for **a*). Using this, and given the above examples, we can hence reconstruct PT **iori* ‘shout, outcry; to shout together; to chant’ and PT **iop-uz* ‘uneven earth; grave pillar; grave mound’. So, to summarize Savelyev’s brilliant suggestion, examples for **io-* (or, rather, **iö-*) are still scanty but it is nevertheless supported in a systematic way as we have the same kind of *i̯*-based correspondence, which does not affect the quality of the basic vowel but “adds” a *j-* in Chuvash in other cases, cf. PT **o-* > CT *o-*, Chuvash *o-* vs. PT **iö-* > CT *o-*, Chuvash *jo-* and PT **a* > CT *a*, Chuvash *o* vs. PT **ia-* > CT *a*, Chuvash *jo-* (example: PT **iak-* ‘to flow’ > CT *aq-*, Chuvash *jox-*); PT **i̯* > CT *i̯*, Chuvash *ə* vs. PT **i̯i-* > CT *i̯-*, Chuvash *jə-* (example: PT **iduk* ‘sacred’ > CT *iduq*, Chuv. *jəṛəx*), etc.

Having no Uralic etymology, a Proto-Samoyed root must be reconstructed for this very early Turkic borrowing as its cognates are attested in both North (Nganasan, Enets, Nenets) and South (Selkup, Kamassian, Mator) Samoyedic. As was mentioned above, the prothetic addition of **j-* to the Samoyedic form of a Turkic vowel-initial borrowing is previously known, but it should not have occurred with **o-*, only with **ö-* and **ü-*. Indeed, it has not occurred here either, since the PT form as per above can be reconstructed as PT **iori*, which led directly to PS **jārâ-* ‘to cry’.

The somewhat better attested Turkic root is also found as Proto-Central-Mongolic **ori-la-* ‘to cry bitterly’, reconstructed here at the behest of B. Brosig. Earlier, the EDAL gave Proto-Mongolic **ori-*~**uri-* ‘to shout, to call’ (EDAL 1061), but the entries therein consist of two separate roots confused as one etymon. In addition to **ori-la-* given above, a separate Proto-Mongolic **uri-* ‘invite’ can also be reconstructed. cf. Khalkha *orilox* ‘to cry bitterly; scream (by camel, goat, human); to make noises of discontent’, but *urix* ‘to politely call in order to make somebody come’. Semantically, these describe different things altogether, and the roots should be kept separate. This latter suggestion was already made by Hans Nugteren (2011: 533) with Proto-Mongolic **uri-* ‘to call; to invite’. Similarities can also be spotted with Proto-Tungusic **or-* ‘roaring (of a tiger); echo; to sound, resound; to rave; to shout; to roar (of a bear); shout (of an aurochs); to call’, with a few Tungusic attestations (TMS 2 23).

As has been mentioned, Tungusic borrowings in Samoyed are also previously known (in local Samoyed languages only), and given that Proto-Samoyed is a much older language than Proto-Tungusic, assuming a Tungusic source for the old borrowing presented here instead

of from a Turkic source would pose chronological difficulties. A Mongolic borrowing already into Proto-Samoyed would have even greater chronological difficulties, and so the donor language of this borrowing into Samoyed must indubitably have been from synchronic Proto-Turkic (we can probably assume that this root has simply been lost in many of the Turkic languages over time).

PS ***jär** ‘center, middle’ (according to Helimski, E. 2005; PS ***jer**- in SW 43–44) > Nganasan *jer* ‘middle’ (C), *jarede-ama* ‘I meet, hit’ (C); *d’erimiši* ‘to get in the way’ (M), Enets *d’ered* ‘to get caught’ (T); Yurak *-jir* in *pijir* ‘in the middle of the night’; Tundra Nenets *er* “~ *jēr*”² ‘middle’ (T,L), *jeremz* ‘to hit the target’ (T,L); Forest Nenets *jer* ‘middle’ (C); Selkup *čarmīt* ‘through’ (Pr), *čari* ‘to one’s face’ (Pr), *čari-* ‘to hit, get’; Kamassian *t’ēr~d’ēr* ‘middle’; Koibal *-dzhjar* in *pindzhjar* ‘midnight’; Mator *-dzhjer* in *xaindzhjer* ‘midday wind’, *dzhjargem* ‘middle’; Taigal *-dschire* in *hinydschire* ‘in the middle of the night’ (SW 43–44), borrowed from: Proto-Turkic ***ōr** ‘inside, the essential part’ (EDT 278, VEWT 376–7, ESTJa 1, 506–512, Lexica 90, 117, Stachowski 252).

While the previously suggested borrowing of PT ***üř** ‘fat’, borrowed as: PS ***jür** ‘fat’ (Helimski, M. & Stachowski, M. 1995: 42) even mentioned a likely connection to PT ***ōr** ‘inside, the essential part’, there was strangely no comparison to PS ***jer** ‘center, middle’ (SW 43; now reconstructed as ***jär**), which, having no Uralic etymology, no doubt, is also a separate borrowing as outlined here. A loan etymology, as presented here, may also be quite welcome considering that there are no less than three different PS roots meaning ‘center, middle’, namely **joncă*, **jotä*, and **kī*.

Semantically, the concepts of *fat* and *inside* are very likely connected as both Helimski and Stachowski have suggested. The Samoyed *middle* corresponds semantically straight-forward to Turkic *inside*, exactly paralleling the ingeniously explained semantically absurd development of PU ***pučki** ‘tube; stalk’ > Samoyedic (*hollow*) *stalk*; *tube* > Samoyedic *inside*, *core* > Samoyedic *middle (of body)* > *body*; *refl. pronoun* (Aikio 2014: 11–15). The word and its derivatives have a wide scope of meanings in Turkic: ‘middle’ > ‘heartwood, central crossbeam, pole’ (***ōrek**), and the connection to PS ***jär-** ‘center, middle’ is clear. Interestingly, there is also Turkmen *ōz* ‘self’ from PT ***ōr** again exactly

paralleling the semantic development *inside* > *self* as found for Samoyed from PU ***pučki** above.

Phonologically, we can observe the expected prothetic **j-* added to the Samoyedic form of a Turkic vowel-initial borrowing of **ö-*, paralleling that of the borrowing suggested above and of other earlier suggestions. As was kindly pointed out by J. Pystynen in private correspondence, the change **ö* > **ä* with this borrowing may have resulted from the phoneme **ö* lacking altogether in Proto-Samoyed (Katz 1987), but it likely resulted later from palatalization in some Samoyed languages; PS **ä*, however, was probably already phonetically open-mid [ɛ], as reflected in pretty much all attested Samoyedic languages, wherefore it was likely the closest substitute for Turkic **ö*. The parallelism of the pairs PT ***ür** — PS ***jür** & PT ***ör** — PS ***jär** may also suggest that avoidance of homonymy was desired for two phonologically and semantically close roots, a separation kept also in Samoyed. The rhotics of these borrowings are connected as per Helimski (1991: 262–263).

Pre-PS ***kâl-** > PS ***kâj-** ‘to go’ > Yurak *cháíwe* ‘to ride; to go’; Tundra Nenets *xes’* ‘to go away’; Forest Nenets *käës’* (Lj), *kajš* (S) ‘to go’; Mator *kaim* ‘I am walking’ (Sp), *kaitygam* ‘travel’ (Sp), *gajtygam* ‘to go’ (Sp) (SW 51), borrowed from: PT ***gəl-** ‘to come’ (VEWT 248; EDT 715; ESTJa 3 14–16, 31–32).

The very well-attested basic Turkic verb ‘to come’ was seemingly borrowed as a Proto-Samoyed form and thus has no Uralic etymology; but it therefore underwent a semantic shift (*to come* > *to go*); this semantic shift can also occasionally be observed in other languages or between cognates of a language family. As is known, PU **-l-* regularly vocalizes to PS **-j-*, particularly at the syllable end, with a regular change expected and observed here. The devoicing of the Turkic stop occurs completely naturally and expectedly with the borrowing since PS did not have any voiced stops (i.e. **g-* > **k-*). This Turkic root was also borrowed through Yakut into Yukaghir (Piispanen 2013: 122–123).

The PS form ***kâj-** may be compared to PU ***kulke-** ‘to go’ (UEW 198), but in analogy to other known Samoyed cognates which regularly show PU **-ulk-* > PS **-uj-*, the expected outcome of PU ***kulke-** ‘to go’ in Proto-Samoyed, as suggested by J. Pystynen in private correspondence, would likewise actually be ***kuj-** (or ***kuə-**). Indeed, words like Tundra Nenets *xūlā-* ‘to float downstream’ (given with PS ***ku-** ‘treiben (INTR)’ in SW76), in other varieties with verbal forms like *xūʔla-*,

suggest the full PS form of ***kuə(-)Clā-**, according to A. Aikio (private correspondence). This may then not even be connected to PU ***kulke-** at all in the first place, as only the Nenets part *xū-* > PS ***kuə-** would be comparable. Then, Selkup (Pr) *qurigo* ‘to carry downstream’ must actually reflect Proto-Selkup ***qūrə-**, which then would regularly go back to PS ***kā-**, not PS ***ku-** (as it is given in SW76); in contrast, only PS ***ku-** would be reflected as Proto-Selkup ***kū~*ku-**, suggesting that this Selkup word does not belong in this comparison at all. Further, Selkup *qəl-* ‘to go by foot’ is incorrectly given under PU ***kulke-** in the UEW; there is no evidence whatsoever that PU ***-lk-** would have ever been retained as PS ***-l-** (instead of ***-j-**). Furthermore, Kamassian *kāl~xāl-* ‘to go’, presented as representative of PU ***kulke-**, does not even exist as it is falsely inferred from *kallam~kalam* ‘I go; I wander; I go away’, which is derived from *kan-* ‘to go’ (< *kan-lam*; cf. *kanaʔ* ‘go!’). In other words, this fragmented picture shows that there is no evidence linking PS ***kâj-** (or any Samoyed word for that matter) to a hypothetical PU ***kulke-** and a loanword etymology should instead be searched for.

Another possible comparison is to Tocharian ***śäl~*kal-** ‘to go’ (< PIE ***k^welh1~*k^wl^h1-**). While some Tocharian borrowings in Samoyed have previously been suggested, Kallio has convincingly argued against them (Kallio 2004), and his own, hesitantly given, suggestion (namely PS ***wën** ‘dog’, borrowed from Pre-Tocharian ***kwëñə** ‘dog; sg.obl. form’; cf. Pre-Tocharian ***ku** ‘dog’; sg.nom. form) unfortunately does not seem very convincing to me either, even if it is a likely borrowing from somewhere, at least as currently presented; the conclusion should be that there are no Tocharian borrowings in Samoyed, and again the Turkic borrowing etymology for the PS root at hand is the most convincing hypothesis instead.

Lastly, although the PS form also bears some resemblance to PFV ***käwe** ‘to go’ (UEW 654–655), it cannot be connected due to phonological differences. The Turkic root may also be found in Ewenki *gel-* & Oroq *gilin-* ‘трогаться с места, с трудом собираться в путь = to take off, to hit the road’ (TMS 1 150,178 suggests ***gel-**), with this very limited Tungusic spread exactly suggesting that these are Turkic borrowings in these languages.

The Turkic root may find a correspondence with the Proto-Central Mongolic ***geldüri-** ‘to walk slowly’, reconstructed here, although the morpheme construction is unclear — with a meaning matching that in PU ***kälä** ‘to wade’ (UEW 133–134). Previously, the EDAL has suggested

Proto-Mongolic **gel-* ‘to walk slowly’ (EDAL 538), based on the forms of written Mongolian *geldüri-* (Lessing 1960: 375), Khalkha *geldre-*, Kal-muck *geldr-* (Ramstedt 1935: 132), Dagur *geldure-* (Todaeva 1986: 131), and Middle Mongolian *geli-* ‘to catch up; to chase’ (Haenisch 1939)⁹. However, Middle Mongolian *geli-* cannot belong here¹⁰ due to phonological and semantic differences. Therefore, I suggest a new Proto-Central Mongolic reconstruction instead, and further suggest that the Middle Mongolian *geli-* is actually a Tungusic borrowing (cf. Proto-Tungusic **gelē-* ‘to search; to ask, to demand’ (EDAL 537; TMS 1 179) (> Ewenki *gelēkme-* ‘to search’, and also attested in Ewen, Negidal, Ulcha, Orok, Nanai, Oroch, Udehe and Solon), which also has been borrowed as Dagur *gelī-* ‘to go for something; to search’ (Todaeva 1986: 131).¹¹ Semantically, we find Tungusic ‘to search’ > Mongolian ‘to chase’; e.g. also the semantics of PFU **kenčV~*kečV* ‘to search’ (UEW 145–146) > Mansi *känš.-, käš.-* (TJ) ‘beten’, *kinš-* (KU P), *kins-* (So.) ‘jagen, suchen, beten’. The same semantic idea is also evident with: Mansi *sēl-* (KM) ‘beschaffen’, but: *sēl-* (N) ‘suchen, erwerben, kaufen’, not to mention the widely developed semantics of PU **kunta* ‘to hunt, to catch, to kill; hunting party’, found in different languages (as Aikio (2006) has aptly demonstrated) as: ‘to find’, ‘to see’, ‘to listen’, ‘to hear’, ‘to hunt’, ‘to kill’, ‘to murder’, ‘to catch’, ‘to grab’, ‘to touch’, ‘to take’, ‘trace of a print’, ‘the catch of the hunters: prey & sacrificial animal’ as well as ‘community’, ‘friend’, ‘kinship’, ‘homestead’, ‘district’ and ‘army’.

PS **kâjm-* ‘short’ > Nganasan *kaememea* ‘it is short’ (C), *ka'al'iku* (C), *kāl'ükü* (M) ‘short’; Enets *kê'eme* (Ch), *ké'ime* (B) ‘it is

⁹ Note also that Haenisch dictionary relies here on a single Chinese translation written 200 years ago after the original text, and we cannot take for granted that the translation is correct. While the Ming translators were both capable and diligent, it has still been demonstrated that they made several errors with infrequent morphemes, perhaps including this item.

¹⁰ As was kindly pointed out by B. Brosig in private correspondence.

¹¹ Tungusic elements in Dagur are, in fact, quite common, and perhaps some could also be found in Central Mongolic, but earlier layers of areal borrowings are much more complicated, as discussed with M. Crnobrnja in private correspondence: Para-Mongolic borrowings in Jurchen (for example, Janhunen 2013 & 2015), Mongol borrowings in Manchu and Ewenki (for example: Rozycki 1994), Manchu and Solon borrowings in Dagur, and Dagur borrowings in Solon (for example: Khabtagaeva 2012).

short', *kémil'aku* (B) 'short'; Tundra Nenets *xem* 'short', *xe-bimz* 'to shrink'; Forest Nenets *kǎëm* 'short'; Selkup *qamjča* (Pr) 'short'; Kamassian *khemzaga* 'short' (SW 51), borrowed from: PT **kil-* 'thin; short' > Khakassian *xilbis* 'thin'; Oyrat *qilbiq*, *qilbis* 'thin'; Chuvash *xəldərke* 'thin, frail, delicate'; Yakut *kilgas* 'short'; Dolgan *kilgas* 'short'; Kirghiz *qilmij-* 'thin'; Kazakh *qilmij-* 'thin' (VEWT 263).

This represents another early Turkic borrowing directly as a PS root, which has no Uralic etymology, and there are numerous cognates throughout the Samoyedic languages. The changed lateral (*-l- > *-j-) in the PS form tells us that the lateral used to be syllable- and root-final, like in Turkic, but the root was then suffixed (perhaps with the Samoyed equivalent, *-m-, of nominal derivational PU suffix *-ma). Semantically, the meaning is identical in all languages, with some secondary semantic development available.

PS *ārō 'size' > Enets *aruahaz* 'to grow', Tundra Nenets *ɲar* 'size', *ɲarāmz'* 'to enlarge', Forest Nenets *ɲaaroms'* 'to grow'; Mator *orogaja* 'holiday; feast' (< *ārō-kājā) (> PS *ārka 'big' > Enets *agga* 'big'; Tundra Nenets *ɲarka* 'big'; Selkup *wərqi~warqi* (Pr) 'big'; Kamassian *urjo* 'big'; Koibal *urga* 'big'; Mator *orga* 'big' (borrowed as Tofalar *orgó* 'big'); Taigi *argó* 'big', *orgo-bú* 'river, lit. big water' (SW 19), borrowed from: Proto-Turkic *ur 'growth, excrescence' (very well-attested in the Turkic languages, cf. Turkish *ur* 'growth, excrescence; fibroid, wen, neoplasm'; Tatar *ūrī* 'growth'; Azerbaijani *ur*; Shor *ur*; Yakut *ur*; Tuvan *uru*; Kyrgyz *ur*; Oyrat *ur*, Nogai *uri*, Kazakh *ūra*; Bashkir *ūrū* (EDAL 1504), and it is also borrowed as Written Mongolian *ur* 'growth'; ESTJa 1, 598–599).

To the best of my knowledge, no Uralic etymology has been presented for this PS root, although this could be an oversight on my part. However, I herewith suggest a borrowing etymology for this root, yet again from a Turkic source. Semantically, the borrowing is non-problematic: 'size', 'big' and 'to grow' are all related concepts. The word-initial *engma* in Nenets is naturally prothetic. The vocalism cannot be readily explained, however, as Samoyedic *ā ~ Turkic *u looks unusual, albeit we are dealing with back vowels. Perhaps this could be explained if this were a Southern Samoyed loan into Turkic, but the Turkic form

has clear Tungusic and Mongolic counterparts (see below) and therefore the direction of borrowing must conclusively be PT > PS.¹² Most certainly, numerous derivatives of this root exist in both Samoyed and Turkic, but the original noun stem represents the borrowing correspondence between them.

Also, there is Proto-Mongolic **urgu* ‘to grow’ (also well-attested, cf. Modern Mongolian *urgax* ‘to grow’; EDAL 1504), which even has the plosive as found in the Samoyed derivative, although this could be coincidental. The Turkic root is also found in Nanai *ure-* ‘to grow’, and seemingly as derivatives in Nanai *urekte* ‘sprout’ and Ewenki *uruktu~uruptu* ‘bush’ (Vasilevich 1958: 453,454). Further, there is Literary Manchu *ursan* ‘sprout’ and Jurchen *uru-xe* ‘ripe’ (these picked from TMS 1 323; TMS 2 286–287). The Tungusic suffixation pattern of the derivatives may suggest that these are original forms, in which case a bare Proto-Tungusic root of **ure-* ‘to grow’ can be reconstructed. All of these factors suggest the direction of borrowing as Proto-Turkic to Proto-Samoyed.

Mator *kargui* (P), *xargoj* (Sp) ‘raven’ and Karagas *karhúl* ‘raven’ (SW 55), borrowed from the Turkic languages, cf. Tuvan *kargui* ‘raven’ (Sojotisch in the SW) < PT **kArga* ‘crow’ (VEWT 237; TMN 3 384; ESTJa 5 303–304; Lexica 171), also borrowed as: written Mongolian *qarya* ‘raven’ (Shcherbak 1997: 134).

I suggest that the South Samoyed Mator and Karagas words for ‘raven’ are Turkic borrowings as shown from both phonological viewpoints. These forms were previously assumed (in the SW) to originate in the (suffixed) Proto-Samoyed set of **kâŋġâjġâ* ‘raven’, with the Turkic Tuvan form, mentioned in the SW (as Sojotisch), implicitly being an assumed Samoyed borrowing. Instead, given that the Tuvan form goes back to a Proto-Turkic root (< PT **kArga* ‘crow’), the borrowings evidently occurred in the other direction. That is, the borrowing went

¹² Also, as was noted by J. Pystynen in private correspondence, there is also a vaguely similar PU root **erV* ‘big, large, much, many; old’ (UEW 75–76), although this has other suggested Samoyed correspondences (Nenets, Nganasan, Selkup, Koibal and Mator) and it should therefore not bear any importance for the comparison at hand here. Actually, this PU root indirectly suggests that the non-related PS **ârâ* ‘size’ bears another origin and is indeed borrowed as suggested here.

from Tuvan *kargui-kāryan* ‘raven’ (cf. also Tofalar *qaryan* ‘raven’) into Mator *kargui* and Karagas *karhúl* specifically.

Janhunen assumed that the PS root ***kârηâjâ** was of onomatopoeitic origin, which is possible, although the root likely originated from PU ***kOrnV** ‘raven’ (UEW 228–229) (which Rédei also assumed was onomatopoeitic in the UEW), because we also have Tundra Nenets *χârηe?* ‘raven’ and Forest Nenets *harnè* ‘raven’ (SW 55). In most cases, PU ***-rn-** is reflected merely as PS ***-r-**, but for some reason (the PS root is trisyllabic?) not with this root, because we have at least the Forest Nenets form relatively unchanged and connected to the PU root. The Tundra Nenets phonological form, however, has clearly been contaminated by Tundra Nenets *wârηæ* ‘crow’, which in itself is an obvious borrowing from Western Khanty **wârηaj*: e.g. Obdorsk *wârηa*, Southern *wârηaj* ‘crow’ (as was kindly pointed out by J. Pystynen in private correspondence). Despite this phonological and semantic contamination and parallelism, Tundra Nenets *χârηe?* ‘raven’ is otherwise to be considered cognate with the PU and PS root for ‘raven’. Given this contamination, one must wonder if a closer PS reconstruction should not instead be ***kârñâjâ** ‘raven’, as suggested by the close cognate form of Forest Nenets.

In contrast, the Mator and Karagas forms above cannot belong to the PU (& PS) root, because Mator *-rg-* regularly goes back to the unvoiced PS ***-rk-** (and not to PS ***-rŋ-** or ***-rn-**); there is no suitable PS root in this case, but rather a Turkic source with the voiced *-rg-*, and therefore these South Samoyed words must have a Turkic etymology. Semantically, throughout both the Turkic and Uralic languages, we find the same word meaning either ‘raven’ or ‘crow’ or both, which is reasonable given that these birds are fairly similar in shape, appearance, behavior and sound; cf. Selkup (Pr) *kûla* ‘raven; crow’ & Tofalar *qaryan* ‘raven’, but Turkish *karga* ‘crow’. Indeed, there is also Proto-Mongolic ***ker-ije** meaning both ‘crow’ and ‘raven’, a root likely somehow connected to the PT form, and leading to numerous words throughout the Mongolic languages (SM 196; KW 226; MGCD 343; Todaeva 1986: 175).

The attested historical language situation well agrees with the idea of Turkic borrowings into the Mator, Karagas and Kamassian languages. Proto-Yakutic is suggested to have been spoken in 300 BCE at the West Sayan Range along the Yenisei River near the present town of Ust-Ula very close to Khakassia (Robert Lindsay notes); in more recent years the South Samoyed languages of Mator, Koibal and Kamassian were spoken there as well. It has also been suggested that the Turkic Toha and Tofalar

speakers used to be Mator speakers before they switched language (Eriksonas 2012). Also, Turkic (Tuvan-)Todzhin (northeastern Tuvan) speakers used to be the speakers of Mator, Koibal, Kamassian, and Karagas before their assimilation by Turkic tribes (Robert Lindsay notes). All these data point to extensive Turkic contacts for all Mator, Karagas, and Kamassian speakers, and borrowings into these languages from Turkic sources (particularly from Tuvan and its dialects) are exceedingly likely.

The many shapes of the *wanderwort* ‘*navel*’

This paper is finalized by considering three synonymous prospective *Wanderwörter*: the word for *navel*, found in three phonologically very close and parallel roots throughout various and numerous north-east Siberian languages. Following discussions with several researchers, including Marko Crnobrnja, Alexander Vovin, and Onno Hovers, the separating and clarifying details can be outlined below. The three phonologically similar and semantically identical roots under consideration differ only through the phonological alternation of $*n \sim *l \sim *p$ between the languages, which can be explained by changes that may have irregularly occurred in the course of ancient borrowing. All of these roots mean *navel* and have been borrowed extensively between several early languages (including the Turkic, Tungusic, Mongolic, Yukaghir, Chukchi, Eskimo, Mari, Samoyed branches), sometimes also seemingly acquiring a suffix in the process.

The first *Wanderwort* root form includes a $*-n-$ and is well represented by Proto-Samoyed $*k\ddot{u}n$ ‘navel’. The likely source of the PS form, as a borrowing, is Proto-Turkic $*k\ddot{u}n \sim *k\ddot{u}n-d\ddot{u}k$ ‘navel, navel string, centre; navel of musk-deer, musk’ (VEWT 271; EDT 725, 729; ESTJa 5, 68–69, Lexica 279–280; EDAL 818), which has also been borrowed as written Mongolian *kindik* (Shcherbak 1997: 127)¹³. I suggest that semantically the meanings of both ‘navel of musk-deer’ and ‘musk’ are secondarily developed for this root from ‘navel’ due to the practices of the *tübüüt*, a large tribe in the lands of the Turks who, according to tales, used to regularly cut out the *navel* or *musk-bag* of all their

¹³ The Turkic borrowing of Old Turkic *künj* ‘navel’, etc. as PS $*k\ddot{u}n$ ‘navel’ has previously been suggested. An Old Turkic *künj* has actually never existed, however, as this is just an Altaic reconstruction based on various Turkic and Mongolic forms.

musk-deer.¹⁴ Indeed, these exact meanings (which probably had nothing to do with the meaning of the Proto-Turkic root) are found only in Karakhanid, Tuva, Tofalar, and Oyrat. Notably, the latter is a Turkic language spoken closest to the site of the historical *tübüüt* tribe. The new meaning must have spread through trade: the *tübüüt* communities' grounds were part of the Silk Road (larger Tibet), as well as those of the Karakhanid (in Transoxania), and the Tuva and Tofalar communities in the Altai-Sayan area, along which Muslim merchants brought musk-deer musk, among other wares¹⁵ (Alikuzai 2013: 229).

Further, there is Proto-Tungusic **xum-sun* 'navel' > Manchu *xum-su(n)~xumsuxun* 'navel; eyelid' (TMS 1 447), which is somewhat close to the Turkic form (?< **kun-sun*); curiously, it uses a suffix commonly found in Mongolian (see below). There is also the hitherto non-discussed Proto-Chukotko-Kamchatkan **kinū* 'navel; flesh (of belly)' (> Proto-Chukchee-Koryak **kinu-* 'scar; to have healed scars; to be covered with a rash' > Chukchee *kinu* 'scar', *kinúw-* 'to have healed scars'; Koryak *kinu-* 'scar'; Proto-Itelmen **k'in* 'navel' > Itelmen *k'in-k'in*, *k'en-k'en* 'navel'; West Itelmen *kin*, *knin-kinkin* 'umbilicus') which bears a striking similarity to the Turkic forms. The PIE **h₃neb^h* 'navel, hub' can perhaps also be added to this comparison, although the similarity may only be coincidental.

The second *Wanderwort* root form includes an **-p-*, which is well exemplified by Proto-Mongolic **küji-sün* 'navel'¹⁶ (< **küpi-sün*)

¹⁴ There are, however, no modern Tibetan words matching the Turkic root phonologically and semantically; cf. Tibetan *gla rtsi* 'musk'; *gla ba* 'musk-deer' (Goldstein, Narkyid 1999: 200); *lte ba* 'navel' (Goldstein, Narkyid 1999: 202); *dkyil* 'centre' (Goldstein, Narkyid 1999: 46), and so only the semantic connection must have been transferred through old trade.

¹⁵ Musk is a greasy secretion with a powerful odor, produced in a glandular sack of the male musk-deer and used in the manufacture of perfumes. The musk of the Himalayan Musk-deer (*Moschus chrysogaster*) is today worth perhaps \$45 000 per kilogram (although only about 25 grams can be isolated from one male musk-deer), and thus is still a very tradable commodity.

¹⁶ Previously, the Proto-Mongolic form has been erroneously reconstructed as **köjil-sü* 'navel' (EDAL 818). I suggest that this includes a number of errors: first, the inclusion of a hyper-corrected written Mongolian form including an *-l-* (Lessing 1960: 498), which no modern Mongolic language (nor Middle Mongolian and the Qinghai-Gansu languages) has attested for this root. Second, there should be a root-final resonant in the reconstruction, since this

(> Written Mongolian *küisün* ‘navel’; Kalmyck *kīsŋ* ‘navel’; Khalkha *xüjs* ‘navel’, etc.). A much shorter ***köj** ‘navel’ (KW 234) has also been reconstructed, but this should probably be ***küj** instead (cf. written Mongolian *küi* ‘navel’; Middle Mongolian *qui* ‘navel’; Khalkha *xüj* ‘umbilical cord’; Buryat *xüj* ‘navel’; Kalmuck *kī* ‘navel’; Ordos *kū* ‘umbilical cord’). This ***-j-** cannot, however, go back to any earlier ***-l-**, since intervocalic elision for Pre-Proto-Mongolic is not substantiated by either external or internal reconstruction. Rather, this suggests that the Pre-Proto-Mongolic form should have been ***küŋi**, ***küpi**, or ***kügi**, and indeed there has been a reconstructed Proto-Turkic ***göpek** ‘navel’ (VEWT 285, EDT 688, ESTJa 3 52, Fedotov 1, 247, summarized in EDAL 723–724), which suggests that the Pre-Proto-Mongolic root was exactly ***küpi** ‘navel’. Also, I note that there is Buryat *xübserge* ‘umbilical cord’, which should be a borrowing from a source having the ***-p-**. Then, interestingly, there is also similar Proto-Korean ***kop** ‘navel’ (Modern Korean *päk:op* ‘navel’; Middle Korean *päi-s-kop* ~ *päi-s-pok* ‘navel’; Nam Kwangu 1960; Martin, Lee, Chang 1967), which may be related through ancient borrowing.

The third *Wanderwort* root form includes an ***-l-** and is well exemplified by Proto-Tungusic ***xulŋu-** ‘navel’ (likely from assimilated ***xulnu-** or fused ***xulnu-ŋV-**) (TMS 2 266,280). Further, this root is also found borrowed from somewhere in Yukaghir as TY *kuolekee* ‘navel, umbilicus’, SD *kiolaka* (Nikolaeva 2006: 217), supposedly thereafter borrowed from Yukaghir into Ewen *kō:leke-kō:len* ‘navel, umbilical cord’ (TMS 1 420), although I note that borrowing in the opposite direction is actually more likely (given that the prosody and suffixation pattern is Tungusic) (Piispanen 2018: 115). For some undisclosed reason, the root also appears to be found in the far away Uralic Mari languages; cf. Proto-Mari ***kiləmdə** ‘navel’ (Aikio 2014b:145). Then, there is also Chukchi *kil* ‘navel’ (Mudrak 2000: 75), which appears to be another local borrowing (as it is not derived from the PCK reconstructed form above).

---

is also found in most of the Mongolic forms. Third, the mid-vowel ***ö** is only found (wrongfully) attested in written Mongolian *kōi* ~ *küi* ‘navel’, which is likely due to the fact that Arabic and Uyghur scripts of Middle Mongolian do not distinguish ***ö** and ***ü** in writing, and with the other Mongolic languages directly pointing at ***ü**. The improved reconstructed root is thus ***küji-sün** (cf. Middle Mongolian *kuj-sun*; Buryat *xüjhe(n)*; Dongxian *kuisun*; Baoan *kisoŋ*; Dagur *kuiŋe*; Shary-Yoghur *kūsən*; Mogul *kosun*; Monguor *kwə̌ʒə*).

In addition, there is also Proto-Eskimo **qat̪aci-* ~ **qacat̪ər* ‘navel’, with numerous cognates in the Yup’ik and Inuit languages (CED 281). On the American side, there is also Tlingit *kuht* ‘navel’. Finally, there is Proto-Nivkh **khəlm̃ř* ‘navel’ > Amuran Nivkh *k`əlms* (x-) ‘navel’; Sakhalin Nivkh *k`əlm̃ř~k`əlm̃ər* ‘navel’, and I believe that very early (Northern) Nivkh may be the etymological origin of this particular *Wanderwort* form in Yukaghir, Ewen, Eskimo, Chukchi, Tlingit and Tungusic words¹⁷ at the very least, possibly including Mari, and possibly later irregularly also producing the other root-variants with further borrowings.

Given this extreme spread, it would seem that we are dealing with three similar, parallel roots all meaning *navel*, but all perhaps originating from one much earlier common etymon, functioning as *Wanderwörter* in the larger northeastern Siberian area. In an attempt to make sense of this situation, a Proto-Altaic root **k`jũl̃nu* ‘navel’ has been reconstructed elsewhere (EDAL 818–819), which bears both the *-l- and the *-n- found throughout the various languages, and which could perhaps tie together some, but not all of these forms. The question is then — without having to resort to Altaic theory — could the etymological origin of all of these languages actually be the Proto-Nivkh root **khəlm̃ř* ‘navel’? Whichever the true etymon for ‘navel’ was at the beginning, the various borrowings in a mosaic-like pattern throughout the various languages will have to be sorted out step-by-step by later research (there are some indirect attempts found in: KW 234, Dybo 1996: 6, Lexica 280). In any case, PS **kũn* ‘navel’ obviously belongs to the lexical group containing the *-n- for this *Wanderwort*.

A few other considerations

Some of the correspondences found between the borrowings open up a few other possibilities. If prothetic *j- should also regularly apply to *o-initial borrowed roots, then one must also wonder about another

---

¹⁷ Recently, there have been numerous convincing (Northern) Nivkh in Yukaghir borrowings suggested elsewhere (Nikolaev 2015), borrowings which are also frequently found in many of the other northeastern Siberian languages (e.g., Chukchi-Koryak, Itelmen, and Tungusic). I believe the root for *navel* discussed here also belongs to such a group of borrowings, and in the future I intend to present another group of such lexical borrowings in greater detail (*forthcoming*).

possible correspondence. Could the following also constitute a lexical borrowing: PS ***jetpâ** ‘to be hot’ (SW 44–45; this should be PS ***jätpə** according to Helimski, E. 2005), possibly borrowed from: PT ***ōt** ‘fire’ (EDAL 1067; VEW 366, EDT 34, ESTJa 1, 483–484, Lexica 356, 361, Fedotov 1, 133, Stachowski 245)? Furthermore, given the direct correspondence of PS ***ü** to PT ***ü** (as in PS ***kürâ**~***kür** ‘to run’ (SW 79), borrowed from: PT ***küre** ‘to run away’, could the following constitute another borrowing as well: PS ***cürə** ‘Stab, Skistock’ (SW 34), borrowed from: PT ***sirük**~***sürük** ‘stake, pole’ (EDAL 1276; EDT 848; VEW 420; ESTJa 7)? Further research is needed to shed light on these questions.

References

- Aikio 2002 — A. Aikio. New and Old Samoyed Etymologies // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2002. No. 57. P. 9–57.
- Aikio 2006 — A. Aikio. New and Old Samoyed Etymologies (Part 2) // *Finnisch-Ugrische Forschungen*. 2006. No. 59. P. 9–34.
- Aikio 2012 — A. Aikio. On Finnic long vowels, Samoyed vowel sequences, and Proto-Uralic *x // *Suomalais-Ugrilaisen Seuran Toimituksia* 264, 2012. P. 227–250.
- Aikio 2014 — A. Aikio. Studies in Uralic etymology II: Finnic etymologies // *Linguistica Uralica* L 1, 2014. P. 1–19.
- Aikio 2014b — A. Aikio. On the reconstruction of Proto-Mari vocalism // *Journal of Language Relationship*. 2014. No. 11. P. 125–157.
- Alikuzai 2013 — Hamid Wahed Alikuzai. A Concise History of Afghanistan in 25 Volumes. Volume 14. Trafford Publishing, 2013.
- Aptullah 1934 — Battal Aptullah. *Ibnü-Mühenna lûgati*. Istanbul, 1934.
- CED — Michael Fortescue, Steven Jacobson, Lawrence Kaplan. *Comparative Eskimo Dictionary: With Aleut Cognates*, 1st ed. University of Alaska Press: Alaska Native Language Center Research Paper. 2001. No. 9.
- Doerfer 1985 — G. Doerfer. *Mongolo-Tungusica*. Wiesbaden, 1985.
- Dybo 1996 — A. В. Дыбо. Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Соматические термины (плечевой пояс). Москва, 1996. [A. V. Dybo. *Semanticheskaja rekonstruktsiia v altaiskoi etimologii. Somaticheskie terminy (plechevoi poias)*. [Semantic reconstruction in Altaic etymology. Somatic terms (of the humeral area)]. Moscow, 1996].
- Dybo 2007 — A. В. Дыбо. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков. М.: Восточная литература, 2007. С. 766–811. [A. V. Dybo. *Khronologija tiurkskikh iazykov i lingvisticheskie kontakty rannikh tiurkov*. [Chronology of Turkic languages and linguistic contacts of the early Turks]. Moscow: Oriental Literature 2007. P. 766–811].

- Dybo, Normanskaja 2012 — A. B. Дыбо, Ю. В. Норманская. К древнейшим самодийско-тунгусским лексическим связям (на материале слов, описывающих фауну). [A. V. Dybo, Ju. V. Normanskaia. K drevneishim samodiisko-tungusskim leksicheskim sviaziam (na materiale slov, opisyvayushchikh faunu). [On the most ancient Samoyed-Tungus lexical connections (based on words describing the fauna)]] // B. Kellner-Heinkele, E. V. Boykova, B. Hauer (eds.). *Man and Nature in the Altaic World. Proceedings of the 49th Permanent International Altaistic Conference*, Berlin, July 30-Aug. 4, 2006. *Studien zu Sprache, Geschichte und Kultur der Turkvölker*, 12, Berlin: Klaus Schwarz Verlag, 2012. P. 99–115.
- Dybo 2014 — A. V. Dybo. Early contacts of Turks and problems of Proto-Turkic reconstruction // *Tatarica: Language* 2, 2014. P. 7–17.
- EDAL — S. A. Starostin, A. V. Dybo, O. A. Mudrak. *An Etymological Dictionary of Altaic Languages* (with [the] assistance of Ilya Gruntov and Vladimir Glumov). Vols. 1–3, Leiden: Brill, 2013.
- EDT — G. Clauson. *Etymological Dictionary of PreThirteenth Century Turkish*. Oxford, 1972.
- Eriksonas 2012 — Tomas Eriksonas. On the phonology and morphology of the Taiga Sayan Tuha language // Presented at the 4th International Turkish Research Symposium May 23–26, 2012. Hacettepe, University, Ankara.
- ESTJa — Э. В. Севортян и др. *Этимологический словарь тюркских языков*. М., 1974–2000. [E. V. Sewortyan et al. *Etimologicheskii slovar' tiurkskikh iazykov*. [An Etymological Dictionary of the Turkic languages]. Moscow, 1974–2000].
- Fedotov 1996 — М. Р. Fedotov. *Этимологический словарь чувашского языка*. Чебоксары, 1996. [M. R. Fedotov. *Etimologicheskii slovar' chuvashskogo iazyka*. [Etymological Dictionary of Chuvash]. Cheboksary, 1996].
- Goldstein, Narkyid 1999 — Melvyn C. Goldstein, Ngawangthondup Narkyid. *English-Tibetan Dictionary of Modern Tibetan*. Dharamsala: Library of Tibetan Works & Archives, 1999.
- Haenisch 1939 — E. Haenisch. *Wörterbuch zu Mangholun Niuča Tobčaan* (Yüanch'ao pishi). *Geheime Geshichte der Mongolen*. Leipzig, 1939.
- Helimski 1991 — Eugene Helimski. On the Interaction of Mator with Turkic, Mongolic and Tungusic: A Rejoinder // *JSFOu*. 1991. No. 83. P. 257–267.
- Helimski 1995 — Eugene Helimski. Samoyedic loans in Turkic: Check-list of etymologies // Hrsg. Von B. Kellner-Heinkele, M. Stachowski (eds.). *Laut- und Wortgeschichte der Türksprachen*. *Turcologica* 26, Wiesbaden, 1995. P. 75–95.
- Helimski, Stachowski 1995 — Eugene Helimski, Marek Stachowski // *Turco-Samoiedica, Folia Orientalia*. 1995. No. 31. P. 39–52.
- Helimski 1999 — Eugene Helimski. Basic Vocabulary in PU and PFU — Remarks on Etymology and Reconstruction (a handout delivered at the

- Budapest Uralic Workshop 2: Etymology, September 1999, organized by the Nyelvtudományi Intézet, Budapest), 1999.
- Helimski 2005 — Eugene Helimski. The 13th Proto-Samoyedic vowel // Beáta Wagner-Nagy (ed.). Mikola-konferencia, Szeged, 2004. P. 27–39.
- Janhunen 1981 — Juha Janhunen. Uralilaisen kantakielen sanastosta // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1981. No. 77. P. 219–274.
- Janhunen 1998 — Juha Janhunen. Samoyedic // D. Abondolo (ed.). *The Uralic Languages*, London/New York: Routledge, 1998. P. 457–479.
- Janhunen 2013 — Juha Janhunen. On Para-Mongolic vs. Pre-Proto-Mongolic loanwords in Jurchen-Manchu, Mongolic languages: History and present: Extended abstracts for the Conference St. Petersburg, October 21–23, 2013. Sankt-Peterburg: Rossiiskaia Akademiia Nauk, Institut Lingvisticheskikh Issledovaniï, 2013. P. 52–57.
- Janhunen 2015 — Juha Janhunen. Observations on the Para-Mongolic elements in Jurchenic // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2015. Vol. 11. Issue 3. P. 575–592.
- Johansson 1998 — Lars Johansson. The History of Turkic // L. Johansson, E. A. Csató (eds.). *The Turkic Languages*. London/New York: Routledge, 1998. P. 81–125.
- Kallio 2004 — Petri Kallio. Tocharian loanwords in Samoyed? // *Etymologie, Entlehnungen und Entwicklungen. Festschrift für Jorma Koivulehto zum 70. Geburtstag*. Herausgegeben von Irma Hyvärinen, Petri Kallio und Jarmo Korhonen. *Mémoires de la Société Neophilologique de Helsinki*, LXIII. Helsinki, 2004. P. 129–137.
- Katz 1987 — H. Katz. Zur Phonologie des Motorisch-Karagassisch-Taigischen // K. Rédei (ed.). *Studien zur Phonologie und Morphologie der uralischen Sprachen*. P. 336–348.
- Khabtagaeva 2012 — Bayarma Khabtagaeva. The Dagur elements in Solon Evenki // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2012. Vol. 65. Issue 3. P. 335–346.
- KW — G. J. Ramstedt. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki, 1935.
- Lexica — Э. Р. Тенишев и др. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Лексика. М.: 1997. [E. R. Tenishev et al. *Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tiurkskikh iazykov: Leksika*. [Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Lexics]. Moscow, 1997].
- Lessing 1960 — Ferdinand D. Lessing. *Mongolian-English dictionary*. Los Angeles & Berkeley: University of California Press, 1960.
- Martin, Lee, Chang 1967 — S. E. Martin, Yang Ha Lee & Sung Un Chang. *A Korean-English Dictionary*. New Haven-London, 1967.
- Michalove 1999 — Peter A. Michalove. The treatment of initial *-l- in Proto-Samoyed // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. 1999. No. 89. P. 185–189.
- MGCD — Shu Zun. *Menggu yuzu yuyan cidian* [Dictionary of the Language(s) of the Mongolian Nationality]. Qinghai: Qinghai renmin chubanshe, 1990.

- MNyTESz — A magyar nyelv történeti etimológiai szótára [A historical etymological dictionary of Hungarian]. Budapest, 1967–1976.
- Mudrak 1993 — О. А. Мудрак. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных. М.: Институт востоковедения, 1993. [O. A. Mudrak. Istoricheskie sootvetstviia chuvashskikh i tiurkskikh glasnykh. [Historical correspondences between Chuvash and Turkic vowels]. Moscow: Institut vostokovedeniia, 1993].
- Mudrak 2000 — О. А. Мудрак. Этимологический словарь чукотско-камчатских языков [O. A. Mudrak. Etimologicheskii slovar' chukotsko-kamchatskikh iazykov. [An etymological dictionary of the Chukotko-Kamchatkan languages]. Moscow: Iazyki Russkoi Kul'tury, 2000].
- Nam Kwangu 1960 — Nam Kwang Woo (Nam Kwangu). Koŏ sajŏn [A dictionary of the ancient [Korean] language]. Seoul: Tonga Press, 1960.
- Nikolaev 2015 — Sergei L. Nikolaev. Toward the reconstruction of Proto-Algonquian-Wakashan. Part 1: Proof of the Algonquian-Wakashan relationship // Journal of Language Relationship. 2015. Vol. 13. Issue 1. P. 23–61.
- Nikolaeva 2006 — I. Nikolaeva. A Historical Dictionary of Yukaghir // W. Bisang, H. H. Hock, W. Winter (eds.). Trends in Linguistics Documentation 25. Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 2006.
- Nugteren 2011 — Hans Nugteren. Mongolic phonology and the Qinghai-Gansu languages. Utrecht: LOT, 2011.
- Piispanen 2013 — P. S. Piispanen. Further lexical borrowings from (Pre-)Yakut into the Yukaghiric languages // Turkic Languages. 2013. Vol. 17. Issue 1/2. P. 115–139.
- Piispanen 2015 — P. S. Piispanen. Extensive borrowing of reindeer terminology in north-eastern Siberia // Turkic Languages. 2015. No. 19. P. 240–258.
- Piispanen 2018 — P. S. Piispanen. Additional Turkic and Tungusic borrowings into Yukaghir // Turkic Languages. 2018. No. 22. P. 108–138.
- Poppe 1927 — Nicholas Poppe. Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift [The Mongolian language material of a Leiden manuscript]. Известия Академии наук СССР [Proceedings of the USSR Academy of Sciences]. 1927. 21. Series 6 N. P. 15–17.
- Ramstedt 1906 — Gustav John Ramstedt. Mogholica. Beiträge zur Kenntnis der Monghol-Sprache in Afghanistan [Contributions to the knowledge of the Monghol language in Afghanistan] // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1906.
- Róna-Tas 1988 — Ándras Róna-Tas. Turkic influence on Uralic languages // D. Sinor (ed.). The Uralic Languages: Description, History and Foreign Influences Vol 1. Handbook of Uralic Studies, Handbuch der Orientalistik 8, Leiden: Brill, 1988, P. 742–780.
- Rozycki 1994 — William Rozycki. Mongol elements in Manchu: A Study of Mongol Correspondences to Manchu Lexicon. Uralic and Altaic Series,

- v. 157, Research Institute for Inner Asian Studies, Bloomington: Indiana University Research, 1994.
- Shcherbak 1997 — А. М. Щербак. Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII-XIV вв), СПб., 1997. [A. M. Shcherbak. Rannie tiurksko-mongol'skie iazykovye svyazi (VIII-XIV vv.). [Early Turko-Mongolian Language Contacts (VIII-XIV centuries)], Saint-Petersburg, 1997].
- SIGTla 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М., 2006. [Sravitel'no-istoricheskaja grammatika tiurkskikh yazykov: pratiurkskii yazyk-osnova. Kartina mira pratiurkskogo etnosa po dannym iazyka / отв. red. E. R. Tenishev, A. V. Dybo. [Comparative historical grammar of Turkic languages: the Proto-Turkic language. Picture of the Pre-Turkic world on the basis of language data / eds.-in-chief: E. R. Tenishev, A. V. Dybo.]. Moscow, 2006].
- Skvortsov 1985 — М. И. Скворцов. Чувашско-русский словарь. М.: Русский язык, 1985. [M. I. Skvortsov. Chuvashsko-russkii slovar'. [Chuvash-Russian dictionary]. Moscow: Russkii iazyk, 1985].
- Stachowski 1993 — Marek Stachowski. Dolganischer Wortschatz, Kraków: Uniwersytet Jagiellónski Kraków, 1993.
- SM — Smedt A. de, Mostaert A. Le dialecte monguor parlé par les Mongols du Kansou occidental. Beiping, 1993.
- SW — J. Janhunen. Samojedischer Wortschatz — gemein samojedische etymologien [Samoyed vocabulary — common Samoyed etymologies], Castrenianumin toimitteita 17, Helsinki, 1977.
- TMN — G. Doerfer. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen [Turkish and Mongolian elements in New Persian]. Wiesbaden, 1963–1967.
- TMS 1 — В. И. Цинциус и др. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [V. I. Tsintsius et al. Sravnitel'nyi slovar' tungusoman'chzhurskikh iazykov. [A Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages]. Volume 1. Leningrad, 1975–1977].
- TMS 2 — В. И. Цинциус и др. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков [V. I. Tsintsius et al. Sravnitel'nyi slovar' tungusoman'chzhurskikh iazykov. [A Comparative Dictionary of Tungus-Manchu Languages]. Volume 2. Leningrad, 1975–1977.
- Todaeva 1986 — Б. Х. Тодаева. Дагурский язык. М., 1986. [B. Kh. Todaeva. Dagurskii iazyk. [The Dagur Language]. Moscow, 1986].
- UEW — K. Rédei. Uralisches etymologisches Wörterbuch [Uralic etymological dictionary]. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1988–1991.
- Vasilevich 1958 — Г. М. Василевич. Эвенкийско-русский словарь. М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. [G. M. Vasilevich. Evenkiisko-russkii slovar'. [Evenk-

Russian dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoie izdatel'stvo inostvannykh i natsional'nykh slovarei, 1958].

VEWT — M. Räsänen. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen. Helsinki, 1969.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айбазова Зухра Казимовна — аспирант Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: zuhra_aybaz@bk.ru.

Баранова Влада Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург. Электронная почта: vbaranova@hse.ru.

Биткеева Айса Николаевна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: aisa_bitkeeva@yahoo.com.

Громова Анна Викторовна — старший преподаватель кафедры иранской филологии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: agromova@yandex.ru.

Додыхудоева Лейли Рахимовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Сектора иранских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: leiladod@yahoo.com.

Егорова Юлия Викторовна — кандидат культурологии, факультет иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва. Электронная почта: iegorova64@yandex.ru.

Каплунова Мария Яковлевна — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: mary.golik@gmail.com.

Киммельман Вадим Игоревич — кандидат филологических наук, PhD; научный сотрудник Амстердамского университета, Амстердам; старший научный сотрудник РГГУ, Москва. Электронная почта: vadimkmm@mail.ru.

Кожанов Кирилл Александрович — кандидат филологических наук, научный сотрудник Института славяноведения РАН, Москва. Электронная почта: kozhanov.kirill@gmail.com.

Куцаева Марина Васильевна — соискатель отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН, Москва. Электронная почта: moscoop@yandex.ru.

Леонтович Ольга Аркадьевна — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой межкультурной коммуникации и перевода Волгоградского государственного социально-педагогического университета, Волгоград; профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков, Тяньцзинь. Электронная почта: olgaleo@list.ru.

Лихачева Алла Борисовна — доктор гуманитарных наук, профессор, профессор кафедры русской филологии Института языков и культур Балтийского региона Вильнюсского университета, Вильнюс. Электронная почта: ala.lichaciova@flf.vu.lt, a.lichaciova@gmail.com.

Мартинович Наташа — магистр теоретической и прикладной лингвистики, МГУ им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, отделение теоретической и прикладной лингвистики. Электронная почта: martinovic.natasa08@gmail.com.

Матрас Ярон — PhD, профессор лингвистики. Профессор лингвистики в Школе искусств, языков и культур Манчестерского университета. Электронная почта: yaron.matras@manchester.ac.uk.

Москвичева Светлана Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, Москва. Электронная почта: moskvitcheva@mail.ru.

Пииспанен Петер Саули — аспирант кафедры славянских, балтийских, немецкого и нидерландского языков, Стокгольмский университет. Электронная почта: peter.piispanen@finska.su.se.

Сафина Лилиана Михайловна — кандидат филологических наук, доцент, и.о. заведующей кафедрой «Русистика» Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ), Москва. Электронная почта: chaja_kiz@mail.ru.

Смакман Дик — преподаватель Лейденского университетского центра лингвистики (LUCL), Лейден, Нидерланды. Электронная почта: d.smakman@hum.leidenuniv.nl.

Смирнитская Анна Александровна — младший научный сотрудник, Институт востоковедения РАН. Электронная почта: nyushas@gmail.com.

Федорова Капитолина Сергеевна — кандидат филологических наук, доцент Европейского университета в Санкт-Петербурге и Университета иностранных языков Хангук, Сеул. Электронная почта: fedorova@eu.spb.ru.

Христофорова Евгения Андреевна — лаборант РГГУ, Москва. Электронная почта: fater3000@mail.ru.

CONTRIBUTORS

Aibazova Zuhra K. — PhD student of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: zuhra_aybaz@bk.ru.

Baranova Vlada V. — Cand. Sc. in history, Associate Professor of National Research University 'Higher School of Economics' in St. Petersburg, researcher of the Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg. E-mail: vbaranova@hse.ru.

Bitkeeva Aisa N. — Dr. Sc. in philology, leading researcher of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com.

Dodykhudoeva Leyli R. — Cand. Sc. in philology, senior researcher at the Sector of Iranian Languages of the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: leiladod@yahoo.com.

Egorova Yulia V. — Cand. Sc. in cultural studies, Department of Foreign Languages and Regional Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: iegorova64@yandex.ru.

Fedorova Kapitolina S. — Cand. Sc. in philology, Associate Professor of the European University in St. Petersburg and Hankuk University of Foreign Studies, Seoul. E-mail: fedorova@eu.spb.ru.

Gromova Anna V. — lecturer at the Institute of Asian and African studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow. E-mail: agromova@yandex.ru.

Kaplunova Maria Ya. — Cand. Sc. in philology, researcher at the Institute of linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: mary.golik@gmail.com.

Khrstoforova Evgenia A. — research assistant of Russian State Universities for the Humanities, Moscow. E-mail: fater3000@mail.ru.

Kimmelman Vadim I. — Cand. Sc. in philology, PhD; postdoctoral researcher at the University of Amsterdam, Amsterdam; senior researcher

of Russian State Universities for the Humanities, Moscow. E-mail: vadimkmm@mail.ru.

Kozhanov Kirill A. — Cand. Sc. in philology, researcher at the Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: kozhanov.kirill@gmail.com.

Kutsaeva Marina V. — external doctoral candidate of the department of Uralic and Altaic languages, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow. E-mail: moscoop@yandex.ru.

Leontovich Olga A. — Dr. Sc. in philology, professor, head of the department of intercultural communication and translation at Volgograd State socio-pedagogical university, Volgograd; professor of the Tianjin University of Foreign Languages, Tianjin. E-mail: olgaleo@list.ru.

Likhacheva Alla B. — Dr. of Humanities, professor, professor of the department of Russian philology at the Institute for the Languages and Cultures of the Baltic, Vilnius university, Vilnius. E-mail: ala.lichaciova@flf.vu.lt, a.lichaciova@gmail.com.

Martinovich Natasha — Master of Theoretical and Applied Linguistics, Lomonosov Moscow State University, Philological Faculty, Department of Theoretical and Applied Linguistics. E-mail: martinovic.natasa08@gmail.com.

Matras Yaron — PhD, Professor of Linguistics. Professor of Linguistics at the School of Arts, Languages, and Cultures, University of Manchester. E-mail: yaron.matras@manchester.ac.uk.

Moskvicheva Svetlana A. — Cand. Sc. in philology, Associate Professor; Associate Professor of the Department of General and Russian Linguistics, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow. E-mail: moskvicheva@mail.ru.

Piispanen Peter Sauli — Ph.D. student of Finnish, Department of Slavic Languages, Baltic, Finnish, German and Dutch, Stockholm University. E-mail: peter.piispanen@finska.su.se.

Safina Liliana M. — Cand. Sc. in philology, Associate Professor, acting head of the Department of Russian Studies, Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow. E-mail: chaja_kiz@mail.ru.

Contributors

Smakman Dick — Lecturer at Leiden University Centre for Linguistics (LUCL), Leiden, Netherlands. E-mail: d.smakman@hum.leidenuniv.nl.

Smirnitskaya Anna A. — Junior researcher, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences. E-mail: nyushas@gmail.com.

АННОТАЦИИ

1. Языковое разнообразие города

З. К. Айбазова. Функционирование карачаево-балкарского языка в условиях мегаполиса

Статья посвящена вопросам функционирования карачаево-балкарского языка в условиях столицы. В ней приводится социолингвистическая характеристика языка, информация о количестве карачаевцев и балкарцев, на постоянной или временной основе проживающих в Москве. Уделяется внимание вопросам межнациональных браков и интеграции этноса в столичный социум. Кратко описана деятельность организаций и интернет-сообществ, в рамках которой в Москве карачаевцами и балкарцами отмечаются национальные и религиозные праздники, организуются проекты по поддержанию родного языка и культуры, проводятся просветительские мероприятия, конкурсы, игры. Для описания основных сфер использования КБЯ в столице также привлечены результаты анкетирования, проведенного в рамках проекта «Языки Москвы».

Ключевые слова: карачаевцы, балкарцы, карачаево-балкарский язык, родной язык, Москва, мегаполис, Эльбрусоид

В. В. Баранова, К. С. Федорова. Многоязычие в городе: языковая политика, дискурсы и практика

Статья рассматривает отношение к языкам мигрантов в современном российском мегаполисе на трех уровнях: языковой политики, отношения жителей к другим языкам на дискурсивном уровне и практик многоязычной коммуникации, складывающихся в современном российском городе. Через понятие языкового менеджмента показан вклад в ситуацию разных акторов. Материал исследования: интервью с трудовыми мигрантами Санкт-Петербурга и Москвы; высказывания в интернет-комментариях по поводу мигрантов и их языков; официальные документы. В статье показано, что негативное отношение к нерусской речи или к русскому

с акцентом сопровождаются контролем за речью мигрантов или игнорированием незнания русского языка приезжими. Однако, несмотря на подобные дискурсивные установки, организация коммуникации на рабочем месте в целом демонстрирует более широкий набор вариантов.

Ключевые слова: мобильность, мигранты, многоязычие, отношение к языку, языковой менеджмент

А. Н. Биткеева. Языковая адаптация диаспоры: стратегии и перспективы развития

В статье анализируются механизмы языковой адаптации диаспоры в современном мире, рассматривается влияние языковой политики, языковой ситуации на формирование и развитие языковой общности. Известно, что значительное влияние на процессы функционирования языков оказывает глобализация, влияние этого процесса на отдельные языковые пространства требует особых исследований. В двадцатом столетии наиболее значительные изменения в соотношении общества и языка произошли после 1990-х гг. — перестроились языковые общности многих стран, произошла юридическая перестройка, переориентация с одних языков на другие, смена языковой компетенции и т. д. Автор рассматривает пути развития языковых общностей ойрат-калмыков, проживающих в разных регионах мира, *делает попытку* научного прогнозирования развития данных языковых общностей, что важно для исследования основных тенденций развития языковых ситуаций в многонациональных странах.

Ключевые слова: диаспора, языковая ситуация, языковая политика, родной язык, языковая компетенция, этническое самосознание

А. В. Громова. LARI ONLINE: диалектальные материалы в персональном интернете (на примере языковых разновидностей Ларестана)

В национальных и локальных иранских СМИ можно найти большое количество новостных материалов о культурных событиях, которые затрагивают диалектологическую проблематику и, в частности, связаны с языковыми разновидностями Ларестана. Будучи важным инструментом для описания и документирования лари, который считается исчезающим языком, многочисленные

интернет-публикации небольших диалектных словарных подборок, рассказов, пословиц и стихов (с переводом или без) вызывают большой интерес у читателей, которые могут понять и оценить красоту, например, поэзии на диалекте. Описание этих материалов и их анализ с целью реконструкции отдельных аспектов языковой ситуации в Ларестане и отношения к местным языкам и диалектам показывают, что, даже уступая позиции персидскому, официальному языку Ирана, идиомы Ларестана воспринимаются как фундаментальный компонент социокультурной идентичности рассматриваемого языкового сообщества и важнейшая часть национального культурного наследия.

Ключевые слова: диалекты, документация, интернет, Иран, исчезающие языки, Ларестан, лари, отношение к языку, персидский язык, СМИ, Фарс

Л. Р. Додыхудоева. Влияние городской среды на носителей памирских языков

В статье рассматриваются языковые особенности мигрантов — носителей памирских языков, выходцев из Горно-Бадахшанской автономной области, Таджикистан. Материалом для исследования послужили данные, полученные на примере нескольких памирских семей, проживающих в Москве и Московской области. Эти семьи либо полностью моноэтничны (памирцы: шугнанцы, ишкашимцы или ваханцы), либо представляют смешанные семьи. Кроме этого, большинство представителей старшего поколения говорит на таджикском языке. Младшие члены семьи посещают русскоязычные школы, но говорят на родном языке дома.

В ходе проекта мы провели некоторое время с каждой семьей, принимая участие в ее повседневной жизни, что позволило наблюдать за общением, использованием различных языков и переключением кода. Кроме того, мы регулярно проводили опрос членов семей всех возрастных групп, интересуясь их мнением по поводу соотношения языка и этнокультурных ценностей, взглядов на «родной язык». Мы рассмотрели каждую семью с точки зрения языковых навыков ее членов и места различных языков в их повседневной жизни.

В этой связи мы фиксировали, как носители воспринимают свою этнолингвистическую идентичность, как этнолингвистические

особенности влияют на повседневную и профессиональную жизнь носителей памирских языков. Одним из ключевых аспектов было влияние жизни в другой стране с особым упором на переход к урбанистическому образу жизни и связанные с этим изменения в семье. Мы предприняли попытку выявить, влияют ли технологические изменения и новые навыки на то, как родители взаимодействуют с детьми; идет ли процесс передачи навыков между поколениями традиционным путем (как это имеет место в случае с родным языком и традиционными методами ведения сельского хозяйства) или в обратном направлении, поскольку родители стремятся адаптироваться к условиям города, а также к быстрой смене ценностей в условиях общества потребления. В силу этого мы подвергли разбору модели общения внутри семьи между поколениями от младших к старшим и от старших к младшим, внутри одного поколения и сферы применения отдельных языков в семье и общине.

В дополнение мы предприняли попытку выяснить, как процессы глобализации и урбанизации затрагивают меньшинства и влияют на их мировоззрение, идентичность и приоритеты в использовании ими родных языков. Кроме того, мы рассматриваем, как быстрая смена социолингвистических ситуаций вызывает интенсивные изменения в языке, модифицируя родные языки и их использование, в особенности молодыми людьми.

Наконец, исследование демонстрирует, как переход к городской среде влияет на культурные, религиозные и другие ценности меньшинств, особенно — на их язык.

Ключевые слова: памирские языки, этнолингвистика, социолингвистика, родной язык, языковой сдвиг, трансмиграция

Ю. В. Егорова. О стилистической неоднородности в речи мигрантов.

В статье анализируется вариант русского языка московских мигрантов с точки зрения стилистической принадлежности лексических единиц не нейтрального свойства. Исследование основано на интервью московских трудовых мигрантов, взятых в рамках проекта РАНЕРА «Трудовая миграция и территориальная мобильность в России: экономические, социальные и политические

факторы». Респонденты неоднородны по этническим, возрастным и гендерным характеристикам, среди них — люди из Кыргызстана, Молдовы, Таджикистана, Узбекистана, Украины. Все они изучали русский язык дома и использовали его как средство общения даже на родине. Представленная версия языка отмечена стилистической неоднородностью. При этом в статье стилистическая дискурсивная практика рассматривается как единое целое у респондентов разных этносов. Особое место в лексике представленных интервью занимает официально-деловой стиль, что связано и с условиями коммуникативной ситуации, и с активным общением мигрантов с российскими чиновниками. Другой полюс представленного варианта языка — просторечие, единицы которого активно используются мигрантами, несмотря на их принадлежность к средней возрастной группе.

Ключевые слова: трудовые мигранты, стилистика, стилистическая неоднородность, лексема, официально-деловой стиль, просторечие

М. Я. Каплунова. Функциональное развитие китайского и вьетнамского языков в Москве в начале XXI века

В центре внимания данной статьи — функциональное развитие китайского и вьетнамского языков на территории Москвы. Рассматриваются основные сферы функционирования данных языков в настоящее время, анализируются экстралингвистические факторы, влияющие на специфику употребления китайского и вьетнамского языков среди языковых сообществ города. Учет результатов, полученных автором в ходе проведения интервью и анкетирования среди представителей проживающих в Москве китайского и вьетнамского этнических сообществ в возрасте от 18 до 39 лет, позволяет раскрыть дополнительные особенности в функционировании данных языков в российской столице с помощью сравнительно-сопоставительного метода исследования.

Ключевые слова: китайское сообщество, вьетнамское сообщество, языки Москвы, языковой ландшафт, функциональное развитие языка, коммуникативные сферы

К. А. Кожанов. Цыгане-кишинёвцы в Москве и Московской области

В статье даётся характеристика языковому сообществу цыган-кишинёвцев, которые проживают в Москве и Московской области. Предлагается основная историческая и социальная информация об этой этнической группе цыган, прибывшей на территорию распространения русского языка в начале XX в. из Бессарабии. Кишинёвский диалект цыганского языка принадлежит к северновлашской диалектной группе и наиболее близок к диалектам цыган-кэлдэраров и ловаров, которые также распространены на территории России. Подробно перечисляются фонетические, лексические и грамматические особенности этого диалекта. Отдельно обсуждается влияние румынского и русского языков, которое испытал кишиневский диалект цыганского языка. Особое внимание уделяется заимствованию морфологии и глагольным заимствованиям.

Ключевые слова: цыганский язык, цыгане-кишиневцы, языковые контакты, заимствование морфологии, глагольные заимствования

М. В. Куцаева. Проблема сохранения чувашского языка в условиях диаспоры Московского региона

В статье на материале проведенного автором социолингвистического обследования рассматривается проблема сохранения чувашского языка в диаспоре Московского региона. Благодаря регулярным контактам с малой родиной, современным средствам телекоммуникации представители первого поколения диаспоры в целом не испытывают опасений утратить этнический язык, проблема витальности языка в большей мере касается второго поколения диаспоры, поскольку межпоколенная передача языка в семье слабая. Возможными способами поддержания чувашского в диаспоре являются, с одной стороны, погружение в языковую среду в чувашской деревне, с другой, — посещение курсов чувашского в Москве.

Ключевые слова: диаспора, внутренняя диаспора, чувашский язык, сохранение языка, Московский регион

О. А. Леонтович. «Всевидящее око» города через призму социолингвистики

Статья посвящена анализу семиотических знаков, используемых в процессе наблюдения и контроля за жителями города как распространенной коммуникативной практики. Знаки структурируют коммуникативную ситуацию наблюдения, в которой выделяются субъект, объект, место, время, цели наблюдения, а также последствия действий, воспринимаемых как запретные или нежелательные. Семиотика городского ландшафта отражает асимметричность социальных взаимоотношений между субъектами наблюдения, к которым, как правило, относятся неидентифицируемые представители власти, и его объектами — рядовыми гражданами.

Ключевые слова: медиаурбанистика, социальная видимость, тотальное наблюдение, контроль, городская семиотика, критический дискурс-анализ

А. Б. Лихачева. Языковая повседневность Вильнюса с позиций аксиологической социолингвистики

Сложная историческая судьба Вильнюса имеет прямое продолжение в сегодняшней жизни города: в его этнической неоднородности, проявлениях лингвистического национализма и одновременно — в привычной языковой полифонии. В работе анализируется противоречивое отношение населения Вильнюса к исторически сложившемуся местному литовско-польско-русскому многоязычию. Приводятся мнения ученых и писателей, используются материалы интернет-изданий и интернет-форумов, в которых затрагивается тема языков города, а также фрагменты интервью с респондентами социолингвистических исследований, осуществляемых русистами Вильнюсского университета.

Представленную в статье область исследований можно назвать *аксиологической социолингвистикой*, для которой важна оценочная сторона использования разных языков в повседневной жизни общества.

Ключевые слова: аксиологическая социолингвистика, социолингвистическая специфика, лингвистический национализм, многоязычие, социолингвистические интервью, интернет-материалы, местные языки, этнические меньшинства, языковые установки.

Н. Мартинович. Родственные языки: неравное родство. Сообщество этнических сербов в Москве

Данная работа посвящена сообществу этнических сербов, проживающих в Москве. Рассматриваются некоторые социальные и лингвистические аспекты, создающие специфический профиль жителей Москвы сербского происхождения и определяющие степень сохранности этнического языка. Исследование было проведено в 2017 и 2018 гг. в г. Москве в рамках проекта «Языки Москвы». На основе данных, собранных из устных интервью с носителями сербского языка, проживающими в Москве, интернета, лингвистической литературы, данных переписи и личного опыта, данная работа описывает основные характеристики межъязыкового взаимодействия и предлагает «портрет» этноязыкового сообщества этнических сербов в Москве.

Ключевые слова: сербы в Москве, русский язык, сербский язык, этнолект, межъязыковая интерференция, родственные языки, сохранность родного языка, ассимиляция

Я. Матрас. Исследовательская модель «Многоязычный Манчестер». Интегрированный подход к языковому разнообразию в городской среде

Статья описывает окружение и условия, в которых был создан исследовательский проект «Многоязычный Манчестер» — новая модель исследований и преподавания многоязычия в условиях города, основанная на принципе вовлеченности. В статье говорится о местной обстановке и лингвистическом разнообразии города, а также о ряде мероприятий, из которых состоит проект. Затем статья переходит к предметным исследованиям: исследованию развития новых цифровых инструментов для сбора данных о языковом разнообразии и формирования общественного нарратива о языковом разнообразии.

Ключевые слова: Многоязычие, муниципальный университет, участие в общественной жизни, языковое разнообразие, город

С. А. Москвичева, Л. М. Сафина. Мотивация изучения языка в миноритарной ситуации: татарский язык в условиях внутренней диаспоры города Москвы

В статье рассматриваются типы мотивации изучения языка в миноритарной ситуации (на примере татарского языка в условиях внутренней диаспоры в городе Москве). В качестве инструмента описания подобных языковых ситуаций теоретический конструкт «мотивация» представляется особенно значимым, поскольку во многом определяет векторы сохранения и развития миноритарного языка. Анализ мотивов строится на основе таких параметров как потребность в языке с учетом влияния факторов языковой среды во взаимодействии с глубинными устремлениями личности (автономии, компетентности и социальной близости (Deci, Ryan 1985).

Ключевые слова: язык в миноритарной ситуации, внутренняя диаспора, татарский язык, потребность в языке, мотивация изучения языка, языковая среда.

Д. Смакман. Изучение социолингвистики городов. Соображения и методы.

Статья описывает способ изучения моделей коммуникации в городах. В начале статьи дается пояснение аспектов городской коммуникации, делающих город актуальным объектом исследования. В данном пояснении определяется роль, которую городские исследования могут играть в формировании теорий коммуникации между людьми в различных ситуациях, а также объясняется, как данные подобного исследования можно использовать для решения практических проблем коммуникации. Статья объясняет, что такие феномены, как пороговость, языковые режимы, ритуалы и политическая корректность недостаточно изучены, и что они могли бы помочь нам лучше понять то, как коммуникативные инструменты используются в городской коммуникации. Наконец, в статье представлены примеры интересных городских исследований.

Ключевые слова: город, городская коммуникация, публичное пространство, заинтересованные лица, конфликт, решения, методология исследований, антропология, этнография, социология

А. А. Смирнитская. Диглоссия и разновидности тамильского языка в Ченнаи

В статье дается вводная информация о современном языковом ландшафте индийского города Ченнаи. Автор описывает взаимо-

связь разновидностей языков, их статус и особые характеристики их носителей. Особое внимание уделяется лингвистическим характеристикам четырех вариантов тамильского языка, распространенных в городе: фонетике разговорного тамильского по сравнению с литературным тамильским, лексике ченнайского тамильского сленга и переключению кодов в смеси тамильского и английского, так называемом «танглише». В статье представлены предварительные результаты исследования роли разговорного тамильского и ченнайского тамильского сленга в повседневной жизни носителей.

Ключевые слова: тамильский, социолингвистика, разговорный тамильский, литературный тамильский, диглоссия, танглиш, ченнайский тамильский, мадрас бхаша, переключение кодов, лингвистический ландшафт, сленг

Varia

В. И. Киммельман, Е. А. Христофорова. Цитационные конструкции в русском жестовом языке: корпусное исследование

В этой статье мы анализируем способы передачи чужой речи в русском жестовом языке (РЖЯ) на основе корпусных данных. Используя московский подкорпус онлайн корпуса РЖЯ, мы описываем основные свойства цитационной конструкции в этом языке. Мы демонстрируем, что данная конструкция имеет следующие составляющие: автор, вводящая предикация, цитация. Сама цитация, а также иногда автор и предикация могут быть маркированы немануальными маркерами (поворотами головы и тела, и отведением взгляда в сторону), однако эти маркеры опциональны. С точки зрения поведения индексикальных элементов большинство цитаций можно охарактеризовать как прямую речь. Мы делаем вывод, что данные РЖЯ могут быть проанализированы в рамках демонстрационной теории цитирования.

Ключевые слова: русский жестовый язык, чужая речь, цитация, прямая речь, косвенная речь, немануальные маркеры, ролевой сдвиг

П. С. Пииспанен. Тюркские лексические заимствования в самодийских языках

В данной статье описываются с фонологической и семантической точки зрения некоторые тюркские заимствования в самодийских языках. Для некоторых неэтимологизированных протосамодийских (ПС) корней даются этимологии с точки зрения заимствований из тюркских языков, в том числе для ПС *küŕê-~*küŕ- 'бежать'; ПС *jũmpê 'мох'; ПС *jâŕê- 'плакать'; ПС *jâŕ 'центр, середина'; ПС *kêj- 'идти', ПС *kêjm- 'короткий' и ПС *âŕê 'размер' (>ПС *ârkâ 'большой'). Эти семь заимствований добавлены к ранее известному корпусу из примерно тридцати других тюркских заимствований в ПС. Местные тюркские заимствования обнаружены в виде самодийского маторского *kargui~xargoj* 'ворон' и карагасского *karhûl* 'ворон'. Наконец, с точки зрения сравнительного анализа обсуждается ранее не обнаруженный характер «странствующего слова» ПС *kũn 'пуп'. Кроме того, описывается редкий тюркский звуковой закон.

Ключевые слова: лексическое заимствование, самодийские, тюркские, монгольские, тунгусоманьчжурские языки, маторский, карагасский, странствующие слова

SUMMARIES AND KEYWORDS

Z. K. Aibazova. The functioning of the Karachay-Balkar language in a metropolitan setting

The article deals with the functioning of the Karachay-Balkar language in the capital. It contains a sociolinguistic characterization of the language and some information on the number of Karachays and Balkars who reside in Moscow on a temporary or constant basis. Some attention is paid to the issue of interethnic marriages and integration of the ethnos into the society of the capital. It briefly describes the activities of the organizations and Internet communities in the framework of which Karachays and Balkars celebrate ethnic and religious holidays, organize projects aimed at supporting the ethnic language and culture, run educational activities, competitions and games. In the description of the main fields where the Karachay-Balkar language is used in the capital the author also uses the results of questionnaire surveys performed as a part of the “Languages of Moscow” project.

Keywords: Karachai, Balkar, Karachay-Balkar language, native language, Moscow, metropolis, Elbrusoid

V. V. Baranova, K. S. Fedorova. Urban multilingualism: language policy, discourses, and practice

The article deals with issues of language attitudes towards ethnic minorities' languages in modern Russian megalopolises in three aspects: language policy; citizens' attitudes towards other languages than Russian as reflected in their discourses; modern practices of everyday communication with migrants in urban context. The notion of language management is crucial for the research since it provides us with the framework revealing different actors' contribution to the situation. The paper is based on interviews with migrants in Moscow and St. Petersburg; comments about migrants and their languages on the internet; official documents. The paper shows that intolerance to accents and non-standard linguistic variants in Russia goes along with ignoring linguistic needs of non-native speakers. However, despite rather negative

attitudes to non-Russian languages and strong anti-migrant discourse typical for the Russian society, the practice of the workplace communication is more flexible.

Keywords: mobility, migrants, multilingualism, language attitudes, language management

A. N. Bitkeeva. Language adaptation of diaspora: strategies and development perspectives

The article analyzes the mechanisms of the language adaptation of the diaspora in the modern world and examines the impact of language policy and the language situation on the formation and development of the language community. Globalization has a significant impact on the processes of the functioning of languages; the influence of this process on linguistic areas requires special studies. In the twentieth century, the most significant changes in the relationship between society and language occurred after the 1990s: the linguistic communities of many countries have undergone a restructuring, a reorientation from one language to another, change in language competence, and so on. The author examines the ways of development of language communities of Oirat-Kalmyks living in different regions of the world, makes an attempt at scientific forecasting of the development of these linguistic communities which is important for studying the main trends in the development of language situations in multinational countries.

Keywords: diaspora, language situation, language policy, native language, language competence, ethnic identity

L. R. Dodykhudoeva. The impact of an urban environment on Pamiri speakers

This paper is based on a case study of Pamiri speakers from GBAO Republic of Tajikistan. We focus on several Pamiri families living in Moscow or the Moscow region. The participants are either mono-ethnic, of Pamiri, Shughnani, Ishkashimi or Wakhi origin, or are of mixed origin (Pamiri and Russian). Most of the older contributors were educated in Tajikistan in the Tajik language. In addition to Russian and their native Pamiri language — Shughnani, Ishkashimi or Wakhi — they speak fluent Tajik. Younger family members attend Russian-language schools, but speak their indigenous language in their home environment.

In the framework of the project, we spent some time with each family, and were involved in their everyday life. This enabled us to observe their mode of communication and behaviour, their language use and code switching. We also received ongoing feedback from family members of all age groups, who expressed their opinions on the issue of “mother tongue”, their attitudes towards language, and their values.

In addition, we prepared a profile of each family member with reference to their language skills, and the place of language in the everyday life of the family. Based on these profiles, we created a series of tables, correlating the profile data in terms of the variables of family status, and use of mother tongue both within and outside the family environment.

In this regard, we documented how the speakers understood their ethno-linguistic identity. Our survey also examined how this understanding helps them in their daily and professional lives. One key aspect was the effect of living in a different country, with particular reference to the transition to urban lifestyle, and the resulting impact on family life. We explored whether new skills and technological change influenced the relationship between parents and children. We questioned if this inter-generational process occurs in the traditional way, i.e. from parents to children, as in the case of mother tongue and traditional farming practices, or if the direction is reversed, as parents strive to adapt to the changing values of the urban consumer environment. In this regard, we examined models of inter-generational communication inside the family, from elder to younger (and vice versa), and between siblings. We also explored circumstances of usage of particular languages in family and community.

Through this approach, we elucidate how processes of globalisation and urbanisation affect minorities and influence their worldview, identity, and priorities, in terms of the way they use their mother tongue. We consider how fast-changing sociolinguistic situations trigger intense change in mother tongues, their vocabulary and usage, especially with regard to young people.

Finally, the project demonstrates how the transition to an urban environment impacts the significance minorities accord to cultural, religious and other values, but most especially to language.

Keywords: Pamiri languages, ethnolinguistics, sociolinguistics, mother tongue, language shift, transmigration

Yu. V. Egorova. On stylistic inhomogeneity in the speech of migrants

The article analyzes the variant of the Russian language of Moscow migrants from the point of view of the stylistic affiliation of lexical units with no neutral properties. The study is based on the interviews of Moscow labor migrants, taken as part of the RANEPa project "Labor Migration and Territorial Mobility in Russia: Economic, Social and Political Factors." Respondents are heterogeneous in terms of ethnic, age and gender characteristics, among them people from Kyrgyzstan, Moldova, Tajikistan, Uzbekistan, Ukraine. All of them studied Russian at home and used it as a means of communication, even at home. The presented version of the language is marked by a stylistic heterogeneity, a property that is attributed to modern media discourse and is conditionally called "stylistic disorder". At the same time, stylistic discursive practice is considered as a single whole among respondents of different ethnic groups and depends on their level of education. A special place in the lexicon of the interviews is taken by the official and business style, which is connected with the conditions of the communicative situation, and with the active communication of migrants with Russian officials. Another pole of the presented variant of the language is vernacular¹, whose units are actively used by migrants, despite their belonging to the middle age group.

Keywords: labor migrants, stylistics, stylistic heterogeneity, lexeme, official-business style, vernacular

A. V. Gromova. LARI ONLINE: dialect materials on Persian websites (on the basis of language varieties of Larestan)

The national and local media of Iran offer a broad range of news material dedicated to different cultural events concerning various dialects and in particular the Larestan language varieties. Apart of a vital importance for the future documentation and description of Lari considered to be an endangered language, numerous internet publications of small thematic vocabularies, proverbs and brief stories in dialects, poems with Persian translation or even without it, meet the demand of a rather wide audience able to enjoy reading the dialect poems or at least, comprehend them. Our analysis aimed to reconstruct some features of language attitudes of the Larestani community toward their vernaculars demonstrates that the local dialects, although overshadowed by Persian, the official language of Iran, are perceived as a milestone

of the local sociocultural identity and an essential part of the national cultural heritage.

Keywords: dialects, documentation, endangered languages, Fars, internet, Iran, language attitudes, Larestan, Lari, media, Persian language

M. Ya. Kaplunova. On the functioning of the Chinese and Vietnamese languages in Moscow at the beginning of the XXI century

The article deals with the description of the functional development of the Chinese and Vietnamese languages on the territory of Moscow at the present time. The main communicative spheres of these languages are viewed, extralinguistic factors affecting the functioning of Chinese and Vietnamese among the linguistic communities of the city are analyzed. Taking into consideration the results of the interviews and survey conducted by the author among the representatives of the Chinese and Vietnamese ethnic groups living in Moscow at the age of 18–39 allows to reveal some additional peculiarities in the functioning of their ethnolects in the Russian capital by means of comparative study.

Keywords: Chinese community, Vietnamese community, languages of Moscow, linguistic landscape, language functioning, spheres of communication

K. A. Kozhanov. The language of Kishinyovare Roma in Moscow and Moscow Region

The paper describes the community of Kishinyovare Roma who live in Moscow and the Moscow region. Basic socio-historical information about this Romani ethnic group who arrived in Russia in the beginning of the 20th century from Bessarabia is given. The dialect of Kishinyovare Roma belongs to the North-Vlakh group of Romani dialects and is close to the dialects of Kelderar'a and Lovar'a Roma which are also spoken on the territory of Russia. Phonetic, lexical and grammatical features of the dialect are discussed in detail. A special section discusses how the dialect was influenced by Romanian and Russian. Special attention is paid to the borrowing of morphology and verb borrowings.

Keywords: Romani, Kishinyovare Roma, language contact, borrowing of morphology, verb borrowings

M. V. Kutsaeva. The problem of Chuvash language maintenance in the conditions of internal diaspora

The article deals with the problem of preserving the Chuvash language in the diaspora of the Moscow region on the basis of the author's own sociolinguistic survey. Due to regular contacts with the native land, as well as modern telecommunication means, the representatives of the first generation of diaspora on the whole have no anxiety to lose their ethnic language; the problem of ethnic language vitality rather concerns second generation members, as intergenerational language transmission in the family is weak. Possible ways to maintain Chuvash in the diaspora seem to be, on the one hand, plunging into language environment in the Chuvash village when on holidays, and, on the other hand, attending Chuvash language courses in Moscow.

Keywords: internal diaspora, Chuvash language, language maintenance

O. A. Leontovich. The all-seeing eye of the city through the prism of sociolinguistics

The paper analyses semiotic signs used in surveillance as a common urban communication practice. The dual nature of signs is used to construct the situations of surveillance, which include a subject, object, place, time, aim of surveillance, and consequences of actions seen as forbidden or undesirable. The semiotics of the urban landscape reflects the asymmetrical relationship between unidentified representatives of power structures as the subjects of surveillance, and common citizens as its objects.

Keywords: urban communication, social visibility, surveillance studies, urban semiotics, critical discourse analysis.

A. B. Likhacheva. The linguistic daily life of Vilnius from the perspective of axiological sociolinguistics

The difficult historical fate of Vilnius has a direct continuation in the city's present life: in its ethnic heterogeneity, manifestations of linguistic nationalism and at the same time — in its usual linguistic polyphony. The paper discusses the contradictory attitude of the population of Vilnius towards local, historically determined

Lithuanian-Polish-Russian multilingualism. The opinions of scholars and writers are presented, as well as content from online publications and forums where the subject of urban languages is brought up, and also parts of interviews with respondents of sociolinguistic research projects conducted by the specialists of Russian studies at Vilnius University.

The field of research outlined in the article can be called *axiological sociolinguistics*, for which the evaluative aspect of using different languages in everyday life is important.

Keywords: axiological sociolinguistics, sociolinguistic specifics, linguistic nationalism, multilingualism, sociolinguistic interviews, online resources, local languages, ethnic minorities, language-related attitudes.

N. Martinovich. Cognate languages: an unequal affinity. The community of ethnic Serbs in Moscow

This paper focuses on the ethnic Serbian community of Moscow. The article focuses on various social and linguistic aspects which create the particular linguistic profile of local citizens of Serbian descent and determine the degree of the preservation of ethnic language. The survey took place in 2017–2018 in Moscow within the framework of the project “Languages of Moscow”. The research was conducted on the basis of the interviews with Serbian native speakers residing in Moscow, of web sources, linguistic literature, census data and author’s personal experience. The aim of the study is to describe some basic characteristics of Serbian-Russian interaction and provide an ethnolinguistic “portrait” of the Serbian community in Moscow.

Keywords: Serbs in Moscow, Russian, Serbian, ethnolect, linguistic interference, cognate languages, preservation of ethnic language, assimilation

Y. Matras. The Multilingual Manchester research model: An integrated approach to urban language diversity

The article describes the conditions and the environment under which the Multilingual Manchester research unit was launched as a new model of engagement led research and teaching on urban multilingualism. It describes the local setting and the city's linguistic diversity, and the range of activities that makeup the project agenda. It then features to case studies: The development of new digital tools to collect

data on language diversity, and the forming of a public narrative on language diversity.'

Keywords: multilingualism, civic university, public engagement, language diversity, cities

S. A. Moskvitcheva, L. M. Safina. Motivation to learn a language in a minority situation: the Tatar language in Moscow's internal diaspora

The article deals with the types of motivation of learning a language in a minority situation (in terms of Tatar language in conditions of Moscow inner diaspora). A theoretical construct "motivation" as a tool to describe similar linguistic situations appears to be of significant importance because it determines in many aspects vectors of preserving and development of a minority language. The analysis of motives is based on such parameters as a need for a language taking into consideration the factors of linguistic environment in interaction with deep aspirations of an individual (autonomies, competencies and social closeness).

Keywords: a language in a minority situation, inner diaspora, Tatar language, need for a language, motivation of learning a language, linguistic environment.

D. Smakman. Studying the sociolinguistics of cities. Considerations and methods

This article lays out ways to study communication patterns in cities. It starts by explaining the aspects of urban communication that make the city a relevant object of study. It does so by pointing out the role that urban investigations can play in theorisation on human communication in diverse settings, and it explains how the data of such research can be used towards the solution of practical communication problems. It explains how phenomena such as liminality, language regimes, rituals, and political correctness have been understudied and could enlighten our perspective on how communicative tools are used in urban communication. Finally, examples of insightful urban research are presented.

Keywords: city, urban communication, public space, stakeholders, conflict, solutions, research methodology, anthropology, ethnography, sociology

A. A. Smirnitskaya. Diglossia and Tamil varieties in Chennai

The article makes an introduction to the modern linguistic landscape in the city of Chennai, India. The author discusses the coordination of language varieties, their status, and particular characteristics of their speakers. Special attention is paid to linguistic features of all the four Tamil variants spoken in the city: the phonetics of Colloquial Tamil in comparison with Literary Tamil, the vocabulary of Chennai Tamil slang, and the codeswitching in the Tamil — English mix, the so-called “Tanglish”. Preliminary results of the research concerning the role of Colloquial Tamil and Chennai Tamil slang in the daily life of the speakers are presented.

Keywords: Tamil, sociolinguistics, Colloquial Tamil, Literary Tamil, diglossia, Tanglish, Chennai Tamil, Madras bhasha, code-switching, linguistic landscape, slang.

Varia

V. I. Kimmelman, E. A. Khristoforova. Quotative constructions in Russian Sign Language: a corpus research

This paper presents a corpus research on quotation in Russian Sign Language (RSL). We describe basic constituents of quotative constructions in RSL and analyze prosodic markers of quotation. In addition, we describe the differences in marking of direct and indirect quotation. We specifically focus on comparing our findings to similar constructions in other signed and spoken languages.

Keywords: Russian Sign Language, reported speech, quotation, direct speech, indirect speech, nonmanual markers, role shift

P. S. Piispanen. Turkic lexical borrowings in Samoyed

In this paper, more Turkic borrowings into the Samoyed languages are described in phonological and semantical terms. Turkic loanword etymologies are given for several non-etymologized Proto-Samoyed (PS) roots, including PS *kürâ~*kür- ‘to run’; PS *jumpâ ‘moss’; PS *jârâ ‘to cry’; PS *jâr ‘center, middle’; PS *kâj- ‘to go’, PS *kâjm- ‘short’ and PS *ârâ ‘size’ (> PS *ârka ‘big’). These seven borrowings add to the previously known corpus of around thirty other Turkic borrowings into PS.

Local Turkic borrowings are found as Samoyed Mator *kargui~xargoj* 'raven' and Karagas *karhul* 'raven'. Further, the hitherto undiscovered *Wanderwort* character of PS *kūn 'navel' is comparatively discussed. Additionally a rare Turkic sound law is described.

Keywords: lexical borrowing, Samoyed, Turkic, Mongolic, Tungusic, Mator, Karagas, Wanderwörter

ЭТИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ. ЭТИКА НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ

Международный журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» — научное периодическое издание, не имеющее политической, идеологической, религиозной или иной направленности; деятельность журнала связана исключительно с академической наукой. Все участники редакционного и издательского процесса (авторы, рецензенты, редакторы и члены редакционной коллегии) обязаны учитывать это и следовать указанным ниже этическим стандартам, основанным на рекомендациях Комитета по этике научных публикаций (COPE).

Авторство работы

Автор гарантирует, что рукопись, подаваемая для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» является оригинальным текстом, и подтверждает свои исключительные авторские права на эту публикацию. В случае совместной работы материалы для публикации может подать один из авторов, указав всех соавторов и предоставив необходимую и достоверную информацию о них.

Автору следует указать организации и учреждения, предоставившие финансовую поддержку или оказавшие содействие в создании рукописи, при наличии таковых.

Автор обязан в полном объеме указать все источники информации, используемые в работе, включая источники (опубликованные и неопубликованные), исследовательскую литературу (в том числе собственные ранее опубликованные работы) и данные информантов (при публикации результатов полевых исследований). Автор обязан соответствующим образом оформить ссылки на использованные в работе труды или утверждения других авторов. Любая форма плагиата неприемлема. Автоплагиат, т. е. попытка повторной публикации собственной ранее опубликованной работы без существенных изменений, также неприемлем. Подача рукописи работы

одновременно более чем в один журнал для публикации недопустима. Научный архив автора, на котором основано исследование и работа, должен быть при необходимости доступен к рассмотрению на период не менее 2-х лет.

В случае нарушения любого из перечисленных выше правил редакционная коллегия может отказать в публикации рукописи в любое время, в том числе на этапе предварительного рассмотрения, без привлечения рецензентов, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Внесение автором любых изменений в текст, прошедший этап рецензирования и принятый к публикации, допустимо только с согласия редакционной коллегии. Автор может отозвать принятую рукопись до того, как материалы будут отправлены для редактирования. В случае если автор отзывает рукопись по завершении процесса редактирования, редакционная коллегия вправе отказать в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Автор обязуется не размещать в открытом доступе любые принятые к публикации, но еще не опубликованные материалы. В случае нарушения этого правила редакционная коллегия вправе снять рукопись с публикации, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Авторское право и открытый доступ

В соответствии с Будапештской инициативой по открытому доступу к научным публикациям (Budapest Open Access Initiative, BOAI) журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» обеспечивает свободный доступ к опубликованным материалам, руководствуясь принципом поддержки глобального обмена знаниями. Какие-либо сборы за публикацию в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» с авторов не взимаются.

При отправке материалов для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» автор выражает согласие с тем, что принятие этих материалов к публикации подразумевает их дальнейшее распространение в соответствии с лицензией Creative Commons | Attribution-NoDerivatives, допускающей распространение

материалов в коммерческих и некоммерческих целях, если оно осуществляется без каких-либо изменений текста и с указанием авторства. Вместе с тем за автором в полном объеме сохраняются авторские права на опубликованную работу.

Достоверность информации

Представляя рукописи для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», авторы несут ответственность за тщательную проверку информации, содержащейся в их работе, во избежание неточных ссылок или отсутствия необходимых ссылок на источники. Если в процессе редактирования материалов, принятых к публикации, автор обнаруживает ошибки или неточности, он/она должны незамедлительно уведомить редактора и доработать статью или, при наличии существенных ошибок, требующих полной ревизии текста, отозвать рукопись.

В журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» не допускается клевета. Автор должен избегать личных нападок, пренебрежительных замечаний и обвинений в адрес других ученых.

Авторы несут ответственность за достоверность всех данных, опубликованных в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований». Если после публикации обнаружено нарушение вышеуказанных правил, редакционная коллегия имеет право опубликовать опровержение в следующем выпуске, а также отказать автору в публикации его работ в течение трех последующих лет.

Процесс рецензирования

Представленные рукописи оцениваются по принципу двойного анонимного рецензирования; это означает, что все материалы направляются рецензентам в анонимной форме (файлы и метаданные не содержат информации об авторах)

Члены редакционной коллегии или другие участники процесса публикации не имеют права сообщать рецензентам имен авторов до принятия окончательного решения относительно публикации представленных рукописей.

Если рецензент узнает автора рассматриваемой статьи и обнаруживает конфликт интересов, он должен сообщить об этом редактору и отказаться от рецензирования. Контакты между рецензентом и автором, поддерживаемые за пределами сферы ответственности редакционной коллегии, не являются достаточным основанием для смены рецензента.

Имя рецензента может быть раскрыто автору редакционной коллегией только по просьбе самого рецензента и только после принятия окончательного решения относительно публикации представленной рукописи.

Рецензия должна быть объективной и беспристрастной, личная критика в адрес автора не допускается. Все комментарии и рекомендации по улучшению работы должны быть высказаны в корректной форме, а замечания аргументированы. Рецензенты могут рекомендовать автору проработать дополнительную литературу, касающуюся темы представленной рукописи и отсутствующую в списке использованной литературы. Рецензент обязан обратить внимание редакционной коллегии на любые признаки плагиата.

Рецензирование работы должно быть завершено в установленный журналом срок; В ряде случаев публикация работы может быть перенесена на следующий год.

Обязанности членов редакционной коллегии

На всех этапах редакционного и издательского процесса редакционная коллегия журнала обеспечивает следующее:

- предварительное рассмотрение рукописей авторов;
- выбор рецензентов для экспертизы в соответствии с их научными интересами;
- соблюдение конфиденциальности в процессе двойного анонимного рецензирования;
- решение о принятии, отказе в публикации или назначении дополнительной экспертизы в зависимости от заключения рецензента;
- все члены редакционной коллегии должны быть в курсе содержания текущего выпуска;
- члены редакционной коллегии могут оказывать посильную помощь авторам в вычитке статей;

— корректуру выпуска перед публикацией в бумажном формате и в сети Интернет.

Главный редактор координирует работу редакционной коллегии и принимает решения по ключевым вопросам, а также дает разрешение на печать выпуска и его публикацию в сети Интернет. Входя в состав редакционной коллегии, главный редактор гарантирует строгое соблюдение всех этических стандартов, изложенных в настоящем документе.

Редакторы не вправе злоупотреблять служебным положением и должны соблюдать беспристрастность и объективность по отношению ко всем участникам редакционного и издательского процесса вне зависимости от расы, пола, сексуальной ориентации, религиозных убеждений, этнической принадлежности, гражданства или политических предпочтений. Материалы, представленные для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», рассматриваются исключительно с точки зрения их научной ценности с соблюдением принципа двойного анонимного рецензирования.

Конфликт интересов редакторов и авторов предоставляемых для публикации рукописей недопустим. В случае возникновения конфликта интересов работы авторов должны быть направлены на рассмотрение другому редактору.

Редакционная коллегия гарантирует высокий научный уровень материалов, публикуемых в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований», и, при необходимости, обязана публиковать исправления, разъяснения и извинения.

Редакционная коллегия

Международная редакционная коллегия журнала «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» является высшим руководящим и контролирующим органом журнала. Члены редакционной коллегии имеют право принятием коллективного решения приостановить или отклонить публикацию материалов, прошедших процедуру двойного анонимного рецензирования. Рукописи членов редакционной коллегии, представленные для публикации в журнале «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института

лингвистических исследований», рассматриваются на общих основаниях, вне зависимости от вхождения автора в состав редакционной коллегии.

Благодаря научному авторитету, географическому охвату и принципу коллегиальности международная редакционная коллегия журнала «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» гарантирует соответствие опубликованных материалов международным стандартам научной и редакционной этики. Все конфликты, возникающие между участниками редакционного и издательского процесса, должны решаться при непосредственном вмешательстве редакционной коллегии.

Язык публикаций

Журнал «ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований» принимает рукописи статей на русском, английском, французском и немецком языках. Если язык статьи не является для автора родным, рекомендуется, во избежание возможных недоразумений, проконсультироваться с компетентным носителем соответствующего языка.

Все метаданные статей представлены на веб-сайте журнала на русском и английском языках.

PUBLICATION ETHICS AND PUBLICATION MALPRACTICE STATEMENT

The International Journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is an academic periodical with no political, ideological, confessional, or other agendas; therefore the Journal's activities are solely for the sake of scholarship. All participants in the editorial and publishing process (Authors, Reviewers, Editors, and Editorial Board Members) should keep this in mind and follow the ethical standards outlined below, which are based on the recommendations of the Committee on Publication Ethics (COPE).

Authorship Issues

When submitting a paper to publish in ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, the Author thereby confirms his or her authorship. In the case of a collaborative work, one of the Authors may submit material for publication provided that all coauthors are listed with all necessary and correct information about them.

If there are agencies or other entities that contributed to the content or provided funding or support for the work submitted, the Author should clearly identify them. If necessary, the Author should express gratitude to colleagues who have made a contribution to the submitted work.

The Authors must present in full all sources of information used in the work, including lists of sources (both published and unpublished), research literature (including the Authors' own previously published works), and informants (when publishing the results of field studies). The Authors should ensure that if they have used the work and/or words of others, this has been appropriately cited or quoted. Any form of plagiarism is unacceptable. Self-plagiarism, i.e., the attempt to republish one's own previously published work without significant changes to it, is similarly unacceptable. Concurrent submission of the same work to ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the

Institute for Linguistic Studies and to any other publication is prohibited. The research archive used by the Author should be accessible upon request for the period of at least two years.

In case of violation of any of the rules listed above, the Editorial Team is entitled to refuse to publish the materials at any time, including during preliminary consideration, without involving reviewers, and also not to proceed with the publication of any work from the Author for a period of three years.

Any changes added by the Author to a text that has been peer-reviewed and accepted for publication can be made only in coordination with the Editorial Team. An Author can withdraw an accepted work only before the materials have been sent out for editing. If the Author absolutely wishes to withdraw the material from publication after the editorial work has been done, the Editorial Team is entitled to refuse to consider publication of any work submitted by this Author for a period of three years.

It is unacceptable for an Author to place into the public domain any materials that have been accepted for publication and sent for editing but which have not yet been published. If this rule is violated, the Editorial Team is entitled to withdraw these materials and to refuse to consider publication of any work by the Author for a period of three years.

Copyright and Open Access

The journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies has agreed to the Budapest Open Access Initiative and therefore provides immediate open access to its content on the principle that making research freely available to the public supports a greater global exchange of knowledge. At the same time, the Authors are not charged any fees for publication in ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

When sending materials for consideration by the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies, the Authors agree that the acceptance of these materials for publication ensures their redistribution in accordance with the license Creative Commons | Attribution-NoDerivatives (this allows for redistribution, commercial and non-commercial, as long as it is passed

along unchanged and in its entirety, with attribution). At the same time, copyright remains in full with the Authors.

Accuracy of Information

The Authors of the papers submitted to the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are responsible for detailed verification of all the information contained in their work in order to avoid inaccurate references to sources or the omission of necessary references. If, in the process of editing the materials accepted for publication, the Author discovers mistakes or inaccuracies, he or she must notify the Editor as soon as possible and either withdraw the publication (in the case of significant errors requiring a complete revision of the text) or correct it.

The Author must avoid personal attacks, disparaging remarks, and accusations against other scholars. Defamation is not allowed in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies.

The Authors are responsible for the accuracy of all data published in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies. If a violation of the above rules is discovered after publication, the Editorial Team is entitled to publish a refutation in the next issue and also not to proceed with any work from the defaulting Author for a period of three years.

Review Process

All submitted papers are evaluated on the principle of double-blind peer review, which means that all materials are sent to the Reviewers in anonymized form (the files contain no information about the Authors and information is also deleted from the metadata of the submitted files).

None of the members of the Editorial Team or any other participants in the publication process is allowed to disclose the Authors' names to Reviewers before the final decision regarding the publication of the submitted papers.

If a Reviewer recognizes the Author of the article being reviewed and discovers a conflict of interest, he is to inform the Editor of this and recuse himself. Contacts between the Reviewer and the Author

maintained outside of the Editorial Team's responsibilities are not sufficient grounds for disqualification of the Reviewer.

The Reviewer's name can be disclosed to the Author by the Editorial Team only at the request of the Reviewer and only after the final decision regarding the publication of the submitted materials.

The review should be objective and impartial and must not contain personal attacks against the Author. All comments and suggestions for improving the work should be made in polite form, and all criticism should be justified. Reviewers are encouraged to recommend additional publications relating to the submitted work for which there are no references. The Reviewer should also draw the attention of the Editorial Team to any evidence of plagiarism.

The review should be completed within the time frame established by the journal; the appointment of reviewers, reviewing, acceptance, editing and publication can take over 12 months.

Duties of the Editorial Team Members

Managing / Academic Editors provide for all stages of the editorial and publishing process:

- preliminary consideration of the Authors' submissions;
- selecting the Reviewers in accordance with their research interests;
- maintaining confidentiality during the double-blind review process;
- deciding on acceptance, rejection, or submission to additional peer review, depending on the Reviewers' reports;
- notifying members of the Editorial Board of the current issue data;
- sending the edited materials to the Layout Editor and facilitating the Authors' proofreading of the galleys;
- control proofreading (reconciliation) of the issue before its publication online and in hard copy.

The Editor-in-Chief coordinates all the work of the Editorial Team and makes decisions on key issues; he or she also releases issues for printing and gives permission for publication on the website. Also, as a member of the Editorial Team and the Editorial Board, the Editor-in-Chief fully guarantees strict compliance with all ethical standards set forth herein.

All Editors must be careful not to abuse their official position and they are to maintain their impartiality and objectivity toward all participants in the editorial and publishing process regardless of race, gender, sexual orientation, religious belief, ethnic origin, nationality, or political opinion. The materials submitted by the Editors for publication in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered solely on their scholarly merit and with the observance of the principle of double-blind peer review.

There must be no conflict of interest between the Editors and the Authors of the materials accepted or rejected for publication. In case such conflict occurs, the Authors' materials are to be sent to another Editor.

The Editorial Team ensures the high academic quality of the materials published in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies and, if necessary, is obliged to publish corrections, clarifications, and apologies.

Editorial Board

The international Editorial Board of the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies is the supreme governing and controlling body of the periodical. The Editorial Board members, by means of collective decision, have the right to suspend or reject the publication of materials that have gone through double-blind peer review. Papers written by members of the Editorial Board that are submitted for publication in the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies are considered on their own merit, without regard for their Author's position on the Board.

Due to its academic authority, geographical coverage, and the principle of collegiality, the international Editorial Board of the journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies guarantees that the published content meets international standards of scholarly and editorial ethics. All conflicts arising between the participants of the editorial and publishing process are to be resolved through the direct involvement of the Editorial Board.

Our Languages

The journal ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Proceedings of the Institute for Linguistic Studies accepts papers in Russian, English, French or German. If the paper is written in a non-native language, the Authors are advised to consult a qualified native-speaking editor in order to avoid possible misunderstanding.

All metadata of the papers are reflected on the website of the journal in Russian and English.

СОДЕРЖАНИЕ

І. Языковое разнообразие города

Вступительное слово	9

З. К. Айбазова

Функционирование карачаево-балкарского языка в условиях мегаполиса (на примере Москвы).	17

В. В. Баранова, К. С. Федорова

Многоязычие в городе: языковая политика, дискурсы и практика	38

А. Н. Биткеева

Языковая адаптация диаспоры: стратегии и перспективы развития.	57

А. В. Громова

LARI ONLINE: диалектальные материалы в персоязычном интернете (на примере языковых разновидностей Ларестана).	82

Л. Р. Додыхудоева

Влияние городской среды на носителей памирских языков . . .	108

Ю. В. Егорова

О стилистической неоднородности в речи мигрантов	137

М. Я. Каплунова

Функциональное развитие китайского и вьетнамского языков в Москве в начале XXI века	153

К. А. Кожанов

Цыгане-кишинёвцы в Москве и Московской области	164

<i>М. В. Куцаева</i>	
Проблема сохранения чувашского языка в условиях диаспоры Московского региона	180
<i>О. А. Леонтович</i>	
«Всевидящее око» города через призму социолингвистики . . .	199
<i>А. Б. Лихачева</i>	
Языковая повседневность Вильнюса с позиций аксиологической социолингвистики	213
<i>Н. Мартинович</i>	
Родственные языки: неравное родство. Сообщество этнических сербов в Москве.	233
<i>Y. Matras</i>	
The Multilingual Manchester research model: An integrated approach to urban language diversity	248
<i>С. А. Москвичева, Л. М. Сафина</i>	
Мотивация изучения языка в миноритарной ситуации: татарский язык в условиях внутренней диаспоры города Москвы	275
<i>D. Smakman</i>	
Studying the sociolinguistics of cities. Considerations and methods	301
<i>А. А. Smirnitskaya</i>	
Diglossia and Tamil varieties in Chennai	318

II. Varia

<i>В. И. Киммельман, Е. А. Христофорова</i>	
Цитационные конструкции в русском жестовом языке: корпусное исследование	337
<i>P. S. Piispanen</i>	
Turkic lexical borrowings in Samoyed	357

Содержание

Сведения об авторах	385
Аннотации и ключевые слова	391
Этика научных публикаций.	412

CONTENTS

I. Urban language diversity

Foreword	9

Zukhra K. Aibazova

The functioning of the Karachay-Balkar language in a metropolitan setting	17

Vlada V. Baranova, Kapitolina S. Fedorova

Urban multilingualism: language policy, discourses, and practice	38

Aisa N. Bitkeeva

Language adaptation of diaspora: strategies and development perspectives	57

Anna V. Gromova

LARI ONLINE: dialect materials on Persian websites (on the basis of language varieties of Larestan).	82

Leyli R. Dodykhudoeva

The impact of an urban environment on Pamiri speakers	108

Yulia V. Egorova

On stylistic inhomogeneity in the speech of migrants	137

Maria Ya. Kaplunova

On the functioning of the Chinese and Vietnamese languages in Moscow at the beginning of the XXI century	153

Kirill A. Kozhanov

The language of Kishinyovare Roma in Moscow and Moscow Region	164

Marina V. Kutsaeva

The problem of Chuvash language maintenance
in the conditions of internal diaspora. 180

Olga A. Leontovich

The All-Seeing Eye of the City
through the Prism of Sociolinguistics 199

Alla B. Likhacheva

The linguistic daily life of Vilnius
from the perspective of axiological sociolinguistics 213

Natasha Martinovich

Cognate languages: an unequal affinity.
The community of ethnic Serbs in Moscow 233

Yaron Matras

The Multilingual Manchester research model:
An integrated approach to urban language diversity 248

Svetlana A. Moskvicheva, Liliana M. Safina

Motivation to learn a language in a minority situation:
the Tatar language in Moscow's internal diaspora. 275

Dick Smakman

Studying the sociolinguistics of cities.
Considerations and methods 301

Anna A. Smirnitskaya

Diglossia and Tamil varieties in Chennai 318

II. Varia

Vadim I. Kimmelman, Evgenia A. Khristoforova

Quotative constructions in Russian Sign Language:
a corpus research 337

Peter Sauli Piispanen

Turkic lexical borrowings in Samoyed 357

Contributors	388
Summaries and keywords	402
Publication Ethics and Publication Malpractice Statement	418

Научное издание

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Главн. ред. Е. В. Головки.

Т. XIV. Ч. 3. I. Языковое разнообразие города // Ред. В. В. Баранова, Ю. Б. Коряков, Ю. В. Мазурова; II. Varia. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 432 с.

Утверждено к печати

Ученым советом Института лингвистических исследований РАН

Подписано к печати 16.05.2019

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 27,0. Тираж 500 экз.

Институт лингвистических исследований РАН

199053, Санкт-Петербург, Тучков переулок, 9

info@iling.spb.ru

<https://iling.spb.ru>

Печатается с оригинал-макета, изготовленного в ИЛИ РАН

Оригинал-макет подготовил С. С. Белоусов

Корректор — Е. В. Артемьева

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте ИЛИ РАН

<https://alp.iling.spb.ru/ru/issues.html>